

Совет муфтиев России
Духовное управление мусульман Российской Федерации
Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

**ОАЗИСЫ ШЕЛКОВОГО ПУТИ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ В ЕВРАЗИИ**

Материалы VI Международного Золотоордынского Форума
«Рах Татарica: генезис и наследие государственности
Золотой Орды», круглого стола «“Via Tatarica”:
Золотая Орда на Великом Шелковом пути»
(Казань, 26–28 июня 2019 г.)

Москва – Казань
2020

УДК 297.17+94(5)

ББК 86.38+63.3(0)

О-12

Книга издана при финансовой помощи
Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования

Серия «Духовный Шелковый путь»

Главный редактор

Муфтий *Рушан Рафикович Аббясов* – руководитель проекта «Духовный Шелковый путь», заместитель Председателя Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман РФ, кандидат философских наук

Ответственный редактор

кандидат исторических наук *И.М. Миргалеев*

Редколлегия:

Р.Р. Аббясов (председ.), *И.Н. Галеев*, *И.М. Миргалеев*, *Ш.Б. Мухамедов*,
Э.Г. Сайфетдинова, *М.А. Сафаров*, *И.Ф. Салахутдинов*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Б.Л. Хамидуллин*
профессор, доктор *Ильяс Кемалоглу* (Турция)

О-12 Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии: материалы VI Международного Золотоордынского Форума «*Rax Tatarica*: генезис и наследие государственности Золотой Орды», круглого стола «“*Via Tatarica*”: Золотая Орда на Великом Шелковом пути» (Казань, 26–28 июня 2019 г.) / Сост. и отв. ред. И.М. Миргалеев. – М.-Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Издательский дом «Исламская книга», 2020. – 376 с. + 16 с. цв. вкл.

ISBN 978-5-94981-343-0

В сборнике отражены материалы VI Международного Золотоордынского Форума (Казань, 26–28 июня 2019 г.), круглого стола «“*Via Tatarica*”: Золотая Орда на Великом Шелковом пути», прошедшего в рамках Форума. Научные статьи участников посвящены широкому кругу вопросов, касающихся истории интеграционных процессов на пространстве Великого Шелкового пути. Представленные источниковедческие, археографические, археологические исследования не только восполняют пробелы в изучении Золотой Орды и постордынских государств, но и способствуют сохранению связующих звеньев между Востоком и Западом, укреплению и развитию многонациональной российской цивилизации. Сборник докладов издается в рамках международного проекта Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман РФ «Духовный Шелковый путь».

ISBN 978-5-94981-343-0

УДК 297.17+94(5)

ББК 86.38+63.3(0)

© Совет муфтиев России, 2020

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Муфтий шейх Равиль Гайнутдин. Приветствие	5
Муфтий Рушан Аббясов. Вступительное слово	6

Научные статьи

Абсаттар хаджи Дербисали. Забытые мыслители Великой степи	8
Голден П.Б. Кочевой мир: предварительные замечания по истории этногенеза и формирования государства у тюркских народов в средневековой и ранней современной Евразии и на Ближнем Востоке	16
Мухамедов Ш.Б. Золотая Орда и Средняя Азия: опыт взаимовлияния и взаимосотрудничества	34
Каримова Н.Э., Тулибаева Ж.М. Историческая география Великого Шелкового пути: сведения восточных письменных источников по Центральной Азии	49
Недашковский Л.Ф. Международные торговые связи золотоордынского Поволжья	64
Руденко К.А. Великий Шелковый путь и Булгарский улус Золотой Орды: пути культуры	93
Абзалов Л.Ф. Организация ямской службы в Монгольской империи	107
Воротынцев Л.В. Русские земли в системе торговых коммуникаций «татарского мира» («Рах Tatarica»)	117
Почекаев Р.Ю. Азакский улус Золотой Орды: особенности правового положения транзитного центра на Великом Шелковом пути	143
Парунин А.В. Термин «Восточная страна» в письменных источниках	153
Лушников О.В. Улус Джучи (Золотая Орда) и Русское государство. Опыт евразийской интеграции Средневековья	161
Зиливинская Э.Д. Диалог Востока и Запада в монументальной архитектуре Золотой Орды	177

Гамаль Абдель Рехем И.Х. Музейные коллекции Каира, отражающие связи мамлюкского Египта с Золотой Ордой	205
Амирханова Л.Р. Архитектурные памятники мамлюкского периода в Каире (династия Бахри)	210
Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Китайские селадоны из раскопок Солхатского городища и округи	217
Сайфетдинова Э.Г. Золотоордынская религиозная мысль в контексте литературы мусульманского Востока (на примере «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари)	225
Науменко В.Е. Об исторической топографии и политико-административном статусе Мангупа в золотоордынский период	232
Шапошник В.Г., Зайончковский Ю.В. Удельные монеты Великого княжества Литовского из состава Каратунского клада	250
Бугарчѳв А.И. Находки джучидских монет XIII–XIV вв. из окрестностей деревни Гурьевка Алексеевского района Татарстана	256
Алексеев И.Е. Золотоордынская «ханша» Тулунбек-ханум: нумизматические свидетельства и исторические версии	262
Миргалеев И.М. Последнее возвышение Золотой Орды	281
Хазбиевич С. Хан Джелаледдин и татары в Грюнвальдской битве	286
Ермолов Ф.В., Добромыслов Л.Б. О чеканке новосарайских серебряных монет в Хаджи-Тархане во времена Токтамышы (782–791 гг.х.)	296
Усеинов М.А. Локализация золотоордынского мусульманского некрополя в с. Отуз	315
Аджар С. Место и значение «Ас-Саб‘ ас-сайар фи ахбар мулук ат-татар» в истории Дешт-и Кыпчака	326
Сейтумеров Ш.С. «Некоторые из вас странствуют по земле в поисках милостей Аллаха». О караван-сараях Крыма	334
Атыгаев Н.А. Некоторые замечания об институте аталычества в Казахском ханстве	348
Мехтиев А.А. Планировочные решения суфийских обителей в Азербайджане	357

ПРИВЕТСТВИЕ

*Муфтий шейх Равиль Гайнутдин
Председатель Совета муфтиев России,
Председатель Духовного управления мусульман РФ*

Во Имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!

Широкий евразийский мир, неразрывная связь города и степи, система торговых коммуникаций – уникальное наследие мусульманских народов, определившее содержание Великого Шелкового пути. К этой благодатной артерии часто апеллируют сегодня, видя в Шелковом пути предтечу современных трансграничных связей, межкультурного диалога, сотрудничества Востока и Запада. Однако, далеко не все ищут в опыте предков знания для современной жизни. Все более заметна тревожная тенденция последних лет, когда ценность межконфессионального равновесия стала подвергаться агрессивному пересмотру, а традиционная картина мира верующего человека вновь, как и столетие назад, вызывает ярость новоявленных гонителей. Поэтому постоянное и системное напоминание, публикация новых исследований, значение научных изысканий, посвященных реальному, а не перевернутому ракурсу зрения на прошлое наших народов – один из важных факторов защиты от мракобесия и угроз. Великий Шелковый путь до сих пор не потерял своей энергии созидания, общей исторической памяти, мощного потенциала партнерства. Особая сила этого пространства – духовное единство, позволяющее и ныне разговаривать на одном языке созидания.

Усилия ученых, щедрое интеллектуальное богатство, представленные в данном сборнике придают Великому Шелковому пути конкретные очертания, наполняют особым смыслом сюжеты о памятниках монументальной архитектуры, мусульманской книжной культуре, литературных произведениях, археологических находках, помогают расширить горизонты познания современного человека. Уверен, что подобные академические издания должны выходить к большой, в том числе молодежной аудитории, способствовать правдивому разговору о мусульманской цивилизации. Даже сугубо специальные статьи могут найти отклик, поскольку увлекательно реконструируют средневековые реалии. Очевидно, что статьи сборника, вобравшие труд ученых и из Узбекистана, Казахстана, Азербайджана и других государств, помогают нам лучше видеть и понимать друга друга.

Прошу Всевышнего приумножить знания нашим ученым, наградить их Своей милостью.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

*Муфтий **Рушан Рафикович Аббясов**
Руководитель проекта «Духовный Шелковый путь»,
заместитель Председателя Совета муфтиев России
и Духовного управления мусульман РФ,
кандидат философских наук*

Уважаемые читатели!

Великий Шелковый путь – символ культурной интеграции Востока и Запада. Торговый караван начинал свое движение в китайском Сиане, шел через всю Среднюю Азию и Индию до берегов Черного и Средиземного морей и представлял собой сложное путешествие по странам с утилитарными целями приращения богатства. Впрочем, многие участники торговых караванов устремлялись в путешествие в поисках приключений и с желанием увидеть и познать новое. Шелк стал поистине путеводной нитью, связывающей народы и цивилизации.

Как известно, трансконтинентальный путь Великого Шелкового пути формировался и функционировал как регулярная торговая и дипломатическая артерия с середины II в. до н.э. и существовал вплоть до конца XV века до открытия морских путей.

Великий Шёлковый путь обладал значительным потенциалом в области развития духовной культуры, основанной на уникальном наследии и традициях десятков различных народов вдоль глобального маршрута. На протяжении многих веков мир кочевал по разведанным дорогам Великого Шелкового пути. Огромные бурдюки с кожей, шелком, драгоценностями, специями двигались караванными путями из города в город, из страны в страну. Так происходил не только торговый обмен, но и знакомство с различными культурами.

Особенным образом это отразилось на укреплении мусульманской культуры, расширении пространства исламской цивилизации. Доказательством тому стало сохранившееся до наших дней культурное наследие времен средневековья, свидетельствующее также о высоком потенциале городов, которые выполняли роль центров просвещения.

Важным является, в рамках Международного проекта «Духовный Шелковый путь», постоянное обращение к подобным позитивным сюжетам, напоминающим нам о мудрости, прозорливости наших предков, стремившихся к обмену знаниями и опытом. Мы активно поддерживаем начинания академического сообщества, направленные на актуализацию сведений о Великом Шелковом пути, его цивилизационном и интеграционном значении.

Значительное место в этом благородном процессе занимают исследования казанских ученых – научных сотрудников Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. В результате многолетнего сотрудничества с этим Центром нам удалось реализовать ряд масштабных научно-просветительских программ, в частности, издание религиозно-дидактических сочинений золотоордынской эпохи: «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара, «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. Мы вместе проводим международные научные конференции в Казани и Болгаре, получившие признание и авторитет в академической среде. VI Международный Золотоордынский Форум*, прошедший в Казани 26–28 июня 2019 года, стал еще одной вехой в осмыслении истории этого обширного пространства. Материалы форума, работы историков, археологов, археографов, нумизматов представлены в настоящем сборнике.

Молитвенно надеюсь, что наше эффективное сотрудничество с учеными и научными центрами России, Казахстана, Узбекистана и другими странами евразийского пространства продолжится и широкому кругу общественности будут презентованы новые еще неведомые страницы средневековой мусульманской культуры.

* См. Программу VI Международного Золотоордынского Форума. URL: http://вики.татаровед.пф/дата/pdf/ProgramMZF_2019.pdf

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Абсаттар хаджи Дербисали

Забывтые мыслители Великой степи

В статье поднимаются вопросы формирования тюркской культуры и ее тесной взаимосвязи с Великим Шелковым путем. Отмечается, что с момента своего возникновения карта Великого Шелкового пути в большей степени располагалась в пределах тюркских империй. Именно во времена господства тюрков в Центральной Евразии Великий Шелковый путь достиг наивысшего расцвета и способствовал экономическому процветанию и культурному подъему в международном масштабе. Особенно культура Южного Казахстана процветала в Караханидскую эпоху, когда объявили ислам государственной религией. Это способствовало появлению многих ученых мыслителей из этих краев, писавших свои сочинения на арабском языке, т.е. на языке Священного Корана.

Ключевые слова: история, культура, Великий Шелковый путь, тюркские империи

В 1970–1975 гг. мне довелось учиться в аспирантуре всемирно известного Института востоковедения АН СССР, что находится в Москве. Моим научным руководителем был крупнейший востоковед-арабист, доктор филологических наук, профессор Ю.Н. Завадовский (1909–1979).

Институт имел высокую репутацию в мире и продолжал традиции классической российской ориенталистики по изучению культуры, истории, языков и литератур стран Востока. Со временем он стал также и важным центром по исследованию современных вопросов развития, где собирались государственные деятели, дипломаты, известные ученые. В институте шла активная научная жизнь, в том числе проводились международные научные конференции.

Однажды на одной из таких конференций с участием ученых из Европы (Франции, Англии, Италии, Германии), а также мусульманских стран, обсуждалась вопросы ренессанса, цивилизаций и культур стран Востока.

Ученые, придерживающиеся европоцентристских взглядов, утверждали, что они признают наличие исламской, арабской культур и цивилизаций, но при этом, на их взгляд, не существует тюркской цивилизации, что сам концепт и термин «тюркская цивилизация» придуман.

Ученые из мусульманских стран, принимавшие участие в конференции, не смогли противостоять им, и доказать обратное. А мы были еще молоды, чтобы опровергнуть их мнение. Да и время в целом было такое, что идеологические клише того периода постулировали, в том числе и в Казахстане на различных конференциях, собраниях, что история казахов якобы начиналась чуть ли не с Октябрьской революции 1917 г., что казахи в большинстве своем были малограмотны, отсталы, без письменности и городской культуры. А несколько знаменитых средневековых ученых из городов Тараза, Туркестана, Отрара, являлись арабами, персами и т.д.

Также утверждали, что знаменитый Абу Наср ал-Фараби (870–950), Абу Райхан ал-Бируни (973–1048), Абу Али ибн Сина (990–1037), Абу-л Касим аз-Замахшари (1075–1444), Мухаммад Захир ад-дин Бабур (1483–1530), Мухаммед Хайдар Дулати (1499–1551) являлись продуктами арабской культуры, несмотря на то, что они были тюрками.

В конце 1960-х годов в Алма-Ате на базе Института философии и права АН Казахской ССР был создан центр Фарабиеведения, в котором начался сбор известных на тот период материалов о нем, разбросанных по всему миру. Стало утверждаться и признаваться, что ал-Фараби был выходцем из средневекового казахского города Отрара (Фараба), находившегося в Южном Казахстане, на берегу реки Сайхун (Сырдарья), в месте впадения в нее реки Арысь.

В 1973 году в Алма-Ате был проведен V съезд писателей стран Азии и Африки, в котором приняло участие много ученых, писателей, поэтов из стран Востока и Европы. А в 1975 году также в Алма-Ате впервые проходила международная научно-теоретическая конференция, посвященная 1100 летию «Второго учителя» Востока – Абу Насра ал-Фараби. Благодаря этим авторитетным международным собраниям наша республика постепенно начала признаваться в научном мире.

Были переведены и изданы как на русском, так и на казахском языках десятки трактатов Абу Насра ал-Фараби. В результате также были написаны и защищены диссертации, опубликованы монографии, освещающие и представляющие творчество этого великого ученого. Все это не могло не оказать влияния и на молодых ученых, в том числе и меня.

Ключевым фактором этого можно считать также и один случай из моей аспирантской жизни, который также сыграл важную роль в моем увлечении творчеством и научным наследием этого великого ученого.

Как-то раз меня, тогда еще молодого аспиранта Института востоковедения АН СССР, пригласили к директору Института академику Б.Г. Гафу-

рову, крупнейшему деятелю партии и науки того времени, родом из Таджикистана. Я зашел, поздоровался. Он спросил о моей учебе, о том, имеются ли какие-либо проблемы, чем помочь и т.д. Затем он заинтересовался о моем родном языке. Я ответил, что окончил казахскую школу. Выслушав мой ответ, он сказал, что из Алма-Аты ученые А. Машанов и А. Кубесов прислали ему свои книги, посвященные жизни и творчеству Абу Насра ал-Фараби. Они написаны на казахском языке, поэтому необходимо сделать реферат на русском языке об этих книгах. В течение месяца я сделал реферат. Прочитав его, Б. Гафуров остался доволен.

Таким образом, впервые я познакомился с жизнью и творчеством уроженца современного Южного Казахстана, названного в средневековом мире «вторым учителем» после Аристотеля – Абу Насра ал-Фараби. Творчество выдающегося мудреца ал-Фараби очень заинтересовало меня. Я начал собирать о нем материалы. Когда в 1975–1976 г. я был направлен на научную стажировку в Рабатский университет им. Мухаммеда V в Королевство Марокко, то оттуда привез несколько рукописей и книг об ал-Фараби. Что интересно, оказалось, что в истории остались несколько человек по имени ал-Фараби, т.е. город Отрар (Фараб) стал родиной и дал имя и другим ученым Средневековья.

В 1985–1986 г. в поиске материалов для моей докторской диссертации, я был командирован в Тунис, в университет аз-Зайтуна. В Тунисе в Институте арабской литературы также обнаружил материалы и о других мыслителях Фараба.

После достижения Казахстаном независимости мои поиски материалов о жизни и творчестве ал-Фараби продолжились. В 1996 году после возвращения из заграникомандировки как-то ко мне обратился корреспондент «Казахстанской правды» с просьбой рассказать об ученых Отрара. На тот момент найденных мною Фарабских ученых было уже 11.

В 1997–2000 годы я работал на дипломатической службе в открывшемся посольстве Республики Казахстан в Королевстве Саудовская Аравия, где в свободное от работы время я продолжал свои научные поиски о выходцах из казахской степи. Там я обнаружил еще несколько других Фарабских мыслителей. Находясь неоднократно в командировке в Кувейте, обнаружил сочинение еще одного средневекового Фарабского ученого, выходца из городка Иткан (Икан), который сохранился до настоящих дней и находится в 30 км от г. современного Туркестана.

Параллельно я стал изучать также жизненный путь и творчество другого выдающегося деятеля нашего народа – знаменитого средневекового государственного деятеля, историка и поэта Мирзы Мухаммеда Хайдара Дулати. В 1998 г. я впервые поехал в Индию, в поиске его могилы, которую нашел (с двумя надгробными плитами) на кладбище «Мазар-и сала-тин», что переводится как «Кладбище султанов». Впоследствии я написал

о нем несколько книг и путевых очерков. Обнаружил также его поэму «Джахан наме», написанную им на чагатайском, т.е. средневековом тюркском литературном языке, которая хранится в Берлинской библиотеке (Германия) и в Кашгаре (КНР).

Таким образом, я никогда не прерывал свои поиски в изучении жизни и творчества ученых и мыслителей, живших в средние века в Великой казахской степи.

Как известно, в эпоху царствования мамлюков в Египте и Сирии, Палестине, многие будущие ученые, мудрецы Казахской степи выезжали туда и проживали в Дамаске, Халебе (Алеппо), Багдаде, Басре, Каире, где оставили свои бесценные труды. Великую степь связывала дружба и с Индией. В Кашмире в разные времена жили мудрецы средневекового Туркестана. Этому благоприятствовала как исламская культура, так и Великий Шелковый путь.

Последние годы мои поиски были успешны благодаря неоднократным инициативам Н.А. Назарбаева по изучению, возрождению истории, культуры казахского народа. Я имею в виду проекты «Народ в потоке истории», «Рухани жаңғыру», и особенно его статью «Семь граней Великой степи».

Во исполнение проектов Н.А. Назарбаева, в рамках проекта «Народ в потоке истории» я был командирован в Турцию и в Испанию. В Стамбуле в библиотеках Нури-Усмания, Баязит, Сулеймания и др., а также из различных научных фондов я нашел труды нескольких средневековых ученых и мудрецов. В Эскуриальной библиотеке в Испании я обнаружил около 10 трактатов Абу Насра ал-Фараби, а также много иных рукописей сочинений средневековых Сайрамских ученых, живших в XIII–XIV веках, выходцев из средневекового города Сайрама, который находится восточнее 12 км от Шымкента. Позднее я написал монографию об их жизни и творчестве.

Уникальное географическое расположение Казахстана – в самом центре Евразийского материка – с древнейших времен способствовало возникновению транзитных «коридоров» между различными странами и цивилизациями. Начиная с рубежа нашей эры, эти сухопутные маршруты трансформировались в систему Великого Шелкового пути – трансконтинентальную сеть торговых и культурных связей между Востоком и Западом, Севером и Югом Большой Евразии.

Он стал устойчивой платформой для становления и развития глобального взаимобмена товарами и интеллектуального сотрудничества между народами.

Ключевыми посредниками важнейшей торговой магистрали древности и средневековья, обеспечивающими безупречную организацию и безопасность транспортных артерий, стали наследники Великой степи.

Степной пояс соединил китайскую, индийскую, персидскую, средиземноморскую, ближневосточную и славянскую цивилизации.

С момента своего возникновения карта Великого Шелкового пути в большей степени располагалась в пределах тюркских империй. Именно во времена господства тюрков в Центральной Евразии Великий Шелковый путь достиг наивысшего расцвета и способствовал экономическому процветанию и культурному подъему в международном масштабе. Особенно культура Южного Казахстана процветала в Караханидскую эпоху, когда объявили ислам государственной религией. Это способствовало появлению многих ученых мыслителей из этих краев, писавших свои сочинения на арабском языке, т.е. на языке Священного Корана.

Среди тюркоязычных народов словесность и культура казахского народа всегда занимали достойное место, так как они имели глубокие корни. Однако в советское время бытовало мнение, что казахи вели кочевой образ жизни, поэтому у них не было городской культуры. Более того, утверждалось, что казахи сформировались как нация и народ только после Октябрьской социалистической революции, что их грамотность до указанного периода составляла всего лишь 2% от общей численности нации. О том, что в южных регионах казахи вели оседлый образ жизни, имели материальные, культурные, духовные ценности, мало упоминалось, и вести об этом разговор считалось неудобным. В связи с этим начало истории материальной культуры казахов датировалось XV–XVI вв., а литературно-духовно-письменное наследие было отнесено к XVIII в., и отсчет начинался с творчества Бухар жырау.

Если не брать во внимание общетюркский период и начать генезис письменной культуры нашего народа только с IX в., т.е. с ислама, то мы увидим, что письменные памятники нашего народа имеются в большом количестве.

В Средние века на территории нашего государства существовало много культурных, духовных центров. Они располагались в таких известных в древности городах, как Отрар, Исфиджаб-Сайрам, Туркестан, Сыгнак, Жент, Баршынкент, Тараз, Мерке, Баласагун. Из моих исследований, проведенных за последние 40 лет, стало известно, что только город Отрар дал миру тридцать ученых и мыслителей, оставивших после себя ценные труды. Назовем некоторые имена: Абу Наср ал-Фараби, Абу Ибрахим Исхак ал-Фараби, Исма'ил ал-Джаухари ал-Фараби, Бурхан ад-дин Ахмад ал-Фараби, Абу-л-Касим ал-Фараби, Махмуд ал-Хусайни ал-Фараби, Кавам ад-дин ал-Иткани ал-Фараби ат-Туркестани и др. Их сочинения охватывают различные отрасли науки, и они по сей день не утратили свою научную ценность.

Известно, что библиотека Отрара по своей величине занимала второе место после знаменитой Александрийской библиотеки. Немало известных

ученых вышли и из других городов, например, Ахмад ал-Исфиджаби, Абу-л-Хасан ал-Исфиджаби из нынешнего Сайрама или Джамал ад-дин Са'ид Туркестани, Шейх Ахмет Туркестани из Туркестана. Этот список можно продолжать еще долго. Из присырдарьинских городов нам пока известны пять – Женди, два Баршынлыги, два Сыгнаки. В те времена ученые люди к своему собственному имени дописывали название местности, где они родились. Нам известны имена 31 ученого-просветителя, выходцев из Тараза, 10 имен выходцев из Баласагуна, среди них были известные ученые, поэты, теологи. Наряду с этим были ученые и поэты, которые указывали название своего рода или племени, например, восемь Кердери, два Жалайири, Байлак ал-Кыпшаки, Жар-Мухаммад Наймани, Молда Мухаммад Адаи, Мухаммад Хайдар Дулати, Мухаммад Келеси, Молда Есжан Конратли. Если мы постараемся основательно изучить наследие знаменитых сыновей нашего народа, живших в Средние века, то, наверное, в истории письменного наследия нашего отечества не останется белых пятен.

Почему же до недавнего времени мы почти ничего о них не знали? Общеизвестно, что если в средневековой Европе языком литературы и культуры был латинский язык, то на мусульманском Востоке, в том числе и в странах Мавераннахра, языком науки и культуры был язык Священного Корана – арабский язык, затем персидский, а позднее чагатайский. Все письменное наследие, которое сохранилось на сегодняшний день, написано на этих языках. Они находятся в архивах и библиотеках, хранилищах рукописей Индии, Пакистана, Ирана, Турции, Сирии, Египта, Марокко, Туниса, Испании, Франции, Германии, Англии, России. Ориенталисты исследуют их, они публикуются на различных языках, но основная масса по сей день пылится на полках библиотек многих стран Востока и Запада.

Раньше мы не имели к ним доступа, и специалистов, владеющих восточными языками, у нас почти не было. Сейчас все изменилось. В КазГУ (ныне КазНУ им. аль-Фараби) в конце 70-х гг. прошлого века мною было открыто арабское отделение, которое затем стало основной базой для открытия факультета востоковедения, подготовившего многих востоковедов-арабистов, иранистов, синологов, японистов, тюркологов, специалистов по языкам урду и хинди. Сейчас они работают во многих отраслях, в том числе в сфере науки и образования. Защищают докторские и кандидатские диссертации. Несколько лет тому назад под руководством Н.А. Назарбаева была утверждена Государственная программа «Культурное наследие», в рамках которой заключаются договоры, создаются научные проекты, приобретаются копии рукописей, составляются хрестоматии, проводятся комплексные исследования. Труды, созданные в Средние века, переводятся на казахский и русский языки, становятся объектом исследования ученых, не владеющих языком оригинала. На определенном этапе такие исследования имели свое значение в аспекте просвещения ши-

рокого круга читателей, которые смогли получить представление о культурном наследии своего народа.

Выше нами были упомянуты имена некоторых ученых Средневековья, труды которых дошли до нас. Здесь следует уточнить, что наследие Исма'ила Джаухари составляет 7 томов, Исаака ал-Фараби – 4 тома, Кавам ад-дина ал-Фараби ат-Туркестани – около 5–6 томов, Хафиза ад-дин ал-Кердери – 10 томов. Стихи Молда Мухаммад Адаи находятся в Стамбуле, произведения «Диван» Хасана 'Али Жалайири в Санкт-Петербурге, рукопись знаменитой поэмы Мухаммада Хайдара Дулати «Джахан-наме» находится в Берлине. В 2007 г. «Джахан-наме» в моем переводе увидела свет. Все, что было сказано выше, увидено мною воочию, и с их сочинениями я знаком.

В 2002 г. моей аспиранткой Шынар Калиевой по творчеству Исма'ила ал-Джаухари ал-Фараби была защищена кандидатская диссертация в Ташкенте, по мнению узбекских ученых, она была одной из лучших. Еще один мой ученик, Ислам Жеменей, защитил докторскую диссертацию по творчеству Мухаммада Хайдара Дулати. Он же в 2003 г. впервые перевел классический исторический труд Дулати «Та'рих-и Рашиди» с персидского языка на казахский.

Материалов, касающихся истории, литературы, культуры нашего народа, довольно много, поэтому мы должны регулярно проводить конференции, симпозиумы, где будут докладываться результаты новых исследований, археологических находок и открытий. Это позволит воспитывать подрастающее поколение в духе уважения к своим знаменитым предкам, поможет узнать историю и культуру своего народа. Необходимо вводить в школьные, вузовские учебники, программы, методические пособия и другие учебные материалы о средневековых ученых – уроженцах нашей земли.

Средневековые письменные памятники и их авторы, выходцы из нашей земли, показывают, что наше духовное наследие имеет связь с мусульманской религией и цивилизацией. Пришло время создать энциклопедию исламской культуры, где будут освещаться жизнь и труды ученых и нашей страны, писавших свои труды на арабском, персидском и чагатайском языках. Надо отметить, что турецкие братья в свое время запланировали издание 50-томной энциклопедии Ислама, 45 томов которой уже увидели свет.

О средневековой культуре, истории, географии и этнографии писали в своих трудах средневековые историки, летописцы и путешественники: Ибн Фадлан (877–960), Йакут ал-Хамави ар-Руми (1179–1229), Ибн Рузбихан Исфাহани (1457–1521) и другие выдающиеся ученые Востока. Их наследие у нас мало исследовано, если не считать нескольких поверхностных, кратких обзоров, сделанных по отдельным переводным трудам на русский язык, которых не так уж много. Так что ученых, владеющих язы-

ками оригинала, ждут необычайно интересные сведения и даже открытия. Эти труды с большим успехом найдут своих благодарных читателей и откроют новые страницы нашей глубокой и богатой истории.

Последние годы уже ведутся исследования по средневековой истории, и они не только приносят нам новую информацию о нашем прошлом, но и очень радуют нас, согревают нам сердца. Дай Всевышний Аллах, чтобы это благословенное дело продолжалось всегда.

Сведения об авторе:

Абсаттар хаджи Дербисали – доктор филологических наук, член-корр. НАН РК, профессор, директор Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК (Алматы, Республика Казахстан). E-mail: investok@nursat.kz

**Кочевой мир: предварительные замечания
по истории этногенеза и формирования государства
у тюркских народов в средневековой и ранней
современной Евразии и на Ближнем Востоке***

Это краткое эссе представляет собой вводную главу книги по истории тюркских народов. В нем в общих чертах описывается ряд тем, касающихся этногенеза тюркских народов и их форм политической организации. Среди обсуждаемых тем: степной мир, роль кочевников в истории степей, вопрос о племенах и их организации, тюркские племенные названия, взаимоотношения кочевников с оседлым миром и этнические процессы в тюркском мире.

Ключевые слова: тюркские народы, племя, племенные названия, политическая организация, этногенез, кочевники и оседлый мир

До современной эпохи степи Евразии служили одним из главных перекрестков цивилизаций. Люди, товары и идеи пересекали эти огромные просторы с удивительной быстротой в эпоху, ориентированную на скорость животных, а не на шум двигателей. Этот евразийский мир был разделен на три экономические системы, которые иногда взаимодействовали симбиотически, а иногда вступали в кровавые конфликты. Исторические свидетельства в основном сосредоточены на последнем, поскольку столкновение этносов всегда казалось более достойным внимания. Здесь представлены две основные хозяйственные системы: оседло-земледельческое и кочевое скотоводство.

Значительно меньшее военное и политическое значение имели охотничье-собираТЕЛЬские культуры лесной зоны. Они, однако, были важны с экономической точки зрения из-за прибыльной торговли пушниной и сформировали важный субстратный элемент в формировании степной культуры, поскольку это была среда, из которой произошли многие степные народы. Шаманизм, важный аспект культовых практик и верований

* Оригинал: Golden, Peter B. Introduction. *An introduction to the history of the Turkic peoples: ethnogenesis and state-formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1992. (Turcologica, Bd. 9), pp. 1–14. URL: https://www.academia.edu/12545004/An_Introduction_to_the_History_of_the_Turkic_Peoples. Перевод с английского Мирлана и Нурлана Наматовых. Публикуется в авторской редакции.

степных народов, несомненно, берет свое начало отчасти, если не полностью, в великих лесах. Оседлое общество в этом евразийском степном мире в основном ограничивалось лесной и лесостепной зоной Восточной Европы, которая, однако, неуклонно вторгалась в степные пастбища и городские оазисные сообщества, расположенные на южной окраине степей.

Эти оазисы-государства были внешними культурными и часто политическими продолжениями великих имперских структур Средиземноморского мира: римско-византийских, иранских, арабо-исламских, с полным арсеналом религий и культурных влияний, которые влекли за собой эти варианты средиземноморской цивилизации, например монотеистические религии. Этим «западным» влияниям соответствовали мощные течения, исходящие из Индийского субконтинента и Китая, цивилизаций, которые оставили свой неизгладимый след в обществе Восточной и Юго-Восточной Азии. Именно в этой среде, в этом историко-культурном контексте взаимодействия кочевников и оседлых, степных и сеяных происходил генезис народов Евразии.

Однако цель этой работы не в том, чтобы дать подробное изложение истории Евразии, а, скорее, в том, чтобы дать введение в историю одной из ее этнолингвистических группировок: тюркских народов. Мы проследим рост и падение их политий, оценим их взаимодействие с другими обществами и прокомментируем их этногенез.

Детальное изучение формирования любого из тюркских народов не неожиданно показывает, что это был многослойный процесс. Это, конечно, ситуация, которая не уникальна для тюркского мира. Недавние исследования предлагают, что критерии для определения этнического сообщества – это «названная человеческая популяция с общими мифами, историей и культурой предков, имеющая связь с определенной территорией и чувство солидарности» [47, р. 32]¹.

В Евразии эти критерии в значительной степени соответствовали Тюркскому каганату и в качественно иной конфигурации в царстве Чингизидов. После распада тюркского государства и распространения тюркских племен произошли самые разные преобразования.

Затем развивались или возродились отдельные и отличающиеся друг от друга этнические сообщества и государства (например, огузы, кыпчак), сохраняя элементы древнетюркской культуры, но также развиваясь в новых направлениях. Это отражено в описании тюркского мира Махмуд аль-

¹ Ссылки даются в сокращенной форме для книг и глав в многотомных сериях (например, *The Cambridge History of Iran* – Кембриджская история Ирана), а также по автору и годам для журнальных статей и глав в книгах. Полная библиография приводится в конце работы.

Кашгари в его «Диван Лугат ат-Тюрк» (датируется 1077 годом) [31, pp. 6–7], обзоре потомка династии Караханидов.

Аналогичный процесс произошел с упадком единства Чингизидов и монгольских войск. На этот раз, однако, давно сложившиеся племенные союзы, часто сложного и разнородного происхождения, были распущены, чтобы сформировать строительные блоки новых конфедераций, которые со временем, а зачастую и под давлением извне, превратились в модернизирующиеся народы. Из-за отсутствия источников трудно измерить осознание этих связей среди соплеменников различных тюркских государств. Они часто принимали новые элементы, тюркские и нетюркские. Внешние источники, например исламские историки и географы средневековья, объединили их в одну группу «тюрки» (al-Atrāk), подразумевая общее происхождение и следуя хорошо известной им парадигме арабских племен.

Современные этногенетические исследования показали, что, хотя лингвистическое употребление, то есть термины, используемые в современных источниках, таких как раса (gens), нация (natio), казалось, относились к общему биологическому происхождению, в действительности эти сообщества всегда были полиэтническими и политическими по своему характеру. Его члены состояли из обоих, которые были действительно, рождены в нем, и те, кто присоединился к нему. Таким образом, он стал сообществом «происхождения через традицию» [51, pp. 5–6], а также благодаря признанию политического лидерства харизматического клана. Этот процесс был одинаково эффективен в тюркском мире. Война способствовала дальнейшему укреплению и укреплению этих связей [47, pp. 38–40]. Помимо этих военно-политических и экономических связей, мы должны принимать во внимание роль религии. Этот элемент, необходимый для любого анализа европейского или ближневосточного «протонационального» чувства почти полностью игнорировалось как элемент политики и формирования сознания в степном мире до победы ислама в регионе.

Шаманизм, низовая «религия» кочевников и лесных народов Центральной и Внутренней Азии, элементы которой сохранились в качестве мощных субстратных сил в религиях, позже принятых тюркскими народами, стал еще одним источником идентификации. Однако нам еще предстоит полностью исследовать вопрос о том, как это повлияло на сознание «натягивающих лук» в их самоопределении. Культ Тенгри (бога неба) был широко распространен среди тюркских народов и служил основной опорой идеологии кагана. Ясно, что это важный политический аспект. Принятие впоследствии множества универсальных религий (буддизм, манихейство, несторианское христианство, иудаизм и ислам), явившееся результатом сложного взаимодействия политических, культурных и экономических сил (как и везде) также служило важными маркерами идентичности.

Этот аспект доисламской тюркской политической жизни требует дальнейшего изучения [25, pp. 49–50, 67–73].

Кочевой мир

Мы будем иметь дело с группами, которые были (и некоторые группы еще остаются) в основном кочевниками-скотоводами. То есть их основной экономической деятельностью было животноводство, которое осуществлялось за счет целенаправленного сезонного перемещения скота и его хозяев-людей (живущих в переносных жилищах) по ряду уже обозначенных пастбищ в течение года. Это не было бесцельным блужданием в поисках травы и воды, как гласит клише китайских источников. Экология конкретной зоны данной группы в значительной степени определяла состав и размер ее стад и сопутствующих человеческих лагерей (обычно 8–12 семейных единиц). Это форма экономического производства, которая, по-видимому, возникла из оседлого животноводства среди групп, которые практиковали как земледелие, так и животноводство [33, pp. 15ff., 89–90, 35, 1990, pp. 4–5; 10, pp. 1–5; 13, pp. 20–24]. Большинство кочевых скотоводческих обществ Евразии продолжали практиковать по крайней мере раннюю форму рудиментарного земледелия.

Определенные формы социальной и политической организации возникли или порождались в ответ на требования этого типа экономической деятельности и характер взаимодействия кочевников с их оседлыми соседями. Тюркское общество до недавнего времени, за исключением Османской Империи, Азербайджана, Среднего Поволжья и оазисных культур Туркестана, было преимущественно племенным. Племенные элементы часто фигурировали в ранней истории Османской империи, и, хотя их политические и социальные роли почти полностью исчезли, они не полностью отсутствуют в турецком обществе сегодня. Определение «племени», которое удовлетворяло бы многим требованиям, предъявляемым к нему социологами, остается неуловимым [см. Sahlins, Tribesmen, pp. vii–vili, 4–5, 7–8, 12–13; 37, p. 23; 23, pp. 160, 164, 166–167].

Фрид, в частности, подчеркивает изменчивый характер племенного состава, совершенно справедливо предостерегая от экстраполяции из современной неоднородности в предполагаемое состояние первозданной однородности в прошлом. Он отмечает, что племена – это «специальные реакции на эфемерные ситуации конкуренции». Племена являются «второстепенными явлениями», которые могут возникать в ответ на воздействие более высокоорганизованных групп [23, pp. 168–170 и его Notion of Tribe, 22, pp. 10, 30, 49, 52]. Существует консенсус в отношении того, что внешнее давление сыграло ключевую роль в политическом развитии евразийских племен [39, p. 699]. Вождь имел первостепенное значение в этой структуре. Утверждается, что он был динамичной, харизматической фигу-

рой, с судьбой которого были связаны успех или неудача племени, и от чего племя получило свою идентичность [39, p. 701; Smith, Jr., 1978, p. 77n.18]. В ряде обстоятельств, в частности в пост-чингизидский период, это было несомненно верным [Reid, Tribalism, p. 8]. Но, как и в случае с другими определениями, оно не подходит ко всем ситуациям. Семья и клан были основными опорами этого общества. Семьи были небольшими (два поколения взрослых и детей); Экономика кемпинга не могла обеспечить большего. Старшие сыновья получили свою наследственную долю общего семейного богатства, а затем откочевали. Младший сын унаследовал отцовский дом и все, что осталось [24, pp. 53,55; 33, p. 126].

Теоретически клан был основан на группах по отцовской линии, организованных по старшинству. Это так называемый «конический клан». Клань, однако, могли быть более разрозненными, нечетко сформулированными и не совсем неприкосновенными. На семейном и клановом уровне кровные узы были более подлинными, чем на более высоких уровнях социальной организации. Клань, связанные таким образом в «сегментарной структуре» в пределах племени или племенного союза, могли вступать в конфликт друг с другом. Но для внешнего мира они представляли собой «общий фронт» [7, с. 105–106, 127–128; 33, pp. 144–149 and 1990 article, p. 5; 37, pp. 9–10, 318, 320, 328; 13, pp. 26–27].

Какими бы ни были генеалогические и другие связи (реальные и поддельные), племенная преданность всегда включала в себе важный элемент политического выбора. В некоторой степени, хотя лидеры широко использовали родственные связи, племя представляло собой тех чьих вождь мог собрать под своим руководством [24, p. 55; 18, pp. 215, 218], то есть те клань, которые сформировали внутреннее ядро вместе с менее стабильной группировкой кланов со сменяющимися степенями лояльности.

Мобильность степного общества давала отдельным лицам и группам свободу проживания и, в определенной степени, свободу политической принадлежности. Недовольные и несчастные могли уйти и присоединиться к новому начальнику. Отдельные лица, семьи и клань могли сбегать на «более зеленые пастбища». Эта мобильность препятствовала развитию прочных территориальных связей и обеспечивала большую подвижность в социальной организации. Как следствие, родственные и генеалогические структуры, какими бы вымышленными и политически мотивированными они ни были, получили большее значение как средство выражения политических отношений [33, pp. 138–139]. Это также допускало большую гибкость. Кочевые группы могут легко перегруппироваться и переформироваться. Когда евразийские кочевники оказались за пределами степной зоны, в частности, на Ближнем и Среднем Востоке где они были вынуждены реформироваться и какое-то время могли практиковать более ограниченный кочевой или полу-номадизм, старая терминология продолжалась: но теперь

часто замаскировали новые реалии [см. 40, pp. 8–9, 22–23, 36 (османы) and Reid, *Tribalism*, pp. 8–11, 66–80 (племена [oymaqlar] Кызылбаши)].

Племена сильно раздробились, и роль успешного военного лидера, всегда важная, стала еще более решающей в определении идентичности группы. Это отражалось в названиях племен. Таким образом, османы (Османлы) были «людьми Османа»; Кызылбаши были теми, кто принадлежал к определенной религиозно-военной организации, набранной в основном из племен огузов в Анатолии и Иране, которые носили характерные головные уборы, символизирующие их верность. Хотя среди них еще можно было найти старые племенные имена огузов (например, авшар, чепни), было еще много новых имен происходящих из антропонимов (например, Касымлу) или географического происхождения (например, Румлу Шамлы). Племена приспособились и перегруппировались. В этом мире частых смен, в степи и даже в непосредственной близости к оседлому обществу языковое и культурное единство не было необходимыми требованиями [22, pp. 27–29].

Это не означает, что люди не знали об этих связях. Махмуд аль-Кашгари знал о различиях в диалектах и лингвистических особенностях подвергающихся тюркизации групп. «Чистота речи», особенно в произношении, и отсутствие посторонних влияний были предметом гордости. «Самый элегантный из диалектов, – пишет он, – принадлежит тем, кто знает только один язык, не смешивается с персами и обычно не селятся в других странах. Те, кто владеет двумя языками и смешивается с населением города, имеют некоторую невнятность в своих речах ... Самым элегантным является наречие правителей хаканийских и их сторонников» [31, 1, pp. 83, 84]. Последнее, несомненно, было политическим критерием. Мы видим здесь также гордость кочевника, его чувство превосходства над оседлыми. Однако язык никогда не был препятствием. Различные тюркские группы жили в интенсивном симбиозе с нетюркскими элементами, окончательно не ассимилировав их (например, ираноязычные группы алано-асов среди кыпчаков).

Имена тюрских племен

Политически доминирующее племя или клан часто давало свое название племенному союзу или конфедерации, которые оно создавало. Когда эта полития рушится, на первый план выходит название нового, доминирующего клана или племени, или же старые названия просто всплывают. Рассеивание племен привело к появлению племенных и родовых названий среди множества групп. Иногда эти фрагменты соединялись, давая названия, отражающие микро-союз двух кланов или племен (например, Кытай-Кыпчак узбеков) [41, p. 18. Исследование Немета, несмотря на некоторые необходимые исправления, остается фундаментальным].

Племенные имена среди доисламских и не-исламизированных группировок и в до-Чингизидскую эпоху в целом подпадают под определенные категории и схемы именования. Они, как правило, обозначают: географические объекты (например, Йыш Киши), кочевник / странник (например, Качар, Йёрюк), кочевые налетчики (например, Казак, Ягма), количество составляющих элементов (например, Тогуз Огуз), часть или остаток народ (например, Кырык, Кесек), имена, основанные на титулах (например, Чор, Йула), покорный или мирный (например, Чуваш, Уйгур), насилие, насильственные силы природы (например, Карлук), сила, мощь, храбрость, агрессивность (например, Салгур, Кынык), большая слава или богатство (например, Баяут) [41, pp. 32–50; 30, p. 18].

Происхождение тюркских племенных названий не совсем ясно. Долгое время считалось, что названия племен произошли от названий кланов, которые, в свою очередь, восходят к одноименному предку. Такую картину представили миру родословные племен. Это не похоже на образец племенных конфедераций. Более того, что касается племен, мы не находим примеров этой системы эпонимий до тех пор, пока тюркские племена не находились под сильным и продолжительным исламским или монгольским (Чингизидским) влиянием. Только тогда появляются такие племенные или политические / династические имена: Сельджук, Ногай, Османлы, Чагатай. Точно так же было мало имен тотемного происхождения [41, pp. 71–72].

Есть много имен, которые нельзя этимологизировать на основе тюркского. Это может указывать на нетюркское происхождение или на давно забытые термины. Как и в случае со многими другими элементами жизни в кочевом мире, имена менялись и перемещались. Наши источники часто представляют калейдоскопическую картину постоянно меняющихся тюркских кочевых образований. Такие изменения действительно произошли на политическом, правящем уровне, но часто конфедерация могла иметь длительные периоды этнической стабильности с ядром племен, но меняющимися элитами.

Кочевники и оседлый мир

В тюрко-кочевом мире средневековой Евразии, для которого наши источники скудны и в значительной степени написаны с точки зрения враждебных, оседлых обществ, формирование и разложение политий отражено лишь частично. По мере того как кочевые племена, зачастую разного происхождения, боролись за создание своих политий, они сформировали и этнос в целом. Процесс формирования государства или государственного образования в степи всегда сопровождался этногенезом. Это также часто происходит в ответ на силы вне кочевого общества.

Взаимодействие кочевников и оседлых людей [Лучшее исследование этого предмета – Хазанов, Кочевники. Также эссе автора Jagchid [27,

pp. 177–204] охватывает широкий спектр отношений, мирных и враждебных, в зависимости от политических и экономических потребностей двух обществ в данный момент. Конечно, традиционный образ евразийского кочевника как завоевателя и грабителя сильно преувеличен. Действительно, на протяжении истории кочевник подвергался столь же обиженному отношению, как и его оседлый сосед. В современную эпоху именно кочевники пострадали больше всех. Было предложено множество объяснений причин вторжений кочевников в оседлый мир: иссушение пастбищ, жадность «варваров» к благам «цивилизованного» общества, необходимость экономического взаимодействия с оседлым обществом [29, p. 2].

Как мы увидим, именно последняя потребность сыграла наибольшую роль. Важным поворотным моментом в социально-политической эволюции человека стало движение от «примитивного» к «развитому сложному» обществу. Тюркские кочевые государства средневековой Евразии лучше всего можно описать как переходящие между степенями «примитивной» и «продвинутой сложных» форм организации, которые мы можем назвать обществом «традиционно безгосударственным» и «традиционно раннее государственное». Теоретически первые были эгалитарными обществами, в которых практически не было формального правительства. Основные источники социальной сплоченности лежали в требованиях родства (реального и вымышленного [Как мы уже отмечали, в родстве была сильная политическая составляющая. Генеалогии были сфабрикованы в соответствии с текущими политическими требованиями. [7, с. 50–51; 39, pp. 696–697; 17, p. 35; 11, pp. 55–56.] и его обязательствах, племенных обычаях и потребностях кочевого хозяйства, которое требовало определенной степени сотрудничества.

Такая группировка, едва управляющая собой (ситуация, которой она часто была вполне довольна), по определению была неспособна управлять другими, и следовательно не могла их подчинить. «Сложное общество» характеризуется развитием центральных исполнительных институтов (вождество и монархия), которые создали источники социальной сплоченности за пределами системы родства: государство [44, pp. xvi–xxi]. Когда политические связи кочевых государств распадались, составляющие их члены часто возвращались к менее развитому варианту сложного или традиционного общества раннего государства или даже к форме традиционного общества без государства. Государственность не была естественным или даже необходимым условием кочевого общества [1, V, с. 22–23].

Как мы уже отмечали, кочевой образ жизни – это система, которая должна взаимодействовать с экономикой других стран. Пасторальное производство способно создать огромное личное богатство, но оно не может производить огромное количество и разнообразие продуктов питания, которые производит оседлое общество. Следовательно, он не может поддер-

живать такое большое население [33, pp. 46, 50, 69, 70–72, 81, 83; 15, I, p. 104]. Хотя оседлые как и кочевники в равной степени сталкивались с неопределенностями природы и человека, кочевничество было гораздо более ненадежной системой. Беспорядки, вызванные эпизоотиями, перепроизводством или набегами, могут иметь далеко идущие последствия в степи, вызывая миграцию племен в поисках новых пастбищ или нападения полуголодных налётчиков на аграрные общины. Короче говоря, это привело к войне и завоеваниям [33, pp. 69–72, 78–79/31; 20, pp. 210–212].

Кочевой образ жизни был беспощаден к тем, кто не мог поддерживать минимальный уровень, необходимый для выживания (обычно 60–100 голов овец, лошадей, крупный рогатый скот, коз и верблюдов с преобладанием овец и лошадей). Те, кто не мог найти родственников, желающих или способных помочь им в восстановлении или даже нанять их в качестве пастухов, часто были вынуждены вести оседлый образ жизни [28, p. 289; 14, pp. 16–17, 108–109; Smith, Jr., 1978, p. 62; 7, с. 149–150]. Такие кочевники становились добровольными членами грабительских банд, совершавших набеги как на кочевников, так и на оседлых. Отчаявшиеся люди составили ядро племен, которые собирали будущие завоеватели. Кочевник с его высокоразвитыми навыками верховой езды был грозным и внушающим страх воином [45, p. 177; 46, pp. 134–135].

Эти навыки использовались как кочевыми, так и оседлыми обществами. Кочевые группы или отдельные лица служили окружающим оседлым государствам в качестве союзников (часто в этих отношениях были брачные союзы), наемников или рабов-воинов (гулямов и мамлюков мусульманского мира). Каким бы ни был термин или связь, у каждого из оседлых государств, окружающих евразийские степи, были такие единицы. Конфликт с оседлым обществом возник в основном из-за доступа к товарам аграрного и городского производства. Кочевники торговали с оседлыми обществами с целью приобретения этих товаров или совершали набеги на них, выбирая стратегию, которая соответствовала их возможностям в данный момент. По сути, военное превосходство из двух сторон определила, какую форму примет этот обмен. Могущественные империи, такие как Китай, чья позиция по отношению к кочевникам обычно была оборонительной, часто использовали перспективы торговли как средство контроля [52, p. 5; 33, pp. 202–206, 209, 211–212; 12, pp. 54–55, 57; 38, pp. 483–484; 28, pp. 306–308].

Такие контакты и конфликты могли дать импульс к формированию кочевого государства [Литература по этому вопросу была недавно кратко обобщена Barfield, *Perilous Frontier* [13, pp. 5–8]. Успешные набеги были также средством, с помощью которого кочевой вождь мог укрепить свое положение, предоставляя добычу для распределения среди своих последователей и повышая его харизму как военачальника и дипломата. Возникновение кочевых государств до сих пор полностью не изучено, в основном

потому, что у нас есть лишь немного документов, исходящих из кочевого мира, в которых описываются цели строителей государства. Учитывая их племенную организацию, непрерывную подготовку к войне и управленческие таланты, необходимые для перемещения стада и людей на расстояние, государство было латентным в большинстве кочевых обществ Евразии. Это могло быть выдвинуто на первый план международным давлением, вызванным, возможно, борьбой за пастбища или доступ к товарам. Однако даже здесь подозревают этиологию за пределами кочевого общества.

В этой борьбе кочевник был противопоставлен кочевнику, победитель либо прогонял побежденного, либо включал бывшего врага в победоносный племенной союз. Побежденные в свою очередь могли внезапно ворваться в соседнее оседлое государство, неспособное отразить их. Именно благодаря этому процессу сильного социального расслоения [19, pp. 10–16; 21, pp. 237–238] может родиться завоевательное государство.

Это ни в коем случае не было предопределенным исходом. Более того, оседлые государства, реагирующие на давление кочевников или занимающие агрессивную позицию по отношению к степи, также могут служить катализатором. Или кочевники, стремящиеся эксплуатировать оседлое общество, были вынуждены в силу военных и дипломатических требований этой деятельности организовать себя в государство. В любом случае современное антропологическое мышление уделяет наибольшее внимание внешним катализаторам, проистекающим из отношений с оседлыми государственными обществами. Централизованная власть, однако, могла так же быстро исчезнуть, когда был устранен катализатор, породивший ее [Irons, 1979, p. 362; Khazanov, 1978, с. 123; 33, pp. 228ff.; 29, p. 13; 32, p. 180; 12, p. 47]. Барфилд называет кочевое государство во Внутренней Азии «имперской конфедерацией», которая была «автократической и государствоподобной во внешних делах, но имела консультативную и федеративную структуру внутри страны». В нем правящая элита, управляющая своими военными и дипломатическими делами, причем последняя часто имела вымогательский характер, добыча, из которой финансировалась государством, могла, как следствие, навязать свою власть через племенных правителей традиционным племенным руководителям, т.е. вождям племён и кланов.

Барфилд считает, что формирование кочевого государства на границе с Китаем происходит в основном из желания / необходимости использовать сильную китайскую экономику. Он попытался соотнести формирование кочевого государства, которое он считает циклическим, с периодами сильного, а не слабого правления в Китае. Таким образом, согласно этой точке зрения, единый процветающий Китай был необходимой предпосылкой для развития единого кочевого государства, центральная правящая власть которого могла бы выжить только за счет эксплуатации аграрного

гиганта на юге. Более того, кочевники, за исключением монголов-чингизидов, стремились не завоевать Китай, что могло бы нарушить поток товаров, в которых они были жизненно заинтересованы, а вымогать у него все, что могли. По его словам, завоевание пришло от маньчжурских монголов и маньчжурско-тунгусских народов, преследовавших смешанную кочевую и лесную экономику, которые вошли в вакуум власти, когда китайские династии сошлись. Они основали пограничные государства, которым со временем удалось управлять чуть не всем Северным Китаем [13, pp. 9–10, 90, 101]. Представление о киданях и других происходивших из маньчжурских династиях как о «третьей силе» в истории китайско-варварских отношений было сформулировано ранее Гумилевым, [2, pp. 63–69].

Концептуализация этого процесса Барфилдом базируется на многих интересных и спорных моментах, к которым мы вернемся в ходе этой работы. Основы образования кочевого государства были предложены Омеляном Прицаком. Он отводит главную роль влиянию международной торговли и «профессиональных строителей империй, укорененных в городских цивилизациях». Племенные вожди, вдохновленные контактом с городами и развившие вкус к продуктам городского производства, которые проходили в караванах через контролируемые ими земли, создали «пакс» (лат. *Rex* буквально «мир» под этим подразумевается период мира и стабильности), который одновременно гарантировал безопасность торговцев и их товаров и обеспечивал их доля прибыли [43, 1, pp. 15–17]. Несмотря на привлекательность или возможно, из-за их привлекательности, отношение кочевников к богатым городам своих оседлых соседей было неоднозначным. Городские центры с их меркантильным населением и желанными товарами, безусловно, манили. Но в этом искушении таилась опасность. В надписи Кюль Тегин (S5–6) Тюрк Билге Каган предупреждает о соблазнительности «золото, серебро и шелк Китая» [Это чтение *altun kümüş isgiti qutay*, предложенное Tekin [49, p. 231/261], в котором и *isgiti*, и *qutay* относятся к «шелку». Clauson [16, стр. 261] читает слово как *eşgüti* (*eşgürti*), «разновидность вышитой шелковой парчи». Айдаров [Язык, с. 286, следуя ДТСл. стр. 213, читает *isgiti* как *isigiti* «опьяняющий напиток»].

«Слова народа (бодун) Табгач (Китай) сладки, их сокровище мягко [“сокровище” и впоследствии “шелковая парча”, см. 16, p. 78]. Обманывая сладкими словами и мягким сокровищем, они приближают далеких людей». После того, как заманили, гибель этого народа запланирована. Надпись предупреждает, что Китай «не допускает свободы (йорытмас) для добрых, мудрых, добрых, храбрых людей» [49, pp. 231/262 и 50, pp. 2/3–4/5; Айдаров, с. 287]. В «Синь Таншу» сообщается что, когда тот же самый Билге каган был соблазнен мыслью о строительстве городов и храмов, его знаменитый советник, Тонйукук, отговорил его от этого, указав, что именно их кочевой образ жизни сделал их в военном отношении превосходя-

щими армии Тан. «Если мы примем оседлый городской стиль жизни», – отмечает он, – «мы будем схвачены только после одного поражения» [Цитируется по Jagchid, 1981, p. 70. Подобные аргументы были выдвинуты правителям сюнну которых слишком соблазнили китайские роскошные товары, см. Shih-chi / Watson, II, p. 170].

Таким образом, город манил, но также угрожал им с потерей власти и, в конечном итоге, культурным геноцидом. Кочевники постоянно проверяли военную защиту своих соседей. Кратковременная слабость или упадок могут привести к их преодолению оседлого государства. Однако это могло иметь далеко идущие и часто нежелательные последствия в кочевом обществе. Первым из них обычно было то, что правящий клан, ныне царская династия, вместе с элементами кочевой элиты стали оседлыми.

Переняв атрибуты и культуру своих недавно завоеванных подданных, они стали отчужденными от своих соплеменников, оставшихся в степи. Рядовые кочевники этими льготами не пользовались. Превращение их вождей в назначенных небом правителей мало привлекало их. Переход к оседлому состоянию после первоначального распределения добычи принес им мало пользы. Действительно, оскорбление было добавлено к травмам, когда правительство попыталось обложить их налогами и контролировать их передвижения. И в новой структуре для них не обязательно было возможностей. Кочевники, не слишком развитые в плане управления, в целом не были обучены функционированию в аграрных бюрократических государствах, основные институты которых не были затронуты кочевыми завоевателями. Такие должности неизменно заполнялись теми, кто занимался этим раньше, или другими, завербованными в других местах, которые прошли аналогичную подготовку. Именно к ним присоединилась кочевая элита и квалифицированные оседлые группы, которые извлекли выгоду из образования государства.

Государственность имела тенденцию к дальнейшей социальной и экономической дифференциации на всех уровнях. Кочевой эгалитаризм, идеал, а не реальность, был теперь еще более далеким. Вожди превратились в «неборозженных» каганов, которые правили, потому что так постановило небо, и потому, что обладали мантией небесной удачи (кут). Позже каган мог стать султаном и падишахом, но пропасть, возникшая между кочевниками, над которыми правительство теперь стремилось к большему контролю, становилась все шире.

Завоевания оседлых государств Ближнего и Среднего Востока или Китая привели по большей части, к оседлости и аккультурации в той или иной степени их кочевых повелителей и их непосредственных сторонников. Соплеменники часто оставались не богаче, а беднее и с меньшей свободой. Это могло привести и действительно привело к восстаниям [36, II, pp. 399ff; 3, с. 116–120].

Интересно отметить, что кочевые харизматические правящие кланы, имперские линии которых были чрезвычайно долговременными (Сюнну, Чингизиды, Османы), даже будучи преобразованными в территориальных правителей в основном оседлых обществ, в целом (более поздние османы были одним из немногих исключений) не смогли решить вопрос о порядке наследования. Государство рассматривалось как общая собственность правящего клана, который осуществлял «коллективный суверенитет» над царством. Любой член харизматического клана мог осуществлять руководство всем или, по крайней мере, частью (уделом) государства. Это неизменно привело к кровавым битвам за престол, в которых храбрость будущего правителя не только проверялась, но и демонстрировалась на поле битвы. Победа означала «небесный мандат». Каган, султан, падишах обладал огромной личной властью, достойной которой должен был доказать его преемник [13, pp. 27-28, 138; 26; 48, p. 30]. Kafesoğlu [30, s. 59–60, 66] отвергает представление о государстве как об общем достоянии правящего дома у тюркских народов, подчеркивая идею божественного отбора посредством боя. Fletcher [21, pp. 238–239], рассматривая войну как «связующий принцип» степного общества, рассматривал «танистику», отбор сильнейших посредством войны, убийств и вооруженных конфликтов внутри клана рангов как естественный политический процесс в степи].

Этнические процессы в тюркском мире

Даже для стороннего наблюдателя очевидно что нынешнее размежевание тюркских народов, в частности, в Советском Союзе, является результатом как сложных исторических процессов, так и более неотложных конкретных политических требований. В некоторых случаях дифференцирующие «этнолингвистические» критерии на самом деле возникли после не детерминированного этногенеза. В других случаях незначительные вариации были преувеличены с целью разделения в остальном близкородственных народов. Таким образом, одни только языки в современную эпоху национального строительства не создают нации, но нации в рамках весьма политизированного процесса часто создают языки [25, pp. 51 ff].

Противоположность этому подходу заключалась в том, чтобы рассматривать тюркские народы как недифференцированную или лишь очень слабо дифференцированную массу. Это искажает историческую действительность. Любое обсуждение этногенеза и формирования тюркских народов должно иметь в виду необычайную мобильность скотоводческих кочевников, скорость, с которой их политические образования растворялись и переформировывались, часто с изменением состава этно-племенных компонентов. Любое обсуждение этногенеза должно также иметь в виду различие между землей и людьми. Тюркские группы, которые сами часто имеют различное племенное происхождение и этническую историю, стали

политическими хозяевами земель, в которых имелись очень сложные этнические предшественники.

На исходную основу нетюркского населения (обычно иранского, в Средней Азии), которое само является продуктом различных этнических слоев, были привиты несколько волн тюркских народов в разное время. В какой-то степени происходит слияние, ассимиляция, в результате чего получается, по сути, новый, но зачастую еще далеко не однородный народ. Отражения разного происхождения можно увидеть и в материальной культуре. Таким образом, разнообразие седельных арок, используемых одним тюркским народом, указывает на разнообразие этнических групп и подгрупп, которые составили этот народ [10, р. 142]. Узбеки представляют собой один подходящий пример современного тюркского народа, который эволюционировал из ряда сложных слоев из множества тюркских и иранских этносов. Иранский язык до сих пор является обычным явлением в «узбекских» городах.

Одной из замечательных особенностей тюркской истории является распространение тюркских языков. Как язык военно-политической элиты Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока он распространился значительно за пределы своих физических границ. Кочевые популяции, учитывая ограниченность кочевой экономики, обычно были меньше, чем у их оседлых соседей. Нетюркские народы или их группы по крайней мере на ранних этапах приняли язык без особого смещения. В Центральной Азии и на Ближнем Востоке этот процесс иногда включал и населения значительных масштабов. Примеры этого также можно увидеть в тех группах, которые приняли тюркский язык, но потому что Они уже были давними приверженцами монотеистических верований и освоили тюркский язык, использовавшийся в контексте *lingua franca*, не перешли в ислам, который в позднем средневековье все чаще становился одним из важнейших маркеров принадлежности к тюркскому народу. Примерами таких групп были караим и крымчаки, говорящие на армяно-куманском языке, многие восточноанатолийские армяне и по всей вероятности гагаузские и караманлинские греки.

Сегодняшние тюркские народы демонстрируют необычайное физическое разнообразие, безусловно, намного большее, чем у любой другой группы носителей алтайского языка. Первоначальный тюркский физический тип вероятно принадлежала к монголоидному типу (по всей вероятности в его южносибирском варианте) но следует иметь в виду, что эта мобильная популяция смешивалась со своими соседями на очень ранней стадии. Мы можем вывести это из того факта, что население ранее европеоидных областей иранской речи начинает проявлять монголоидные влияния, совпадающие с появлением тюркских народов. Однако физическая трансформация тюркизирующихся народов никогда не могла сравниться с языковыми изменениями, которые намного опережали их. Это может

быть проиллюстрировано населением Узбекистана, Каракалпакии и особенно тюркским населением Ирана и самой Турции [42, pp. xxv–xxvi; 5, с. 135–136; 9, pp. 1–5; 4, с. 11; 8, pp. 317–318; 6, с. 37–40].

Чтобы усложнить этот процесс, тюркские народы, которые переселились в Среднюю Азию, сами уже были смешанными. Таким образом, в целом, чем дальше на восток, тем более монголоидным является тюркское население; чем дальше на запад, тем больше европеоидным. Учитывая такое разнообразие населения и, в меньшей степени, язык, не говоря уже о расхождениях в политической истории, можем ли мы действительно говорить о «тюркской истории»? Что объединяет османов и якутов и других народов помимо очень сложной лингвистической связи? Казалось бы, их мало что связывает, кроме общего происхождения в самом широком смысле. Но у подавляющего большинства тюркских народов², помимо общей точки происхождения и языковых связей, есть в значительной степени общая история и результирующая культура. Подавляющее большинство тюркских народов входило в состав великих евразийских кочевых империй (хотя часто и в разном качестве): Сюнну, Тюрк, Чингизидов и Тимуридов. Имперские институты и традиции, развитые в этих империях, сыграли роль, похожую на ту, что играла Римская империя, в формировании политической культуры Европы.

Таким образом, имеются общие нити, которые объединяют османов, татар, узбеков и, в более отдаленном (лингвистическом) смысле, чувашей. Есть и существенные расхождения. Некоторые ученые предпочитают подчеркивать общие элементы, а другие – различия.

Сегодняшние политические соображения не полностью отсутствуют в занимаемых позициях. Уровень национального или этнического сознания всегда сложно измерить. Они могут варьироваться от человека к человеку внутри группы, а также от группы к группе. Позиции средневековых людей еще труднее оценить, учитывая пропасть времени и недостаток источников. В ходе этой работы мы будем искать как связывающие узы, так и значимые различия, которые различают. Это книга проблем. Многие события лишь мимолетно освещаются нашими литературными источниками. Лингвистические, археологические и этнологические данные иногда дают важную информацию. Они тоже вызывают много вопросов.

² Мы исключаем здесь тюрко-язычные группы, которые явно не имеют тюркского происхождения и, несмотря на языковые изменения, сохранили ощущение своего нетюркского этнического происхождения и самобытности, например: бывшие носители армяне-куманы, евреи-крымчаки, восточноевропейские караимы (которые в Новое время стремились создать себе тюркское происхождение, тем самым вызвавший немало споров), урум (татаро-язычные греки из Донецко-Ждановской области) и т.д.

Происхождение того или иного термина может быть оспорено. Его историческое, социолингвистическое значение, пожалуй, неясно. Отнесение той или иной археологической культуры к определенной этнической группировке при отсутствии лингвистических свидетельств может быть совершенно предположительным. Экстраполяции, основанные на сегодняшней динамике конкретной группы, не означают автоматически, что их предки или группы, связанные с ними, обязательно имели одинаковый менталитет или мыслили одинаково. Можем ли мы реконструировать поведение средневекового кочевника на основе поведения его современного потомка, когда последний сталкивается с совершенно иной политической и, в некоторой степени, даже физической средой?

Проблемы интерпретации многочисленны. К этому были добавлены наложения национальных историографий, которые тонко или грубо искажают еще больше несовершенно воспринимаемую историческую реальность. В эпоху, наполненную национализмом, этногенетические исследования, имеющие дело с самой сердцевиной национального мифа, безусловно, оказали глубокое влияние на формирование националистической догмы и, в свою очередь, оказалась под ее влиянием. Эти взгляды в той или иной степени отражены в литературе, посвященной истории различных тюркских народов. Эта работа не претендует на то, чтобы дать исчерпывающие ответы на все вопросы. Надеюсь, он поднимет правильные вопросы и послужит руководством для дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Сочинения. М., 1963–1977. С. 17–192.
2. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.
3. Далай Ч. Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983.
4. Петров К. К истории движения киргизов на Тянь-шань и их взаимоотношения с ойратами в XIII–XV вв. Фрунзе, 1961.
5. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953.
6. Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978.
7. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975.
8. Чебоксаров Н.Н. Значение данных антропологии для разработки проблем происхождения и этнической истории тюркских народов // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980.
9. Abdushelishvili M.G. et al., *Contributions to the Physical Anthropology of Central Asia and the Caucasus*, trans. B. Heath, H. Field. Russian Translation series of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnography, Harvard University, vol. III, No. 2. Cambridge, Mass., 1968.
10. Basilov V.N. (ed.), *Nomads of Eurasia*, trans. M. Zirin. Seattle, 1989.

11. Bates D. *Nomads and Farmers: A Study of the Yörük of Southeastern Turkey*. Ann Arbor, 1973.
12. Barfield T.J. "The Hsiung-nu Imperial Confederation: Organization and Foreign Policy" *Journal of Asian Studies* 3/1 (1981), pp. 45–61.
13. Barfield T.J. *The Perilous Frontier*. Oxford, 1989.
14. Barth, *Nomads of South Persia*. Boston, 1961.
15. Braudel F., *Civilization and Capitalism 15th–18th Century*, I, *The Structures of Everyday Life*, trans. S. Reynolds. New York, 1979, 1984.
16. Clauson G., ED = *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish*. Oxford, 1972.
17. Crone P. *Slaves on Horses. The Evolution of the Islamic Polity*. Cambridge, 1980.
18. Cuisenier J. "Kinship and Social Organization in the Turko-Mongolian Cultural Area" in R. Forester et al. (eds.), *Family and Society. Selections from the Annales, économies, sociétés, civilizations*. Baltimore, 1976, pp. 204–236.
19. Deér, *Pogány magyarság keresztény magyarság*. Budapest, 1938.
20. Ecsedy, "Nomads in History and Historical Research" *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 35/2–3 (1981), pp. 202–227.
21. Fletcher J. "Turko-Mongolian Tradition in the Ottoman Empire" *Harvard Ukrainian Studies* 3–4 (1979–1980), pp. 236–251.
22. Fried M. *The Notion of Tribe*. Menlo Park, 1965.
23. Fried M. *The Evolution of Political Society*. New York, 1967.
24. Grønbech K. "The Steppe Region in World History" *Acta Orientalia* 23 (1958) pp. 43–56.
25. Hobsbawm E.J. *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge, 1990.
26. İnalçık H. "Osmanlılarda Saltanat Veraseti Usûlü ve Türk Hakimiyeti Telâkkisiyle İlgisi" *Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi* XIV (1959), s. 69–94.
27. Jagchid S. "Patterns of Trade and Conflict Between China and the Nomadic Peoples of Mongolia" *Zentralasiatische Studien* 11 (1977), pp. 177–204.
28. Jagchid S. and Hyer P. *Mongolia's Culture and Society*. Boulder, Colo. 1979.
29. Jagchid S. and Symons V.J. *Peace, War, and Trade Along the Great Wall*. Bloomington-Indianapolis, 1989.
30. Kafesoğlu İ. *Türk Bozkır Kültürü*. Ankara, 1987.
31. Al-Kâşgarî, Maḥmûd, *Compendium of the Turkic Dialects (Dîwân Luğat at-Turk)*, ed. trans. R. Dankoff in collaboration with J. Kelly. Cambridge, Mass. 1982–1985. 3 vols.
32. Kempinens R.G., Jr. "Vaṣṣâf's *Tajziyat al-amṣâr wa tazjiyat al'a'ṣâr* as a Source for the History of the Chaghadayid Khanate" *Journal of Asian History* 22/2 (1988), pp. 160–192.
33. Khazanov A.M. *Nomads and the Outside World*. Cambridge, 1984.
34. Khazanov A.M. "Characteristic Features of Nomadic Communities in the Eurasian Steppes" in W. Weissleder (ed.). *The Nomadic Alternative* (The Hague), pp. 119–126.
35. Khazanov A.M., "Ecological Limitations of Nomadism in the Eurasian Steppes and their Social-Cultural Implications" *Asian and African Studies* (1990), pp. 1–15.

36. Köymen M.A. *Büyük Selçuklu İmparatorluğu Tarihi*. II. *İkinci İmparatorluk Devri* 2nd ed. Ankara, 1984.
37. Krader L. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads* (IUUA, 20 The Hague, 1963.
38. Lattimore O. "The Frontier in History" in his *Studies in Frontier History. Collected Papers, 1928–1958*. London, 1962.
39. Lindner R. "What was a Nomadic Tribe?: *Comparative Studies in Society and History* 24/4 (1982), pp. 689–711.
40. Lindner R. *Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia*. Indiana University Uralic and Altaic Series, 144. Bloomington, Ind. 1983.
41. Németh Gy. HMK: *A honfoglaló magyarság kialakulása*. Budapest, 1930.
42. Oshanin L.V. *Anthropological Composition of the Population Central Asia and the Ethnogenesis of its Peoples*, trans. V.M. Maurin, ed. H. Field (Russian Translation Series of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University, II, n. 1. Cambridge Mass. 1964.
43. Pritsak O. *The Origin of Rus'*. Cambridge, Mass. 1980. I.
44. Sagan E. *At the Dawn of Tyranny. The Origin of Individualism political Oppression and the State*. New York, 1985.
45. Sinor D. "Horse and Pasture in Inner Asian History" *Oriens Extremus* 19 (1972), pp. 171–183.
46. Sinor D. "Inner Asian Warriors" *Journal of the American Oriental Society* 101/2 (1981), pp. 133–144.
47. Smith A.D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, 1986.
48. Streusand D.E. *The Formation of the Mughal Empire*. Delhi, 1989.
49. Tekin T. *A Grammar of Orkhon Turkic*, Indiana University, Uralic and Altaic Series, 69. Bloomington, Ind. 1968.
50. Tekin T. *Orkhon Yazıtları*. Ankara, 1988.
51. Wolfram H. *History of the Goths*, trans. T.J. Dunlap. Berkeley, 1982.
52. Yü Y.S. *Trade and Expansion in Han China: A Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations*. Berkeley-Los Angeles, 1967.

Сведения об авторе:

Питер Бенджамин Голден – почетный профессор Рутгерского университета, почетный член Венгерской Академии наук (Ньюарк, Нью-Джерси, США). E-mail: pgolden@rutgers.edu

**Золотая Орда и Средняя Азия:
опыт взаимовлияния и взаимосотрудничества**

В настоящей статье сделана попытка обобщить некоторые сведения о взаимоотношениях Золотой Орды и Средней Азии, о развитии торговых путей в границах огромной Монгольской империи. Хорезм, как составная часть Узбекистана, играл важную роль в развитии торговли между Европой и Азией, как и сама Золотая Орда. Этот период явился очень важным в межнациональных отношениях, благодаря миграционным процессам, что способствовало образованию новых народов и их обогащению через ассимиляцию различных этносов.

Ключевые слова: Золотая Орда, Средняя Азия, межнациональные отношения, взаимосотрудничество

Период Монгольской империи в историографии Узбекистана на современном этапе, один из самых мало разработанных тем. Причин здесь несколько. В советское время этот период рассматривался как один из самых трагических периодов в истории народов Советского государства, а Чингиз-хан и монголы в качестве завоевателей, которым не было никакого прощения благодаря их жестоким и «варварским» действиям и разрушениям городов. Советская концепция освещения истории в этом ракурсе, к сожалению, плавно перешла и в современную историческую науку независимого Узбекистана. «Поставив крест» на этом периоде историки страны пришли к тому, что абсолютно не понятно, что же конкретно происходило в Средней Азии до и после распада Монгольской империи.

Ряд знаковых событий и государственных образований этого периода, являющихся ключевыми в мировой истории, были задавлены «тяжестью советской идеологической железобетонной плиты» и закрыли понимание всего дальнейшего развития и Средней Азии и в целом мировой истории. История Золотой Орды или Джучиева улуса и его взаимовлияние с регионом Средней Азии на сегодня, это большое неисследованное поле. Образование Чагатайского улуса, его развитие и в целом история и специфические особенности правления Чингизидов и переход власти к Эмиру Темуру – отец которого Эмир Тарагай был из монгольского племени барлас, а мама из Бухары. Эмир Темура завоевал территорию 92 стран и в целом

правил как зять Чингиз-хана (Кураган)¹, и чеканил монеты от имени подставных ханов-чингизидов. Титул хана не могли носить не Чингизиды. История «Золотой Орды», ее распад и то, что осколки этого государства послужили причиной образования новых государственных образований, в том числе Казанского ханства, государства Шейбанидов, Казахского ханства и Российского государства, дают современным историкам новый вектор исследований и изучения, новых, ранее не известных источников. Без всеобъемлющего изучения истории «Золотой орды» и в целом Монгольской империи не будет понятно образование в Средней Азии Чагатайского улуса и как естественное его продолжение образование государства Темуридов, Шейбанидов, Джанидов (Аштарханидов), Мангытов в Бухаре, а так же Хивинского и Кокандского ханств, в которых правили династии потомков Чингиз-хана.

В настоящей статье будет сделана скромная попытка обобщить некоторые сведения о взаимоотношениях Золотой Орды и Средней Азии о развитии торговых путей в границах огромной Монгольской империи.

Хорезм – составная часть Узбекистана, в этот период входивший в состав Джучиева улуса, играл важную роль в развитии торговли между Европой и Азией как и сама Золотая Орда. Этот период явился очень важным в межэтнических отношениях, благодаря миграционным процессам, что способствовало образованию новых народов и их обогащению через ассимиляцию различных этносов. Межрелигиозные отношения, в целом толерантной по своему характеру Монгольской империи привели к веротерпимости между регионами и принятию ислама правителями Джучиева Улуса и, в целом, народов населявших Золотую Орду.

Как отмечает академик В.В. Бартольд: «Монголы принесли с собой очень сильную государственную организацию, которая, несмотря на все недостатки, была более стройно выражена, чем прежние государственные системы, и она оказала сильное влияние во всех областях, вошедших в состав Монгольской империи. Везде вы видите большую политическую устойчивость, чем до монголов. Этой стройной политической организацией сами монголы воспользовались меньше других [1, с. 719] Подобно этому организация первоначального ислама при Халифах принесла гораздо больше пользы завоеванным странам, чем Аравийскому полуострову, который остался в примитивных условиях. Мы знаем по России, что Московского царства не могло появиться без монгольского ига (курс. мой Ш.М.).

То же самое относится и к другим странам, как к Персии, которая сложилась под влиянием традиций монгольских. То же самое произошло в Китае, несмотря на его старые традиции. До монголов китайское государство часто распадалось на отдельные части, и даже в момент завоевания

¹ Старшая жена правителя Биби-Ханым, была из рода Чингиз-хана.

монголами было разделено на два государства. Но после монголов, вплоть до новейшего времени Китай составлял одно целое. Вообще в странах от России до Китая мы видим больше политической устойчивости после монголов, чем до них, на что конечно, оказала влияние их система управления» [1, с. 719].

По мнению академика, Западная Европа до монгольского нашествия Дальним Востоком не интересовалась, и именно после нашествия монголов европейские путешественники и купцы стали ездить через Россию и Золотую Орду в Китай, и образовался торговый путь Сарай, Сарайчик, Хорезм, а из Хорезма через Отрар и Алмалык (около Кульджи). Это был единственный период, когда под властью одного народа и одной династии объединились все земли от России до Китая [1, с. 712]. Это было время развития караванной торговли, что должно было способствовать развитию культуры. Города, расположенные на этом пути, должны были развиваться, и в них должна была появиться довольно высокая культура. Самой древней культурной областью был Хорезм, и его культурное влияние распространилось на всю Волгу [1, с. 713]. Впоследствии Тимур вывез хорезмских мастеров в Самарканд, и они построили ему в Шахриябзе дворец.... В пределах Хорезма мы имеем величественные памятники, относящиеся к XIV веку, точно определенные по времени, как например, существующую доныне могилу жены наместника Хорезма, Тюрабек-Ханым [1, с. 713].

Ургенч тогда был главным городом Хорезма, и как описывает его Ибн-Баттута, был великолепным городом, средоточием торговли; западноевропейские путешественники отзываются о нем таким же образом, говоря о нем, что он был самым богатым городом на этом пути, что все товары можно было в нем сбыть, и что здесь можно было запастись серебром в любом количестве, какое нужно было для дальнейшего путешествия.

Здесь мы встречаемся и с великолепной мозаикой в потолках, что представляет редкое явление в мусульманских постройках. Мы знаем, что в мусульманском искусстве мозаика была заимствована от византийцев, работавшими по ней были главным образом иноземные мастера, а между тем ее мы находим здесь, в «глуши Средней Азии, в теперешнем Хорезме, в развалинах Ургенча» [1, с. 713].

Кроме этой материальной культуры, мы встречаем здесь так же и высокую духовную культуру. Мы видим сохранение школы мусульманских рационалистов, мутазиликов. Мутазилитское движение, как известно, было учением, где в основу клался разум, которому придавалось даже больше значения, чем преданию. Эта школа перешла в Хорезм еще в XI веке, и имеется свидетельство, что еще в конце XII века мутазилики существовали, но вели более умеренную полемику, чем вообще в богословии, а в особенности в мусульманском принято: здесь культурное развитие было настолько высоко, что считалось неприличным спорить очень резко, и спор

велся с известным тактом, который предписывался обычаем. Несмотря на то, что весь город был разрушен при взятии его монголами и восстановлен на новом месте, школа пережила монгольское нашествие и упоминается при их господстве. Этот факт свидетельствует о жизненности духовной культуры.

Естественно, что Хорезм оказывал влияние на другие области, находившиеся под властью монголов, и мы «знаем одного поэта хорезмийского происхождения, который жил в XIV в. в Золотой Орде и написал единственное составленное на турецком языке в этом государстве поэтическое произведение (Михаббат-наме. Хорезми)... Было много архитектурных сооружений; в Хорезме сохранились развалины построек, о которых упоминают источники, с точным указанием времени основания. То же происходило в Болгаре и Крыму» [1, с. 713].

Как отмечает академик Бартольд, чтобы определить культурное состояние Золотой Орды не пустыми фразами, а более реальными фактами, нужно было сравнить эти постройки и выяснить свидетельствуют ли они вообще о какой-нибудь общей культуре. Вопрос надо поставить так, потому что мы имеем явление, которое указывает на обособленность этих культурных центров и позволяет сомневаться можно ли говорить об общей культуре: это чеканки монеты. В отдельных городах, в Болгаре, Хорезме, Сарая, Крыму, устанавливаются типы, которые проходят через много лет, и монета в каждом месте чеканится по одному и тому же образцу, однако монеты, чеканенные в одном году, но в разных местах, отличаются друг от друга; мы видим на них различные шрифты, надписи и т.п. Это особенно характерно, если сравнить с чеканкой монет при халифах. При Аббасидах на монетах, чеканенных в одном и том же году, скажем в Самарканде и в Багдаде, несмотря на то, что на Самарканде власть халифа мало распространялась и фактически он управлялся другой династией, шрифт и сами буквы совершенно сходны [1, с. 714]. Здесь же в Золотой Орде, мы видим различные типы монет, украшений, формата и т.д. одновременно в разных городах. Во всяком случае, культура Золотой Орды опровергает мнение, которое теперь должно быть оставлено, что будто бы культурная отсталость России зависит от монгольского ига, что без него Россия находилась бы на той же степени культуры, как Западная Европа. Теперь можно сказать, что именно в период монгольского ига, когда караванные пути проходили через Россию, Россия вступила в более тесную связь и с Востоком и с Западной Европой, и вступление Новгорода и других городов в Ганзейский союз раньше было не возможным. Во времена монгольского господства происходит культурное развитие России, и если сравнить жизнь московскую с жизнью предшествующих периодов, например киевского, то увидим большое развитие по сравнению с прежним временем. Отсталость России от Западной Европы объясняется тем,

что она не принимала участия в крестовых походах и т.д. На Западе арабские сочинения переводились на европейские языки, а в России православие, заимствованное из Византии, было настолько сильно, что, несмотря на непосредственные сношения с Золотой Ордой и Хорезмом, не было ни одного случая прямого заимствования какого-нибудь восточного литературного памятника и перевода его на русский язык. Мы знаем, что были переводы на русский язык некоторых восточных произведений, как например, «Золотых врат», приписываемых Аристотелю, или «Логика Аиасафа», которая в действительности есть сочинение арабского философа XI–XII века Газали, но эти «сочинения появились в России в XIV веке окружным путем, через Западную Европу и, те же евреи, которые на Западе были главными переводчиками с восточных языков на европейские и главными посредниками между восточной и европейской культурами, переносили эти произведения в Россию. Так окружным путем, через западную Европу, проникали в Россию мусульманские сочинения» [1, с. 715].

По мнению Бартольда, с самого начала центром жизни монголов был бассейн Волги, причем Болгар был первым городом Восточной Европы, в котором монголы чеканили свою монету. Торговый Болгар был разрушен монголами при завоевании царств волжских или камских болгар, но скоро был восстановлен и сделался более значительным городом, чем до завоевания, судя по тем развалинам, которые дошли до нас; там имеются надписи не только мусульманские, но и армянские, свидетельствующие о торговом значении города, о том, что там были армянские купцы и что их значение было так велико, что появились армянские надписи [1, с. 710]. При монголах возникли на Волге и другие города. Возник Укек, развалины которого находятся у Саратова... Затем монголы построили столицу, получившую название Сарай. Сарай значит «дворец» и, несмотря на то, что монголы вели кочевую жизнь, все, же их ханы не могли не увлечься планом построения царских дворцов. И в других странах архитекторы из культурных народов строили дворцы для монгольских ханов, и поэтому название Сарай встречается во многих местах. «Таким же образом объясняется и происхождение города Бахчисарая в Крыму. Это был первоначально царский дворец, а потом вокруг него возник большой город» [1, с. 711].

«Прежде, как известно, к татарам относились, безусловно, враждебно, отрицая у них всякую культуру, и о завоевании России монголами говорили только как о варварстве и об иге варваров. То что татары принесли с собой высокую культуру, это опровергается всеми данными, которые мы имеем о татарах, но несомненно, что такой город как Сарай, должен был быть средоточием жизни купцов и мусульманских ремесленников, тем более, что в это время через него проходил главный торговый путь» [1, с. 712].

Интересные сведения о значении торговли в Золотой Орде мы находим в трудах русских востоковедов XIX века. В оригинальной работе Г.С. Саблукова подробно рассматривается эта проблема [4]. «Царство Джучидов раскинулось на пространстве, соединяющем Азию с Европой, где прежде их пролегал обширный торговый путь между этими частями света. Когда затих быстрый прилив диких азиатских племен в Европу (с III до VII в. по Р.Х.); когда Аравия вместе с исламом распространила свою власть в Трансоксиану и Мавераннахр, и наместники халифа здесь основали свои независимые державы: торговля оживилась под покровительством династий тагиридов, саффаринов, саманидов, туркестанских илеков и других владетелей Бухарии, Хорасана, Кабула в продолжение VIII–XI столетий. Этот торговый путь слабо отмечен в летописях современных, но из невероятного обилия арабских денег, открытых в земле на этом пространстве в последних столетиях, из этой рассыпки монет, по различным благоприятным или неблагоприятным обстоятельствам потерянных тут торгующими, составил для нас летописи о купеческой деятельности в этой стране. Из Герата, Самарканда, Кашемира торговые караваны шли к берегам Волги. Булгар столица народа сего же имени, был главный пункт, через который товары шли или к Новгороду, который их передавал деятельной Газне, или к Киеву, к Херсону и через них в Грецию. Персия и Армения передавали свои произведения через Каспийское море и Дагестан в города Поволжские Итиль и Булгар» [4, с. 24].

Монголы, пронесшись по сей стране опустошительною грозою, «покрыв пеплом города Мавераннахра, Булгарии, Руси, остановили на некоторое время торговую деятельность; но она скоро опять возобновилась, когда военная гроза стихла», когда монгол, полюбивший негу, источников для своей грубой роскоши и находил их в покровительстве купечеству. Большие караваны опять стали перевозить дары природы и промышленности через владения хана: Болгар и Сарай сделались перепутьем их. Со стороны Европы торговля поддерживалась более деятельностью новых торговцев в Крыму, генуэзцев, когда с половины XIII столетия родоначальник палеологов вырвал столицу империи из рук династии воцаренной там крестоносцами, и позволил Генуе завести свои торговые колонии по всей стране. Каффа и Азов сделались двумя главными складочными местами, в которых товары Азии принимались в Европу, а европейские в Азию. В городах Орды – Сарае, Астрахани, Болгаре жили армяне, евреи, греки, генуэзцы или приезжали туда временно для торга. Русские купцы спускались на судах по Волге в города татарские, несмотря на то, что подвергались грабительству татар, часто терпели потери вместо прибыли.

Разнообразные произведения природы и промышленности наполняли базары татарских городов: среди мелочных вещей, нужных для домашнего употребления бедного человека, отличались предметы, представлявшие и

роскошь, предназначенные для богачей: меха собольи, куны, бельи, доставляемые из России, мордовской земли, Башкирии, парчею наделяла Кипчак Греция; шелковые ткани шли из Шамахи и Персии; бумажные ткани, ковры вместе с бирюзой и другими камнями многоцветными привозимы были караванами из Бухарии, Бедехшана, Кабула; жемчуг и кораллы из Индии [4, с. 24].

Кыпчакские татары извлекали для себя из торговли выгоду сборами пошлин с товаров, идущих через их владения, так же сбытом и предметов собственного промысла. Скотоводство, их главный промысел, было столь велико, что их стада удивляли путешественников многочисленностью овец, коз, волов, верблюдов, коней. Конями из их табунов наполнялись торжища, как во внутренних городах, так и на границах их державы. Купцы ордынские жили в Москве, Рязани, Твери, Владимире и других русских городах: они, то пригоняли туда свой скот для продажи, то привозили товары Персии, Бухары. Болгары, издавна славившиеся выделыванием сафьяна, юфти, шагрени и под монгольским владычеством, без сомнения, сохраняли эту промышленность, и их изделия развозились по базарам ордынским и другим городам. Кочевой образ жизни и однообразность промышленности в Кыпчаке, приводят к выводу, что «сделки в торговле с татарами производились чаще меною, нежели куплею, хотя Кыпчак имел довольно и звонкой монеты» [4, с. 25].

Монголы, вступив на земли кыпчаков, нашли здесь много городов больших и богатых. «От восточного предела его до крайней черты на западе были с различною степенью устройства города: Хорезм или Ургенч, прежняя столица Хорезма нынешней Хивы; Янги-шегр при реке Сыре, в расстоянии двухдневного пути от Аральского моря; Саганах, при реке Мускате, впадающей в реку Сыр. В стране Булгаров – Болгар, столица сего города близ Волги, Джукетау близ устья Камы, Кременчуг, Биляр; Сумеркент на одном из островов в дельте Волги; Дербент на берегу Каспийского моря, Баку так же при сём море и Шабран неподалеку от Кубы, в 12 верстах от моря; Деяков, в окрестностях Дербента, на реке Севенце или Койсу, в землях Алан; Маджары при слиянии реки Бювалы и Кумы, Шамаха, главный город Ширвана, Тана или Азов, при устье Дона, Херсон на крымском полуострове» [4, с. 25].

Все указанные города при обширной торговле в этих странах были довольно благоустроены, монголы разрушили их, и, уменьшив народонаселение, умертвили городскую жизнь в Кыпчаке. Однако суровый климат сей страны в зимнее время, потребность сосредоточивать дела управления в местах постоянных, нужда защищать себя при частых смутах в Орде, заставили ханов при кочевой жизни избрать некоторые места постоянными пунктами, возобновить жилища разрушенные, положить основания новым городам. Монголам обязаны своим началом города: Казань, на бе-

регу реки сего же имени, Сарайчик при устье реки Урала, основанные при Батые, Орна или Орнач при устье Дона, близ Азова. На таврическом полуострове возникли города Эски-Крым и Крым ал-Джадид или Старый и Новый Крым. В центре кыпчакской державы явились города: Хаджи-Тархан в устьях реки Волги, Бездеж на рукаве той же реки близ нынешнего Енотаевска, Джигит-хаджи или Беш-кыз, которого место занимает ныне село под именем Селитренного Городища, и который в Батыево время носил имя Сарая; Сарай-ал-Джадид, т.е. новый Сарай, по русским летописям Большие Сарай, на месте нынешнего Царева, при (на) вершине Актубы.

Сарай, основанный Батыем, недалеко от Сумеркента, был резиденцией его преемников в XIII столетии. Новый Сарай, являющийся первый раз на монете Токта-хана, был столицей Орды с XIV столетия до ее падения. Однако, правители Кыпчакского ханства в основном вели кочевой образ жизни [4, с. 27].

Одним из великих правителей Золотой Орды, при котором получило развитие взаимное сотрудничество различных регионов современного мира, можно с уверенностью назвать хана Узбека. Почти тридцатилетнее правление Узбека (1313–1342) принадлежало к числу лучших эпох Золотой Орды. В его правление минуло столетие со времени основания золотоордынского ханства на берегах Волги. Обширное государство включало в себя русские удельные княжества, нынешние новороссийские степи, Поволжье и часть киргизо-казахских степей, Крым, часть Кавказа и на Востоке Хорезм (Хиву). Наместники его не отторгали земель и не отделялись от могущественного хана. Его считали четвертым из семи великих государей восточного мира. Он был в родственных союзах с Египтом, Константинополем и Москвою. «Легаты папские, русские князья и митрополиты, константинопольские посланники и генуэзские купцы раболепно толпились у его позолоченной ставки» [5, с. 27]. Знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута, Марко Поло своего века, удивлялся великолепию и порядку в полукочевой и полuosедлой «Узбековой державе» [5, с. 27]. Воспитанный в ислализме, Узбек был ревностным мусульманином, что способствовало распространению его славы в мусульманском мире и в то же время «сообщало лоск образованности его двору, потому, что он жаловал и книжников» [5, с. 17]. Известные монеты Узбековы чеканены в городах Сарае, Болгаре, Мокше, Крыме, Азове и Хорезме. «Мусульманская ревность его выказывается помещением на монетах суннитского исповедания веры и имен четырех первых халифов, также придачею эпитета «богохранимый» к именам главных его резиденций, и арабскими именами и почетными титулами самого хана: Мухаммед, Гаяс-ад-дунья и Гаяс ад-дунья-ва ад-дин, т.е. Ревнитель мира и веры» [5, с. 18]. Русские величали его «царем», папа «императором». Официальные титулы его, встречаемые

на монетах – султан верховный (или великий), «султан правосудный», и «хан» [5, с. 18].

Чагатайский улус

В первой трети XIII столетия, при жизни Чингиз-хана, монголами были завоеваны громадные территории, включая большую часть Средней Азии. В 1227 г. Чингиз-хан разделил захваченные территории между своими сыновьями. Земли Средней Азии к востоку от Амударьи достались второму сыну, Чагатаю (или Джагатаю), а западная ее часть – Восточный Иран и Северная Индия отошли во владение четвертому сыну – Тулюю; к северу от Аральского и Каспийского морей простирались владения внука Чингиз-хана Бату, отец которого Джучи к тому времени уже умер; титул великого хана и обширные земли в Центральной и Восточной Азии получил Угедей. После смерти Чингиз-хана (1227) его преемники продолжали завоевания, расширяя свои владения. Хулагу, сын Тулуя, в 50–60-е годы XIII в. завоевал Иран, Месопотамию и Сирию. В 1258 г. им был взят Багдад, а халиф ал-Мустасим из династии Аббасидов захвачен в плен и убит. В первой половине XIV в., когда Ибн Баттута посетил Среднюю Азию, ее территория была разделена между владениями трех монгольских государств. Северо-западная часть, включая Хорезм, входила в состав Золотой Орды (Улус Джучи) со столицей в Новом Сарае (Сарай-Берке); здесь правил Узбек-хан (1312–1340). Юго-запад был частью государства Хулаги-дов, а восточные районы относились к Чагатайскому улусу. Однако фактически у власти во многих областях стояли полусамостоятельные феодалы, происходившие частью из династий Джучи, Чагатая и Хулагу, частью – из местных знатных родов. Ибн Баттута упоминает нескольких монгольских правителей. В Мавераннахре, Семиречье и Восточном Туркестане это были представители чагатайской династии: Кебек с 1318 по 1326 г. Элджигидей и Дува-Темюр в 1326 г. и Ала ад-Дин Тармаширин с 1326 по 1334 г. В правление последнего и посетил Ибн Баттута Среднюю Азию. Главой государства Хулаги-дов был ильхан («повинующийся великому хану») Абу Саид (1317–1335).

Первым монгольским государем, перенесшим свою ставку на территорию Средней Азии (в Мавераннахр), был Кебек, выстроивший себе дворец близ г. Несефа (ныне Карши). Решение Кебека имело весьма важное значение, поскольку явилось шагом к переходу монгольских правителей с кочевого на оседлый образ жизни. Однако оно еще отнюдь не означало отказа от кочевой жизни вообще: Кебек проводил значительную часть времени (преимущественно летом) вне дворца. Даже его преемник Тармаширин, невзирая на зимнюю стужу, по свидетельству Ибн Баттуты, принимал путешественника в шатре.

Правление Кебека ознаменовалось проведением важных денежных и административных реформ, способствовавших развитию хозяйства в Чагатайском государстве. Денежная система была приведена в соответствие с теми, которые существовали в государстве Хулагидов и Золотой Орде; был налажен выпуск новых монет – динаров и дирхемов (6 дирхемов равнялись одному серебряному динару весом более 8 г), которые чеканились в основном в Бухаре и Самарканде. При Тармаширине интенсивный чекан серебряной монеты осуществлялся в Отраре.

Характерной чертой внутривосточной жизни Чагатайского государства этого периода были почти не прекращавшиеся междоусобицы. Местные эмиры выходили из повиновения центральной власти, вели военные действия, как между собой, так и с правителями государства. Так, в правление Кебека мятежный царевич Ясавур фактически контролировал южные области страны, совершая набеги на крупные города. Преемник Кебека Тармаширин был убит в ходе восстания местных феодалов.

В правление Тармаширина произошло важное событие в политической и идеологической жизни государства: ислам был объявлен официальной религией. Его предшественник, хотя и не принял ислам, охотно беседовал с мусульманскими богословами. Тармаширин, по отзывам современников, был уже ревностным мусульманином.

Большое значение имела административная реформа, в ходе которой территория страны была разделена на мелкие административные единицы – туманы, во главе которых стояли наместники – представители тюрко-монгольской знати. Главы крупных родов заняли теперь посты в государственном аппарате не только в пределах своих владений (уделов), но и во вновь созданных туманах. Род Барласов, например, расселился в долине Кашкадарьи, Джалаиры – в районе Ходжента и т. д. Однако не прекращавшиеся феодальные усобицы усложняли проведение реформ и к концу 50-х годов XIV в. привели к распаду Чагатайского государства на целый ряд самостоятельных княжеств.

С середины XIII и особенно в XIV в. городская жизнь Средней Азии постепенно начинает вновь оживать. Местные зодчие и ремесленники воздвигают новые архитектурные сооружения на месте разрушенных монголами, создают произведения прикладного искусства, продолжая домонгольскую художественную традицию. Архитектурные памятники, сохранившиеся от того времени, – в основном мавзолеи, наиболее ранние из которых мавзолей и ханака шейха Сайф ад-Дина Бахарзи, где побывал Ибн Баттута. Сохранилось несколько мавзолеев XIV в. в Самарканде (в комплексе Шах-н Зинда), Бухаре, Куня-Ургенче и других городах. В этот период был возведен и целый ряд дворцов (дворец Кебека в Карши и др.), медресе, мечетей и других сооружений, не дошедших до наших дней или сохранившихся лишь частично.

Разрушенные во время войны города восстанавливались очень скоро: мы видим постоянно, что как только устанавливался мир, принимались меры для восстановления городов. Некоторые провинции, например Бухара и Самарканд, были завоеваны только один раз, а города Персии завоевывались по несколько раз, и поэтому некоторые из них не восстанавливались совсем, например Мерв, зато другие восстанавливались скоро, и даже возникали новые, как например Султания. Постройки и экономическое положение свидетельствуют о громадном развитии по сравнению с предыдущим, и это период является лучшим временем в истории персидской архитектуры. Это факт, который нельзя отрицать [1, с. 718].

Когда мы говорим о Золотой Орде, мы упоминаем название главного города – Сарая. То же значение имеет слово – «карши», которое означает на уйгурском языке – дворец. Таким образом, на пути своего завоевательного движения ханы образовывали города и сами перешли к оседлому образу жизни, но этот их переход к другому образу жизни вызвал столкновение с их поданными. Поданные восстали против хана Тармаширина, и хан Дженкши снова вернулся на Восток, но это было временно, так как вскоре возобновилось движение на запад. Затем хан был свергнут, вся власть перешла в руки главных эмиров, которыми возводятся на престол подставные ханы. Все эти эмиры поделили между собой области, причем роду барлас, из которого произошел Тимур, досталась долина Кашка-Дарьи с городами Шахрисябзом и Карши [1, с. 718].

Теперь при создавшемся положении считается непозволительным для хана или эмира строить укрепленные города, так как это обозначает разрыв с поданными-кочевниками. Поэтому мы видим, что каждая такая постройка вызывает восстание, причем каждый из победивших в таком восстании, впоследствии возобновляет попытку своего предшественника. Таким образом, когда предшественник Тимура Хусейн решил восстановить Балх, то Тимур уговаривал его не делать этого, так как это вызовет восстание. Но Хусейн все таки построил город, и восстание произошло. Тимур, принимавший участие в нем, одержал победу, и так же окружил стеной свою столицу Самарканд, и таким образом установил свою власть. Это вызвало некоторые смуты, но они были подавлены, и Тимур окончательно установил свою власть в Средней Азии [1, с. 734].

Правители Золотой Орды и исламская религия

В рассматриваемый период усиливается роль исламской религии и значение одного из древнейших городов мира Бухорои-Шариф («Благодарной Бухары»). Правители Золотой Орды знали об этом городе и считали за честь посетить этот центр ислама и даже принимали ислам в этом городе. Один из великих религиозных деятелей этого периода, проживавший в славном городе, был глубоко почитаемый в народе Шейх-ул-алам

(Шейх-мира). Сайф ад-дин Бохарзи, (настоящее имя Абу-л-Мали Саид бен-ал-Мутаххир) (1190–1261), известный на мусульманском Востоке суфийский шейх, поэт-мистик и богослов родился в хорасанской области Бохарз. По данным Хамидаллаха Казвини, он учился в Герате и Нишапуре, где получил обычное в то время религиозно-юридическое образование и вскоре сделался суфием. По некоторым сведениям Сайф ад-дин Бохарзи совершил паломничество в Мекку и Медину, изучал шедевр мусульманского законодательства «ал-Хидая» [6].

Переехав в Хорезм, он был принят в число немногих мюридов (учеников) популярного шейха Наджм ад-дина Кубра (1145–1221) – основателя суфийского братства (тарикат) Кубравийа в Средней Азии, погибшего при завоевании Хорезма монголами в 1221 г. Суфийское братство Кубравийа представляло среднеазиатскую школу мистицизма, являлось традиционно суннитским и возводило цепь духовной преемственности (санад) к Абу Бакру, либо к Али ибн Аби Талибу.

О характере суфийского подвижничества Сайф ад-дина Бохарзи сообщают разные источники. В частности, поэт XV в. ‘Абдуррахман Джами утверждает, что Сайф ад-дин Бохарзи был послан своим наставником Наджм ад-Дином Кубра в Бухару, где шейх прожил около 40 лет. В Бухаре шейх занимал видное положение, пользовался популярностью среди населения и большим влиянием у монгольских правителей, был мударрисом и мутаваали (распорядителем вакуфных средств) одной из крупных духовных школ – медресе Ханйие, разрушенного в 1273–1276 гг. при очередном погроме Бухары во время междоусобной войны среди чингизидов.

Под влиянием Сайф ад-дина Бохарзи отдельные правители из чингизидов начали принимать ислам, покровительствовали строительству мечетей и медресе. Правители, принявшие ислам, считали честью получить благословение шейха Сайф ад-дина Бохарзи. Золотоордынский хан Берке специально прибыл в Бухару с низовьев Волги, чтобы принять ислам из рук великого шейха.

«Заслуживающие доверия люди говорят, что Берке-хан, сын Туши (Джучи) хана сына Чингиз-хана, родился в земле Чина или Кипчака, или Туркестана в то время, как отец его Туши хан взял Хорезм и войско его находилось в землях саксинских, булгарских и саклабских. Когда мать родила Берке хана, отец его сказал: «Этого сына я делаю мусульманином, добавьте ему мусульманскую кормилицу, чтобы она пуповину обрезала по-мусульмански и чтобы он пил мусульманское молоко.... По достижении им срока обучения и наставления собрали несколько мусульманских имамов и выбрали одного из них для обучения его (Берке) Корану. Обучение его Корану происходило в Ходженде, у одного из ученых благочестивцев этого города. Когда отец его Туши-хан, будучи отравлен Чингиз-ханом, покинул мир и брат его Бату-хан сел на престол на место отца, то

он Бату утвердил за Берке ханом командование армией... Выросши, Берке-хан, чтобы посетить оставшихся в живых и умерших мусульманских святых и ученых, поехал из земли Кыпчакской в Бухару. Все его войско состояло из 30 000 мусульман, и в его войске была установлена пятничная молитва. Во всем его войске его никто не пьет вина и при нем постоянно находятся великие ученые из числа толкователей (Корана), изъяснители хадисов, законоведов и догматиков. У него много богословских книг, и большая часть его собраний и собеседований происходит с учеными. Во дворце его постоянно происходят диспуты относительно шариата. В делах мусульманства он чрезвычайно тверд и усерден [2, с. 17–18].

Рукн ад-дин Бейбарс, автор многотомного сочинения «Зубдат ал-фикра фи тарих ал-хиджра» или «Тарих Байбарса» («Летопись Байбарса») подробно описал, при каких обстоятельствах Берке стал мусульманином [3, с. 113].

«Воссел на престол страны Берке. Он принял ислам, был благочестив, установил маяк религии, распространил законы мусульман... Принялся за строительство мечетей и медресе в разных концах своей страны. Причина принятия им ислама была в том, что аш-шейх Наджм ад-дин Кубра...распределил своих мюридов по великим городам. Отправил... Сайф ад-дин Бохарзи – в Бухару» [3, с. 114].

Под влиянием авторитетного шейха Бохарзи некоторые монголы также стали принимать ислам. Прослышал о Сайф ад-дин Бохарзи и Берке. В знак своего уважения он прислал ему в дар пайцзу – табличку, представлявшую из себя аналог жалованной грамоты. Реакция шейха была своеобразной.

«Когда она (пайцза) дошла до него, то он спросил у гонца: «Что это такое?». Гонец ответил: «Это сделает руку шейха всеохватной в климатах и защитит каждого, кто будет вместе с ним». И он сказал ему: «Прикрепи её к ослу и отправь его в степь. Если она защитит его от мух, то я приму её; а если она не сможет защитить осла, тогда, возможно, от нее для меня не будет никакого толка». Так он отказался принять ее. Гонец вернулся и известил Берке о том, что сказал шейх. Тогда Берке сказал: «Я сам лично направляюсь к нему!» И он направился к нему, прибыл в Бухару и прождал у двери шейха три дня. Шейх не разрешал ему войти к нему до тех пор, пока один из его послушников (мюрид) не заговорил с ним, сказав: «Это великий правитель, и он прибыл из далекой страны, чтобы просить благословения от шейха и поговорить с ним. И нет вреда в том, чтобы дать ему разрешение (войти). И он вошел к нему...принял ислам из его рук и вернулся от него в свою страну» [3, с. 114].

Сайф ад-Дин Бохарзи был автором нескольких классических трудов, которые писал на арабском и персидском языках. До нашего времени дошли «Шарх», «Ал-Асма ал-Хусна», «Рисалия дар 'ишк» (трактат о мис-

тической любви), «Рубайат», «Вака-и хильват» (происшествия в дни уединения), «Васият-наме (завещание)», «Руз-наме».

Сайф ад-дин Бохарзи был главой ханаки (халифа) Фатхабад, управлял ханакой и прожил в ней около 40 лет. После смерти в 1261 г. шейх был похоронен в специально выстроенной на территории ханаки гробнице, которая явилась идеологическим центром, духовной основой суфийского братства в Фатхабаде, главной бухарской святыней, почитавшейся на протяжении многих веков.

В заключение можно сказать, что в статье рассмотрены некоторые узловые моменты периода Золотой Орды и взаимоотношения этого региона со Средней Азией. Некоторые вопросы остаются за полем исследования. Например, приезд хана Берке и принятие им ислама в Бухаре, а так же другие факты, говорят нам о том, что в целом Чагатаев улус фактически управлялся на протяжении долгого времени правителями Золотой Орды или Джучиева Улуса. На этот факт, в основном, исследователи не обращают внимание. Хорезм, будучи частью Джучиева улуса играл значительную роль в межрегиональной торговле. Однако в узбекской историографии этот факт не изучен.

Взаимовыгодные экономические, торговые и культурные отношения между странами различных регионов по трассе Великого Шелкового Пути могли быть только в рамках единого экономического пространства. В качестве примера можно сказать, что иначе система пайцзы не могла быть действенной. Правящие круги Золотой Орды, будучи территориально в центре этих процессов, фактически взяло на себя роль регулятора или координатора межрегиональных контактов. Благодаря этому, обрел «новое дыхание» Великий Шелковый Путь, который шел от Тихого Океана до Средиземного моря. Государство Тимура в следующий период, взяло на себя роль этого регулятора, и продолжило традиции Золотой Орды во всех сферах межрегионального сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 878 с.
2. Джузджани «Табакат-и-Насири» (Насировы-разряды) (644–664=1246–1265) // Сборник материалов относящихся к истории Золотой орды. Т. II. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1941. 308 с.
3. История Казахстана в арабских источниках. «Дайк-пресс». Т. I. Алматы, 2005. 410 с.
4. Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния кипчакского царства. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1895. 60 с.

5. Савельев П. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джалаиридов и другие обращавшиеся в Золотой орде в эпоху Тохтамыша. Выпуск первый. СПб.: Типография заготовления Государственных бумаг, 1857. 184 с.

6. <http://www.advantour.com/rus/uzbekistan/sufism/bokharzi.htm> / Архивная копия от 10 июля 2016 г. на Wayback Machine “Шейх ал-алам” – Сайф ад-Дин Бохарзи.

Сведения об авторе:

Шухрат Бахронович Мухамедов – кандидат исторических наук, заместитель директора по науке Института истории Академии наук Республики Узбекистан (Ташкент, Республика Узбекистан). E-mail: shukhrat.mukhamedov@gmail.com

**Историческая география Великого Шелкового пути:
сведения восточных письменных источников
по Центральной Азии***

В статье рассматриваются некоторые сведения восточных источников по исторической географии центральноазиатского отрезка Великого Шелкового пути. Приводятся извлечения из китайских и арабографических письменных памятников о крупных торговых центрах, городах и селениях, о переправах на реках, горных перевалах и ущельях, через которые проходили торговые и посольские караваны. Центральная Азия являлась ключевым звеном в разветвленной системе трансконтинентальных маршрутов между Китаем и странами Среднего Востока и Европы в древности и средневековье, но отдельные ее караванные дороги, связывающие регион с соседними странами, использовались вплоть до начала XX века.

Ключевые слова: Великий Шелковый путь, историческая география, Китай, Центральная Азия, китайские источники, арабографические источники

Как известно, начало развитию Великого Шелкового пути положила первая экспедиция знаменитого китайского дипломата и путешественника Чжан Цяня (?–114 г. до н.э.) в Центральную Азию. В 139 г. до н.э. император Хань Уди (140–87 гг. до н.э.) направляет его в *Западные страны* (*Сиюй* по китайским источникам) с целью вступить в переговоры с населявшими те края племенами *юэчжи* и заключить с ними союз против *сюнну* (*хунну*). Только в 128 г. до н.э. Чжан Цяню удалось достичь расположенного в Ферганской долине государства *Давань*. Во время своих путешествий он собрал ценнейшие сведения о расположенных к северо-западу от Китая странах и населявших их народах. По мере роста политического и экономического могущества китайской империи Хань (II в. до н.э. – II в. н.э.), важнейшей внешнеполитической задачей Китая становится установление стабильных торговых отношений со странами, располагавшимися на территории Центральной Азии.

В истории становления Шелкового пути можно выделить несколько отдельных трасс, соединявших Китай с западными странами. В «Сиюй чжуань» («Повествовании о Западных странах»), главе 329 «Хань шу»

* Статья подготовлена в рамках гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан по финансированию фундаментальных и прикладных научных исследований.

(«Истории [династии] Хань») о Южной дороге сказано: «Из Шаньшани¹ по боковой [части] Наньшаня (Южных гор) [на] север, перейти реку на запад до Шачэ (Яркенд) ... на западе перейти Куньлунь (Луковые горы), [и] тогда выйдешь к даюэчжам², в Аньси» [15, с. 116].

Т.е., из Дуньхуана нужно было пройти в западном направлении по краю гор Куньлунь, пройти Шаньшань (восточнее современного уезда *Жоцянь*), Цюэмо, Хотан (*Хэтянь*), Пичан, Яркенд (*Шачэ*) и перейти плато Памира на запад. Пичан (*Пучан*, *Пичжань*), уезд Пучан так назван по наименованию озера Баркуль (*Пулэй*), находящегося к востоку от него, позднее он был переименован в уезд Пичжань, на картах это город Пичан [7, с. 174–175]. Яркенд – *Шачэ*, или государство *Сочэ*, обширный оазис в долине реки Яркенд в предгорьях Куньлуны. В китайских источниках встречаются названия *Яэркань*, *Яэрицань*, *Еэркинь*, их (кроме *Еэркинь*) указывает и Фэн Чэнцзюнь [23, с. 77–78].

О Северной дороге в главе «Давань чжуань» (Повествование о Давани) того же источника записано: «...из ставки вана³ Переднего Чэши [необходимо] следовать к Бэйшань (Северные горы), на западе перейти Хэси, [дойти] до Шулэ, ... [на] западе перейти Куньлунь, [войдете] в Давань, Канцзюй, Яньча» [15, с. 116]. Таким образом, из Дуньхуана нужно было пройти на северо-запад через *Юймынгуань*, пройти озеро Лобнор, Улэй, что восточнее Луньтая, *Гуйцы* (Кусан, Кучар, Кучэ), *Гумо* (Аксу), *Шулэ* (Кашгар) и другие места, затем, продвигаясь на запад войти в Ферганскую долину, перейти реку *Сизрхэ* (Сырдарья), дойти до озера *Яньхай* (Аральское море) и озера *Лихай* (Каспийское море), а оттуда лежал путь в Европу. Здесь *Давань* – *Даюань*, так в древности называлась территория современной Ферганы. Другие названия *Лона*, *Полона*, *Бохань*, *Баханьна*, *Пэйхань*, *Бахэна*. Королевство *Чэши*, это государство, существовавшее, по-видимому, со второй половины II в. до н.э. на территории Турфанской впадины. В середине I в. до н.э. он разделилось на два государства: Переднее Чэши с центром в г. Ярхото и Заднее Чэши с центром в г. Утугу [7, с. 163].

В период Хань Северной дорогой Великого Шелкового пути через земли Турфанской впадины пользовались нечасто, т.к. она была небезопасной и идущие по ней караваны нередко подвергались нападению. Торговцам приходилось пользоваться, в основном, Южной дорогой. К тому же на протяжении II–I вв. до н.э. правившая в Китае династия Западная

¹ *Шаньшань* – государство Лоулань, его территория находилась к югу от озера Лобнор. Оно было ближайшим к Китаю из всех государств Западного края.

² *Даюэчжи* – *юэчжи*, название древнего народа. В древности жили в западных районах современной провинции Ганьсу. В к. III – н. II в. до н.э. под натиском *сюнну* значительная часть народа переселилась в Среднюю Азию и стала называться *даюэчжи*, а оставшаяся, меньшая часть – *сяюэчжи*.

³ *Ван* – правитель, князь.

Хань вела длительную борьбу с хуннами (*сюнну*) за установление своего контроля над Турфаном и Хами (Кумул), поэтому мало кто тогда изъявлял желание пройти по местам военных действий. Наиболее удобный путь пролегал через Лобнор прямо в Улэй, Кучар, в стороне от Турфана и Хами. В начале нашей эры через Лобнор проходил и водный путь, о котором упоминает китайский историк Чжао Юнфу в своей работе «Сычоу чжилу» («Шелковый путь») [26, с. 220].

Чжао Юнфу также отмечал, что во время Хань Шелковый путь делился на две дороги (Северную и Южную). Говоря о Северной дороге, он писал, что после *Юймынгуаня*⁴ нужно пройти по южному хребту Тяньшаня, затем пройти Турфан, Яньци, Вэйми и ряд других мест на запад [16, с. 178].

У Э. Паркера мы находим пояснения, что Северная и Южная дороги так названы по своему положению в отношении хребта Тянь-Шань. Он отмечает, что Северной дорогой считается та, которая ведет из Сиань-фу к северу от Кукунора, через Ганьчжоу, Сучжоу и реку Буланцзиэр (в Аньсичжоу) в Хами (Кумул), Баркуль, Манас, Урумчи и Или. Через хребет Тянь-Шань надо перевалить около Кумула или Турфана [14, с. 100–101].

После падения династии Хань в начале III в. старая Северная дорога оживает и в III–IV вв. по ней начинается активное движение. Что касается Нового Северного пути (*Бэй синьдао*), то он начинался в *Юймынгуане*, затем обходил пустыню с востока, вел в Хами и далее шел вдоль северных отрогов Тянь-Шаня на запад.

Хами (Кумул) был важнейшим оазисом не только Восточного Туркестана, но и всей Центральной Азии. Через него проходили торговые пути, соединявшие Китай с Западными странами (*Сиюй*). От Хами на восток, в направлении древнего Китая, почти на тысячу км простиралась безводная пустыня. И все же это был ближайший пункт на пути торговых и посольских караванов, следующих из древнекитайской столицы Чанъань (Сиань) на запад, которые после изнурительного пути могли остановиться здесь на кратковременный отдых, пополнить запасы воды и продовольствия, а также заменить заболевших животных [6]. Существовали и другие торговые пути, соединявшие Китай с Западом, но одни из них (через Тибетские горы) были дальними и труднодоступными, а другие (через монгольские степи) были пригодны больше для перегона скота.

Хами был исключительным местом с точки зрения стратегического значения и географического расположения, как последний оазис в цепи оазисов Восточного Туркестана по направлению к Китаю. Несмотря на то, что его отделяла от Китая безводная пустынная степь, Хами был одним из важных пунктов на пути торговых и посольских караванов. Как отмечает

⁴ *Юймынгуань* – крайняя западная оконечность Великой китайской стены.

китайский исследователь Су Бэйхай: «после гибели древнего государства Лоулань⁵, Хами еще больше становится пунктом («гаванью»), соединяющим Восток с Западом. Если кто-нибудь [из Китая] хотел пройти в степи [через] горы Тяньшань или на юг в Таримскую впадину – все дороги все равно пройдут через Хами» [16, 364].

Династийная хроника «Хоу Ханьшу» («История Поздней [династии] Хань») утверждает, что «Хами (Иву) – это ключ к Западным странам» [15, с. 186]. В той же династийной истории отмечается, что еще при династии Хань стратегически важное положение Кумула предопределило то, что здесь были созданы первые в Восточном Туркестане военные поселения *туньтянь*, в задачи которых входили охрана границ и обеспечение войск продовольствием. «Хами чжи» («Историко-географическое описание Кумула») подтверждает: «...император Хань Минди⁶ начал в этих землях осваивать *туньтянь*...» [27, с. 17].

В «Повествовании о Пэй Цзэе», разделе династийной хроники «Суй шу» («Истории [династии] Суй») сказано: «... из Дуньхуана [на запад] ведут три дороги: Северная дорога проходит через Хами и Пулэй (Баркуль), Средняя проходит через Гаочан (Турфан) до Яньчи (Карашара), а Южная – через Шаньшань до Юйтяня (Хотан)» [15, с. 103].

В сочинении Пэй Цзюя «Описание Западных стран» также отмечается значение Хами: «... из Дуньхуана до Сихай (Каспийское море) ведут три дороги. Северная [дорога] начиналась в Иву (Хами), проходила по землям *теле (тура)* у озера Пулэй (Баркуль), ставку тюркского кагана... до государства Фолинь и достигала Каспийского моря. Средняя дорога проходила Иву (Хами), Гуйцы (Кучар), Шулэ (Кашгар), переходила горы Цунлин (Памир), государства Похань, Судуйшанаго (Согдиана), Канго (Самарканд), Цаого (Фергана), Хэго, Да'ань, Сяо'аньго, Муго и достигала Персии и Каспийского моря. Южная дорога вела через Шаньшань, Юйтянь (Хотан), Чжуцзюйбо (Ечэн)... переходила горы Цунлин (Памир), проходила через Хуми, Тухоло (Тохаристан), Ида, Фаньтин, Цаого (Фергана) до Бэйболомын и достигала Каспийского моря. Все эти дороги, в свою очередь, разветвлялись на северные и южные... С древности известны Иву (Хами) и Гаочан (Турфан) – ворота в Сиюй (Западные страны)...» [15, с. 104].

Китайские правители считали его «воротами» не только к Восточному Туркестану, но и всего западного мира. Он был узловым местом миграции

⁵ Лоулань – древнее государство Восточного Туркестана. В 77 г. до н.э. был переименован в *Шаньшань*. Во время династии Тан был захвачен правителем Канго (Самарканд). Его развалины находятся на территории к северо-востоку от современного озера Лобнор [4, с. 265–273].

⁶ Хань Минди – второй император династии Восточная Хань, годы правления 58–75 гг.

ряда тюркских народов. Поэтому на протяжении многих веков, народы, в той или иной мере имевшие отношение к Хами всегда стремились овладеть им. Хами не раз был «яблоком раздора» между ними, и особое усердие в этом смысле прилагали китайские правители.

Династия Тан (618–907), пришедшая к власти в результате крестьянского восстания и одержавшая в дальнейшем победу над тюрками, направила свои усилия на овладение караванными дорогами Шелкового пути. В этой связи Хами вновь стал объектом захвата китайской империей. В главе 193 «Го цюэ» («Всеобщего зеркала, правлению помогающее» отмечено: «В 4-й год *чжэнь-гуань* (630 г.) Иву-чэн (город Хами) занят [Танской] империей. В конце правления [династии] Суй, Иву (Хами) принадлежал Китаю, и там была учреждена *цзюнь* (область). Когда в [империи] Суй начались беспорядки, Иву отошел к тюркам...» [15, с. 104].

Вслед за Хами (Кумулом) еще семь городов, как отмечает «Всеобщее зеркало», «покорились» династии Тан. Среди них Гаочан, Яньци, Гуйцы, Канго, Аньго, Шиго [15, с. 116].

Среди других важных стратегических пунктов Центральной Азии отметим Суяб и Талас. Через Суяб (Суйе) проходила Северная дорога Великого Шелкового пути, которая активно действовала в VI–IX вв. и сохранила свое значение вплоть до XV в. Как отмечал В. В.В. Бартольд, Суяб находился к югу от перевала Кастек в долине реки Чу. Это один из важнейших городов Тюркского каганата, в окрестностях его обыкновенно размещалась орда кагана [1, с. 32–33, 36–39].

В 690 г. после ослабления западных тюрков *туцзюэ*, вызванного усилившейся междоусобной борьбой, Суяб стал политическим центром тюргешей (тюркское племя, входившее в состав Западнотюркского каганата) [8, 169]. Постепенно они подчинили себе ряд племен, ранее входивших в состав Западнотюркского каганата, и в первой половине VIII в. создали сильное государство. Тюргешаи поддерживали оживленные отношения с Китаем на уровне посольств.

Свое название Суяб взял от реки Суяб (Суйе), это название скорее иранского происхождения⁷ и все названия Чуй-хэ (река Чуй), Чу-хэ (река Чу), Сохэ (река Со) – тождественны. Согласно сведениям «Хань шу» («Истории династии Хань»), раздел «Сиюй чжуань», существовали Северная и Южная дороги от «Дуньхуана, с севера примыкающих к Шаньшани Нань-Шаня (Южных гор) на запад перейти реку до Шачэ – это Южная дорога; на запад по Южной дороге перейти Цунлин, так и выйдешь к *даю-эчжам*, Аньси. От ставки *вана* Переднего Чэши следовать к Бэй-Шань (Северным горам), на запад перейти реку до Шулэ – Северная дорога. [Ес-

⁷ Суяб – это «Суй об», т.е. «объект, находящийся у потока воды, реки». «Суй, сув, су» – это «сторона, направление».

ли] по северной дороге на запад следовать до Цунлин, так и выйдешь к Давани, Канцзюй, Яньча» [15, с. 150].

Сюань Цзан прошел здесь во время своего путешествия на Запад. В «Да Тан Сиюй цзи» («Записках о Западных странах во время Великой Тан») записано: «...на северо-запад от *Цин-чи* (Иссык-Куля) пройти 500 с лишним *ли*⁸, до города на реке Суйе, город окружностью 6–7 *ли*, все торговцы смешанно живут. Земли плодородны и пригодны» [15, с. 158]. Указанные здесь горы Линшань это Бадалин, а потоки воды, текущие на восток – это весьма реалистичное описание рельефа Уч-Турфана (Уши). Дорога, проходившая по северу Тянь-Шаня, начиналась в Бэйтин и проходила на запад через Или прямо до Суяба (Суй-е) на реке Су.

Можно отметить, что это время характеризовалось самым большим подъемом двух дорог Великого Шелкового пути по Тянь-Шаню. Эти изменения были обусловлены политической ситуацией того времени. Начиная с того, как Тибет (Туфань) возвысился и не прекращал нападения на район, где проходила Южная дорога (через Таримскую впадину), поэтому она была трудна для прохождения.

Таким образом, в то время, из дорог Великого Шелкового пути основными были две: Южная и Северная по Тянь-Шаню, которые сходились в Суябе, и затем опять делились. Это привело к тому, что Суяб оформился как центр, где соединялись экономика и культура Азии и Европы. Из-за того, что основной территорией кочевья западных тюрков были степи к востоку и западу от озера Балхаш, дороги через Суяб были неизбежным путем, по которому доставляли китайский шелк на Запад.

Археологами были обнаружены материалы, подтверждающие большое число отправляемого китайцами шелка. Например, в одной гробнице в Турфане были обнаружены отрывки «Гаочан сянь Аньси *духуфу* де» («Сообщение аньсийского *духуфу* уезда Гаочан») в эпитафии к гробнице в 73 г. (4-й г. правления Сянь-сян). И в документах, обнаруженных в 665 г. (2-й г. правления Линь-дэ) говорилось, что из г. Гунюэ (Гунюэ-чэн), за один раз было отправлено в Гуйцы 250 рулонов шелка [28, с. 350]. Очевидно, в то время, расположенный в Или г. Гунюэ уже был одним из центров продажи шелка, в противном случае как они могли собрать такое количество шелка.

Суяб был еще крупным центром шелковой индустрии Центральной Азии, в котором скапливались товары и затем распределялись по территории Центральной Азии. Особенно, после блокировки Южной дороги на Фергану тибетцами (*туфанями*) и Даши (арабами), он еще больше превратился в центр сбора отправлявшихся на Запад и прибывавших с Востока торговцев, об этом свидетельствует то, что в Суябе были пущены в оборот

⁸ *Ли* – китайская мера длины, равная примерно 0,5 км.

деньги на тюркском и китайском языках. Такого рода деньги (*хоби*) были недавно обнаружены археологами на северном побережье Иссык-Куля [16, с. 256]. Кроме шелка, через Суяб проходило большое количество лошадей, которые везли торгово-посольские караваны китайским императорам.

Талас – Далосы, Тараз, Яньи, Таласы, Цзяньбуэр, впервые он упоминается в «Хань шу», в главе «Чэнь Тан чжуань» («Повествование о Чэнь Тане») под названием *Дулай*. В более поздних источниках появились многочисленные транскрипции, некоторые из них очень близки к современному названию города и реки. Фэн Чэнцзюнь приводит следующие варианты: Даласу и Талашу [21, с. 69]. Талас расположен в бассейне р. Таласы, на севере протекают реки Или и Чу, на юге реки Сырдарья и Амударья.

Когда во время Суй (581–618 гг.) оживились связи между центральноазиатскими и внутренними районами Китая, торговцы и путешественники проходили по Великому Шелковому пути и оставили различные сведения о Таласе. Сюань Цзан, который примерно в 627 г. прошел через Иссык-куль на запад 500 с лишним *ли* до г. Суяба, затем прошел на юго-запад до бассейна реки Талас, записал в своем сочинении: «от г. Со-е (Суяб) на запад двигаться свыше 400 *ли* до Цяньцюаня (Тысяча ключей). Цяньцюань – место в 200 с лишним *ли*, на юге горы Сюэшань (Снежные горы), с трех сторон равнина, климат влажный, земли тучные, густые леса. [Сейчас] конец весны, разнообразные цветы прекрасны, родников и водоемов – тысячи. Устаревшее название – Янь. Тюркский каган каждый [раз] приезжал [сюда] на лето: (там есть бесчисленное множество оленей, многие украшены колокольчиками, прирученные, держаться непринужденно с людьми)...

[От] Цяньцюани на запад 450 *ли* до г.Даньлосы, окруженного горами, 8–9 *ли*, торговцы всех государств смешанно живут [в Суябе]... Отсюда (г.Сяогу, что в 10 с лишним *ли* к югу от г.Даньлосы) на юго-запад свыше 200 *ли*, дойти до г. Байшуй, город в окружности 6–7 *ли*, земли обрабатываются, климат подходящий, превосходит Даньлосы (Талас). На юго-запад двигаться 200 с лишним *ли* до г. Гун-юй, окружность города 5–6 *ли*...» [15, с. 156].

В 751 г. (10-й г. Тяньбао) были составлены «Цзинсин цзи» («Путевые заметки») Ду Хуаня, в которых есть такая запись: «эта река [Суяб] течет с запада на юг, есть город по названию Даньлосы (Талас), есть большая крепость государства Шиго» [15, с. 156]. Очевидно, в это время Талас подчинялся государству *Шиго* (Ташкент).

Тан Дэцзун (VIII в.) писал, что «из Суй-е (Суяба) на запад 10 *ли* до г. Миго, опять 30 *ли* до г. Синьчэн, опять 60 *ли* до г. Дуньцзянь, опять 50 *ли* до г.Ашибулай, опять 70 *ли* до г.Цзюйлань, опять 10 *ли* до г. Шуйцзянь, опять 50 *ли* до г. Даньлосы (Талас)» [15, с. 156]. Отсюда видно, что между Суябом и Таласом, находился район населенный и богатый с удобным сообщением, множество городов, обширные угодья, пестрое население, меж-

ду которыми возникали частые военные конфликты. Бассейн р.Талас был пригоден для пашни и скотоводства, исторически так сложилось, что пришедшие с севера кочевые народы развивали скотоводство, а народы, занимавшиеся земледелием в бассейне рек, отвоевывали плодородные земли для развития земледелия.

Во время господства в Центральной Азии западных тюрков *Цяньцюань* являлся политическим и военным центром. Наступило время «правления Еху-кагана, храбреца и тактика, искусного в бою, (который), в конце концов, на севере объединил *теле*, на западе дал отпор *босы* (персам), на юге присоединил Цзибин (Кашмир), командовал лучниками? (количеством) в несколько сотен тысяч, узурпировал *Сиюй* (Западные страны), захватил старые земли *усуней*, вновь передвинул двор в Цяньцюань, к северу от Шиго (Ташкент)...» [15, с. 158].

После разделения западных тюрков, в 638 г. политический центр из *Цяньцюани* перенесли в Суяб, в то время бассейн Таласа был районом обитания кочевых скотоводческих племен. В «Да тан Сиюй цзи» Сюань Цзана отмечено: «г.Далосы (Талас) и г. Сое (Суяб) – торговцы (и) ху (иногородцы) смешанно живут... Земли подходящие (для выращивания) риса?, пшеницы, винограда, густые леса» [15, с. 156].

В «Цзинсин цзи» Ду Хуаня также есть сведения о Таласе (*Даньлосы*): «с марта по сентябрь (на) небе нет облаков дождя, (много?) снега и воды, научным методом обрабатывают земли, (земля) пригодна (для) ячменя, пшеницы, риса, гороха» [15, с. 156].

Очевидно, равнина в бассейне Таласа была чрезвычайно подходящей для развития сельского хозяйства. Династия Тан всеми силами пыталась освоить эти места. В начале правления династии Юань, когда Елюй Чуцай проезжал Талас, в своем «Сиюй лу» («Путешествие на Запад») он писал: «...опять на запад 300 *ли* – Таласы, несколько сот *ли* все равнина... чрезвычайно [подходящий] рельеф, к северу от начала реки есть огромный прекрасный город, за городом все равнина пригодная [для] полей. Во время Тан продолжена дорога [в] Наньшань (Южных гор), узкий проход из камня для прохождения воды сжали каменным шлюзом (плотиной)» [15, с. 156].

В 751 г. (10-й г. Тянь Бао) войска империи Тан потерпели поражение в битве с арабами у Таласа. Немало мастеровых было захвачено арабами. Ду Хуань провел в плену у арабов несколько лет, после освобождения возвратился домой и написал свои путевые заметки «Цзинсин цзи» [15, с. 156].

Компилятивный труд по географии «Китаб худуд ал-‘алам мин ал-машрик ила-л-магриб» («Книга о пределах мира от востока до запада») был составлен неизвестным персоязычным автором в 372/982–83 г. В разделе «Слово об области Мавераннахр и её городах» отмечается, что Мавераннахр является «*дверью*» в Туркестан и это «место купцов» [25, л. 226]. Авторы арабских и персидских сочинений IX–XI вв. под названием «Тур-

кестан» подразумевали территорию к юго-востоку от Ферганской долины. По мнению автора, в городе Самарканде собираются купцы со всего мира. В сочинении упоминается селение Тункат-Бухарнан, где купцы останавливались на отдых. Тункат-Бухарнан был расположен между Илаком, Джадгалом и Чачом. По словам автора, там «имеются проточные воды» [25, л. 246].

В «Китаб хууд ал-‘алам мин ал-машрик ила-л-магриб» упоминается область Исбиджаб, расположенная на границе Туркестана, между «мусульманами и кафирами». Автор пишет, что все товары, которые производятся «во всём Туркестане», привозят в эту область. Город Исбиджаб считался главным городом области и место пребывания «купцов всего мира» [25, л. 246]. В арабских сочинениях город Исбиджаб назывался Мадинат ал-Байда. Начиная с XIII века, в арабографических источниках город упоминается под названием Сайрам или Сарйам. Сайрам был столицей округа, в состав которого входили такие известные средневековые города, как Тараз, Фараб, Кулан, Суяб, Шавгар, Сауран, Сыгнак, Янгикент[18].

В разделе «Слово об областях территории Мавераннахра и их городах» перечисляются города области Хорезм, расположенного на западе Мавераннахра. По мнению автора, в таких годах как Каж, Хашмисан и Гургандж проживает большое количество купцов. При описании Гурганджа автор подчеркивает, что этот город богатый, и «является воротами Туркестана» [25, л. 256]. Из местных товаров на базарах Хорезма продавались войлок, холстину, барбарис, тарф (курт), таранжубин (мёд верблюжьей колючки) [25, л. 256–26а].

Хорезм находился в составе Золотой Орды с 1221 по 1361 годы. Ссылаясь на сведения из достоверных источников, Мирза Улугбек пишет, что после победы над Хорезмом, согласно повелению Чингисхана, его старшему сыну Джучи были переданы «Хорезм и Дешт-и Кипчак от границ Кайалыка до тех мест, куда достигали [копыта] татарских коней, включая Аксай Сакин, Джарар, Булгар, Алан, Башгирд, Урус, Черкес. И он в этих странах утвердился на престоле ханства и на троне правления» [20, л. 1196]. Юго-восточная часть территории Хорезма с городами Кят и Хива вошли в состав Улуса Чагатай-хана [31, л.75а]. Город Гургандж стал одним из крупных торговых центров Золотой Орды. На его многочисленных базарах продавались товары, доставленные купцами различных страна. Чингизиды, учитывая роль Хорезма в международной торговле, утвердили за Гурганджом особый статус. Представители местной торговой элиты участвовали в управлении Хорезмом.

С 1242 г., после смерти Чагатай-хана до 1269 г., когда Хайду наследовал престол, за более 20-летний промежуток в результате разрушений, беспорядков и военных действий, поля и сады запустели, множество городов из-за заброшенности превратились в места выпаса скота.

Когда в 1414 г. (12-й г. правления Юнлэ) посол Минов (1368–1644 гг.) Чэн Чэнь дошел в путешествии на запад до Тараза (Янги) он записал в своем дневнике: «26-е число, [6-й месяц, 1414 г.] Ясная погода, с утра движемся на запад, прошли свыше 50 *ли* до окрестностей г. Янги (Тараз). [Дали] отдохнуть лошадям, после обеда снова отправились в путь, шли до вечера, прошли 150 *ли*, в месте [где росли] травы расположились лагерем» [29, с. 106]. В «Сиюй фаньго чжи» («Описании Западных стран») он сообщает: «Янги-чэн расположен к востоку от Сайлань-чэн (Сайрам) в 360 *ли*. Город находится среди беспорядочно расположенных гор, с северо-востока есть большой горный ручей, с запада протекает большая река длиной в несколько сот *ли*, много городских руин. Год за годом пустырь зарастал сорняками, их земли, вероятно, [тянутся] до границ Бешибали (Бешбалыка). [Во времена] древних племен [сюда] попеременно вторгались враги. Народу не было спокойствия. Остались *жуны*⁹ – воины, несколько сот человек охранять этот одинокий (изолированный) город» [30, с. 15а].

В «Мин ши» («История [династии] Мин»), в разделе «Сиюй чжуань», повествование о Таразе почти слово в слово повторяет сообщение Чэнь Чэна. Династийная хроника также отмечает, что «пустыри в этих местах простираются до границ с Бешибали (Бешбалык)... Люди разбрелись, погибли. Солдаты – жуны несколько сот человек проживали в изолированном городе. Потерпели поражение, разрушены городские стены, безжизненный пейзаж, густые заросли кустарников и трав. Во время Юнлэ Чэнь Чэн дошел до этих мест» [11, с. 31867 (36756)].

В период правления Амира Тимура (1336–1405) особое внимание было обращено на благоустройство городов – торговых центров, и городов, расположенных на караванных тропах Великого Шелкового пути. Строились новые караван-сарай для пребывающих отовсюду торговцев. Хорезм из-за своего географического положения был вовлечён в военные конфликты, происходившие в регионе [22, с. 66, 80, 105, 106, 115]. В 1388 г. Хорезм перешел под управление Тимуридов. Мирза Шахрух (1377–1447) в 1413 г. назначил наместником эмира Шахмалика. Описывая события 1425/26 года ‘Абд ар-Раззак Самарканди пишет: «Из событий этого года – кончина эмира Гийас ад-Дина Шахмалика... В принадлежащих ему владениях он оставил в память о себе многие благие постройки...» [5, с. 389]. Учитывая стратегическую значимость данного региона Шахрух на должность правителя Хорезма назначил Ибрагим Султана, сына Шахмалика [5, с. 389].

Для восстановления торговых связей Мавераннахра с Китаем, в первую очередь, необходимо было обеспечить безопасность пути, которая проходила через территорию Моголистана. В 1389 г. правитель Моголистана эмир Камар ад-Дин потерпел поражение, и новый правитель Хизр-

⁹ *Жун* – общее название западных соседей Китая в древности.

ходжа-хан подчинился Тимуридам. Прежние караванные дороги в Китай были восстановлены и стали безопасными.

Известный узбекский востоковед, специалист по исторической географии Аманулла Буриев, опираясь на сведения тимуридских источников, выделил отдельные трассы и города, расположенные по Великому Шелковому пути по следующим направлениям: 1) Турфан – Аксу – Кашгар, Яркенд – Хотан; 2) Узгенд – Андижан – Ахсикат – Шахрухия; 3) Ташкент – Отрар – Сыгнак; 4) Андижан – Ходженд – Самарканд – Кеш – Термез – Балх – Герат; 5) Самарканд – Бухара – Амуль – Мерв; 6) Бухара – Хорезм [3, с. 57].

А. Буриев изучил данные письменных источников о переправах на Амударье (р. Джейхун, р. Балх) и Сырдарье (р. Сейхун, р. Ходженд), возникшие в соответствии с главными направлениями Шелкового пути. Возле переправы образовывались поселения, жители которых помогали торговцам перевезти грузы на другой берег на судах или по понтонному мосту [3, с. 78]. В верховьях Амударьи находились переправы: *Арханг*, *Чубак*, *Убадж* (*Авбоджа*, *Уёдж*), а в среднем течении реки: *Термез*, *Керки*, *Келиф*, *Амуя* (*Чарджоу*) Крупные переправы на Сырдарье: *Парсин* и *Чинас* [3, с. 91].

Исторический труд Хафиз-и Абру «Зубдат ат-таварих-и Байсунгури» («Байсунгуровы сливки летописей») представляет большой интерес с точки зрения изучения географии средневековой Центральной Азии. В сочинении приводятся топонимические названия, часть из которых сохранилась до наших дней: Сайрам, Отрар, Токмак, Ахангаран, Андиган (Андижан), Чарын, Ила (Или), Алаколь, Иртыш, Юлдуз, Кунгес, Наурин (Нарын), Бадахшан¹⁰, Памир, Хива, Хузар (Гузар), Аксу, Чу. В «Зубдат ат-таварих» Сырдарья упоминается как река Сейхун, сообщается о переправах через нее у города Чинас (Чиназ) и вблизи Шахрухийи¹¹, о постройках на ней мостов, также сообщается об одном притоке Сырдарьи под названием «река Парак» (Чирчик) [10, с. 141–148].

¹⁰ Бадахшан – горная область в верхнем течении реки Амударьи, на левом берегу Пянджа, занимающая бассейн реки Кукчи с притоками. Через Бадахшан проходили торговые пути из Китая в Индию, Иран и Европу.

¹¹ Шахрухия (Бенакет, Финакент) – средневековый город-крепость в Средней Азии на правом берегу р. Сырдарьи, недалеко от впадения в нее р. Илак (ныне Ахангаран). Город просуществовал по всей видимости до XVII века. В «Зафар-наме» Йазди о городе можно прочесть следующее: «Раньше Шахрухия назывался Финакент и был так разрушен при нашествии Чингиз-хана, что не осталось и следов от строений. В год обезьяны, соответствующего 794/1391–1392 г., его величество Сахибкиран издал указ о его застройке. Согласно указу вновь отстроили его, возвели вокруг города неприступную крепость и переселили туда жителей со всей окрестности. Царственная благосклонность изволила предоставить [город] всеильному царевичу Шахруху, он пожелал назвать его Шахрухийей».

«Зубдат ат-таварих» включает в себя путевые заметки Гийас ал-Дина Наккаша о его поездке в Китай в составе дипломатической миссии, которая состоялась в 1419–1422 гг. В предисловии к дневнику Хафиз-и Абру пишет, что Ходжа Гийас ад-Дин записывал все, что «он видел в отношении состояния дорог, вилайетов, их благоустройства, обычаев городов, великолепия падишахов и образа их правления, а также некоторых редкостей. Все это было записано им. И поскольку он заслуживает доверия, а его заметки были сделаны без пристрастия и предубеждения, то здесь будет изложено краткое содержание и суть тех рассказов» [9, с. 168–184].

Посланники Шахруха в Китай вместе с торговым караваном отправились в путь из Герата 6 зу-л-каада 822/24 ноября 1419 г. Через месяц они прибыли в город Балх, где задержались на несколько дней. Затем они переправились через Келифский брод и прибыли в Самарканд 22 мухаррама 823/7 февраля 1420 г. Отправившись из Самарканда 10 сафара 823/25 февраля 1420 г., посольская миссия прибыла в Ташкент 4 раби' ал-аввала 823/19 марта 1420 г. Покинув город, через неделю, 12 раби' ал-аввала 823/27 марта 1420 г., караван прибыл в Сайрам. Путешественники прошли местность Ашпара и 21 раби' ал-сани 823/5 мая 1420 г. вступили на территорию Могулистана и в местности Билгуту расположились на несколько дней. В первой половине XV в. в состав Могулистана входили Иссык-куль, озеро Балхаш, река Иртыш, Турфан.

21 джумада ал-аввала 823/3 июня 1420 г. караван вышел из Билгуту, спустя 19 дней подошли к переправе на реке Кунгур (Кунгес), левому притоку р. Или. Переправившись, они 26 джумада ал-аввала 823/8 июня 1420 г. достигли области Юлдуз, расположенной в верхней части бассейна р. Хайдин-гол в Тангри-Таге. Пройдя через ущелья и горы, посольство прибыло в Турфан. Они покинули Турфан 2 раджаба 823/13 июля 1420 г. и 5 раджаба 823/16 июля 1420 г. прибыли в Караходжу. Отдохнув несколько дней, караван вновь вышел в путь и, посетив селения Суфи Ата 21 раджаба 823/1 августа 1420 г. прибыли в город Кумул, который был расположен на северной дороге Великого Шелкового пути. Через пять дней караван вновь отправился в путь, который пролегал через пустыню. 14 ша'бана 823/24 августа 1420 г. караван с послами прибыл к первой пограничной заставе. От заставы и до Сукджу, первого города Китая, надо было пройти десять дней по пустыне.

В сочинениях хивинской историографии, при описании покорения Хорезма Чингизидами, упоминаются отдельные направления старых караванных дорог. После подчинения Бухары и Самарканда, Чингисхан, отправив часть войска в Хорезм, сам выступил по дороге: Самарканд – Карши – Термез – Балх – Тайхан [21, с. 18–19, 26]. Утемиш-хаджи называет Ургенч древним городом [21, с. 19]. В «Кара таварих» упоминается дорога, по которой Берке-хан вернулся в Дашт-и Кипчак: Бухара – Кара-Куль –

Ургенч – реки Идиль – Сарайчук [21, с. 34]. Реку Идиль можно было перейти «с низовьев соляных залежей Бусгунчака» [21, с. 39].

Развитие морского флота и Великие географические открытия в конце XV – начале XVI вв. привели к тому, что Шелковый путь, как величайший транспортный корридор в истории человечества, связывающий Европу с Азией вплоть до берегов Тихого океана, постепенно теряет свою актуальность и приходит в упадок. Однако разветвленная сеть караванных путей Центральной Азии, входивших когда-то в систему Великого Шелкового пути, продолжала занимать важное значение во внутрирегиональной торговле и в связях с соседними странами и в более позднее время.

Казахская степь на протяжении многих веков служила связующим звеном в торговых взаимоотношениях народов Евразии. И в Новое время по тем же древним караванным путям происходил товарообмен между царской Россией и государствами Центральной Азии. Одна из торговых дорог из России начиналась в Тобольске, шла через Иртыш и Вагай, к верховьям Ишима, а оттуда на Сары-су до города Туркестана, далее маршрут проходил через Сырдарью и пески Кызыл-кума до Бухары. Другой торговый путь начинался в Астрахани, шел к Гурьеву, далее к р. Эмба, вдоль Аральского моря до Хивинского оазиса, а оттуда в Чарджоу и в Бухару. Широко использовался морской путь из Астрахани по Каспийскому морю к Караганской и Карабалыкской пристаням, на восточном берегу, далее дорога шла на Хорезм [19].

Рядом с Бухарой в селении Гиждуван располагался крупнейший в Средней Азии рынок скота, куда казахи постоянно пригоняли овец [12, л.287а]. Особое значение в торговле казахов с Бухарским ханством имел город Ташкент [13, л.232б]. Расположенный на стыке казахских степей со Средней Азией, город представлял собой огромный торговый центр, куда стекались товары не только из соседних казахских степей и ханств, но и из более отдаленных стран – Китая, Индии, Ирана. Ташкентский базар к середине XIX в. насчитывал 4548 лавок, 16 караван-сараев, несколько постоянных дворов [17, с. 39].

В сочинении «Мунтахаб ат-таварих» («Избранные летописи») содержится описание путешествия в 1824 г. автора сочинения, кокандского историка Мухаммада Хакимхана по караванной дороге, соединяющей Кокандское ханство с Южной Сибирью, Приуральем и Поволжьем в XIX веке: Ташкент – Чу – Талас – Бадбахт – Шамай (Семипалатинск) – Омск – Ирбит – Троицк – Оренбург – Астрахань [24].

На основе вышеприведенных примеров, мы можем утверждать, что китайские и арабографические письменные памятники предоставляют обширный материал для детального изучения исторической географии Великого Шелкового пути, имеющей отношение к Центральной Азии. В китайских письменных источниках подробно описываются различные торго-

вые караванные пути, соединявшие Китай с Центральной Азией в древности и средневековье. В период правления династии Тимуридов были созданы многочисленные сочинения, посвященные географическому описанию Мавераннахра, Туркестана и Дешт-и Кипчака. Дальнейшее критическое изучение оригинальных источников позволить нам выявить новые сведения по исторической географии Великого Шелкового пути. По письменным источникам можно будет подробно восстановить различные маршруты караванных дорог, получить подробные данные о городах и населенных пунктах, переправах на реках, проходах и перевалах в горах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1943.
2. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. М., 1963.
3. Буриев А. Историческая география Центральной Азии в письменных источниках эпохи Темуридов. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ташкент, 2019.
4. Восточный Туркестан в древности и средневековье. Очерки истории. М.: Наука, 1988.
5. Камал ад-Дин 'Абд ар-Раззак Самарканди. Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн. Рукопись Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз, № 1825.
6. Каримова Н.Э., Тулибаева Ж.М. Китайские и тимуридские источники о взаимоотношениях Китая и Центральной Азии в конце XIV – первой четверти XV в. // Вопросы истории. 2019. №7. С. 64–79.
7. Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
8. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989.
9. Материалы по истории Казахстана и Центральной Азии. Выпуск I. Астана: Издательство Национального центра археографии и источниковедения, 2011.
10. Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент: Фан, 1988.
11. Мин ши. (История династии Мин). Т. 3 // Эрши сыши. Шанхай, 1958.
12. Мухаммад Вафа ибн Мухаммад Захир Карминаги. Тухфат ал-хани» («Ханский подарок»). Рукопись Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз, № 16.
13. Мухаммад Хусайн ибн Шах Мурад. Махазин ат-таква фи тарих ал-Бухара («Сокровище благочестия»). Рукопись Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз, № 2773.
14. Паркер Э. Китай. Его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней. СПб., 1903.
15. Синьцзян дифан лиши цзыляо сюаньцзи (Извлечения из исторических материалов по истории Синьцзяна). Бэйцзин, 1987.

16. Су Бэйхай. Сиюй лиши дили. (Историческая география Западного края). Урумчи, 1988.
17. Тетеревников А.Н. Очерк внутренней торговли киргизской степи. СПб., 1867.
18. Трактат о Сайраме. Перевод с чагатайского, предисловие и примечания Ж.М. Тулибаевой. Астана: Издательство Национального центра археологии и источниковедения. 2007.
19. Тухф-е ахл-е Бухара («Подарок бухарцам»). Рукопись Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз, № 2142.
20. Улугбек Мирза. Улус-и арба'-йи Чингизи. Рукопись Британской библиотеки, Add. 26190.
21. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017.
22. Фасих Хавафи. Муджмал-и Фасихи. Дж. II. Тус – Мешхед, 1961.
23. Фэн Чэнцзюнь. Сиюй Димин (Географические названия Западного края). Бэйцзин, 1955.
24. Хаджи Мухаммад Хакимхан б. Саййид Ма'сум-хан. Мунтахаб ат-таварих. Рукопись Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз, № 592. 5 глава, 12 раздел.
25. Худуд ал-алам. Факсимильное издание с введением и указателями В.В. Бартольда. Л., 1930.
26. Чжао Юнфу. Сычоу чжилу (Шелковый путь) // Синьцзян лиши луньвэнь-цзи. Улумуци, 1977. №34–35. С. 219–225.
27. Чжун Ван. Хами чжи (Историко-географическое описание Хами). Тайбэй, 1968.
28. Чжунго гудай миньцзу гуанси ши яньцзю. (Из истории международных связей древнего Китая). Фучжоу: Фуцзянь жэньминь чубаньшэ, 1989.
29. Чэнь Чэн. Сиюй синчэнцзи (Записки о путешествии на Запад) // Минчаобэнь. Голи Бэйпин тушугуань шаньбэнь цуншу. Бэйцзин, 1936.
30. Чэнь Чэн. Сиюй фаньгочжи. (Описание Западных стран) // Минчаобэнь. Голи Бэйпин тушугуань шаньбэнь цуншу. – Бэйцзин, 1936.
31. Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме // Подготовка к печати, предисловие, примечания и указатели А.Урунбаева. Ташкент, 1972.

Сведения об авторах:

Наталья Эрмановна Каримова – доктор исторических наук, заведующая кафедрой политики и истории Китая Ташкентского государственного института востоковедения (Ташкент, Узбекистан). E-mail: nataliakarimova@mail.ru

Жулдыз Мусаевна Тулибаева – доктор исторических наук, профессор Университета им. Сулеймана Демиреля (Каскелен, Казахстан). E-mail: tulibay@gmail.com

Международные торговые связи золотоордынского Поволжья*

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена сравнительно слабой изученностью торговых связей Среднего и Нижнего Поволжья в золотоордынское время. Цель статьи заключается в характеристике ведущих направлений внешней торговли поволжского региона в составе государства Джучидов. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является комплексный анализ имеющихся данных письменных, археологических и нумизматических источников. В статье представлены результаты, свидетельствующие о невиданном всплеске развития торговых связей Поволжья в рассматриваемый период и широте географии торговых контактов. Материалы статьи могут быть полезны для исследования экономики Золотой Орды и истории мировой торговли.

Ключевые слова: Золотая Орда, Поволжье, внешняя торговля

В XIII в. в результате завоеваний Чингисхана и его преемников основная часть Евразии оказалась включенной в состав Монгольской империи. Северо-западная часть этих огромных территорий оказалась под властью потомков Джучи, старшего сына Чингисхана. В современной научной литературе джучидское государство обычно называется Золотой Ордой. Государство Джучидов простиралось от Дуная на западе до бассейна Оби на востоке и от Хорезма и Северного Кавказа на юге до Прикамья на севере. Во второй половине XIII – XIV вв. основные торговые пути, связывающие страны Западной Европы с Восточной Азией (иногда называемые «Великим шелковым путем») сместились на север и шли через территорию Золотой Орды. Это было связано с потерей европейцами старых торговых путей, проходивших через Ближний Восток, в результате полного поражения крестоносцев в Палестине в XII–XIII вв., а также с непрерывными войнами иранских Хулагуидов с египетскими Мамлюками.

Золотая Орда была одним из крупнейших государств средневековья, существовавшим во второй половине XIII – второй четверти XV в. В этот период наблюдался расцвет городов и ремесел, обусловленный протекционизмом ханской власти, а также мощный подъем торговли; имелось развитое сельскохозяйственное производство, специфические политиче-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00004.

ские институты и социальные отношения. Золотоордынскую державу отличал высокий уровень развития монетного обращения, в том числе мелкого розничного торгога.

В номенклатуре чиновников Улуса Джучи имелись должности, связанные с организацией торговли [89, с. 95–100]: «весовщики», «туткаулы» (заставщики, взимавшие подорожную подать), почтмейстеры (ямщики), смотрители почтовых станций, перевозчики («ладейщики»), «мостовщики», «базардэ турханы» («находящиеся на базаре»).

Волжский торговый путь был важнейшим в Золотой Орде и в связях Древней Руси с Востоком.

Практически все торговые связи, имевшие место в Восточной Европе в предмонгольское время, сохранялись и в золотоордынский период. Но между поволжской торговлей в домонгольское и в золотоордынское время имеется одно колоссальное отличие – в период Золотой Орды Поволжье оказалось в центре огромной державы, внутри которой торговать было все же спокойнее, чем между многочисленными мелкими государствами, окруженными ордами кочевников. Это отличие и обусловило невиданный всплеск развития торговых связей Поволжья в золотоордынский период. Золотоордынские ханы и аристократы покровительствовали торговле, приносившей им большие доходы. Существовали купеческие объединения, организовывавшие крупную караванную торговлю.

В 40-х гг. XIII в. в Золотой Орде начинают преодолеваются последствия монгольских погромов, восстанавливаются разрушенные города, на которые первоначально и опирались завоеватели при утверждении своей власти. Поволжье становится политическим и экономическим центром джучидского государства и остается таковым вплоть до его распада. В этот же период происходит и восстановление широких торговых связей, нарушенных монгольским нашествием.

В первую очередь был возрожден Булгар. К середине XIII в. жизнь в нем уже восстановилась [78, с. 8].

В 40-е гг. XIII в. начинает возрождаться и торговля. Так, известный путешественник, папский легат Плано Карпини, проезжавший в 1246–1247 гг. через территорию Улуса Джучи, упоминает в своей книге «История монгалов» о западноевропейских купцах, приезжавших в Киев из Константинополя «через землю Татар» [23, с. 82]. Это были купцы из Генуи, Венеции, Акры, Пизы и, возможно, из других городов.

Сам хан Бату, по сообщению «Истории завоевателя мира» («Тарих-и-джехангуша»), написанной в 650–658 гг.х. (1252–1260 гг.) Ала-ад-дином Ата-меликом Джувейни, предпринимал меры для возобновления торговых связей: «Торговцы с (разных) сторон привозили ему различные товары; все это, что бы оно ни было, он брал и за каждую вещь давал цену, в несколько раз превышавшую ее стоимость» [81, с. 22].

На реках были организованы специальные поселки, жители которых были обязаны перевозить послов и купцов с одного берега на другой. Об этих поселках рассказывает Гильом Рубрук, в 1253–1254 гг. проезжавший по территории Золотой Орды. Два таких поселка, населенных русскими, располагались в верхнем и нижнем течении Дона [23, с. 109–110], а один, населенный русскими и мусульманами, – на Волге [23, с. 118]. Жители этих поселков имели «льготу от Бату, а именно: они не обязаны ни к чему, как только перевозить едущих туда и обратно» [23, с. 109], т.е. были освобождены от всех налогов и повинностей. Более того, им давалось право взимать с купцов большую дань [23, с. 109]. Вероятно, Бату дал все эти привилегии жителям поселков с целью как можно скорейшего восстановления торговых связей, в частности благодаря организации налаженных переправ через крупные реки.

Появление трех населенных пунктов на Дону и Волге знаменует собой прокладку нового торгового пути через степи, обеспечивавшего удобства купеческим караванам; этот путь вел с запада в город Сарай – новую столицу Золотой Орды [25, с. 76]. Этот город был основан Джучидами на Нижней Волге; впервые его упоминает Рубрук, посетивший Сарай осенью 1254 г. [23, с. 185]. С 40-х – 50-х гг. XIII в. начинается активная градостроительная деятельность золотоордынских ханов в Поволжье. Так, в частности, тот же Рубрук упоминает о строительстве Сартаком, сыном Бату, нового поселка с церковью на правом берегу Волги [23, с. 185].

Наряду с только что основанными городами монголами активно использовались и старые города Среднего Поволжья и Хорезма, бывшие наиболее значимыми в течение всей второй половины XIII в. Но постепенно новые, основанные самими Джучидами на Нижней Волге (где в домонгольское время не было традиций оседлости), крупнейшие города, а также их округа, начинают играть в золотоордынском государстве все большую и большую роль.

Монетная чеканка активно велась уже в 50-х – первой половине 60-х гг. XIII в. и снабжала денежное обращение не только серебряными, но и разменными медными монетами. Чеканка монет в это время велась лишь в одном городе – Булгаре, бывшем крупнейшим торговым центром Золотой Орды на протяжении всей второй половины XIII в.

Наряду с восстановлением старых торговых связей в 40-х – первой половине 60-х гг. XIII в. зарождаются и принципиально новые для Поволжья и Приуралья направления торговли.

Уже в середине XIII в. начинает возрастать значение городов Черноморского побережья Крыма (Судака, позднее Каффы и др.) в торговых связях Поволжья и Приуралья с Синопом, Константинополем, Трапезундом, а через них – со средиземноморскими портами. Среди товаров, вывозившихся купцами морем из Судака, Рубрук называет «горностаев, белок

и другие драгоценные меха», а также «ткани из хлопчатой бумаги, бумагею, шелковые материи и душистые корни» [23, с. 89]. Первая группа этих товаров доставлялась с Севера, вторая – из Средней Азии, а возможно, и из Китая. В любом случае трудно предположить, что все эти товары, являвшиеся основными предметами торговли еще в домонгольский период, доставлялись в Судак не через территорию Поволжья и без деятельного участия поволжских купцов.

В правление хана Берке (1257/58–1266 гг.) завязываются дипломатические отношения Золотой Орды с мамлюкским Египтом [29]. Начало этих взаимоотношений было вызвано не только необходимостью заключения военного союза (с 1262 г.) Джучидов с египетскими султанами против государства Хулагуидов, но и потребностью налаживания торговых связей между двумя крупнейшими державами Востока. Следует также отметить, что торговля Золотой Орды с Египтом велась уже в ходе переговоров Бейбарса и Берке, так как одно из своих писем египетский султан отправил хану Берке из Каира с одним из находившихся там аланских купцов [80, с. 55].

В 40-х – первой половине 60-х гг. XIII в. начинается постепенное восстановление традиционных торговых связей Поволжья – со Средней Азией и Закавказьем (последние контакты, правда, затруднялись войнами Берке с ильханом Хулагу). Уже в этот период наряду с возрождением старых связей начинают появляться и новые, например, через Крым с городами Малой Азии и с Константинополем, дававшим выход в Средиземное море, в частности в Египет, с которым при хане Берке у Золотой Орды были тесные отношения.

При Менгу-Тимуре продолжают крепнуть города, особенно нижне-волжские, что видно по многочисленным находкам монет этого хана как на главных, так и на периферийных поселениях Нижней Волги.

Мероприятия ханской власти по развитию торговли способствовали и развитию торговых связей Поволжья, бывшего уже в то время центром, где сходились торговые пути из всех районов огромного Улуса Джучи.

Где-то в промежутке между 1266 и 1270 гг. новгородские купцы получили право «гостити по Суждальской земли безъ рубежа, по цесареве грамоте» [19, с. 13], т.е. по какому-то не дошедшему до нас ярлыку Менгу-Тимура, упоминание о котором сохранилось в договорной грамоте Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем.

В 1266–1272 гг. Менгу-Тимур направляет специальный ярлык-послание великому князю владимирскому Ярославу Ярославичу. В этом ярлыке джучидский хан призывал Ярослава дать «путь немецкому гостю на свою волость» [19, с. 57], вероятно, для последующего проезда их в центральные земли Золотой Орды. Такое обеспечение безопасности проезда «немецких гостей» – в данном случае рижских купцов – из Прибалти-

ки через Новгородскую и Владимиро-Суздальскую земли в Среднее и Нижнее Поволжье должно было повлечь за собой активизацию торговли Поволжского региона с Балтикой и с Западной Европой.

Сразу же после войны Золотой Орды с Ираном, в 664 г.х. (1265–1266 гг.), торговые отношения Улуса Джучи с государством Хулагуидов возобновляются, и «с обеих сторон стали опять ходить караваны туда и обратно» [81, с. 76].

Торговля Золотой Орды с хулагуидским Ираном стала более безопасной после кавказского похода Менгу-Тимура 1277–1278 гг., когда были окончательно подчинены аланы, а также некоторые другие горские народы и была полностью утверждена власть Джучидов над Северным Кавказом.

В правление Менгу-Тимура в 1266–1270 гг. генуэзцы утверждают в Каффе, в 1274 г. – в Судакe, а в конце XIII – начале XIV в. – в Тане; в 1289 г. генуэзцы учреждают в Каффе должность собственного консула [72, с. 63].

В 1303 г. (на материалах конца XIII в.) составляется знаменитый латинско-половецко-персидский словарь *Codex Cumanicus* [103], предназначенный для итальянцев, приезжавших в Улус Джучи, преимущественно для итальянских торговцев.

Как только в джучидском государстве к началу XIV в. ликвидируются внутренние неурядицы, восстанавливается сильная центральная власть, сразу же начинаются действия золотоордынского правительства, направленные на подъем торговли и городов в Улусе Джучи. Из этих мероприятий мы имеем достоверные сведения лишь об одном – унификационной денежной реформе хана Токты 710 г.х. (1310–1311 гг.), обеспечившей дальнейший расцвет экономики Улуса Джучи. Значение этой реформы для золотоордынской торговли трудно переоценить. Это была действительно грандиозная реформа, которая унифицировала монетную систему всего огромного золотоордынского государства. С этой целью все монеты предшествующих выпусков были запрещены, а в обращение введена единая для всего Улуса Джучи однотипная серебряная монета с устойчивым весом, не менявшимся вплоть до второй половины 60-х гг. XIV в. Более того, реформа предполагала, вероятно, дальнейшее ведение монетной чеканки лишь в одном центре – Сарае ал-Махруса, который и должен был обеспечивать монетой всю территорию Золотой Орды.

Еще в конце XIII в. на Нижней Волге жили купцы-армяне; там же работал и гончар-армянин, клеймивший свою продукцию печатью со своим именем – «Ананд (?) сын Саркиса» [42; 95, с. 207]. В Булгаре существовала армянская колония, о чем свидетельствуют храм-усыпальница XIV в. с окружающим его могильником, а также пять армянских надгробий, три из которых датированы 1308, 1321 и 1335 гг.; армянские надгробия известны также из района деревни Красная Поляна (XIV в.) и из поселка Куйбышевский затон (с датой 1318 г.) в Татарстане [3, с. 135–137; 76, с. 185; 77].

Политика хана Токты, направленная на подъем экономики джучидского государства, была активно продолжена его преемником ханом Узбеком (1312–1342 гг.).

Расцвет Золотой Орды связан именно с эпохой Узбека (1312–1342 гг.) и Джанибека (1342–1357 гг.). В этот период ведется активное городское строительство.

Узбек активно продолжал традицию ханского покровительства торговле в Улусе Джучи, особенно внешней. Это покровительство ханской власти в сочетании с внутренним единством государства и привело в итоге к небывалому расцвету золотоордынской торговли и экономики в целом в правление хана Узбека.

Во внешнеторговых связях Поволжья в первой половине XIV в. все большую и большую роль играют нижеволжские города, хотя сохраняется и значение центров Средней Волги, в основном Булгара.

Увеличению объема торговли с мусульманскими странами способствовало принятие Золотой Ордой в 1312 г. ислама в качестве официальной религии.

В этот период наблюдается стремительный рост значения городов, как политического, так и торгово-ремесленного. Особенно же возрастает роль нижеволжских городов, хотя подъем городской жизни наблюдается и в Среднем Поволжье, и в Хорезме, и в низовьях Сыр-Дарьи.

Уже в начале XIV в. существовали и торговые связи Поволжья с Индией, что подтверждается рассказами о товарах (мечах, льне и льняном полотне), привозившихся из Руси в Индию, в трудах авторов первой половины XIV в. – Амира Хусрау и ал-Омари [30, с. 17; 47, с. 59]. Вплоть до Булгара торговали египетские [80, с. 235, 240] купцы (торговлю с более отдаленными северо-восточными землями они вели через посредство болгарских купцов), есть упоминание (под 1323 г.) и о купце-христианине из Иерусалима, замученном в Булгаре в результате религиозного спора: «Того же лета в Болгарехъ, иже на Волзе и Каме, замучиша некоего христианина Иерусолимлянина, гостя суща, много богатства имуща, и много философии изучена, именем Феодора; и пряхеся с ними о вере, они же окаании не стерпеша своего поругания, замучиша его за православную веру христьянскую, месяца Апреля 21 день» [64, с. 188–189].

Помимо торговли с Египтом, Ираном и Индией в начальный период правления Узбека развивается торговля с Западом – в основном через Каффу и Азак, располагавшийся в устье Дона. В этих городах имелись итальянские колонии: в 1322 г. в Тане появляется первый венецианский консул [21, с. 10].

О размахе торговли итальянских купцов в Золотой Орде в эпоху Токты и Узбека свидетельствует Франческо Бальдуччи Пеголотти, описавший в своем трактате «Практика торговли» (завершен в 1340–1342 гг. на базе

реальных торговых поездок автора начиная с 1310 г.) торговый путь из Азака (Таны) в Китай. Этот маршрут описан Пеголотти весьма подробно и обстоятельно: он шел из Таны на возах, запряженных волами, или на телегах, запряженных лошадьми или верблюдами, в Хаджи-Тархан, оттуда вверх по Волге на судах в Сарай, затем сухим путем или водой на Сарайчук, затем сухим путем в Ургенч, Отрар, далее на Алмалык и в Китай [20, с. 158–159; 108].

Улус Джучи становится посредником в торговле между Западной Европой и Китаем, но торговля эта идет уже в гораздо больших масштабах, что видно из самого факта составления специального руководства для купцов, едущих из Таны в Китай через нижеволжские города, в то время – важнейшие торгово-ремесленные, а также культурно-религиозные центры Золотой Орды.

О расцвете внешней торговли Золотой Орды и Поволжья в ее составе в первой половине 30-х гг. XIV в. красочно свидетельствует книга известного араба, величайшего путешественника мусульманского средневековья Ибн Баттуты (1304–1377 гг.; полное имя – Абу ‘Абдаллах Мухаммед ибн ‘Абдаллах ибн Баттута ал-Лавати ат-Танджи) «Подарок созерцающим относительно диких городов и чудес путешествий», продиктованная им Мухаммеду ибн Джузаи, в которой описывается и поездка автора в 734 г.х. (1333–1334 гг.) в золотоордынские земли.

Ибн Баттута попал в Нижнее Поволжье самым важным и типичным как для того периода, так и для более раннего времени торговым путем. Он ехал из Синопа морем до Керчи, оттуда на арбах до Каффы, затем до Солхата, откуда также сухим путем до Азака, Маджара и нижеволжской ставки Узбека.

Судя по описанию Ибн Баттуты, во внешней торговле Улуса Джучи огромное значение играли Кирам (т.е. Крым или Солхат), «город большой и красивый» [80, с. 280], Судак, гавань которого «одна из самых больших и самых лучших гаваней» [80, с. 303], и особенно Каффа, имеющая «чудную гавань» со множеством судов [80, с. 280]. Основную часть населения Каффы, по Ибн Баттуте, составляли генуэзцы, имевшие, как и в конце XIII в., своего «эмира», т.е. консула [80, с. 280].

Как один из крупных внешнеторговых центров Ибн Баттута характеризует Маджар, «город большой, (один) из лучших тюркских городов» [80, с. 287]. На базаре этого города Ибн Баттута встретил еврея, приехавшего «из земли Андалусской» [80, с. 288], т.е. из Испании, который добрался оттуда до Маджара через Константинополь и Закавказье всего за 4 месяца. Это свидетельство может говорить о тесных торговых связях Поволжья даже с такими отдаленными странами, как Испания, т.к. иноземных купцов в Золотой Орде больше привлекали поволжские города, чем Маджар, бывший лишь перевалочным пунктом на караванном пути из

Азака на Нижнюю Волгу. На нижневолжских городищах встречаются фрагменты испанской люстровой керамики XIV в. [13, с. 22; 95, с. 207].

Из Азака в поволжские города был и другой путь, которым часто пользовались купцы, – речной: вверх по Дону с волоком на Волгу в районе современного Волгограда. На этом волоке в золотоордынский период, вероятно, располагался город Бельджамен. На карте братьев Пицигани к названию Бельджамена, в отличие от других городов, добавлено определение «базар» [цветное изображение карты см.: 102].

Ибн Баттута рассказывает о ханской ставке – Орде, где имелись «мечети и базары» [80, с. 289], двигавшиеся с перекочевками хана, что также может косвенно свидетельствовать о покровительстве торговле со стороны ханской власти в Улусе Джучи.

Интересный материал оставил нам Ибн Баттута и о торговле со «страной мрака», т.е. с народами Севера. Арабского путешественника не могла не заинтересовать эта торговля, т.к. именно она давала золотоордынским купцам основную часть пушнины, которая была одной из важнейших статей золотоордынского экспорта. Центром торговли Улуса Джучи со «страной мрака» был Булгар, откуда купцы на собаках отправлялись на Север. Там купцы, по Ибн Баттуте, посредством примитивного «немного» обмена, получали за свои товары (вероятно, охотничье снаряжение и украшения) меха «соболей, белок и горностаев» [80, с. 297].

В ходе своих странствий по Золотой Орде Ибн Баттута посетил и город Хаджи-Тархан в низовьях Волги. По словам путешественника, «это один из лучших городов, с большими базарами» [80, с. 301]. Ибн Баттута сообщает также интереснейшие сведения, что зимой, когда Волга замерзает, на лед реки местные жители кладут по приказу хана несколько тысяч возов соломы. Таким образом, Волга с протоками ее дельты превращалась в более или менее прямые и удобные караванные дороги, по которым «езды в арбах на расстоянии 3 дней пути» [80, с. 301]. О значении этого зимнего пути говорит и то, что он активно использовался и ранней весной, когда некоторые караваны тонули и погибали [80, с. 301]. Вероятно, описанное Ибн Баттутой организованное передвижение караванов по льду Волги было в еще большей степени характерно для Средней и Нижней Волги выше Хаджи-Тархана, где лед был крепче из-за более суровых климатических условий.

По пути из Нижнего Поволжья в Константинополь Ибн Баттута посетил поволжский город Укек. Это был город «средней величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей» [80, с. 302–303].

Большое впечатление на Ибн Баттуту произвел город Сарай – столица Золотой Орды. Об иноземцах в Сарае Ибн Баттута пишет, что в городе жили византийцы и выходцы с Ближнего Востока. Путешественник, в частности, сообщает: «Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и

др. мест живут в (особом) участке, где стена ограждает имущество купцов» [80, с. 306]. Фактически Ибн Баттута повествует о наличии в Сарае настоящих торговых колоний, функционирование которых при Узбеке говорит о высоком уровне развития внешнеторговых связей Нижнего Поволжья в данную эпоху.

После десятидневной езды от Сарая на лошадях Ибн Баттута и его спутники прибыли в город Сарайчик, возле него переправились по мосту из судов на левый берег реки Урал и направились на арбах, запряженных верблюдами, по древнему караванному пути в Хорезм (Ургенч), через который шли все основные торговые пути из Золотой Орды в Индию и Китай. «Это один из самых больших, значительных и красивых тюркских городов, богатый славными базарами, просторными улицами, многочисленными постройками, отборными красотами» [80, с. 308] – так характеризует Хорезм сам арабский путешественник.

В торговых связях Золотой Орды с Индией, по свидетельству Ибн Баттуты, огромное значение имел вывоз лошадей из кипчакских степей в индийские земли. О степной зоне Улуса Джучи Ибн Баттута писал, что «лошадей в этой земле чрезвычайно много и стоят они безделицу» [80, с. 286]. По сведениям Ибн Баттуты, лошади поступали из Золотой Орды в Индию огромными караванами – около 6000 голов в каждом [80, с. 286].

Денежная реформа 725 г.х. (1325–1326 гг.) в Индии и начало вывоза оттуда золота, с одной стороны, а также значительное уменьшение таможенных пошлин делийским султаном Мухаммедом ибн Тоглуком (725–752 гг.х., 1325–1351 гг.), с другой стороны, вызвали всплеск развития торговых связей между Индией и Улусом Джучи, особенно его центральными поволжскими землями.

Ибн Баттута также подтверждает возрастание объемов торговли, в частности лошадьми, Улуса Джучи с Индией после реформ Мухаммеда ибн Тоглука. Торговля эта, по сообщению Ибн Баттуты, приносила купцам большие барыши [80, с. 287].

В Индию ввозились из Золотой Орды и шкурки пушных зверей (соболя, горностая), в большинстве своем покупавшиеся булгарскими купцами у народов Севера или поступающие с территории Руси. Торговля мехами, также как и лошадьми, была занятием выгодным. По словам Ибн Баттуты, шуба из горностая в Индии стоила 1000 динаров [80, с. 298], это была значительная сумма даже в сравнении с большими ценами на золотоордынских лошадей, ведь лучший из таких коней стоил в Индии около 500 динаров [80, с. 287], т.е. в 2 раза меньше.

Ибн Баттута не говорит о том, какие товары доставлялись из Индии в Золотую Орду, однако можно утверждать, что золотоордынские купцы получали в обмен на коней и меха, в частности, золото в виде монет, которое затем ими продавалось в городах Улуса Джучи, в основном в поволжских.

Вывозить золото из Индии в Улус Джучи было выгодно, так как в европейской части золотоордынского государства золото оценивалось в серебре дороже [см. 96, с. 65–66].

В бассейне Волги известен целый ряд находок индийских золотых монет – как единичных, так и в составе кладов [96, с. 62]. Именно в Поволжье было найдено большинство индийских монет, известных с территории Золотой Орды. С Царевского городища известна находка серебряной монеты делийского султана Гийас ад-дина Тоглука 722 г.х. [46, с. 58, 60, рис. 1,9], все остальные индийские монеты из Поволжья – золотые.

В Поволжье зафиксированы находки трех монет делийских султанов, правивших до Мухаммеда ибн Тоглука [8, с. 79; 74, с. 428; 75, с. 83–85; 86, с. 45, 50–52]. Это две золотые монеты Кутб ад-дина Мубарак-шаха (716–720 гг.х., 1316–1320 гг.): одна из них, квадратная, с датой 718 г.х. (1318–1319 гг.) была найдена еще в XIX в. в селе Кузнечиха Спасского уезда Казанской губернии и поступила затем в коллекцию А.Ф.Лихачева, а другая монета, без даты, была найдена в 1923 г. в песках урочища Улан Толга к западу от Астрахани. На городище Шареный Бугор была найдена золотая монета со стертой датой, относящаяся к чеканке другого предшественника Мухаммеда ибн Тоглука – Гийас ад-дина Тоглука, правившего в 720–725 гг.х. (1320–1325 гг.).

Еще в 1849 г. на Царевском городище при раскопках А.В.Терещенко был найден клад из 8 золотых динаров тоглукидских султанов Индии [22; 96, с. 62]. Младшая монета клада относится к чеканке Фируз-шаха (1351–1388) 753–763 гг.х.

Неподалеку от Болгарского городища у деревни Тенишево в 1884 г. на берегу Волги было найдено 7 золотых индийских монет [74, с. 427; 75, с. 82–83; 86, с. 50], также, по-видимому, составлявших один клад. Младшая монета комплекса датируется 742 г.х. (1341–1342 гг.), что позволяет отнести время его сокрытия к правлению Джанибека.

В 1893 г. в окрестностях Тенишево были найдены еще 4 индийских золотых монеты Мухаммеда ибн Тоглука, три из которых были датированы 736, 741 и 742 гг.х. [86, с. 51].

В 1924 г. близ деревни Данауровки на территории крупного болгарского города золотоордынского времени – Джукетау – был найден клад золотых вещей, содержащий и две золотые монеты султана Мухаммеда ибн Тоглука [74, с. 431–432; 75, с. 90–91; 86, с. 51], датированные 741 г.х. (1340–1341 гг.).

В районе Болгарского городища известны еще четыре находки индийских золотых динаров, отмеченные А.Ф.Лихачевым. Все монеты чеканены в период правления Мухаммеда ибн Тоглука [74, с. 428–429; 75, с. 85–87; 86, с. 50], три из них датированы 741, 742 и 744 гг.х., четвертая имеет более широкую датировку – годами правления халифа ал-Хакима II (741–753 гг.х.).

В 1944 г. на Болгарском городище были найдены клад из пяти золотых монет (в числе которых четыре с именем халифа ал-Хакима II и одна Махмуда ибн Мухаммеда ибн Тоглука с датой 752 г.х.) и еще один золотой динар, чеканенный от имени халифа ал-Хакима II; аналогичный последнему динар с датой 745 г.х. был найден предположительно в Апастовском районе Татарстана [74, с. 430–432; 75, с. 87–89].

В составе Мало-Атрянского клада джучидских монет, найденного в 1954 г., имелись две делийские золотые монеты Мухаммеда ибн Тоглука 1341 г. [99, с. 20].

Две монеты Мухаммеда ибн Тоглука 726 и 727 гг.х. были найдены на Селитренном городище в 1963 и 1971 гг. [91, с. 254].

Через Поволжье делийские золотые монеты проникали в район бывшей Пермской губернии, на Северный Кавказ, в Крым и бассейн Прута [8, с. 78, 80; 54, с. 99; 96, с. 62].

Помимо монет из Индии привозили хлопчатобумажные ткани, необработанную слоновую кость, встреченную в материалах Селитренного городища, с берегов Индийского океана – раковины каури и кораллы; на Царевском городище была найдена ажурная костяная пластина с изображением слона и обезьяны, вероятно, индийского происхождения [95, с. 215].

В Поволжье привозились из Хорезма талькохлоритовые сосуды (преимущественно котлы) и сероглиняная керамика, достигавшие на западе даже Днестра и Азака; в Хорезме и на Устюрте, в свою очередь, встречается посуда из Поволжья [10, с. 13–14, табл.2, 17; 33, с. 62–65; 62; 63, с. 54–56, 80, 82, рис. 4, 15, 4; 95, с. 210–213, 221, табл.105–106]. Хорезмийские монеты присутствовали в денежном обращении поволжских городов Золотой Орды, шелка из Хорезма доставлялись в Поволжье и далее на Запад.

Известны находки в Монголии, в окрестностях Каракорума, золотоордынских серебряных монет нижеволжской чеканки [9, с. 140, 147, рис. 6, 16].

Из Китая в Поволжье поступали шелковые и парчовые ткани, фарфор (встреченный в частности в материалах Болгарского и Царевского городищ), а также китайские бронзовые зеркала, изделия из нефрита. На Селитренном городище известны находки фрагментов китайского фарфора и даже корейского селадона XIV в. [58, с. 108–109; 60–61; 63, с. 49, 51, 75–79, рис. 11–14, ил. IX; 95, с. 218–219; 97, с. 204].

О развитой торговле золотоордынских городов с Западной Европой и о знакомстве ее населения с географией Поволжья говорят европейские карты Анжелино Дульчерта 1339 г., Франциска и Доминика Пицигани 1367 г., Каталонского атласа 1375 г., Месии де Виладестеса 1413 г., Фра-Мауро 1459 г., на которых показано большое количество поволжских городов XIV в. [102; 104, XXXIV; 107; 109, III.7, 12].

Из Поволжья вывозили в Причерноморье и далее вплоть до Средиземноморья и Италии рыбу осетровых пород [26, с. 122; 108, р.380], икру, меха, соль. В Азак, Крым и Северное Причерноморье вплоть до Балкан поступала поволжская кашинная, красноглиняная поливная, неполиванная и штампованная керамика [10, с. 13–14, табл.2, 18–19; 95, с. 210]. Венецианские и генуэзские купцы торговали во второй половине XIII – XIV в. в Нижнем Поволжье и далее на восток вплоть до Индии и Китая [26, с. 95–96; 32, с. 220, 222, 224; 95, с. 205–206, 213]. Они привозили в Италию дорогие восточные шелковые ткани [105, р.19, 23].

На памятниках Нижнего и Среднего Поволжья встречаются фрагменты трапезундских, трилийских, крымских, азакских амфор и амфоровидных кувшинов, свидетельствующие об импорте Золотой Ордой вина и масла, а также фрагменты предположительно критских пифосов, причерноморской поливной посуды [4, с. 54, 57–59, рис. 2, 1, 3, 2, 5; 13, с. 20, 22; 40, с. 62, 66, рис. 2, 4; 51, с. 98–99, 102–106, 120–121, рис. 27, 6, 28, 2–6, 9; 63, с. 59–67, 79, рис. 5, 2–4, 6, 6, 1, 7, ил. V, 4–5, VI; 95, с. 208; 106, р. 56, 59–60, 69–73, 233–234, 238–239, 244, 249–250, fig. 68–69, 74, 75, 6, 81, 2–6, 9, 86, 88; НМРТ, №/№ 5363–7, ОАИ–104(?), 5365–56]. Привозились в Поволжье западноевропейские сукна и льняные ткани. С Увекского городища происходит западноевропейская костяная статуэтка в виде лежащего льва, а с Водянского городища – бронзовая рамка или ручка сосуда средиземноморского происхождения [95, с. 207]. Через территорию Поволжья из Западной Европы попали в Сибирь бронзовые водолеи XIII–XV вв., а в Казахстан – бронзовая статуэтка рыцаря французской работы [95, с. 207]. Венецианский дукат XIV в. был найден в районе Астрахани [96, с. 62], а в Болгарах в 1863 г. был найден золотой флорин 1329 г. [75, с. 87–89; НМРТ, № КПУ–75, определение Т.И.Слеповой]. В Каратунском кладе встречены аспр трапезундского императора Алексея III Комнина (1349–1390 гг.) и грошик короля Венгрии и Польши Людовика Венгерского, чеканившийся в Галицкой (Червонной) Руси в 1379–1382 гг. [99, с. 244, 276, табл.57]. На Водянском городище была найдена медная монета [46, с. 59–60, рис. 1, 13] императора Трапезундской империи Михаила III (1341–1349).

Имелись и связи золотоордынского Поволжья с Византией. Это подтверждает находка на Болгарском городище медной византийской монеты императоров Андроника II и Михаила IX Палеологов (1295–1320 гг.), а на поселении Самоселка в Астраханской области – иперперона Андроника II (1282–1332 гг.) [17, с. 240; 93, с. 179, 202].

В Египет из Золотой Орды наиболее активно вывозились рабы. О привозе рабов из Улуса Джучи сообщает известный арабский автор Ал-Омари (700–749 гг.х. / 1301–1349 гг.), занимавший должность государственного секретаря при мамлюкском султани ал-Мелик ан-Насире Насир ад-дине Мухаммаде (1294–1295, 1299–1340). Ал-Омари повествует, что основную

часть рабов, вывозившихся из Золотой Орды, составляли дети степных кочевников-скотоводов, проданные родителями в рабство «для уплаты своей недоимки (податной)» [80, с. 235]. У населения Улуса Джучи покупали детей в качестве рабов сами египетские купцы, один из которых, ал-Кербелай, с этой целью «добрался до Акчакермана и страны Булгарской» [80, с. 235], а потом рассказал самому Ал-Омари об увиденном.

С Ближнего Востока в Среднее и Нижнее Поволжье привозились прозрачные стеклянные лампы с росписью эмалью разных цветов и другие стеклянные сосуды, а также некоторые виды кашинной керамики; возможно, из Египта происходит мраморный подсвечник с арабскими надписями, найденный на Царевском городище [6, с. 85, 90; 7, с. 53–54, рис. 2, табл. VIII; 40, с. 59–60, 67–68, рис. 1, 1, 4, 4; 57, с. 207–211, рис. 91–95; 63, с. 45–47, рис. 2, 1, 3–4, ил. IV, 5–7; 95, с. 209–210; 98, с. 168, табл. VII, 1–4]. Медная монета египетского султана из династии Мамлюков ал-Муизз ‘Изз ад-дин Айбака (1250–1257) обнаружена в Джукетау [43, с. 43, 45, рис. 4, 44]. В одном из погребений у поселка Комсомольский Красноярского района Астраханской области был найден каирский динар [55, с. 75–76; 94, с. 35; 96, с. 62] мамлюкского султана Египта ал-Мелик аз-Захир Рукн ад-дин Бейбарса I ал-Бундукдари (1260–1277). С Селитренного городища известна находка дамасского динара династии Мамлюков 771 г.х. [46, с. 57, 59–61, рис. 1, 2]. С Ближнего и Среднего Востока в Среднее и Нижнее Поволжье поступали художественные латунные сосуды с серебряной и золотой инкрустацией, а также дорогие шелковые и парчовые ткани.

О размахе торговли золотоордынского Поволжья с Ираном свидетельствуют находки на Болгарском городище иранской кашинной посуды, а в Нижнем Поволжье – фрагментов иранской керамики типа «минаи» и сосудов с люстровой росписью; из Закавказья в Поволжье поступала красноглиняная поливная керамика [12; 40, с. 67–68, рис. 4, 3; 63, с. 58–60, 70–74, рис. 5, 1, 5, 9–10, ил. V, 1–2, VIII; 95, с. 214–216, табл. 107, 3–4; НМРТ, № 5365–56]. Привозились из Ирана шелковые и парчовые, а также, вероятно, и хлопчатобумажные ткани.

Интересны поволжские находки монет (преимущественно хулагуидских, джелаиридских и тимуридских) южных государств XIII–XV вв., свидетельствующие об их тесных торговых связях с Золотой Ордой.

Монеты Хулагуидов, Джелаиридов, Джагатаидов и Тимуридов широко известны с памятников Среднего и Нижнего Поволжья. На Хмелевском I селище в Саратовском районе Саратовской области в 1999 г. в ходе исследований памятника Л.Ф.Недашковским был найден фельс [51, с. 120–121] Хулагуида Аргуна (1284–1291 гг.); данная монета является самой ранней из находок династии Хулагуидов. Медные фельсы Хулагуидов Газана и Абу-Саида с нечитаемыми сведениями о городе и годе чеканки, а также серебряная монета Ануширвана (город?, 750 г.х.) обнаружены в Джукетау [43,

с. 40–41, 43, 45, рис. 4,45–46]. С Царевского городища в Волгоградской области происходят две монеты Хулагуида Абу-Саида (1316–1335 гг.), серебряная чекана Иезда 727 г.х. (1326–1327 гг.) и медная чекана Тебриза 732 г.х. (1331–1332 гг.), один фельс Ануширвана, чекана Тебриза 752 г.х. (1351–1352 гг.), а также одна монета Джелаирида Шейха Хасана Бузурга (1336–1356 гг.), чекана Ала-Кира 757 г.х. (1355–1356 гг.) и джагатайдская серебряная монета хана Буян Кули 75? г.х.; наиболее ранняя монета Абу-Саида была найдена в 1960 г. на раскопе II, датированном джучидскими пулами середины – второй половины XIV в. [73; 88, с. 190, 192, № 379; 98, с. 136; 101, с. 208, №/№ 67–68]. На Царевском городище были найдены и медные монеты Тимура, чеканенные в Самарканде [46, с. 59; 88, с. 190, № 379]. С Болгарского городища имеются находки серебряной (Абу-Саид, 71? г.х.) и двух медных хулагуидских монет, одна из них Абу-Саида, чеканенная в Тебризе в 720 г.х. (1320–1321 гг.), а также серебряной монеты Джелаирида Хусейна (?) (1374–1382 гг.); за исключением серебряной монеты Абу-Саида, остальные вышеперечисленные монеты с Болгарского городища происходят из раскопов, датированных джучидскими монетами второй половины XIII – начала 60-х гг. XIV в. [93, с. 202; 100, с. 461, 470, 473]. Хулагуидская монета 40-х гг. XIV в. происходит из урочища Ага-Базар, расположенного недалеко от Болгарского городища [27, с. 327]. На поселении Каменный Бугор в Астраханской области были обнаружены хулагуидские медная монета Абу-Саида (город?, 72? г.х.) с двумя отверстиями и серебряная монета Ануширвана (1344–1355 гг.), а также две анонимные медные монеты XV в. династии Тимуридов [44, с. 41, 50, рис. 3,189–190; 45, с. 30, 46, 52, 60, рис. 6,6, 14,57/1к,96,к97]. На селище Лапас зафиксированы находки двух медных фельсов Хулагуидов 20-х – 30-х гг. XIV в. [17, с. 239]. На Селитренном городище были найдены медная монета Абу-Саида 733 г.х., две серебряные монеты династии Джелаиридов (в том числе одна Ахмеда чеканки Гуштаспи), серебряная монета Суюргатмыша самаркандской чеканки, три медные монеты Тамерлана 785 г.х. и серебряная монета Баязида 792 г.х. [46, с. 58–60, рис. 1,7]. Имеется упоминание о находке хулагуидской (?) монеты на Увекском городище [71, с. 175]. С Водянского городища в Волгоградской области происходят фельс династии Джелаиридов? (Музаффаридов?) второй половины XIV в. и медная монета Тимура [46, с. 59–60, рис. 1,13; 53, с. 4].

Рассматриваемые монеты обнаружены в значительном количестве и в составе кладов джучидских монет, найденных в Среднем и Нижнем Поволжье. В большинстве своем монеты Хулагуидов, Джелаиридов и Тимуридов встречаются в крупных кладах, которые можно связать с купеческим капиталом [52].

В кладе у села Николаевка Чистопольского уезда, зарытом при Токтамыше, и состоявшем из серебряного слитка, делийской золотой монеты

Фируз-Шаха, серебряных джучидских и османидской (Орхана, правившего в 1324–1362 гг.) монет, имелась также серебряная монета Абу-Саида [87, с. 160, № 152].

В кладе у с. Воскресенка Саратовской губернии (младшие монеты 749 г.х.) были найдены серебряные монеты Хулагуидов: две Абу-Саида, чеканки Базара 733 г.х. и с неясной датой, одна – Туга-Тимура (1336–1353 гг.), две – Сулеймана 743 г.х. (одна из них чеканена в Тебризе), три – Ануширвана 746 г.х. (чекан Тебриза), 747 г.х. и с неясной датой [87, с. 136, № 31а]. Монета Хулагуида Сулеймана была обнаружена в Болгарском кладе 1965 г. [90, с. 178, № 526], младшие монеты которого датированы 750 г.х. (1349–1350 гг.).

В кладе у с. Песковатка Царицынского уезда (младшие монеты Мюрида и Абдуллаха) была найдена хулагуидская серебряная монета Сулеймана, чеканенная в Баку [87, с. 135, № 24].

В составе клада, найденного на Селитренном городище на месте раскопа VIII и состоявшего из 3550 серебряных монет (младшие монеты датированы 767 г.х.), имелась также монета Хулагуида Сулеймана, чеканенная в Ардебиле [5; 92; 96, с. 49, 76–77, № 17а].

Две серебряные монеты Сулеймана имелись и в денежно-вещевом кладе, найденном у с. Карашам Нурлатского района; младшая монета клада датирована 793 г.х. [87, с. 158, № 148]. На Селитренном городище был найден клад серебряных и медных (принадлежность последних к комплексу вызывает большие сомнения) монет, младшие из которых датированы 758 г.х.; данный комплекс, совершенно несвойственный для денежного обращения Нижнего Поволжья, можно приурочить к походу Джанибека и Бирдибека в Закавказье: в нем из джучидских монет имеются только закавказские и иранские этих двух правителей, а основную часть клада составляют многочисленные серебряные монеты Хулагуидов, Джелаиридов и Музаффаридов [96, с. 45, 61, 78, № 176].

В кладе у с. Шишовка Петровского уезда вместе с «ладьевидным» слитком и джучидскими дирхемами ханов от Токты до Хызра (младшая монета 761 г.х.) была найдена серебряная монета Хулагуида Ануширвана [87, с. 145, № 86]. В кладе у с. Нижняя Липовка Камышинского уезда (младшая монета 764 г.х.) в числе джучидских монет была найдена и серебряная монета Ануширвана [87, с. 134, № 23], чеканенная в Султании в 753 г.х. (1352–1353 гг.).

В кладе у совхоза Буерачный Камышинского района (младшие монеты 796 г.х.), наряду со множеством джучидских монет от Токты до Токтамыша, имелись следующие серебряные монеты: одна Хулагуида Ануширвана, 5 – 780 г.х. Джелаирида Хусейна (1374–1382 гг.), две из них чеканки Маадена и Мараги, еще одна – Джелаирида Ахмеда, 1 – хорезмийская Тимура, 7 – Тимура и Суюргатмыша самаркандской чеканки 783–785 гг.х.

(1381–1384 гг.), 1 – Тимура и Махмуда 795 г.х. (1392–1393 гг.), чеканенная в Самарканде [87, с. 156, № 138; 88, с. 216–217, № 138]. В комплексе, найденном у с. Селитренное (младшая монета 791 г.х.), имелись две монеты Джелаирида Хусейна 780 г.х., чеканенные в Тебризе и Шемахе, а также одна стертая серебряная джелаиридская монета [87, с. 155–156, № 137]. В кладе серебряных золотоордынских монет из Саратовской губернии имелись монета Хулагуида Ануширвана и три монеты Тимура и Суюргатмыша 784–785 гг.х. [87, с. 157, № 144]. Три хулагуидских монеты и одна монета Тимура 786 г.х. самаркандской чеканки происходят, очевидно, из нескольких соединенных вместе кладовых комплексов с Селитренного городища в Астраханской области [88, с. 217, № 186а].

В кладе 1997 г., найденном на Водянском городище на раскопе I, наряду с джучидскими дирхемами ханов от Узбека до Токтамыша (младшие монеты датируются 797 г.х.) имелись 2 подражания монетам Токтамыша, 3 джелаиридские монеты (Шейх-Увейса, Хусейна и неопределимая), а также 2 монеты Тимура и Суюргатмыша, чеканенные в Самарканде в 785 г.х. [34, с. 87; 96, с. 45, 48, 95, № 139б]. На том же Водянском городище в 2002 г. был случайно найден клад из 27 джучидских дирхемов, серебряной монеты Джелаирида Хусейна и бронзовой вставки перстня с арабской надписью; младшей монетой клада является сарайский дирхем Токтамыша 795 г.х. [34]. В составе клада 1972 г. с Царевского городища наряду с джучидскими дирхемами от Узбека до Токтамыша (младшие монеты датированы 796 г.х.) и подражаниями им имелись 5 монет Джелаирида Хусейна и 4 – Тимура и Суюргатмыша 785 г.х. [96, с. 48–50, 94, № 139а].

В кладе у г. Тетюши в Татарстане в числе различных серебряных монет, в том числе джучидских от Узбека (1312–1342 гг.) до Булата (1407–1411 гг.), были найдены по одной монете Джелаиридов Хусейна (чекан Багдада) и Ахмеда (чекан Гуштаспи), синопская монета династии Исфендиаров, османидская монета Мурада I (1362–1389 гг.), три монеты Тимура и Суюргатмыша 785 г.х., три монеты (2 – Самарканд, 791 г.х., 1 – город? год?) Тимура и Махмуда [87, с. 169, № 198].

Десять джелаиридских и девять тимуридских монет были найдены в кладе у с. Малый Толкиш Чистопольского уезда, зарытом при Токтамыше [87, с. 159–160, № 151].

В составе огромного Каратунского клада серебряных монет, найденного в Апастовском районе Татарстана в 1986 г., а сокрытого около 1395 г., наряду с джучидскими дирхемами (кроме них есть и 4 подражания золотоордынским пулам) и подражаниями им имеется примесь монет Джелаиридов (38 монет Хусейна, в том числе 778–780 гг.х., 5 монет Ахмеда с несохранившимися датами, 4 стертые монеты без имени правителя) и Тимура (67 монет Тимура и Суюргатмыша, в том числе 781–786 гг.х., 72 монеты Тимура и Махмуда, в том числе 785–795 гг.х.), а также русские

денги (две Дмитрия Ивановича и одна Василия Дмитриевича Московских, одна анонимная московская, две Бориса Константиновича Нижегородского), аспр трапезундского императора Алексея III Комнина (1349–1390 гг.) и грошик короля Венгрии и Польши Людовика Венгерского, чеканившийся в Галицкой (Червонной) Руси в 1379–1382 гг. [99]. В кладе у с. Измери Спасского уезда была найдена серебряная монета Тимура и Суюргатмыша [87, с. 158, № 147].

Клад, найденный у Христофоровки того же уезда, наряду с джучидскими (младшие – хана Булата) содержал монеты Тимура и Суюргатмыша (минимум 8), а также Тимура и Махмуда [87, с. 169, № 200]. В кладе у с. Винновка Сызранского уезда имелись две монеты Тимура и Махмуда; одна из них была самаркандской чеканки 794 г.х. [87, с. 157–158, № 145].

В Закавказье, в свою очередь, известны находки как серебряных, так и медных монет джучидских ханов от Узбека до Килдибека поволжской чеканки [88, с. 212, №/№ 590–593]. Серебряные монеты золотоордынской чеканки встречаются и в составе закавказских кладов [87, с. 166, №/№ 181–183; 96, с. 103, 111, №/№ 180а, 2576].

Находки хулагуидских и джелаиридских монет (особенно медных, не имевших никакой ценности как металл) в Поволжье говорят о широких торговых связях данного региона Золотой Орды с Ираном. Эти связи сохранялись несмотря на регулярные военные конфликты. Еще знаменитый Рашид ад-Дин (ок. 1247 – 1318 гг.) в нескольких письмах упоминает о русских товарах (тканях), а также о беличьих и собольих шубах и мехах, привозимых в хулагуидский Иран [56, с. 47; 68, с. 55, 125–132, 233–234, 236–238, 240, 280, 287–289, 292, 415], безусловно, через территорию Улуса Джучи. Ибн Баттута свидетельствует о наличии собольих воротников на одежде купцов «Персии и обоих Ираков» [80, с. 298]. Персидский историк Хамдаллах Казвини в 1340 г. сообщает даже о кораблях, приходящих к острову Ним-Мурдан (Мазандеран) из Руси по Волге и Каспию [56, с. 45; 68, с. 55].

Торговля Северо-Восточной Руси с Востоком шла именно по Волжскому пути. Ибн абд-аз-Захир (кади Мухмад-ад-дин Абу-ль-Фадл Абдаллах, сын абд-аз-Захира), бывший секретарем египетского султана ал-Малик аз-Захир Рукн ад-дин Бейбарса I ал-Бундукдари (1260–1277) и умерший в 1293 г., в своем сочинении «Видный сад в жизнеописании ал-Малик аз-Захира» писал о Волге в связи с приездом послов мамлюкского султана к золотоордынскому хану Берке в Нижнее Поволжье в 1263 г.: «по ней (ходят) суда русских» [80, с. 63]. По Волге на Русь экспортировалась соль, о чем пишет Барбаро, живший в Тане с 1436 по 1452 г.: «Ежегодно люди из Москвы плывут на своих судах в Астрахань за солью» [2, с. 157]. С русских купцов взимались пошлины, так, Иосафат Барбаро в своем «Путешествии в Тану» (написано в 1488–1489 гг.) сообщает: «Сейчас прошло,

вероятно, лет двадцать пять с тех пор, как русские платили за плавание [по Волге] дань татарскому хану» [2, с. 158].

На Русь поступали из Золотой Орды хорезмские каменные котлы, перстни из стекла, стеклянные и кашинные бусы, неполивная, поливная и штампованная золотоордынская керамика, встреченная при раскопках многих русских городов вплоть до Новгорода и Белоозера [16, с. 168, 186–188, рис. 61, 1–3, 66, 3, 5–6, 13; 24, с. 127; 35, с. 170–171, рис. 1, 1; 37, с. 153–166, рис. 1, 4–5, 12–13, 2, 1–8; 38, с. 107–113, 115–120, рис. 2, 5–10, 5, 4–5; 39, с. 99, 104–107, рис. 2, 1; 40, с. 61, 63; 41, с. 100–101, 103–105, рис. 38–39, 40, 1–2, 6; 48, с. 271–274, 276–286; 49; 50, с. 324–326, рис. 146; 56, с. 48; 59, с. 106–107; 69, с. 50–51; 70, с. 88; 95, с. 220]. В «Рижской долговой книге» 1286–1352 гг. упоминаются «двойные болгарские куски» воска [47, с. 63]. Через Среднее и Нижнее Поволжье привозились на Русь сердолик, горный хрусталь и лазурит [69, с. 52; 70, с. 242–244; 95, с. 221], иранская, сирийская, среднеазиатская и закавказская поливная керамика [36, с. 236–239, рис. 1, 1–2, 4–5, 7, 10; 37, с. 156–157, рис. 1, 6–11; 38, с. 107–109, 111, рис. 2, 1–2, 4; 40, с. 59–60; 41, с. 100–101, рис. 40, 3], китайские селадоны [37, с. 158–159, рис. 2, 9; 39, с. 101–102, рис. 3, 9; 41, с. 101–102, рис. 41; 60, с. 157, 163; 95, с. 220], ближневосточная стеклянная посуда [6, с. 85; 41, с. 98–99, рис. 37, 2–3; 79, с. 104–105, рис. 8, 1]. В новгородской берестяной грамоте № 125 рубежа XIV–XV вв. имеется фраза «купи ми зендянцю добру», в которой названа среднеазиатская хлопчатобумажная ткань «зендень» («занданичи»), получившая наименование по селению Зандана (Зендене) под Бухарой [1, с. 281]. По всей Волге и далее вплоть до Новгорода с Кавказа распространялся самшит, а с берегов Индийского океана – раковины каури [41, с. 82–83, 109, рис. 20, №/№ 397–398; 69, с. 45, 49; 70, с. 85–87].

Встречаются клады золотоордынских монет в московских и нижегородских землях, также порой связанные с купечеством [15, с. 63; 28; 41, с. 106, 156, 160–161, 179, 210–213, рис. 52, 3, 53–54; 87, с. 150, 185, №/№ 108а, 312; 96, с. 47, 88–89, 106–107, 113, №/№ 95д, 97б, 208б, 214б, 217а, 312а–312б]. Отмечены также единичные находки джучидских дирхемов и пулов на территории Московского, Тверского, Суздальско-Нижегородского княжеств [14; 15, с. 64–65; 41, с. 160–161, 210–213; 88, с. 203–204, №/№ 479–480, 488–493].

Из Русских земель в Среднее и Нижнее Поволжье поступали стеклянные браслеты, некоторые типы перстней, а также янтарь.

С конца XIV в., когда на Руси возобновляется чеканка монет, русские денги часто присутствуют в качестве примеси (от 0,03% до 13,4%) в составе золотоордынских монетных кладов Среднего и Нижнего Поволжья; судя по размерам кладов, содержащих в своем составе русские монеты, данные комплексы, вероятно, являются сбережениями купцов, ведущих торговые операции на Руси [11; 41, с. 157–159, 184–185, 189–192; 85, с. 76;

87, с. 114–115, 122–123, 157, 169–170, №/№ 141, 198, 200–201, 202а–202б; 88, с. 218, № 201а; 90, с. 180, №/№ 202в–202г; 96, с. 56, 95–99, 105, №/№ 151а, 152г–152д, 202е; 99, с. 242–243]. В 2002 г. на Селитренном городище был найден клад из более чем трех тысяч серебряных монет, находившихся во фрагменте золотоордынской красноглиняной водопроводной трубы, заткнутом куском ткани; определяемые монеты преимущественно относились к чеканке Суздальско-Нижегородского княжества, кроме них в кладе имелись 13 денег великого князя московского Василия II Васильевича и 5 золотоордынских дирхемов XV в., в том числе ханов Тимура, Гияс-ад-Дина и Улу-Мухаммеда, в состав клада входили также две монетные заготовки [83; 84, с. 118]. Небольшой клад из пяти серебряных древнерусских монет (определены две денги суздальского князя Александра Ивановича и две денги великого князя Юрия Дмитриевича) известен из окрестностей Камаевского городища в Татарстане [85, с. 76]. Встречаются русские монеты и как единичные находки на поселениях Среднего и Нижнего Поволжья [18, с. 95; 46, с. 58–60, рис. 1,8; 51, с. 106; 85, с. 76–77]; на Рождественском V селище в 2005 г., помимо опубликованных экземпляров, была найдена анонимная денга чеканки Суздаля 1427–1429 гг.

В правление Джанибека наблюдается сокращение объемов внешне-торговых связей Поволжья, как и Золотой Орды в целом.

В 1343 г. разгорелся конфликт Улуса Джучи с итальянцами в Тане (после убийства знатным венецианцем Андреоло Чиврано ордынца Ходжи Омера). Война с итальянскими колонистами в Каффе продолжалась и в 1344–1347 гг.; военные действия и потеря Таны тут же вызвали «в Византии нехватку зерна и соленой рыбы, в Италии цены на пряности и на шелк повысились вдвое» [82, с. 15]. В июне 1345 г. войска эмира Могулбуги осадили генуэзскую Каффу. Мирный договор между Генуей и Золотой Ордой был заключен не позднее июня 1347 г. 26 декабря 1347 г. был выдан ярлык и венецианцам, подтверждающий примирение Джучидов и с ними [21, с. 79–121]. Войны Венеции с Генуей 1350–1355 гг. и 1376–1381 гг. также отрицательно сказались на торговле итальянских морских республик с Улусом Джучи.

Большой удар по экономике Золотой Орды, в том числе и по ее торговле, нанесла грандиозная эпидемия чумы, проникшей с Востока. В 1347 г. чума уже свирепствовала среди осаждавших Каффу золотоордынских войск. Из Улуса Джучи по хорошо налаженным торговым путям чума быстро перекинулась в Западную Европу.

В правление Джанибека ханская власть стала препятствовать развитию давних и важных торговых связей Золотой Орды с Египтом, ранее активно поддерживавшихся золотоордынскими ханами. Так называемая «Биография султана ал-Мелик ан-Насира» сообщает, что Джанибек сразу по вступлении на престол, наряду с другими распоряжениями, «приказал

не возить (более) рабов в Египет» [80, с. 263]. Такая политика ханской администрации способствовала если не полному прекращению торговых связей Золотой Орды с Египтом, то значительному их сокращению.

Особенно большой удар по поволжской торговле, а также по городам Средней и Нижней Волги, нанесла золотоордынская междоусобица 60-х – 70-х гг. XIV в. («великая замятня»), так как Поволжье было политическим и экономическим центром Золотой Орды, за который и шла основная борьба враждующих претендентов на ханский престол.

Эмир Булат-Тимур («князь Ординьскы») в 1361 г. захватил Булгар, где пытался образовать независимое княжество: «Болгарь взял и все города по Волзе и улусы и отня весь Волжьский путь» [66, с. 181]. Булгар в 1361 г. был почти полностью разрушен Булат-Тимуром. Это привело к значительному уменьшению роли города в поволжской торговле. Большую роль в ослаблении Булгара во второй половине XIV – начале XV в. сыграли набеги новгородских ушкуйников, совершавшиеся в 1360, 1366, 1374, 1375 и 1409 гг. [59, с. 9; 76, с. 68–70].

В период междоусобицы имущество купцов неоднократно разграблялось. Так есть данные об убийстве и ограблении в Поволжье русских купцов по приказу хана Арабшаха в 1378 г. [65, с. 28; 56, с. 45]. Купцы часто вынуждены были прятать свои сбережения, зарывая клады, но впоследствии у них не всегда имелась возможность вернуть их себе ввиду постоянно менявшейся политической и военной ситуации.

Из Таны и Каффы в Италию вывозились рабы, военнопленные, которых захватывали все больше и больше в ходе междоусобных войн [95, с. 223].

Но вскоре для итальянских купцов стало ясно, что Золотая Орда, раздираемая усобицами, не будет надежным торговым партнером. Венецианцы, поняв малоприбыльность и высокие риски торговли в Тане, начинают искать другие пути для торговли с Востоком. Так в 1364 и 1367 гг. Венеция заключает торговые договоры с Трапезундской империей, через которую налаживаются связи с государством Джелаиридов [31, с. 62–64]. Эти действия венецианцев свидетельствуют, что торговля с Золотой Ордой становилась для них занятием все менее и менее выгодным.

На начальном этапе правления Токтамыша проводится унификационная денежная реформа, призванная воссоздать единое денежное обращение во всем Улусе Джучи, заметно подорванное междоусобными войнами. Однако реформа 782 г.х. (1380–1381 гг.) не создала единства денежного обращения на всей территории Золотой Орды [96, с. 16–17, 54]. «Серебро в большей степени, чем раньше, уходит из сферы городского торга и местного денежного обращения в сферу транзитной торговли, купеческого капитала. Клады этого времени лежат главным образом на речных путях – прежде всего на Волжском, на Днепровском, по Оке» [96, с. 54].

Несмотря на протекционистскую политику Токтамыша, направленную на возрождение городов и торговли, она не всегда была последовательной. Так в 1382 г. Токтамыш перед походом на Москву распорядился перебить и ограбить в Булгаре христианских и русских купцов, препроводив их суда и товары к себе [66, с. 206; 56, с. 45].

Даже в 1393 г., когда могущество Токтамыша было уже в значительной степени подорвано поражением от войск Тимура на реке Кондурча (июнь 1391 г.), Токтамыш в ярлыке-послании польскому королю Ягайло призывает к развитию торговых связей между Польшей и Золотой Ордой, к возобновлению поездок купцов польского государства по территории Улуса Джучи: «пусть по прежнему опять твои купеческие артели разъезжают» [67, с. 6].

Тем не менее в конце правления Токтамыша важнейшие золотоордынские города, являвшиеся центрами международной и внутренней торговли, приходят в упадок или вообще полностью прекращают свое существование в результате походов на Золотую Орду Тимура, когда-то союзника и покровителя Токтамыша. В 1388 г. Тамерланом был до основания разрушен Ургенч, а в 1395–1396 гг. подверглись страшному разрушению поволжские города – Сарай ал-Джедид, Хаджи-Тархан, Бельджамен, Укек, а также Азак, Маджар и другие городские центры Улуса Джучи.

Основные торговые пути между Востоком и Западом окончательно сместились в южном направлении и перестали проходить по территории Улуса Джучи. Иосафат Барбаро (1413–1494 гг.) красочно описывает это, повествуя о Хаджи-Тархане: «Теперь это почти разрушенный городишко, но в прошлом это был большой и знаменитый город. Ведь до того, как он был разрушен Тамерланом, все специи и шелк шли в Астрахань, а из Астрахани – в Тану (теперь они идут в Сирию). Только из одной Венеции в Тану посылали шесть-семь больших галей, чтобы забирать эти специи и шелк. И в те времена ни венецианцы, ни представители других заморских наций не торговали в Сирии» [2, с. 157].

Но торговля в Сарае даже в XV в. приносила немалые доходы иноземным купцам. Сохранился отчет ширазского купца Шамс ад-Дина Мухаммеда, продавшего в Сарае в 1438 г. свои товары и закупившего там китайские шелк-сырец, шелковую камку, атлас, европейское сукно и русское полотно [30].

Таким образом, в золотоордынский период наблюдается невиданный всплеск развития торговых связей Поволжья. География торговых контактов необычайно широка – Русь, Западная и Центральная Европа, Причерноморье, Средиземноморье, Ближний и Средний Восток, Средняя и Центральная Азия, Индия, Китай, Корея.

Не следует считать, что предметы импорта были доступны исключительно золотоордынской элите. Находки импортных изделий известны не

только в материалах крупных, но и малых городов, сельских памятников, а также курганов кочевников.

Именно через города, как крупные центры международной торговли (с памятников городского характера происходят все отдельные находки иностранных монет на Нижней Волге, основная часть импортов и изделий, привезенных из других регионов, например, хорезмской неполивной керамики), в село поступали импортные товары: вино в амфорах, парчовые и шелковые ткани, иногда даже люстровая керамика и стеклянные сосуды с полихромной росписью. Находки фрагментов трапезундских амфор известны с памятников округа Увекского (селища Багаевское, Колотов Буерак, Хмелевское I, Широкий Буерак) и Селитренного (местонахождение Комсомольский I) городищ, фрагменты трилийских амфор известны из раскопок Багаевского селища в округе Укека. Парчовые и шелковые одежды происходят с памятников округа Увекского (Болдыревский и Чардымский могильники), Царевского (могильники Водянский I, Мечетный I) городищ и Шареного Бугра (могильники Маячный Бугор I–II). Фрагменты люстровых, расписного стеклянного сосудов, раковины устрицы (связанной происхождением с Черным или Средиземным морями) и раковина каури встречены при раскопках Багаевского селища.

К кочевникам также поступали импортные изделия, в частности, вино в амфорах, парча и шелк. Фрагмент трилийской амфоры был найден в насыпи кургана 15 группы Маляевка I. Парчовые и шелковые ткани найдены в курганных группах округа Увекского (Астраханский тракт, Покровск, Скатовка I, Советское I–II, Суслы, Усть-Курдюм I) и Царевского (Бахтияровка I–II, Верхнее Погромное, Заяр, Ленинск I, Маляевка V–VI, Солодовка II, Царев) городищ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арциховский А.В. Одежда // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Часть 1. Материальная культура. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 277–296.
2. Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. 275 с.
3. Березин И.Н. Булгар на Волге // Ученые записки Казанского университета. Кн. III. 1852. С. 74–160.
4. Булатов Н.М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник МГУ, сер. история. № 2. 1969. С. 46–59.
5. Булатов Н.М., Гусева Т.В., Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Поволжской археологической экспедиции на Селитренном городище // Археологические открытия 1975 года. М., 1976. С. 159–160.

6. Бусятская Н.Н. Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы (X–XIV вв.) // Вестник МГУ, сер. IX история. № 2. 1972. С. 83–90.
7. Бусятская Н.Н. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976. С. 38–72.
8. Быков А.А. Находки средневековых индийских монет в Восточной Европе // Эпиграфика Востока. XIX. Л.: Изд-во «Наука», 1969. С. 73–80.
9. Войтов В.Е. Могильники Каракорума (по материалам работ 1976–1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 132–149.
10. Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 24 с.
11. Волков И.В. Русские монеты в кладах Поволжья последней четверти XIV – первой четверти XV в. // Восьмая всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 17–21 апреля 2000 г. Тез. докл. и сообщений. М.: Тип. ООО «Полтекс», 2000. С. 80–82.
12. Волков И.В. Ширванский керамический импорт в золотоордынских городах // Средняя Азия: Археология, история, культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. Государственный музей Востока, 14–16 декабря 2000 г. М.: Гос. музей Востока, 2000. С. 45–50.
13. Волков И.В. Золотая Орда и христианский мир (археологические свидетельства исторических явлений) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 4. 2001. С. 15–25.
14. Волков И.В. Комплекс средневековых монет с поселения у д. Городищи-Юшково Московской области // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005 г. Тез. докл. и сообщений. М.: Альфа-Принт, 2005. С. 108–109.
15. Волков И.В. Об обращении джучидского дирхема в московских землях во второй половине XIV – начале XV вв. // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Саратов 2001, Муром 2003. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 62–67.
16. Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Изд-во «Наука», 1973. 212 с.
17. Гончаров Е.Ю. Анализ монетного материала с двух золотоордынских городищ // Древности. Вып. 36. Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. М.-Казань: Gumanitarya, 2003. С. 239–242.
18. Гончаров Е.Ю., Тростьянский О.В. Монетный комплекс XV в. из села Рождествено // Двенадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 19–24 апреля 2004 г. Тез. докл. и сообщений. М.: ООО «Тиссо-Полиграф», 2004. С. 94–95.
19. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.

20. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 479 с.
21. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 276 с.
22. Григорьев В.В. Монеты афганских султанов Индии, найденные в развалинах Сарая // Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества. Т. II. СПб.: В типографии экспедиции заготовления государств. бумаг, 1850. С. 336–351.
23. Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Редакция, вступительная статья и примечания Н.П. Шастиной. М.: Географгиз, 1957. 270 с.
24. Дубынин А.Ф. Археологические исследования в Зарядье (Москва) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. 65. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 119–130.
25. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
26. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: На материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень: МИ «Рутра», 1995. 226 с.
27. Жиромский Б.Б. Ага-Базар // МИА. № 42. М.: Наука, 1954. С. 325–339.
28. Зайцев В.В., Колызин А.М. Два клада золотоордынских монет // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005 г. Тез. докл. и сообщений. М.: Альфа-Принт, 2005. С. 53–54.
29. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1966. 160 с.
30. Заходер Б.Н. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. (К вопросу о русских экономических связях с Сибирью, Средней Азией и Передним Востоком) // Краткие сообщения Института востоковедения. XIV. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 14–19.
31. Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М.: Изд-во МГУ, 1981. 231 с.
32. Карпов С.П. От Таны – в Ургенч: эти трудные дороги средневековья // Средние века. Вып. 61. М.: Наука, 2000. С. 217–224.
33. Кдырнязов М.Ш. Торговые связи средневековых городов Хорезма (XIII–XIV вв.) // Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. № 3(73). Нукус: Нукусский полиграфкомбинат им. 50-летия «Правды», 1978. С. 60–65.
34. Клоков В.Б. Новые клады джучидских монет с Водянского городища // Двенадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 19–24 апреля 2004 г. Тез. докл. и сообщений. М.: ООО «Тиссо-Полиграф», 2004. С. 86–87.
35. Коваль В.Ю. Люстровая керамика Ближнего и Среднего Востока из раскопок в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород: АО Типография «Новгород», 1995. С. 169–181.
36. Коваль В.Ю. Иранская люстровая керамика в средневековой Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь, 1996. С. 235–240.

37. Коваль В.Ю. Восточная керамика золотоордынской эпохи в средневековом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. Новгород: АО Типография «Новгород», 1997. С. 153–166.

38. Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Часть I. Фаянсы и полуфаянсы // Российская археология. № 2. 1997. С. 104–122.

39. Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Часть II. Полумайолика, фарфор, неполированная посудная, техническая, декоративная и архитектурная керамика // Российская археология. № 3. 1997. С. 94–113.

40. Коваль В.Ю. Глазурованная керамика из окрестностей Увека // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 215. М.: Наука, 2003. С. 58–69.

41. Колызин А.М. Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.). М.: ООО «Информполиграф», 2001. 278 с.

42. Крамаровский М.Г. Гончар-армянин из Сарая ал-Джедид // Труды Государственного Эрмитажа. XIX. Л.: Изд-во «Аврора», 1978. С. 102–105.

43. Лебедев В.П., Бугарчев А.И., Гумаюнов С.В. Монетное обращение Джукетау по нумизматическим данным // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Болгар 2005, Волгоград 2006. М.: Нумизматическая Литература, 2008. С. 39–49.

44. Лебедев В.П., Клоков В.Б. Монеты с юго-восточных окраин Сарая // Татарская археология. № 1–2(8–9). Казань: Тип. Управления Делами Президента Республики Татарстан, 2001. С. 22–52.

45. Лебедев В.П., Клоков В.Б. Денежное обращение Сарая и его округа после 1395 г. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.-Н. Новгород: Нумизматическая Литература, 2004. С. 23–75.

46. Лебедев В.П., Клоков В.Б. Иноземные монеты XII–XV вв. на золотоордынских городищах Поволжья // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Саратов 2001, Муром 2003. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 57–61.

47. Лимонов Ю.А. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества // Международные связи России до XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 55–63.

48. Медведев А.Ф. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде // МИА. № 117. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 269–286.

49. Монгайт А.Л. Золотоордынская чаша из Новгорода Великого // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. XIX. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 70–73.

50. Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.

51. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 224 с.

52. Недашковский Л.Ф. Монеты южных соседей Золотой Орды в собрании Саратовского областного музея краеведения // Россия и Иран: Иранистика в Татарстане. М.: ПАЛЕЯ-Мишин, 2001. С. 156–162.

53. Недашковский Л.Ф. Введение // Пырсов Ю.Е. Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения / Отв. ред. Недашковский Л.Ф. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. С. 4–5.

54. Нудельман А.А. К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV – начале XVI вв. (По материалам кладов) // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев: Изд-во «Штиинца», 1975. С. 94–124.

55. Павленко Ю.А. К вопросу о распространении суфизма в Нижнем Поволжье // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2001. С. 74–76.

56. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 133 с.

57. Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 151–219.

58. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: Эвтектика, 1991. 112 с.

59. Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.

60. Полубояринова М.Д. Китайский селадон из Болгара // Российская археология. № 2. 2003. С. 155–164.

61. Полубояринова М.Д. Китайский фарфор с Болгарского городища // Российская археология. № 3. 2003. С. 136–144.

62. Полубояринова М.Д. Каменные котлы из Болгара // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М.: Наука, 2004. С. 316–323.

63. Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. М.: Наука, 2008. С. 27–107.

64. ПСРЛ. Т. IX–X. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Изд-во «Наука», 1965. 244 с.

65. ПСРЛ. Т. XI–XII. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Изд-во «Наука», 1965. 266 с.

66. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.

67. Радлов В.В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. III. СПб.: Тип. Имп. АН, 1889. С. 1–40.

68. Рашид ад-Дин. Переписка: Перевод, введение и комментарий А.И. Фалиной. М.: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1971. 498 с.

69. Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 167 с.

70. Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород: Издательско-полиграфический центр Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 2001. 390 с.

71. Савельев В.К. Описание дополнительной коллекции джучидских монет (ханов Золотой Орды) из развалин г. Укека, приобретенных летом 1879 года

П.А. Пономаревым от крестьян деревни «Бережного Увека», близ города Саратова // ИОАИЭ. Т. II. 1880. С. 171–175.

72. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1960. 276 с.

73. Сингатуллина А.З. Монеты Царевского городища (Раскопки 1998 г.) // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ. Вып. 135. М.: «Тиссо-Полиграф», 2002. С. 166–167.

74. Сингатуллина А.З. Золотые индийские монеты из собрания Национального музея Республики Татарстан // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Казань, 17 марта 2009 г. Вып. 1. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 425–435.

75. Сингатуллина А.З. О некоторых золотых монетах из собрания Национального музея, найденных на территории Республики Татарстан // Средневековая археология Поволжья: материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 4. Йошкар-Ола: ООП Мар. гос. ун-та, 2009. С. 78–97.

76. Смирнов А.П. Волжские булгары // Труды ГИМ. Вып. XIX. 1951. 263 с.

77. Смирнов А.П. Армянская колония города Болгара // МИА. № 61. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 330–359.

78. Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века. М.: «Наука», 1974. С. 4–13.

79. Столярова Е.К. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. // Российская археология. № 4. 1997. С. 93–106.

80. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I / Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. имп. АН, 1884. 564 с.

81. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II / Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузенем и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

82. Тихомиров М.Н. Пути из России в Византию в XIV–XV вв. // Византийские очерки. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 3–33.

83. Тростянский О.В. Клад суздальско-нижегородских монет XV века с Селитренного городища // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.-Нижний Новгород: Нумизматическая Литература, 2004. С. 237–268.

84. Тростянский О.В. Монеты нижегородского князя Ивана Васильевича // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005 г. Тез. докл. и сообщений. М.: Альфа-Принт, 2005. С. 117–120.

85. Тростянский О.В. «Военные денги» князя Юрия Дмитриевича // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Болгар 2005, Волгоград 2006. М.: Нумизматическая Литература, 2008. С. 76–78.

86. Фасмер Р.Р. О двух редких золотых монетах делийских султанов // ИОАИЭ. Т. XXXIII, вып. 4. 1927. С. 45–52.

87. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. 1960. С. 94–192.
88. Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. 1963. С. 165–221.
89. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
90. Федоров-Давыдов Г.А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974. С. 176–182.
91. Федоров-Давыдов Г.А. Две заметки по золотоордынской нумизматике // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: «Наука», 1978. С. 249–254.
92. Федоров-Давыдов Г.А. Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища // Нумизматика и эпиграфика. Т. XIII. 1980. С. 58–76.
93. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 158–204.
94. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.
95. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во МГУ, 2001. 256 с.
96. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: ПАЛЕОГРАФ, 2003. 352 с.
97. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.: Наука, 1989. С. 133–248.
98. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970. С. 68–171.
99. Федоров-Давыдов Г.А., Мухаметшин Д.Г. Каратунский клад джучидских монет XIV века. Т. I. Казань: Изд-во Казан. ун-та; М.: Палеограф, 2018. 384 с.
100. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА. № 42. М.: Наука, 1954. С. 424–484.
101. Янина С.А. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959–1962 гг. // Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970. С. 194–223.
102. Димитров Б. България в средновековната морска картография XIV–XVII век. София: Наука и изкуство, 1984.
103. Codex Cumanicus / Edited by G.Kuun; with the Prolegomena to the Codex Cumanicus by Louis Ligeti. Budapest: MTAK, 1981. 395 p.
104. Il mappamondo di Fra Mauro. A cura di Tullia Gasparini Leporace, presentazione di Roberto Almagia. Venice: Istituto poligrafico dello Stato, 1956. 79 p.
105. Le stoffe di Cangrande. Ritrovamenti e ricerche sul 300 veronese. Firenze: Alinari, 1983. 320 p.
106. Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery / BAR. International Series, 1222. Oxford: Archaeopress, 2004. 253 p.
107. Pastoureau M. Voies Océanes. Cartes marines et grandes découvertes. Paris: Bibliothèque Nationale, 1992. 188 p.

108. Pegolotti F.B. La pratica della mercatura / Edited by A.Evans. Cambridge, Massachusetts: The Medieval Academy of America, 1936. 443 p.

109. Sea charts of the early explorers: 13th to 17th century. New York: Thames and Hudson, 1984. 298 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии (при Казанском университете)

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НМРТ – Национальный музей Республики Татарстан

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

Сведения об авторе:

Леонард Федорович Недашковский – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Российская Федерация). E-mail: Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Великий Шелковый путь и Булгарский улус Золотой Орды: пути культуры

В статье анализируются материалы, связанные с функционированием северной части Великого Шелкового пути в эпоху Золотой Орды. Эта часть трансконтинентальной магистрали связана с Булгарской областью этого государства. Немногочисленность данных оставляла открытой тему о прямых поступлениях артефактов из Китая. Автор исследует ее, опираясь на те находки, которые не могли возникнуть в Булгарской области Золотой Орды. Это металлические зеркала с иероглифами и триграммами «ба гуа», с изображением четырех иероглифов и восемью птиц, с рисунком четырех журавлей, а также чугунные изделия, которые в Волжской Булгарии не изготавливали. На основе проведенного анализа автор утверждает, что такие изделия поступали в Булгарскую область из центров по производству зеркал на окраине монгольского государства, возможно, в Южной Сибири. Так же автор установил, что существовало несколько путей северных направлений от основной трассы Великого Шелкового пути, два из них проходили через Хорезм, а один шел через Урал непосредственно в Китай и Монголию. Последний путь – Сибирский путь функционировал еще с домонгольского времени.

Ключевые слова: Золотая Орда, Булгарский улус, металлические зеркала, буддизм, чугунные изделия, Великий Шелковый путь, Сибирский путь, Китай, И цзин, ба гуа

По Великому Шелковому пути издавна перемещались не только разнообразные товары от драгоценных камней и предметов роскоши, до тканей и благовоний, но и инновационные технологии, новые идеи [38, с. 12–13, 20–21, карта]. Длительное время этот путь был привлекателен для торговцев и путешественников, переживая падения и взлеты, когда в оазисах на его трассе формировались оригинальные художественные формы, рождались неожиданные дизайнерские решения в произведениях торовитики, художественной керамике, текстиле [49, р. 185–205, cat. 97–113]. Новое наполнение Великий Шелковый путь получил после монгольских завоеваний и создания мировой Монгольской империи, когда исчезли границы многих государств, а новая власть стала оказывать покровительство торговому сословию. Важное место на западном отрезке этого пути занимала Золотая Орда и ее города с развитой ремесленной культурой [47; 48]. Здесь, даже периферийные территории в той или иной степени были свя-

заны не только с административным центром Улуса Джучи, но и с достаточно отдаленными землями, где-то опосредовано, а где-то и напрямую.

Несмотря на то, что Великий Шелковый путь оказывал опосредованное влияние на булгарские земли и соседние с ними территории задолго до монгольских завоеваний [30, с. 65–78], активно стимулировать ход развития культуры в среднем течении Волги он стал только с образованием Золотой Орды. Для этого были все возможности: Булгарский улус был узловым центром многочисленных региональных контактов, как экономических, так и политических, часть из них была наследием домонгольского времени, особенно взаимодействие с русскими княжествами, а также с землями населенными финноязычными народами Поволжья и Прикамья, а через них – с лесными племенами Урала и Зауралья. Часть была новым явлением, сформировавшейся уже в рамках нового государства. К последним относился неограниченный теперь государственными границами, таможенными пошлинами и небезопасный от искавших легкой добычи кочевников, путь по Волге, который открывал дорогу к нижневолжским городам, а через них к морским портам на Азовском и Черном морях, где активно продвигали свои интересы генуэзцы и венецианцы.

Также из столичных городов Золотой Орды открывалась дорога на Кавказ¹ и далее на Восток, к отдаленным частям Монгольской империи, в том числе и к важнейшим торговым пунктам, стоявшим на Великом Шелковом пути. Иначе говоря, Болгар, благодаря своему географическому положению, близости к источникам ценных товаров, высоко котирувавшихся на международном рынке, прежде всего мехов, был полноправным партнером в сфере не только региональной, но и трансконтинентальной торговли, его знали как торговцы, так и ученые-географы, отмечавшие особенности его положения и климата.

Самым отделенным и самым притягательным пунктом на востоке Монгольской империи для правителей Булгарской области был Китай. В домонгольское время о нем в Волжской Булгарии вряд ли имели какое-либо определенное представление, – у нас нет этому никаких свидетельств. В эпоху Золотой Орды границы мира для потомков домонгольских булгар существенно расширились, и Китай стал вполне реальной географической территорией в представлениях об Ойкумене. По данным антропологии, мы знаем, что в Болгаре в XIV в., могли проживать выходцы из Китая, но есть ли другие свидетельства прямых контактов и по каким путям они осуществлялось.

Рассмотрим эту проблему на основе анализа инновационных для того времени в Булгарской области Золотой Орды явлений, касавшихся пред-

¹ Это направление было традиционным в торговых сношениях и прослеживается по археологическим данным с раннего средневековья [8, с. 94].

метов быта и культуры – металлических зеркал, а также чугунных изделий. Не подлежит сомнению, что это были заимствованные изделия, которые появились здесь только в золотоордынское время. Кроме того, первые из них обладают для изучения поставленного нами вопроса, высоким информационным потенциалом, прежде всего за счет изображений, которые наносились на тыльную сторону изделия.

Металлическими зеркалами широко пользовались в предмонгольское время на Востоке в широком смысле этого слова: от Китая и до Египта. Особенной популярностью они получили в Центральной Азии и Иране с XI–XII в., а в Китае традиция их изготовления уходит в первые века до н.э. Распространены они были у кочевников Восточной Европы. Однако булгары ими не пользовались. Наиболее узнаваемы были китайские зеркала, которые по Великому Шёлковому пути доходили в первых веках н.э. до восточных границ Римской империи. Замысловатые рисунки на них хорошо узнаваемы и практически не воспроизводились в другом культурном пространстве. В монгольской империи и в Золотой Орде к металлическим зеркалам было особое отношение. Соседство кочевого и оседлого быта, обычно антагонистичное по отношению друг к другу, внезапно обрело некий культурный диалог, воспринимаемый без ущерба для традиционных общественных и культурных ценностей. Даже, казалось бы, далекие друг от друга художественно-смысловые системы: китайские мифо-обрядовые образы и их художественное воплощение в декоре зеркал; символика исламского мира и геометрические абстракции кочевого мира, нашли точки соприкосновения в этом материале.

Однако нас в данном случае интересует не весь комплекс находок металлических зеркал обнаруженных в Булгарском улусе Золотой Орды и исследовательских проблем с ними связанных, а только те из них, которые имеют точные аналоги с предметами самого отдаленного как в пространственном, так и в культурном отношении региона Монгольской империи – Китаем. Таких зеркал немного.

Первое – зеркало из музея Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (сейчас в собрании НМ РТ, инв. №6315; АА 6-16), найденное в конце XIX в. на Булгарском городище (рис.1–1)*. Оно круглой формы, диаметром 8 см, высотой 3,5 см с невысоким уплощенным бортиком по краю, шириной 1 см и внутренним кольцевым валиком диаметром 3 см, вокруг объемного ушка-петельки с обратной стороны. Между бортиком и валиком помещены 8 иероглифов «ба гуа» (рис. 1–3). Это: «乾 兌 离 震 巽 坎 艮 坤» (цянъ, дуй, ли, чжэнь, сюнь, канъ, гэнъ, кунъ)² – названия восьми триграмм «Ицзина» – «Книги перемен»,

* Рис. 1–4 к статье см. на цветной вклейке.

² Благодарю А.Л. Ивлиева за перевод надписи.

используемой для гаданий, а также имевшей применение в китайской музыке, астрономии, философии и медицине [7; 35, с. 87–90, табл.]. Изображение иероглифов рельефное, четкое, без «заплывов» и сглаженностей.

Иероглифы на зеркале расположены по порядку и читаются по кругу против часовой стрелки³. Нередко на зеркалах помещались сами триграммы – сочетания из трех горизонтальных сплошных и разорванных линий – черт (яо). Они располагаются друг над другом в шести позициях, которые символизируют полярные мировые принципы инь и ян [32, с. 15–19; 7, с. 14; 35, с. 204–208]. Композиция «ба гуа» чаще всего круговая, нередко бывает вписана в восьмиугольник [26, с. 149].

Изображения «ба гуа» на зеркалах широко распространяются в Китае с эпохи Тан. Здесь кроме триграмм нередко изображались и животные зодиакального цикла [16, №20, рис. 13; 35, с. 176–177; 43, р. 140, 143]. Кстати, тексты на таких зеркалах помогают уяснить смысл этих символов. Так, на одном было написано: «Ртуть выявляет сущность [символа] инь. Металл, выплавленный сто раз, пригоден для изготовления зеркала. Восемь триграмм багуа содержат в себе все признаки долголетия. Охраняющее божество всегда охранит предназначение». На другом: «Зеркало сделано из превосходного металла стократ очищенного. Когда имеешь зеркало, постоянно находишься в размышлении. [Пусть будет] потомство и долгая жизнь, [пусть] внешняя форма и духовная сущность будут находиться во взаимной гармонии» [16, с. 43, №20, 21]. То есть символы «ба гуа» олицетворяли гармонию и защиту, как бы провозглашая долгую духовную жизнь и передачу истинного знания. Зеркала этого времени, как и эпохи Сун в отличие от зеркала из Булгара, имели существенно больший размер – от 14 до 16 см в диаметре.

В более позднее время – эпоху-Сун, – зеркала с «ба гуа» в виде триграмм имели не только круглую, но и квадратную или прямоугольную форму [43, р. 155, 157]. На зеркале из Булгара поместили не триграммы, а их названия. Такие случаи известны на китайских зеркалах до эпохи Мин (рис.1–2), как и похожий вариант – сочетание иероглифов и символов, а на зеркалах эпохи Тан и более сложных композиций с надписями и символическими орнаментами [44, р. 226, pl. 110, cat. no O-0425; 45, р. 252–253, cat. no. 159]. Исходя из вышесказанного, данный экземпляр зеркала можно датировать второй половиной – концом XIV в.

Не исключено, что владелец зеркала имел отношение к даосизму, возможно, был монахом-даосом, поскольку монахи достаточно часто со-

³ Порядок написания иероглифов, может варьироваться, см. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Восемь_триграмм; в англоязычной версии см. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Bagua> (дата обращения: 11.08.2019). Благодарю Ю.В. Оборина за консультацию по этому вопросу.

вершали путешествия по торговым путям [38, с. 323]. Вместе с тем, этот артефакт не является зеркалом для религиозной, духовной практики – медитации. Эти зеркала имеют иное оформление и иконографию [46, р. 92, cat. no. 88]. На трассе Великого Шелкового пути еще с раннего средневековья было немало мест, где располагались буддийские святилища [6, с. 170–180; 38, с. 325–326, карта] и их функционирование в монгольское время было вполне успешным. В Китае буддизм уже со времени династий Суй и Тан стал популярен не только у членов религиозных общин, но и приобрел черты «народной религии», стал частью мировосприятия китайского общества [33, с. 35; 12, с. 171–175]. Поэтому зеркала с даосской символикой не являются чем-то необычным для китайской культуры.

Косвенно это предположение о владельце вышеописанного артефакта может подтвердить еще одно зеркало с изображением символов «ба гуа» [22, с. 306–309]. Это, зеркало диаметром 7,5 см, имеет на обратной стороне композицию из триграмм и надписи (рис. 2–3). Происходит оно, скорее всего из сборов с Булгарского городища в XIX в., хотя точные сведения об обстоятельствах его обнаружения утрачены⁴. От зеркала сохранился фрагмент, составляющий ½ целого изделия (7,1х3,5 см), на нем виден не четкий из-за неоднократных отливок рисунок. Как установил Ю.В. Оборин, проанализировав аналогичные китайские изделия (рис. 2–2), на этом зеркале имеется изображение 32 иероглифов в шести вертикальных строках, выполненных почерком чжуань, а по краю – 8 триграмм. Текст надписи, по мнению исследователя, восстанавливается так: 宋元祐癸酉孟秋既望, 鮑公浩依禪月畫像, 以七寶裝嚴, 敬造大阿羅漢一十八身. Из нее следует, что прототипом данного изделия было зеркало-оригинал, изготовленное в Китае во время династии Сун, точнее в 1093 г. и, возможно, принадлежало оно некому монаху по имени Гуань Сю [22, с. 308, рис. 3:5]. Таким образом, это именное зеркало-оберег, также связанное с буддизмом.

Еще один обломок зеркала такого типа происходит с Булгарского городища (НМ РТ, инв. №5363-46/480) на нем сохранилась часть триграммы и несколько иероглифов надписи (рис.2–4). Зеркал с такими изображениями из Поволжья известно несколько. В фондах НМ РТ имеется фрагмент от подобного изделия из Укека (инв. №5365-7) (рис. 2–5), еще два экземпляра в Волгоградском музее⁵: из кургана 50 (погр. 1) могильника Бахтияровка II

⁴ Коллекция бывшего археологического музея Казанского государственного университета (сейчас Казанский (Приволжский) федеральный университет), инв. № АКУ-2/103-2, сборные коллекции с Булгарского и Билярского городищ.

⁵ Благодарю Л. В. Яворскую за информацию об этих зеркалах и И.Ю. Лапшину за консультацию по ним в фондах Волгоградского областного краеведческого музея.

(рис. 2–1) и кургана 85 (погр.1) могильника Бахтияровка III⁶. Датировано последнее монетами Хызра и Мюрида – 761 г.х. и 762 г.х. – 1361/2 гг. [41, с. 274, рис. 3: 1; 11, с. 28, кат. №56; 20, с. 57, тип 4, рис.10:7, прим. 88; 19, с. 105, тип БIVб]. Изготавливались ли все эти зеркала с одного образца, либо было несколько прототипов сейчас установить вряд ли удастся. Но в любом случае, все эти изделия были репликами с вторичных отливок сунских зеркал. По аналогиям датируются фрагменты с Булгарского городища XIV в., возможно второй-третьей четвертью этого столетия.

Г.А. Федоров-Давыдов утверждал, что в Золотую Орду привозились, оригиналы, но распространялись здесь уже местные реплики [37, с. 218]. К этому стоит добавить, что не только оригиналы, но в копии оригиналов, тоже привозились в Орду. Это демонстрируют выше рассмотренные зеркала с триграммами. Иначе трудно объяснить очень посредственное качество изображения на тыльной стороне, а предполагать потерю качества из-за их массового тиражирования уже в Золотой Орде, как следствие их популярности совсем нет оснований. Скорее всего, такие вторичные отливки стоившие, очевидно, существенно дешевле оригиналов, распространялись из периферийных центров литья зеркал в самом Китае и за его пределами. К таковым исследователи относят производство металлических зеркал в Минусинской котловине или в Туве [14, с. 77].

Распространение зеркал с буддийскими знаками и надписями у кочевников, с символикой явно чуждой им, ставит вопрос о месте их изготовления. Могли ли их копировать сами номады? В этом отношении, я склоняюсь к мнению Г.Г. Король и О.Б. Наумовой, что в ряде случаев производство даже относительно несложных предметов из цветного металла (к таковым можно отнести и зеркала, отлитые из бронзы), было организовано не у самих кочевников, а в очагах оседлости, возникавших на территории обитания кочевых народов или на соседних территориях с оседлым населением [10, с.58, 63]. При этом, предполагать их производство в Болгаре, как, впрочем, и в Сарая, нет оснований – находки эти единичны и скорее всего их не тиражировали. Попасть на Среднюю Волгу они могли через западноказахстанские степи, либо по волжскому пути – с низовий Волги, – от Сарая, через Укек и до Болгара. По времени в пути получалось примерно одинаково – около месяца [37, с. 219]. Что бы определиться с основными аргументами в этом вопросе, рассмотрим еще несколько зеркал с необычными сюжетами и изображениями.

Выделяется зеркало, из собрания НМ РТ (инв. № 5378-10), диаметром 7,7 см с невысоким вертикальным бортиком и фигурами четырех журавлей на обратной стороне (сюжет – птицы и растения). Оно было найдено в

⁶ Е.П. Мыськов приводит данные только по зеркалу из могильника Бахтияровка III, 85/1 [19, с. 94, 105, табл. XVI, тип БIVб].

д. Девлезери Казанской губернии в конце XIX в.⁷ Петелька-держатель не сохранилась, но судя по аналогии из кургана 23 (погр.1) могильника Быково III в Волгоградской области, она была в виде полусферы [19, с. 92, 102, табл. XIV, тип БШаI]. Почти в центре изделия, у места, где находилась ручка, часть зеркальной поверхности утрачена, и соответственно пострадал рисунок с обратной стороны: у одной птицы нет головы и фоновый рисунок (рис. 3–I).

В целом, композиция рисунка на зеркале проста: четыре птицы, расположенные по кругу, составляют две пары, симметрично расположенные друг напротив друга; крылья птиц расправлены, но не раскрыты полностью, – создается впечатление, что они хлопают ими или полуоткрыли в момент прыжка в каком-то особенном ритме. При этом хвост птиц развернут так, что длинные перья на нем хорошо различимы даже по отдельности, шеи их грациозно изогнуты дугой, а головы немного запрокинуты, как будто в особом поклоне. Клюв у одной из птиц приоткрыт. Двигающиеся птицы изображены на фоне тонких стеблей растений, словно паутиной затянувших пространство на заднем плане.

По поводу того какие птицы показаны на таких зеркалах, в литературе есть разные мнения: журавли, гуси, аисты. Иконография гусей на китайских зеркалах хорошо известна по изделиям танского времени [43, р. 145] и, судя по ним, птицы на нашем зеркале по внешнему виду на них мало похожи. Но при этом, композиция рисунка на тех и других почти идентична, за исключением того, что вместо стеблей растений на фоне, на зеркалах с гусями показаны цветы и побеги с листьями, и сами птицы изображены в профиль, со сложенными крыльями. Однако имеются танские зеркала с гусями, райской птицей и соколом (?), причем у последних крылья развернуты по горизонтали [43, р. 147]. Прототипом нашего изделия может быть зеркало эпохи Тан с изображением двух пар птиц на фоне цветущих тонкоствольных побегов: одна пара гуси, вторая – скорее всего – райские птицы [45, р. 116, cat. no. 61].

На аистов, изображенных на нашем зеркале, птицы тоже мало похожи. Ближе всего и внешне и по характеру показанных на рисунке движений это журавли. Мы считаем, что на зеркале из Девлезерей изображен брачный «танец» журавлей – ухаживания самца за самкой, привлечения внимания потенциальной партнерши путем подпрыгивания, хлопанья крыльями, особой гарцующей походки. Во время «танца», птицы могут петь. Характерно, что журавли «танцуют» только парами, образуя круг;

⁷ На зеркале сохранилась бумажная этикетка, на которой написано: «Лаиш. у. Каз. Губ. д. Девлезери». Такой этикетаж наклеивался на предметы, которые поступали в археологический музей Общества археологии, истории и этнографии Казанского императорского университета.

причем не редко в одном танцевальном круге участвуют как взрослые птицы, так и молодые, уже выбравшие себе пару, либо еще находящиеся в поиске; в танце они, как будто обмениваются опытом. Журавлиные пары, по наблюдениям орнитологов, очень стабильны.

Рисунок из четырех птиц, как уже отмечалось, имеет истоки в китайских зеркалах эпохи Тан, где они олицетворяли символ «ян» – активное начало в природе. По поверью, журавли, как и гуси всегда летают вместе и никогда не спариваются во второй раз, поэтому и символизируют верность в браке. В целом журавль является символом долголетия, а также олицетворяет стихию света, мужественность и верность [35, с. 114–115]. Символика эта относится к так называемым свадебным зеркалам, орнамент которых состоит обычно из парных птиц, символизирующих счастливый семейный союз (мандариновые уточки) [16, с. 25]. Такого рода изображения были пожеланиями счастья и долголетия.

Г.Ф. Полякова отмечает еще три находки фрагментов таких зеркал из Болгара⁸ [25, с. 232, тип В-II–14, рис.74: 5]. Нам удалось обнаружить в фондах НМ РТ два фрагмента от таких изделий. Один, размером 3,5х2х0,5 см (инв. № 5363-46/473), представляет собой обломок края зеркала с вертикальным бортиком, высотой 0,4 см, на котором сохранилась часть изображения одной птицы (рис. 3–4). Второй фрагмент (инв. №5363-46/413) чуть крупнее (4,7х3,6х0,6 см) предыдущего (рис. 3–5). У него невысокий вертикальный бортик, а на тыльной стороне хорошо различима половина фигуры птицы и фоновый рисунок тонкого стебля растения. Реконструируемый диаметр этих зеркал – 7,4 и 8 см. Оба они находились в собрании археологического музея Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Еще один фрагмент (рис. 3–3) без точного места находки, находился в экспозиции Национального культурного центра в Казани⁹. Сохранились сведения еще об одном фрагменте зеркала этого типа (рис. 3–7), он был в собрании ОАИЭ и его изображение имеется на таблицах находок музея [27, с. 333, XXVIII: 10]. Отметим, что все фрагменты из Болгарского городища отличаются хорошим качеством отливки и четкостью рисунка. Таким образом, из Болгара происходят пять фрагментов зеркал с изображением четырех журавлей и еще одно из Девлезерей. Датируются они по аналогиям XIV в (см. ниже).

Помимо этого, данный тип зеркала известен в кочевнических захоронениях XIV в. на Нижней Волге (могильник Быково III. Кург. 23, погр.1, диаметр артефакта – 7,4 см) [17, с. 167,171, рис.11–1; 19, с. 92, 102, табл. XIV, тип БIII-A1]. Известно еще три аналогичных зеркала из могильника Бахтияровка (курган 3, погр. 1), Венгеловка (курган 7, погр. 1), Нижняя

⁸ Г.Ф. Полякова в статье привела изображение зеркала из Девлезерей.

⁹ НКЦ был закрыт в 2019 г. и местонахождение экспонатов неизвестно.

Добринка (курган 1, погр. 2) [19, с. 102, табл. XIV, тип БШ-А2]. Размеры у них практически одинаковы – диаметр 7,2–7,5 см; бортик вертикальный прямоугольного или треугольного сечения.

Аналогичное зеркало, несколько меньшего диаметра – 6,2 см (рис. 3–б), имеется в собрании Государственного Эрмитажа (инв. №ЛМ-472). М.Л. Меньшикова, атрибутировавшая его, предположила, что на нем изображена весенняя охота на гусей [24, с. 442, кат. 252], хотя, как нам представляется, больших оснований для такой трактовки нет.

По материалам нижеволжских могильников, зеркала с таким изображением датируются XIV в, но не ранее 1330-х гг., что убедительно аргументировал Е.П. Мысков [19, с. 255]. Обратим внимание, что и основной ареал распространения зеркал с журавлями – Поволжье. О распространенности сюжета с птицами на металлических зеркалах свидетельствует находка зеркал украшенных изображением птиц, правда не только реальных, но и фантастических, таких как феникс, на городище Толгар, в Казахстане, стоявшем на Великом Шелковом пути [4, с. 72, илл. VII; 9, с. 70–78; 18, с. 37, 38, рис. 4,5].

Исходя из вышесказанного, более весомой становится гипотеза о «движении» зеркал с китайскими сюжетами по сухопутному пути через казахские степи. Это подтверждают и находки других зеркал, датированных второй половиной XIV в. с орнаментом в виде геометрических розеток в Булгарском Улусе, а также кыпчакском захоронении в Предуралье и в нескольких городах Хорезма, где они бытовали с начала этого столетия [29, с. 230–233]. В последней цепочке караванных остановок на этом пути стоит отметить Семиречье и городище Талгар, где встречено достаточно много изделий, аналогии которых обнаруживаются в Болгаре [3, с. 158–166]. На протяжении XIII–XIV вв. трасса пути, особенно в Мавераннахре могла меняться от изменявшихся политических обстоятельств [5, с. 28,29], но в целом, обозначенные пункты сохраняли свое значение для торговых караванов. Оазисы Мавераннахра, тесно связанные между собой [5, с. 52, карта], и с отдаленными землями аккумулировали многие инновационные идеи, особенно в технологиях и дизайне, что проявилось и в металлических зеркалах.

Впрочем, возможен был и такой вариант караванного пути – Сарай – Маджар – Сарайчик – Хорезм – Отрар – Алмалык – Каракорум. Путь мог измениться только в первом его отрезке.

Еще одно зеркало, из собрания НМ РТ, является фрагментом реплики ханьского изделия с изображением четырех иероглифов и восьмью птиц (рис. 4–2). Такие реплики выпускались в Северном Китае, в чжурчженской империи Цзинь. Диаметр зеркала был довольно большим, около 10 см, но сохранился очень маленький фрагмент (4x1,8x0,25 см), причем почти из середины изделия (инв. №5363-46, АА 8-9). До нас он дошел в

двух осколках¹⁰. Сюжет: четыре иероглифа, четыре выступа-кнопки и восемь птиц. Надпись: 家常富贵 [цзя чан фу гуй], перевод: «богатство и знатность вашему дому». У этого типа зеркал достаточно много китайских аналогий [23, кат. №№ 1.241, 3.177–3.179]. Имеются они в сибирских коллекциях российских музеев: в ГИМе №39163; в Красноярском краеведческом музее (инв. №41/22); в Минусинском музее (инв. №№5073, №5094); в Забайкальском краевом краеведческом музее в г. Чита.

Как правило, зеркала с изображением четырех иероглифов и восьми птиц встречаются в Сибирском регионе [34, с. 159–162; 16, с. 110, рис. 102; 21, рис. 3; 15, с. 9, рис. 6,7,8; 39 с. 199, рис. 1–7] (рис. 4–I). К западу от Урала они практически не известны. Можно предположить, что был еще какой-то путь, связывающий Западную Сибирь и Среднюю Волгу.

В этой связи стоит обратиться к теме распространения чугунных изделий на территории Золотой Орды, до того здесь не известных. С эпохи Тан чугунные изделия использовались и, скорее всего, и изготавливались хакасами; с XII в. они производились чжурчженями [1, с. 139–144; 14, с. 76, 78–79]; в XIII в. чугун освоили монголы, а затем производство чугуна было налажено в Улусе Джучи. Причем уже в конце XIII в., чугунные котлы отливали в Болгаре, а чуть позже они появились и на западной границе государства в бассейне Днестра, – в Старом Орхее [42, s. 379–406].

Если посмотреть на карту находок чугунных изделий на территории Золотой Орды [31, с. 160, рис. 1], то увидим, что технология чугунного литья, за удивительно короткий срок распространилась на все ее области, включая и Булгарскую. Более того, стандартные формы основных видов посуды – котлов с небольшими вариациями, изготавливались от Желтого моря и до Днестра [31, с. 159–168; 42, с. 393, 399–405, pl. I–V]. Без сомнения, не будь возможности переносить в ту эпоху такие знания без препятствий по торговым путям такого феноменального явления никогда бы не произошло. При этом, по сути, первым пунктом в Золотой Орде, где чугун стал выплавляться, стал Булгарский улус, следовательно, эта технология попала сюда не с низовой Волги и через Хорезм, а иным путем.

Отметим, что северная, таежная часть Великого Шелкового пути – Сибирский путь, активно функционировал с XI в. По нему проходили активные контакты населения Сибири и Волго-Камья. Свидетельством тому – целый археологический пласт находок связанных с аскизской культурой Южной Сибири второй половины XI – XII вв. зафиксированных на Средней Волге и в Прикамье [13, с. 63–70]. Еще до открытия этого явления, о Сибирском пути по другим данным писал Г.А. Федоров-Давыдов. По его мнению, в направлении с Запада на Восток он шел от Болгара на Среднюю

¹⁰ Фрагмент был сломан относительно недавно, поскольку на таблицах находок из музея ОАИЭ он изображен абсолютно целым [27, с. 333, табл. XXVIII: 8].

Каму, через Урал и далее на Чулым и оттуда в Китай [36, с. 48]. Зеркала с изображением четырех иероглифов и восьми птиц маркируют это направление.

Таким образом, в XIV в. осуществлялись прямые контакты Булгарского улуса с юаньским Китаем, причем оригинальные китайские изделия попадали на Среднюю Волгу по Великому Шелковому пути, по трем направлениям: через два финальных ответвления на его северном отрезке: один до Сарая и через Укек в Булгар, второй через Отрар – на плато Устюрт – кыпчакские кочевья на р. Урал – в Болгар; третий, сибирский путь шел непосредственно из Каракорума по границе тайги, Средний Урал и Предуралье, по Каме в Булгар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьева Н.Г., Хорев В.А. Чжурчженская металлическая посуда // Средневековые древности Приморья / отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 138–155. (Вып. 1).
2. Байпаков К. М. Торевтика Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV веков. Т. 3 2012. 296 с.
3. Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Гылым, 1998. 216 с.
4. Байпаков К.М. Казахстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана. Т. III: Торевтика / ред. К. Байпаков, Ш. Пидаев, А. Хакимов. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2012. С. 29–96.
5. Буряков Ю.Ф., Грицина А.А. Мавераннахр на Великом Шёлковом пути. Самарканд; БишкекМИЦИ, 2006. 208 с.
6. Дебэн-Франкфор К., Фурне Т., Сюир Ж., Корне А. Самые ранние буддийские святилища Синцзяня. Опыт реконструкции архитектуры и декора // Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Том II / пер. с фр. М. Филанович; науч. ред. А.-П. Франкфор. Самарканд: МИЦАИ, 2014. С. 170–180.
7. Еремеев В. Е. Символы и числа «Книги перемен». 2-е изд., испр., доп. М.: Ладомир, 2005. 600 с.
8. Ковалевская В. Б. Трансевразийские степные пути I тыс. н.э. (анализ компьютерных карт археологического материала) // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного Международного конгресса. Том I / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2007. С. 90–95 (Археология евразийских степей. Вып. 1).
9. Копылов И.И. Зеркала из Талгарского городища (к проблеме этнокультурных контактов) // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века / отв. ред. Э. В. Шавкунов. Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. С. 70–78.
10. Король Г.Г., Наумова О.Б. Вопросы металлообработки у кочевых народов Центральной Азии (раннее средневековье и этнографическое время) // Проб-

лемы истории, филологии, культуры. 2017. №2. С. 52–68. DOI 10.18503/1992-0431-2017-2-56-52-6

11. Круглов Е.В., Мыськов Е.П., Ситников А.В., Хабарова Н.В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Панорама, 2001. 32 с.

12. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII – XIII вв.). М.: Наука, гл. ред. вост. лит-ры, 1984. 336 с.

13. Кызласов И.Л. Великий Сибирский путь в судьбе России // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного Международного конгресса. Том II / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. С. 63–70.

14. Кызласов Л.Р., Клад земледельческих орудий с надписями XIII в. на верхнем Енисее // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. №8. Горно-Алтайск: Ид-во гос. ун-та, 2002. С. 73–88.

15. Лаврова М. П. Китайские зеркала Ханьского времени (из собрания Русского Музея) // Материалы по этнографии. Том IV. Вып. 1. Л.: Издание Гос. Русского музея, 1927. С. 1–14.

16. Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины (К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). С приложением статьи И. В. Богдановой-Березовской. М.: Наука, Главн. ред. восточн. лит-ры, 1975. 166 с.

17. Мамонтов В. И., Ситников А. В. Средневековые погребения курганного могильника Быково III // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4 / сост., отв. ред. В. И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1994. С. 147–174.

18. Маркова К. Ю. Бронзовые зеркала Северо-Восточного Семиречья в эпоху развития городской культуры (конец VIII – начало XIV вв.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4 (56). Т. 2. С. 36–40.

19. Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгоград. филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.

20. Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Издат. фирма «Восточная лит-ра», 2000. 224 с.

21. Николаев В. С., Масумото Т., Кустов М. С. Бронзовые зеркала из Ангарской долины // Известия Лаборатории древних технологий. Вып.6 / ред. А.В. Харинский, А.В. Тетенькин, В.С. Николаев. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. С. 184–193.

22. Нуретдинова А.Р., Оборин Ю.В. Китайские древности в фондах археологического музея КФУ // Средневековые древности Приморья / отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 302–311.

23. Оборин Ю.В., Савосин С.Л. Китайские бронзовые зеркала. Корпус случайных находок. Электронное издание. Красноярск-Москва, 2017. 527 с.

24. «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты: каталог выставки / ред. А.Д. Притула, А.Н. Теплякова, О.М. Ястребова. СПб.: Изд-во ГЭ, 2015. 512 с.

25. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154–268.

26. Рифтин Б.Л. Ба Гуа // Мифы народов мира. Том 1: А-К / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская Энциклопедия, 1991. С. 149.

27. Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2014. 768 с.

28. Руденко К.А. Трансформация китайских и чжурчженских изобразительных сюжетов на металлических зеркалах Поволжья эпохи Золотой Орды // Средневековые древности Приморья / отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2015. С.135–152.

29. Руденко К.А. О датировке одного типа зеркал из Булгарского улуса Золотой Орды (к вопросу о культурных связях на евразийском пространстве в средневековье) // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдилов. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 230–233.

30. Руденко К.А. Влияние Великого Шелкового пути на культуру народов Среднего Поволжья в VI–XIII вв. н.э. // Исламский фактор в интеграционных процессах Великого Шелкового пути. Материалы II Международной научно-богословской конференции «Духовный Шелковый путь. Созидание. Интеграция» (Болгар-Казань, 3–5 сентября 2017 г.) / Сост., отв. ред. И.М. Миргалеев. М.: Издат. дом «Исламская книга», 2018. С. 65–78.

31. Рязанов С.В. Чугунолитейное ремесло в Золотой Орде // Вестник Алтайского Государственного университета. 2008. №4/2. С. 159–168.

32. Сычев Л.П., Сычев В.Л. Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М.: Гл. ред. Вост. лит.-ры, 1975. 131 с.

33. Ткаченко Г.А. Избранные труды. Китайская космология и антропология. М.: ООО «РАО Говорящая книга», 2008. 362 с.

34. Торежанова Н. О бронзовых зеркалах ЦГМ РК // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар: «ЭКО», 2006. С. 159–162 (Вып. 2).

35. Уильямс Ч. Китайская культура. Мифы, герои, символы / пер. с англ. С. Федорова. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2011. 478 с.

36. Федоров-Давыдов Г.А. Торговля нижеволжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1 / ред. Ю.А. Зеленева, Г.А. Федоров-Давыдов. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1998. С. 38–59.

37. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во МГУ, 2001. 256 с.

38. Хансен В. Великий Шелковый путь. Портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай-Согдиана-Персия-Левант / пер. с англ. С.А. Белоусова. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2014. 477 с.

39. Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Монгольские погребения XIII–XIV вв. из Прибайкалья. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Т. II / отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.-М.-Великий Новгород: Изд. «Новгородский технопарк», 2011. С. 198–199.

40. Хоппер В.Ф. Числовая символика Средневековья. Тайный смысл и форма выражения / пер. с англ. С. Федорова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. 221 с.

41. Яворская Л. В. Металлические зеркала из городов и некрополей золото-ордынского Нижнего Поволжья: к проблеме типологии и традиций орнаментации // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2011. №1. С. 266–275.
42. Bacumenco-Pîrnău Ludmila Cast Iron Cauldrons Uncovered in Golden Horde Settlements. Case Study: Old Orhei (Republic of Moldova) // *Studia mediaevalia Europaea et orientalia: miscellanea in honorem professoris emeriti Victor Spinei oblata* / ediderunt George Bilavski, Dan Aparaschivei. București: Editura Academiei Române, 2018. S. 379–406.
43. Bronze mirrors. Illustrated Handbook of Common People's Collection, Changsha City, Hunan Province of China, 2007. 188 p. Байсин шоуцан туцзянь – тунцзин (Справочник коллекционера – Бронзовые зеркала) / Гл. ред. Синь Хун. – Чанша: Хунань мэишу (Хунаньское издательство изобразительного искусства), 2007 ([серия] Справочники коллекционера) (на кит. яз.)
44. Cahill S. E. The Lloyd Cotsen Study Collection of Chinese Bronze Mirrors. Vol. I: Catalog / ed. L. von Falkenhausen. L.-A.: Cotsen Occasional Press & UCLA Cotsen Institute of Archaeology Press, 2009. 264 p., ill.
45. Copper mirrors. Catalog. Ни ингай чжидао-дэ эрбайцзянь тунцзин (200 бронзовых зеркал, которые ты должен знать) / Гл. ред. Хэ Линь. Пекин: изд-во Цзыцзиньчэн (Запретного города), 2007. 320 p. (Коллекция Гугуна [Музея императорского Запретного города]) (на кит. яз.).
46. Circles of reflection: the Carter collection of Chinese bronze mirrors. Catalog / ed. Ju-his Chou. Cleveland: the Cleveland Museum of Art, 2000. 132 p.
47. Fedorov-Davydov G.A. Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga. München: Verlag C.H.Beck, 1984. 131 p.
48. Fyodorov-Davydov G.A. The Silk Road and the Cities of the Golden Horde. Berkeley, California: Zinat Press, 2001. 189 p.
49. The glory of the Silk Road. Art from ancient China/ Catalog of exhibition / ed. Li Jian. Dayton: Art Institute Press, 2003. 252 p.

СОКРАЩЕНИЯ

ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ГИМ – Государственный исторический музей
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете

Сведения об авторе:

Константин Александрович Руденко – доктор исторических наук, профессор, доцент, Казанский государственный институт культуры (Казань, Российская Федерация). E-mail: murziha@mail.ru

Организация ямской службы в Монгольской империи

В статье представлена характеристика процесса организации ямской службы как значимого компонента структуры управления Монгольской империи. Основываясь на письменные источники, рассматривается процесс организации ямских станций их устройство и функционирование.

В результате исследования подтверждается, что ямская служба стала одним из главных элементов в системе государственного управления Йеке Монгол Улуса, эффективность которой была доказана временем. Организация ямской службы явилась результатом хорошо продуманной акции имперского правительства. Неизвестный автор «Тайной истории монголов» оценивая итоги деятельности великого каана Угэдэя наибольшее значение придал учреждению ямских станций.

Ключевые слова: ямская служба, ямские станции, Монгольская империя, улагчи, ямчи

Ямская служба стала одним из основных элементов в структуре управления Монгольской империи, эффективность которой была доказана временем. Ямская служба пережила все государства основанные монголами и использовалась в Русском государстве на протяжении ряда столетий¹.

Основная цель данной статьи заключается в рассмотрении процесса организации ямской службы в Монгольской империи. Деятельность ямских служб затрагивалась в трудах многих исследователей, среди которых следует выделить труды И.Я.Гурлянда [2], Г.В. Вернадского [1], Чулууны Далая [14], Н.Н. Крадина и Т.Д. Скрынниковой [7], Бертольда Шпулера [15], Томаса Олсона [18] и др.

Необходимость организации почтовой службы объективно обуславливалась процессом развития и территориального расширения государства. После завершения военных кампаний Чингизиды приступили к организации мирной жизни на завоеванных землях. И одним из важнейших инструментов управления вновь завоеванными землями были ямские станции. Например, после своих завоеваний, Хулагу также вводит ямскую повинность: «После того Гулаву начал восстанавливать разрушенные им места. Для этой цели он приказал выставить рабочих из каждого населенного места, из ма-

¹ Если даже здесь и не идет речь о прямом копировании этой системы в Московском государстве, то все же за основу была взята именно монгольская модель ямских станций, см. подробнее [2].

лого по одному, из большего по два и по три человека, назвал их ям и отправил их обстраивать разрушенные местности, в которых жители освобождались от всех податей, но обязывались поставлять хлеб и похлебку для путешествующих татар. Утвердив таким порядком свой ханский престол, Гулаву предался после того отдыху: ел, пил, веселился» [4].

Красноречиво о причинах создания ямской службы пишет Ата-Малик Джувайни (1226–1283), выделяя политические и экономические факторы: «и когда удлинились и расширились их владения и стали происходить важные события, стало необходимо знать, чем занимаются их враги, и также нужно было перевозить товары с Запада на Восток» [3, с. 24].

На основе имеющихся данных сложно сказать о том, когда именно была введена ямская повинность в Монгольском государстве. Но уже в путевых записках Чан Чуня (1219–1222) и отчете Чжао Хуна (1221) мы можем обнаружить информацию о почтовых дорогах и станционных лошадях. В указанных сведениях почтовая служба фигурирует как обязанность населения предоставлять необходимые услуги для проезда послов или прочих официальных лиц следующих по особо важным делам к монгольскому хану или его наместникам. На всем пути следования им предоставлялись верховые лошади и иной скот необходимый для перевозки грузов, а также продовольствие и жилье в случае пересечения путниками становища кочевников. Чан Чунь в «Си Ю Цзи» пишет: «Переправившись через реку, мы вступили в становище и тут оставили телеги [...] Потом пять или шесть дней ехали до перевала через хребет, откуда на юг, мы прибыли в монгольский стан, в котором и переночевали в юрте. С рассветом мы снова отправились вдоль южных гор» [12]. Помимо этого было организовано сопровождение послов. Сопровождающие не только указывали путь, но и в случае необходимости могли защитить путников от всевозможных нападений: «Станционные сказывали, что на севере этих снежных гор стоит Балгасун [...] Чжень хай сказал: «Впереди будут высокие и крутые горы и обширные болота, где нельзя проехать в экипаже; надобно будет сократить число телег и спутников и ехать налегке верхом» [...] 8-го числа, взяв с собой десять учеников [...] на двух телегах и в сопровождении 20 слишком станционных монголов, учитель отправился около великих гор на запад» [12].

Сунский дипломат Чжао Хун посетивший ставку монгольского темника Мухали (1170–1223) в 1221 г. в своем отчете пишет: «Всякий раз как послы увидят лошадей, тотчас меняют их. Все сопровождающие и едущие вместе с ними также могут сменить лошадей. Это называется «ехать на станционных лошадях», то есть то же, что [значило] «ехать на перекладных» в древности» [8, с. 78]. Таким образом, мы можем сказать, что уже в начале 20-х гг. XIII столетия в Монгольском государстве действовала ямская повинность.

Дальнейшие преобразования в рассматриваемой области произошли в правление каана Угэдэя (1229–1241), который еще при жизни отца, участвуя в военных походах, занимался вопросами налаживания путей продвижения монгольской армии. В записках Чан Чуня неоднократно упоминается о дорогах и мостах налаженных Угэдэем и Чагатаем: «Дорога проложена здесь впервые третьим царевичем [т.е. Угэдэем], во время его похода [...] Второй царевич [т.е. Чагатай], бывший во время похода с Императором, первый проложил здесь дорогу, пробив скалы, и из нарубленного леса устроил 48 мостов; по мостам могут проехать две телеги рядом» [12].

Существующий порядок не мог удовлетворить возросшие потребности государственного аппарата, для реализации эффективной внутренней и внешней политики. В «Тайной истории монголов» говорится: «при настоящих способах передвижения наших послов, и послы едут медленно, и народ терпит немалое обременение» [13, с. 206]. В 1229 г. великий хан Угэдэй поручает Чанаю и Болхадару, «как на людей, понимающих это дело», подготовить «проект» организации ямских станции, который должен был быть представлен Чагатаю [13, с. 207]. Старший в клане Чингизидов выразил свое полное одобрение относительно представленного проекта: «Так именно и сделайте [...] Из доложенных мне мероприятий я [т.е. Чагатай] считаю самым правильным учреждение ямов» [13, с. 207].

После рассмотрения вопроса о ямах назначаются ответственные лица, на которых была возложена обязанность реализации принятой «ясы»²: «Начальствующими лицами над учреждением ямов поставлены Арацян и Тохучар, которые, сообразно с местными условиями, установят стационарные пункты и укомплектуют их ямчинами и улаачинами» [13, с. 207].

Ямские станции первоначально создавались на территории коренного юрта. Чагатай заявил о том, что он озаботится учреждением ямов на своих владениях, соединяя их с ямскими линиями коренного юрта [13, с. 207]. Бату со своей стороны должен был соединить ямские станции своего улуса с ямами Чагатая. Для этих целей были назначены ответственные лица от каждого улуса: «Для установления этих ямов назначили гонцов от царевичей и определили так, как это [здесь] подробно утверждается: от каана – битикчи Куридай, от Чагатая – Имколчин Тайчутай, от Бату – Суку-Мулчитай, от Тулуй-хана по приказанию Соркуктани-беги отправился Илджидай³. Упомянутые эмиры отправились и во всех областях и странах по долготе и широте земного пояса установили ямы» [11, с. 36].

Для практической реализации данного закона требовалось определение местоположения ямов, четкое выделение их функции и источников

² Т.е. закона, см. подробнее: [9, с. 35].

³ У Рашид ад-дина имеется интересный сюжет, повествующий о нойоне Илджидае, который выражая свое недовольство приездом борцов, говорит: «Жаль подстав, провианта и расходов на них» [11, с. 60].

финансирования, назначение лиц обеспечивающих деятельность ямской станции. Вероятно, все это нашло свое отражение в указанном выше проекте Чаная и Болхадара.

Месторасположение ямских станции зависело от ряда факторов. Чаще всего они располагались на традиционных путях передвижения купцов и путников, известных еще с домонгольской эпохи. Очевидно, свое применение находили и те военные дороги, которые были устроены для быстрейшего продвижения монгольской армии. Определяющими были, вероятно, единство географического, экономического и демографического фактора.

Расстояние между станциями было не одинаковым, но, как правило, равнялось однодневному переходу. Вильгельм де Рубрук, описывая свое путешествие из Улуса Джучи в Каракорум, отмечает, что ямы располагались на промежутке однодневных переходов: «в праздник святого Николая мы стали сильно ускорять путь, так как уже не находили никаких людей, а только ям, то есть лиц, расставленных от одного дневного перехода к другому для приема послов, потому что во многих местах среди гор дорога тесна и пастбищ немного. Таким образом, между днем и ночью мы проезжали расстояние между двумя ямами, делая из двух дневных переходов один» [5, с. 130–131]⁴.

Иоанн де Плано Карпини сообщает, что в густонаселенных и экономически развитых районах количество ямских станции было большим: «И вышеупомянутая земля очень велика и длинна. Мы проехали через нее наивозможно быстро, так как всякий день, по пяти или семи раз на дню, у нас бывали свежие лошади, за исключением того времени, когда мы ехали по пустыням, как сказано выше, и тогда мы получали лошадей лучших и более крепких, могущих выдержать непрерывный труд» [5, с. 73].

Марко Поло сообщает, что во владениях императора Хубилая ямы расположены на расстоянии в 25 миль друг от друга: «По какой бы дороге ни выехал из Канбалу гонец великого хана, через двадцать пять миль он приезжает на станцию, по-ихнему янб» [5, с. 266]. Далее Марко Поло пишет что: «по всем главным областным дорогам через двадцать две мили, а где через тридцать есть станции [...] В местах пустынных, где нет ни жилья, ни постоянных дворов, и там великий хан для гонцов приказал устроить станции, дворцы и все нужное [...] гоньба только подальше; есть станции в тридцать пять миль, а в ином месте более сорока» [5, с. 266].

⁴ О таком же расстоянии, но в более поздний период, пишет испанский дипломат Руи Гонсалес де Клавихо, характеризуя ямские станции Тимура: «им [Тимуром] на каждый день пути предоставляли царских лошадей для быстрой езды, так как по приказу [великого] сеньора были устроены стоянки лошадей через каждый день пути» [6, с. 89].

Ата-Малик Джувайни пишет, что: «каждые два тумена должны были содержать один ям. И соответственно переписи они так распределяют их, чтобы гонцам не приходилось подолгу скакать до места, где взять свежих лошадей, и чтобы ни крестьянство, ни войско не терпели постоянного неудобства» [3, с. 25].

Рашид ад-дин, описывая реформы ильхана Газана (1295–1304), отмечает, что правитель повелел в стратегически важных районах своего государства построить станции уже на расстоянии в 3 фарсаха друг от друга: «Вышел указ, чтобы по всем важным, нужным дорогам через каждые три фарсанга заложили ямы» [10, с. 266]. Но здесь следует подчеркнуть, что подобная практика наблюдается лишь в более поздний период, и на территории развитого в социально-экономическом отношении Ирана. Как видим, расстояние между станциями варьировалось в зависимости от важности путей и заселенности территории.

Все расходы, связанные с организацией и содержанием ямских служб, перекладывалась на плечи местного населения. Для этих целей были установлены специальные налоги и повинности. Как уже упоминалось выше, в «Тайной истории монголов» говорится, что в соответствии с ямской повинностью «повсюду от тысяч выделяются почтовые смотрители – ямчины, и верховые почтари – улаачины» [13, с. 207]. Как видим, население выставило людей для общеимперской почты, лошадей, продовольствие⁵ и фураж для ямских станций, а также сопровождающих. Но в тоже время часть расходов по организации ямов могли брать на себя центральные и улусные власти: «приказывает великий хан спросить у города, что близ какой-нибудь станции, сколько лошадей он может поставить; отвечает город, что сто; великий хан и приказывает выставить на эту станцию сто; потом опрашивает другие города и замки, сколько лошадей они могут выставить, столько и приказывает выставить на станцию. Так устроены все станции, и они ничего не стоят великому хану [...] только на станциях в местах нежилых он [император] приказывает выставить своих собственных лошадей» [5, с. 267], подобная ситуация могла наблюдаться и в остальных частях империи.

В соответствии с предъявляемыми требованиями станционные пункты должны были быть определенным образом укомплектованы: «отныне и впредь нами устанавливается для каждого яма определенное число улаа-

⁵ По данным Су Тяньцзюэ: «От Датун до Каракорума 4000 ли и через каждые 100 ли – ямская станция. [На эти станции ежегодно] доставляется 500 повозок, 500 быков и 2500 даней круп». Чулууны Далай, основываясь на китайский источник «Юань джянь-чжан», пишет о том, что для скота ямских станций следует выделять наилучшие пастбища. Ямские семьи помимо выделения для каждой ямской станции одного коня от 15 семей или одной воловьей повозки от 13 семей были обязаны доставлять на станцию юрты, палатки и провиант для проезжающих [14, с. 114].

чинов, лошадей, баранов для продовольствия проезжающим, дойных кобыл, упряжных волов и повозок» [13, с. 207]. Комплектация ямов была неодинаковой и зависела от их месторасположения (стратегического и экономико-демографического потенциала района)⁶. Как видно, ямские станции могли и не иметь стационарных жилых и хозяйственных построек, если даже они и были то, не везде. Чаще всего это могли быть юрты местного аила, ямщиков и улагчинов. Не следует всегда буквально понимать, под ямами некие жилые и хозяйственные строения, зачастую это был просто определенный маршрут, который обслуживался местным кочевым населением, исполнявшим ямскую повинность.

Очевидно, в орде была должность ответственная перед ханом или другим вышестоящим лицом за организацию и деятельность ямских станций. Возможно, именно о таком лице пишут Вильгельм де Рубрук и Асцелин. Асцелин, совершивший в 1247 г. поездку к монгольскому военачальнику Байджу, упоминает о чиновнике, которому поручено попечение о приходящих в его ставку послах [17, с. 239]. Вильгельм де Рубрук о таком же чиновнике, но в рамках Улуса Джучи, пишет: «Наш проводник обратился к некоему несторианцу по имени Койяку, который считается одним из старших при дворе. Тот заставил нас идти очень далеко к господину, который именуется ямьям. Так называют того, на котором лежит обязанность принимать послов» [5, с. 109]. Возможно, под «ямьямом» Рубрука имеется в виду «ям над ямами», т.е. старший или главный ямчи. Здесь можно провести аналогии с «беклярбеком», как известно, в дословном переводе, означающий «бек над беками».

Во главе яма находился ямчи, который нес ответственность за исправную работу станции. Ордынские власти осуществляли контроль за ямскими станциями: «ежегодно ямы осматриваются, и если случается какой-либо недостаток или пропaja, убыток возмещают крестьяне» [3, с. 25]. В «Тайной истории монголов» говорится, что «если у какого ямчи окажется в недочете хоть коротенькая веревочка против установленного комплекта, тот поплатится одной губой, а у кого не достанет хоть спицы колесной, тот поплатится половиной носа» [13, с. 208]. Ямчи должен был контролировать исполнение ямской повинности, вести учет ямских поступлений, следить за наличием необходимых средств (возможно, иногда они сами вы-

⁶ Следует отметить, что Хубилай в 1263 г. проводит новую реформу ямских учреждений: «Хубилай-хаган, построив многочисленные ямские станции по всем направлениям от Каракорума, в 1263 г. обнародовал новые законодательные акты о ямских станциях. Едущие на перекладных получали специальные подорожные, которые, в свою очередь, подразделялись на несколько категорий – с бирюзовой, золотой, серебряной и круглой печатями. Подорожные с бирюзовой печатью выдавались только личным послам хагана или посланцам, едущим по особо важным военным делам» [14, с. 114].

полняли функции гонцов) т.е. он должен был организовать исправную работу ям⁷, прежде всего, постоянное наличие крепких лошадей⁸.

В подчинении ямчи находились улагчи, которые занимались доставкой депеш, сопровождением путников, от одной станции к другой, параллельно они следили за ямскими животными, охраняли путников, их имущество и скот. Ата-Малик Джувайни пишет, о том, что «гонцам дан строгий наказ, беречь лошадей и другие наказы – перечисление всего займет слишком много времени» [3, с. 25]. Вероятно, ямчи и улагчи также обеспечивали безопасность на путях следования путников. При этом также известно, что местное население несло ответственность за безопасность проезжающих по их территории путников.

Размеры ямских станций различались в зависимости от маршрута. Ямская станция могла представлять собой строения с жилыми (в том числе и юрты) и хозяйственными помещениями. Например, в китайских владениях Чингизидов, жилая часть ямов была приспособлена для служащих и работников станции, а также проезжих гонцов, послов, купцов и всякого рода путников, где они могли найти кров и пристанище. Марко Поло хорошо знакомый с ямской системой Монгольской империи пишет: «на каждой станции большой, прекрасный дом, где гонцы пристают. Богатые постели с роскошными шелковыми одеялами в этих постоялых дворах; все, что нужно гонцу, там есть; и царю пристать тут хорошо» [5, с. 267]. Испанский дипломат Гонсалес де Клавихо, характеризуя свое путешествие по государству Тимура, который, как известно, заимствовал монгольскую систему управления, пишет, что в тех местах, где не было поселений, сеньор [Тамерлан] приказал строить большие дома наподобие постоялых дворов, чтобы жители ближайших городов и местностей доставляли туда лошадей и съестное [6, с. 89]. Понятно, что подобная обстановка была не во всех ямах.

Основным составляющим ямских станций были лошади. Источники называют разное количество лошадей на почтовых станциях, но скорее всего там был лишь определенный минимум. Выше мы уже отмечали, что правительство в данном случае исходило из возможностей района, на котором располагалась станция. Марко Поло сообщает, что: «На каждой станции по четыреста лошадей; так великий хан приказал; лошади всегда тут наготове для гонцов» [5, с. 266]. По данным Гонсалеса де Клавихо о

⁷ По данным китайских источников ямская служба требовала большой ответственности и была достаточно сложной: В «Юань ши», «Тун-чжи тяо-гэ» и «Юань дэнь-чжан» приводятся факты, свидетельствующие о том, что, дополнительно выдавая монгольским ямщикам бумажные деньги и зерно, юаньские хаганы пытались ослабить их протест против своего тяжелого положения, бросая службу и уходя в бега [14, с. 115].

⁸ Рашид ад-дин пишет: «Постоянно ему приходилось притягивать к ответу начальников ямов за худобу ямских лошадей» [10, с. 265].

том же говорится: «в одном месте – сто, в другом – двести, и так были обеспечены дороги в его земле вплоть до самого Самарканте» [6, с. 89].

Возможно, что на станциях было по несколько десятков лошадей, и лишь в немногих более сотни. В одном из наиболее богатых улусов империи, Газан хан издает указ в соответствии с которым: «по всем важным дорогам через каждые три фарсанга заложили ямы и держали в них по пятнадцати крепких лошадей, а в некоторых местностях, не столь важных, – меньше» [10, с. 266].

В ямах можно было получить все необходимое для путника, начиная от иголки, ниток, веревок, заканчивая конной упряжью и телегами. Первоначально к услугам ямских станций обращались все нуждающиеся, но в первую очередь гонцы с депешами, послы, купцы, и остальные категории населения. Иоанн де Плано Карпини по этому поводу пишет: «Каких бы, сколько бы и куда бы он ни отправлял послов, им должно давать без замедления подводы и содержание; откуда бы также ни приходили к нему данники или послы, равным образом им должно давать коней, колесницы и содержание» [5, с. 46]. В источниках можно обнаружить сведения о том, что ямами свободно пользовались купцы: «Во времена [Угедей-]каана было принято, что купцы ездили по областям Могулистана на подставах, [Менгу-каан] это отменил: [поскольку] торговцы ездят для приобретения денег, какой смысл [давать] ездить [им] на почтовых лошадях. И приказал, чтобы они ездили на собственных животных» [11, с. 141].

Такое положение способствовало укреплению не только власти Чингизидов, но и активизировало развитие торговых и культурных связей в пределах огромной империи. Благодаря этим мероприятиям важная информация заблаговременно доставлялась в отдаленные концы огромной империи. Гонцы с депешами преодолевали значительные расстояния за очень короткий промежуток времени. Улагчи были настоящими профессионалами своего дела, помимо крепкого здоровья и прекрасных наезднических качеств, они должны были хорошо ориентироваться в местности. По этому поводу уместно привести сообщение Марко Поло, относящееся к китайским провинциям Хубилая: «По большим дорогам, где гонцы скачут, купцы и другой народ ездит, великий хан приказал через каждые два шага насадить деревья. Деревья эти, скажу вам, теперь велики так, что видны издали. А сделал это великий хан для того, чтобы всякому дорога видна была и заблудиться нельзя было. И по пустынным дорогам есть деревья; для купцов и для гонцов великое от того удобство; и во всех царствах и областях есть деревья по дорогам» [5, с. 268].

Марко Поло достаточно подробно освещает службу улагчинов: «Когда нужно поскорее доложить великому хану о какой возмущившейся стране, или о каком князе, или о чем важном для великого хана, гонцы скачут по двести миль в день, а иной и по двести пятьдесят миль, и скажу вам,

как это делается: когда гонцу нужно ехать скоро столько-то миль, как я рассказывал, для этого дается ему дщица с кречетом. Если гонцов двое, оба пускаются с места на добрых, сильных скакунах; перевязывают себе животы, обвязывают головы и пускаются сколько мочи вскачь, мчатся до тех пор, пока не проедут двадцать пять миль на станцию, тут им готовы другие лошади, свежие скакуны. Садятся они на них не мешкая, тотчас же, и, как сядут, пускаются вскачь, сколько у лошади есть мочи; скачут до следующей станции; тут им готовы новые лошади, на них они садятся и едут дальше, и так до вечера. Вот так-то, как я рассказывал, гонцы проезжают двести пятьдесят миль и доставляют великому хану вести, а коли нужно и весть важная, так и по триста миль проезжают» [5, с. 267–268].

Ценные сведения о преодолеваемых улагчи расстояниях приводит Рашид ад-дин, он отмечает, что реорганизация ямской службы в Хулагуидском Иране ильханом Газаном принесла ожидаемый эффект, скорость передвижения гонцов несколько возросла: «Так как через каждые три фарсанга находится ям, и ямщики скачут разные, то в сутки они проскакивают шестьдесят фарсангов, и спешные сообщения прибывают из Хорасана в Тебриз в три-четыре дня, а если едет гонец, то он раньше, чем через шесть дней приехать не может» [10, с. 266]. Некоторые дополнения относительно движения улагчи находим в путевых записках Гонсалеса де Клавихо: «когда приезжают царские гонцы или кто-либо другой с вестями к сеньору, тотчас эти люди забирают лошадей, на которых [приезжие] прибыли, снимают с них седла и седлают тех, что у них есть, и когда они уезжают оттуда, едет [с ними] один или два из этих анчо [ямчи], присматривающих за лошадьми. И когда приезжают к другой станции, где содержатся царские лошади, тот возвращается со своими лошадьми, а дальше [путника] сопровождает другой» [6, с. 89]. При необходимости улагчи могли взять любую лошадь, встретившуюся им в пути и без задержки продолжать движение, и никто не вправе был им препятствовать.

Таким образом, ямская служба стала одним из главных элементов в системе государственного управления Йеке Монгол Улуса. Организация ямской службы явилась результатом хорошо продуманной акции имперского правительства, доказательством чему стала эффективная деятельность характеризуемых учреждений. Неизвестный автор «Тайной истории монголов», оценивая итоги деятельности великого каана Угэдэя, наибольшее значение придал учреждению ямских станций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский Г.В. Монголы и Русь / пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. Тверь; М.: ЛЕАН, Москва: АГРАФ, 1997. 480 с.

2. Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль: Типография Губернского правления, 1900. 354 с.
3. Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / пер. с перс. Дж. Э. Бойла; пер. с англ. на рус. Е.Е. Харитоновой. М., 2004. 689 с.
4. Инок Макая. История народа стрелков <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Magakija/frameset.htm>
5. История монгалов / Дж. дель Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. 460 с.
6. Клавихо Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). Пер. со староисп., предисловие и комментарии И.С.Мироковой. М.: Наука, 1990. 216 с.
7. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.
8. Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Пер. с кит. И.Ц.Мункуева. М., 1975. 285 с.
9. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 260 с.
10. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. А.К. Арендса, отв. ред. В.В.Струве. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.
11. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П.Верховского, прим. Ю.П.Верховского и Б.И. Панкратова. М.; Л., 1960. 248 с.
12. Си Ю Цзи, или Описание путешествия на запад даосского монаха Чан Чуня // Пустыни Тартарии / Составление и подготовка издания А.И. Куркчи. М., 1993. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/Описание_путешествия_даосского_монаха_Чан_Чуня_на_Запад
13. Сокровенное сказание / Чингиз-хан – 850. Книга 1. / Сост.: Хамидуллин Б.Л. Казань, 2002.
14. Чулууны Далай. Монголия XIII–XIV вв. М.: Наука, 1983. 232 с.
15. Шпулер Бертольд. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Пер. с нем. на рус. М.С. Гатина. СПб.: Евразия, 2018. 560 с.
16. Юрченко А.Г. Книга Мрако Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб.: Евразия, 2007.
17. Языков Д. И. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV, XV столетиях: 1. Плано Карпини; 2. Асцелин. СПб., 1825. 309 с.
18. Allsen T. Mongol imperialism. The policies of the grand qan Möngke in China, Russia, and the Islamic lands 1251–1259. Berkeley; Los Angeles; London, 1987.

Сведения об авторе:

Ленар Фиргатович Абзалов – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического и обществоведческого образования Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Российская Федерация). E-mail: len_afzal@mail.ru

**Русские земли в системе торговых коммуникаций
«татарского мира» («Pax Tatarica»)**

В статье рассматривается проблема интеграции русских земель в систему торговых коммуникаций Монгольской империи и Золотой Орды в XIII–XV вв. На основе анализа письменных и археологических источников автором делается вывод о значительной вовлеченности русских купеческих корпораций как в международную, так и региональную торговлю в период становления и расцвета Улуса Джучи во второй половине XIII – первой половине XIV вв. Торговые связи осуществлялись как по речным, так и сухопутным маршрутам. Основными из них являлись Днепровский, Волжский, Донской и т. н. «Татарский» торговые пути, частично проходившие по землям русских княжеств. Начиная со второй половины XIV в., в связи с распадом монгольских государств и общими кризисными явлениями в трансевразийской торговле, основными маршрутами русско-ордынской торговли становятся сухопутные сакмы Днепровско-Донского и Волжско-Донского водоразделов.

Ключевые слова: торговые коммуникации, «Татарский мир» («Pax Tatarica»), экономическая политика, Днепровский путь, сурожане

Одним из наименее изученных аспектов русско-ордынских отношений к настоящему времени остается тема интеграции русских земель в систему торговых коммуникаций, возникшей в результате целенаправленной экономической политики Чингизидов и охватившей к 60-м гг. XIII в. большую часть территории Евразийского континента. По замечанию американского историка Ч. Гальперина, историческая картина монгольского влияния на русскую экономику не ограничивалась только разорением и опустошением земель, но включала в себя и инкорпорацию русских земель в систему международной торговли, созданной властями Монгольской империи и Улуса Джучи [12, с. 22].

Вместе с тем, исходя из господствовавшей в отечественной историографии оценки Золотой Орды как кочевнического государства с примитивной скотоводческой экономикой, абсолютное большинство дореволюционных и советских исследователей не рассматривали вопросы развития торгово-экономических связей русских княжеств в системе трансевразийских торговых коммуникаций XIII–XV вв.

Некоторым исключением из общего правила является вышедшая в 1935 г. работа В.Е. Сыроечковского, посвященная изучению деятельности

купеческой корпорации «гостей-сурожан», а также общим вопросам развития т.н. «сурожской» торговли княжеств Северо-Восточной Руси в ордынскую эпоху [86]. В постсоветский период появляется ряд работ посвященных различным аспектам внешнеторговых связей русских земель в период ордынской зависимости [1, 29, 33, 50]. Тем не менее, отсутствие научных исследований, посвященных комплексному изучению темы торгово-экономической интеграции русских земель в систему трансевразийской торговли XIII–XV вв., обуславливает актуальность представляемой работы.

Рассматривая тему международных торговых связей Руси в эпоху ордынского владычества, следует отметить, что само возникновение древнерусского государства в IX–X вв., и дальнейшее его развитие непосредственным образом было связано с включением восточнославянских земель в систему торговых коммуникаций Юго-Западной Евразии, активно функционировавших как по водным, так и по сухопутным маршрутам. Главными медиаторами (посредниками) в доставке товаров из земель восточных славян на восточные, византийские и европейские рынки на начальном этапе выступали военно-купеческие сообщества руссов, многочисленные свидетельства о коммерческой деятельности которых содержатся в письменных источниках.

Так, в трактате византийского императора Константина Багрянородного (945–959 гг.) «Об управлении империей», имеется информация о регулярных торговых экспедициях «россов» по Днепровско-Черноморскому маршруту в «Романию», с целью сбыта на рынках Константинополя товаров собранных в полюдье [37, с. 9]. Позднее, данный торговый путь получает в русских летописных источниках название «Гречник» [66, Стб. 528, 541], а сообщество купцов, осуществлявших регулярную торговлю по Днепровскому маршруту к XI в. выделится в отдельную корпорацию – «гречников» [66, Стб. 196].

Арабский географ и хронист Ал-Масуди (947–950 гг.) отмечает активное участие одной из групп («джинс») русов в Волжской, Черноморской и Средиземноморской торговле : ««ал-лаудания» (ладожане – ?) ...ходят по торговым делам в страну ал-Андалус, в Рум, Кунстантинию и к Хазарам» [13, с. 130]. Сведения о коммерческой деятельности русов в Поволжье содержатся в путевых записках Ибн Фадлана и трактате Ахмеда Ибн Даста [2; 3]. По уникальному свидетельству Ибн Хордабеха торговые караваны купцов-русов совершали переходы из Джурджана (Северного Прикаспия) в Багдад [24, с. 124].

Еще один торговый путь, соединявший германские земли с Южной Русью и опосредованно с восточными рынками проходил в X–XIII вв. от Баварской восточной марки, через Прагу, Краков и Верхнее Побужье к Киеву [56, с. 363; 54, с. 121–136; 55, с. 8–11, 20–61]. «Реффельштенский таможенный устав» отмечает участие купцов «от ругов» (русов) в торгов-

ле с «Восточной маркой» (Баварией) в 904–906 гг. [99, р. 251]. В свою очередь, торговые центры Поднепровья со Средним Поволжьем (Волжской Булгарией) в XI – первой трети XIII в. соединял сухопутный торговый маршрут, проходивший через лесостепные районы Волжско-Окско-Донского и Днепровско-Донского водоразделов [78, с. 30; 79, с. 193; 46, с. 17; 21, с. 23, 25, 27, 30; 9, 63–81; 49]. Земли Северо-Западной Руси (Новгород, Псков, Полоцк) в IX–XIII в. были интегрированы в систему циркумбалтийской торговли [43, с. 484, 530, 558, 584; 80].

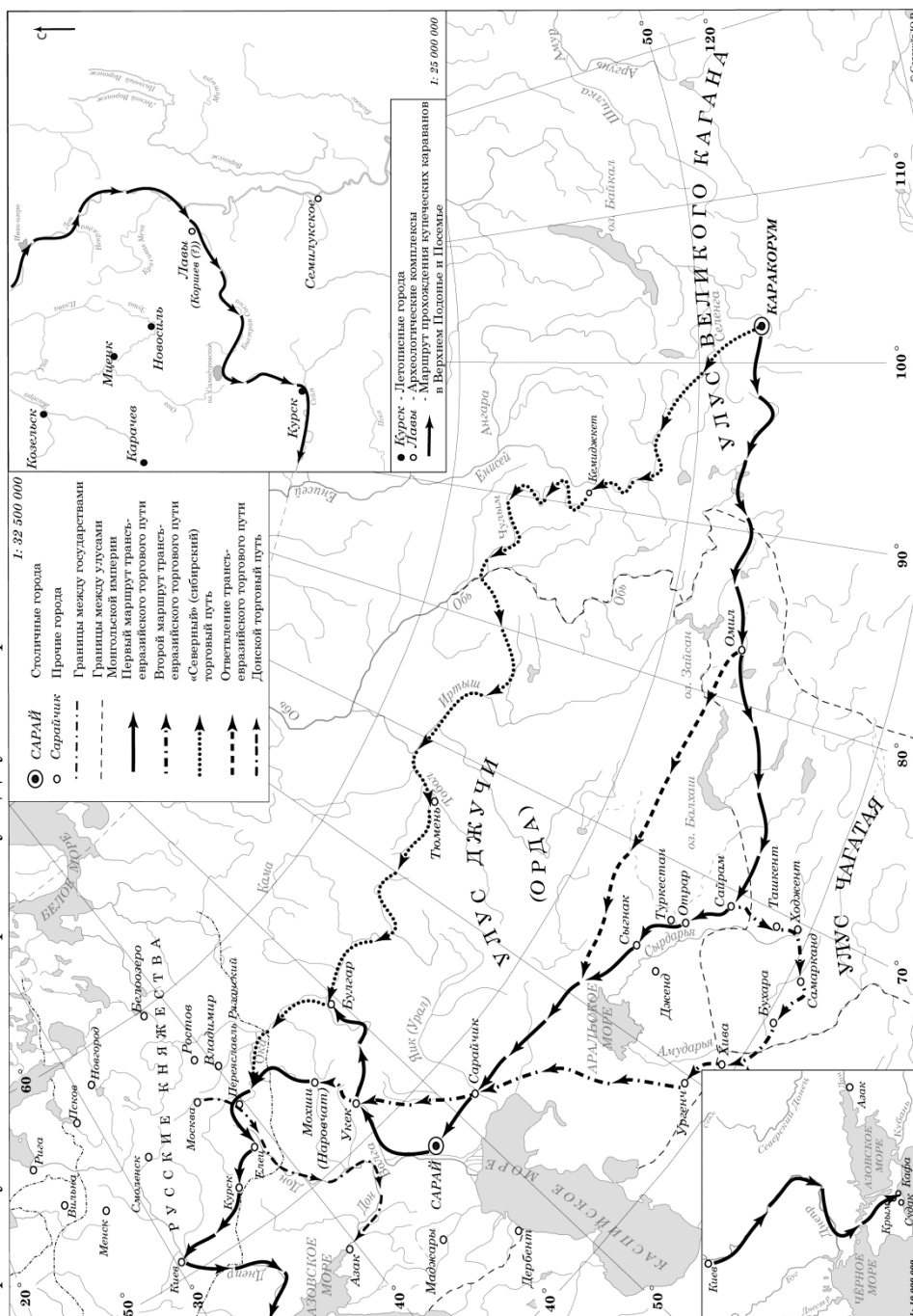
В отечественной историографии преобладающим до настоящего времени является сформулированное еще советскими историками представление об исключительно отрицательных экономических последствиях вхождения русских земель в государственную систему Монгольской империи и Улуса Джучи [34, с. 23, 28; 77, с. 488–489]. По мнению одного из ведущих современных исследователей торговли средневековой Руси В.Б. Перхавко: «Опустошительное монгольское нашествие нарушило устоявшийся и постепенно ускорявшийся ход экономической жизни большинства русских земель. Самый тяжкий урон от Батыевого погрома понесли города Северо-Восточной и Южной Руси. На время остановились традиционные торговые связи, погибли и попали в плен сотни ремесленников. Установившееся почти на два с половиной столетия ордынское иго... намного замедлило экономическое развитие русских земель, а значит и ростков предпринимательства» [64, с. 435].

Вместе с тем, объективный анализ торговых связей и экономического развития русских земель в ордынскую эпоху не позволяет согласиться со столь категоричным заключением.

Действительно, продолжительные боевые действия монгольских войск в Северном Китае, Средней Азии, Ближнем Востоке 1220–1250-х гг., а также в Поволжье, Руси и Восточной Европе в 1236–1241 гг. вызвали временную стагнацию международной торговли практически во всех регионах, затронутых боевыми действиями.

Однако после завершения военных компаний Чингизидов происходит достаточно быстрое восстановление международных торговых связей. Так, Марко Поло, посетивший ряд регионов Ближнего Востока, Кавказа, Северного Ирана и Средней Азии в 1271 г. (т.е. через десятилетие после похода Хулагу) отмечал в высокую интенсивность торговли в вышеуказанных областях [45, с. 80, 86, 93, 94, 111]. Решающую роль в восстановлении трансевразийской торговли играл режим наибольшего благоприятствования купеческим корпорациям, созданный властями Монгольской империи на подвластных территориях. В западных источниках он получил наименование «*Rex Tatarica*» («Татарского мира»), обеспечивавшего безопасность торговых коммуникаций на всем пространстве центральной и восточной Евразии [101, р. 23–25].

Торговые пути Монгольской империи и Улуса Джучи во второй половине XIII-XV вв.

Красноречивое описание комфортности и безопасности евразийских торговых маршрутов проходивших, в том числе, и по территории Золотоордынского государства в эпоху его расцвета содержится в хронике мусульманского путешественника Ибн 'Арабшаха: «Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут себе на телегах спокойно, без страха, без опаски, вдоль до Крыма, а переход этот около 3 месяцев. Караваны не возили с собою ни продовольствия, ни корму для лошадей и не брали с собою проводника вследствие многочисленности народов, да обилия безопасности, еды и питья у живущих там людей...» [87, с. 460].

По обоснованному мнению И.М. Миргалеева, ведущая роль Золотой Орды на международной авансцене в первую очередь определялась ее экономической мощью, определяемой вхождением Улуса Джучи в систему трансевразийской торговли, построенной центральными властями Монгольской империи на всех территориях от Каракорума до Каффы и от Гуанчжоу до Акикула [51, с. 157]. Фактически, Ордынское государство, наряду с другими Чингизидскими державами являлось наследницей тех торговых связей, которые сложились еще в домонгольскую эпоху на пространстве Евразийского континента.

Политика покровительства торговли и привлечения на территорию Улуса Джучи экономически активного населения уже в самом начале становления Ордынского государства отмечается в ряде источников. По сообщению армянского историка Киракоса: «начали являться к нему [Бату] цари и царевицы, князья и купцы – все огорченные тем, что были лишены вотчин своих. И Батый судил по справедливости и возвращал каждому, кто просил, его области и владения, и снабжал специальными грамотами, и никто не смел противиться приказам его» [38, с. 218]. На территориях подконтрольных Джучидам начинается активное восстановление торговых факторий, путей сообщения, караван-сараев и других элементов городской и торговой инфраструктуры, переживавших временный упадок в 30–40-х гг. XIII в. [6, с. 126]. Происходит возрождение ремесленного производства в городских центрах Орды [36, с. 17–19].

О целенаправленной политике правящих элит Улуса Джучи направленной на формирование инфраструктуры обслуживания сухопутных торговых маршрутов свидетельствует и сообщение Гильома Рубрука, в котором отмечается существование в ордынских землях Среднего Подонья русского поселения («поселка русских»): «...устроенном по приказу Бату и Сартака» [60, с. 109]. Указанный европейским путешественником поселок располагался на речной переправе, и основной обязанностью его жителей было обеспечение перевоза через Дон «купцов и послов» [60, с. 109].

Учитывая вышеперечисленные факторы, представляется вполне закономерным достаточно быстрое восстановление как внутриордынских, так и международных торговых маршрутов, частично проходивших через земли

русских княжеств и районы русско-ордынского пограничья. Уже в 50-х гг. XIV в. в Улусе Джучи достаточно активно функционировала сеть внутренних торговых коммуникаций, обеспечивавших возможность интенсивного товарообмена между русскими землями и ордынскими улусами.

Гильом Рубрук, посетивший владения Джучидов в середине 50-х гг. XIII в. отмечал активную торговую деятельность русских купцов в Северном Причерноморье и Приазовье: «На севере этой области находится много больших озер, на берегах которых имеются соляные источники; как только вода их попадает в озеро, образуется соль, твердая, как лед; с этих солончаков Бату и Сартах получают большие доходы, так как со всей Руси ездят туда за солью, и со всякой нагруженной повозки дают два куска хлопчатой бумаги, стоящих пол-иперпера» [60, с. 90–91].

Вышеприведенное свидетельство французского дипломата позволяет составить некоторое представление о структуре товарообмена и системе торговых отношений между русскими землями и ордынскими улусами на этапе становления государственности Улуса Джучи. Прежде всего, следует отметить, что в начале 1250-х гг. русско-ордынская торговля в Азовско-Черноморском регионе проходила по сухопутным маршрутам, о чем свидетельствует упоминание Рубруком повозок (телег) русских торговцев.

Маршруты прохождения сухопутных торговых путей в Днепровско-Донском регионе в ордынскую эпоху, к сожалению, не отражены в источниках и могут быть отчасти реконструированы с привлечением данных археологических исследований.

Так, расположение в Среднем Подонцовье ряда крупных ордынских поселений городского типа (Царицино, Райгородок, Лисичанское) в непосредственной близости от бродов-переправ могут свидетельствовать о включении их в систему обслуживания торговых маршрутов, проходивших по землям русско-ордынского пограничья [35, с. 287–289].

По мнению ряда украинских исследователей, расположение на речных бродах групп поселений в сульско-ворсклинском междуречье указывает на стремление ордынских улусбеков иметь полный контроль над Переволочинской, Кременчугской, Градской и другими менее значимыми днепровскими переправами, через которые проходили внутриордынские торговые маршруты [82, с. 38]. Вполне вероятным представляется использование русскими купцами сухопутных торговых маршрутов домонгольской эпохи (например, т.н. «Залозного шляха», или «Залозника», упоминаемого в Ипатьевской летописи) [66, Стб. 528, 541].

Согласно информации содержащейся в путевом отчете Гильома Рубрука, основными товарами, закупаемыми русскими торговцами в Азовско-Черноморском регионе являлись хлопчатобумажная ткань («хлопчатая бумага») и соль. В своих записках путешественник указывает в числе экспортных товаров привозимых в крымскую Солдайю т.н. бумазею (gambasio)

[60, с. 88]. Допустимо предположить, что под этой «бумагой» подразумевалась т.н. зеньдень (или зендянь), среднеазиатская ткань, производимая в г. Зендень близ Бухары, треть которой принадлежала Джучидам [88, с. 81–82; 10, с. 77]. Главным товаром русских купцов, по всей вероятности, являлись разнообразные меха, сведения о завозе которых в крымские фактории «из северных стран» также имеются в записках Г. Рубрука [60, с. 88].

Помимо вышеуказанных товаров, сохранился, хотя и в уменьшенных объемах, импорт на Русь византийской керамики и вина, о чем свидетельствуют археологические находки в культурных слоях раскопов Старой Рязани и Переяславль-Рязанского относящихся ко второй половине XIII в. [33, с. 510].

Покровительство международной и русско-ордынской торговле оказывали и приемники Бату. Так, послы египетского султана ал-Малика аз-Захира Бейбарса I, направлявшиеся в ставку Берке в 1263 г. отмечали, что на Волге «...ходят суда Русских...» [87, с. 63], что свидетельствует о торговой активности русских купеческих корпораций на Волжском торговом пути уже в первые десятилетия ордынского владычества. Данное сообщение об активности русских купцов в Поволжье представляется весьма закономерным, учитывая тот факт, что многие города, расположенные в Волжском бассейне – Переяславль-Залесский, Углич, Тверь, Кострома, Нижний Новгород не подверглись военному разгрому и в полной мере сохранили свой экономический потенциал [53, с. 343–244].

В источниках отмечается и активность представителей европейских коммерческих сообществ на ордынском направлении, торговые маршруты которых проходили через земли Северо-Восточной Руси. В Псковской летописи сохранился текст распоряжения, направленных ханом Менгу-Тимуром владимирскому князю Ярославу Александровичу, с требованием обеспечить беспрепятственность торговых коммуникаций Орды с Ганзейскими купеческими корпорациями: «Менгу Темирово слово ко Ярославу князю: дай пути немецкому гостю на свою волость. От князя Ярослава ко рижанам, и к болшим и к молодым, и кто гостит, и ко всем вам путь чист есть по моей волости: а кто ко мне ратный, с тим я сам ведаю; а гостю чист путь по моей волости» [14, с. 57]. Данное распоряжение золотоордынского хана прямо указывает на заинтересованность Джучидов в налаживании торговых отношений с купеческими корпорациями Северо-Западной Европы (прежде всего с Ганзой).

Основным маршрутом, связывавшим южнорусские земли с торговыми центрами Крыма и Северного Причерноморья в 40–90-х гг. XIII в., являлся Днепровский речной путь, освоенный русскими купцами еще в домонгольскую эпоху. Этот маршрут активно функционировал и после монгольского нашествия, подтверждением чему служит сообщение Плано Карпи-

ни от 1247 г. о присутствии в городе многочисленного контингента европейских купцов.

Перечисляя свидетелей своего путешествия, он называет Бреславских купцов: «...ехавших с нами вплоть до Киева и знавших, что наш отряд въехал в землю татар, а равно многих других купцов, как из Польши, так и из Австрии, прибывшими в Киев после нашего отъезда к татарам. Служат свидетелями и купцы из Константинополя, приехавшие в Россию через землю татар и бывшие в Киеве, когда мы вернулись из земли татар. Имена же купцов этих следующие: Михаил Генуэзский, а так же Варфоломей, Мануил Венецианский, Яков Реверий из Акры, Николай Пизанский: это более главные. Другие, менее важные суть: Марк, Генрих, Иоанн, Вазий. Другой Генрих, Бонадиес, Петр Пасхалий: было еще и много других, но имена их нам неизвестны» [60, с. 82–83].

Анализируя текст сообщения П. Карпини можно прийти к выводу, что торговые контакты европейских купеческих корпораций с Киевской землей осуществлялись как по сухопутному маршруту (польские и австрийские купцы), проходившему, по всей вероятности, через земли Галицко-Волынского княжества, так и по речному (Днепровскому) пути, являвшегося наиболее безопасным и удобным маршрутом для европейских, византийских и ближневосточных неогоциантов, осуществлявших коммерческую деятельность в южнорусских землях. В записках Гильома Рубрука, отмечается важная роль крымского города Солдайи, как важного перевалочного пункта в транзитной торговле с русскими землями и «другими северными странами», осуществлявшегося в 40–50-е гг. XIII в. по Днепровско-Черноморскому маршруту [60, с. 88].

В этой связи вполне закономерным выглядит наличие монгольской администрации в расположенном на Днепре г. Каневе, отмеченное в записках Плано Карпини [60, с. 57]. В домонгольский период Канев являлся крупным транзитным пунктом на торговых путях, проходивших через земли Киевского княжества: «донеже взыде Гречник и Залозник» [66, Стб. 528, 541], сохранив, в значительной степени, свое стратегическое значение и в ордынскую эпоху.

Интенсивные торгово-экономические коммуникации способствовали как развитию инфраструктуры обслуживания купеческих караванов в Киеве и его окрестностях, так и активному освоению среднеднепровского региона русским земледельческим населением. Данные полученные в результате археологических исследований поселенческой структуры среднего Поднепровья во второй половине XIII–XIV вв. отмечают достаточно плотное заселение Киевщины в ордынскую эпоху, а также продвижение славянского населения в сторону Степи [5, с. 27–34].

Значительное негативное влияние на развитие торговли по Днепровскому торговому пути оказали события длительной междоусобной войны

в Улусе Джучи между Тохтой и Ногаем. Начавшись в 1293 г. она продолжалась до 1300 г. и нанесла катастрофический ущерб, как среднечерноморскому региону, так и крупнейшим торговым центрам Крыма.

В 1298 г. Ногай отправил своего внука Актаджи «в земли Крымские...Тот пришел в Каффу...и потребовал от его жителей денег...Тогда они убили его. Известие об умерщвлении его дошло до Ногая...который отправил в Крым огромное войско в сообществе Маджи, одного из эмиров. Оно ограбило его (Каффу), сожгло его, убило множество Крымцев, взяло в плен, находившихся в нем купцов мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман, Кырк-Ер, Керчь и другие» [87, с. 111–112].

На рубеже 1298–1299 гг. ордынский временщик нанес удар по Судак: «...он приказал войскам окружить его (город) и стал требовать к себе одного за другим (жителей Судака), истязал его и отбирал все имущество, а затем убивал его, так что умертвил всех, кто (оставался) в городе. После этого он поджег его (Судак) и уничтожил его до тла...Причиной этому было то, что пошлины и другие доходы с Судака делились между четырьмя татарскими царями, один из них был...Токтай...Это и побудило его к тому, что он сделал» [87, с. 195].

По сообщению Ибн Баттуты, посетившего город в 1334 г., основным населением Судака к этому времени являлись ордынские (тюркские) купцы и ремесленники. Причиной подобного этнического замещения арабский путешественник называет некий конфликт, приведший к разорению торгового центра черноморской торговли Византийской империи: «Город этот [прежде] был велик, но большая часть его была разрушена по причине раздора, который произошел между византийцами и тюрками, и в котором победа осталась за византийцами. Тогда тюркам помогли их сообщники, [которые] перебили византийцев страшнейшим образом и выгнали большую часть их. Часть же их остается [там] под покровительством [Тюрков] до сего времени» [23, с. 169]. По всей вероятности, причиной описанных магрибским путешественником событий послужил конфликт коммерческих интересов византийских и мусульманских купеческих корпораций, закончившийся катастрофическими последствиями для византийцев.

Не способствовало развитию транзитной торговли и обострившееся к концу XIII в. венецианско-генуэзское соперничество в Северном Причерноморье. В 1299 г. генуэзская фактория Каффа была подвергнута разорению во время рейда в Северное Причерноморье венецианского флота под командованием Джованни Соранцо [102, р. 130–131].

После поражения и гибели Ногая ок. 1300 г. происходит резкий упадок Киева и его окрестностей. По сообщению Лаврентьевской летописи: «Того же лета Митрополит Максим не терпя татарского насилия оставя митрополию и збежа ис Киева и весь Киев разбежался» [65, Стб. 485; 67, с. 182].

Таким образом, разгром основных торговых центров Крыма и запустение Киева в конце XIII – начале XIV вв., по всей вероятности, привел к временному упадку торговли по Днепровскому торговому пути. Вместе с тем, было бы преувеличением говорить об окончательном прекращении торговой деятельности на этом маршруте. После стабилизации политической ситуации в Орде происходит постепенное возрождение экономических отношений в Черноморско-Днепровском регионе.

Вплоть до конца XV в. Киев продолжал оставаться достаточно крупным центром международной торговли. По сведениям Амброджо Контарини, посетившем регион Среднего Поднепровья в 1474 г.: «Город [Киев] стоит у границ с Татарией, в нем собирается некоторое количество купцов с пушниной, вывезенной из Верхней России; объединившись в караваны, они идут в Каффу, однако часто бывают захвачены, как бараны, татарами» [4, с. 211].

В 1475 г. Каффа, была захвачена турецкой армией Гедик Ахмед-паши. Рассказывая о взятии турками итальянских городов, русские летописи сообщают о гибели и пленении многих купцов из Северо-Восточной Руси, ведших торговлю в Крыму: «Того же лета взяша Туркове Кафу и гостей московских много побиша, а иных пограбив на откуп подаваша» [71, с. 194]. Это событие, а также разорение Киева войсками крымского хана Менгли-Гирея в 1482 г., [70, с. 215] привело к очередному периоду упадка торговли по Днепровскому маршруту, к концу XV в. утратившему свое прежнее значение.

В 20–30-х гг. XIV в. происходит возрождение Донского торгового пути – речного маршрута, связывавшего центральные области Северо-Восточной Руси с Азовско-Черноморским регионом. Тезис о вероятности существования торгового маршрута по Дону в домонгольскую эпоху, связывавшего Рязанское княжество с Византией, в свое время были высказаны известным советским историком и археологом А.Л. Монгайтом [47, с. 155; 48, с. 312]. В последующем, этот тезис получил подтверждение в многочисленных археологических материалах полученных В.П. Даркевичем, В.Ю. Ковалем и В.В. Судаковым в результате комплексных раскопок территории Старой Рязани [18, с. 16; 32, с. 136]. С позиций исторической географии данная проблема рассматривалась в работах тульских археологов и историков, изучающих район Верхнего Дона [96; 19].

Восстановление Донского торгового пути в ордынскую эпоху следует связывать с двумя важнейшими факторами регионального развития. Первым фактором стал процесс политической стабилизации в Улусе Джучи после завершения военного противостояния между Тохтой и Ногаем в начале XIV в.

Вторым фактором, повлиявшим на развитие торговых отношений в бассейне Дона, стало усиление позиций северо-итальянских торговых рес-

публик (Венеции и Генуи) в Азовском регионе и возникновение такого крупного торгово-ремесленного центра евразийской торговли как Тана.

С середины XIII в. сначала венецианцы, а потом и генуэзцы начинают вести постоянную торговлю в устье Дона. Благоприятные условия для развития венецианской торговли в Азовском море создавало наличие у венецианцев опорного пункта в Сугдее (Солдае), в порт которой они заходили с 1206 г., а консульство создали не позднее 1288 г. Во второй половине 60-х гг. XIII в. в устье Дона возникают постоянные венецианские и генуэзские поселения, не имевшие консульств [27, с. 5, 14, 18]. После восстановления Византийской империи и непродолжительного действия ограничительных статей Нимфейского договора 1261 г., Венецианская республика уже в 1265–1268 г. добивается права свободного судоходства в бассейне Черного моря наравне с генуэзцами [105, р. 121–123, 204–208].

Тем не менее, вплоть до 30-х гг. XIV столетия генуэзцы сохраняют экономическое превосходство в Северном Приазовье. Генуэзское консульство оформляется в Танае ранее венецианского, до 1304 г., скорее всего в конце 80-х гг. XIII в. Большой размах торговли Республики святого Георгия в Танае отражен в актах нотариуса Ломберто ди Самбучето, работавшего в Кафе в 1288–1290 гг. В этот период из Таны вывозились преимущественно продукты местного производства, чаще всего рыбу [104, р. 213–214].

В 1332 г. миссией венецианского посла Андрея Дзено был заключен договор с ханом Узбеком, согласно которому за венецианцами утверждался участок земли в Танае, на берегу Дона. За прохождение своих товаров через Тану венецианские купцы обязывались платить 3% торговой пошлины – «императорского коммерция» (*comercium imperiale*) в пользу ханской казны.

Примерно в это же время, в конце 1331 – начале 1332 г. специальное венецианское посольство заключило торговый договор с ильханом Абу-Саидом, позволивший итальянским купцам создать прямой транзитный маршрут, соединивший торгово-ремесленные центры Ирана, Малой Азии, Северного Причерноморья и Приазовья. Жалованная грамота ильхана определяла условия взаимной торговли иранских и венецианских купцов в Тебризе и Трапезунде на паритетных началах и с взаимной гарантией безопасности [17, с. 74–107; 28, с. 51]. Таким образом, в начале 30-х гг. XIV в. регион Приазовья и соседние с ним области Золотой Орды входят в систему левантийской торговли республики Святого Марка.

После появления венецианской торговой фактории в Устье Дона начинается активное торговое сообщение по Донскому торговому пути, соединившего итальянские фактории Приазовья и Северного Причерноморья с княжествами Северо-Восточной Руси (Московским, Тверским и Рязанским). С.И. Милованов основываясь на анализе нумизматического материала, выдвинул тезис о том, что в первой трети XIV в. Донской путь

функционировал лишь в своем нижнем течении, а в 40-х гг. XIV в. – первой половине XV вв. – на всем своем протяжении [50, с. 136].

Прямым следствием включения земель Южной и Северо-Восточной Руси в систему Азовско-Черноморской торговли являлся процесс становления купеческих корпораций «гостей» – «сурожан» и «суконников», заинтересованных в развитии торгово-экономических отношений по международным торговым маршрутам, проходившим через территорию Улуса Джучи [86]. Широкую вовлеченность московских и рязанских купцов в «сурожскую» торговлю, одним из основных маршрутов которой являлся Донской путь, отмечают летописные источники [73, с. 38, 175].

В структуре товаров, завозимых в русские княжества и ордынские улусы из итальянских торговых факторий, преобладали шерстяные и хлопчатобумажные ткани из Малой Азии, Сирии, Персии – зуфь, киндяк, епанча, бязь; шелковые ткани – тафта и камка, вино, ковры, тесьма, ладан, мыло, перец, драгоценные камни и жемчуг. Одним из основных товаров, поступающих из крымско-азовского региона на Русь, была соль [29, с. 17, 24]. Также, предметом импорта являлась тарная и столовая керамика из Трапезунда, Северного Кавказа и Восточного Крыма, ювелирные украшения из Южной Европы, наличие которых на поселениях Верхнего Подонья фиксируется данными археологии [89, с. 141–142]. Находки на территории Старорязанского городища сирийской, византийской и золоордынской керамики, датируемой 2-й половиной XIII–XIV вв. свидетельствуют о вовлеченности рязанских купеческих корпораций с международную торговлю на южном – Азовско-Черноморском направлении [33, с. 512; 84, с. 87].

Маршрут прохождения ладейных караванов по Донскому пути достаточно хорошо известен по такому историко-литературному источнику, как «Хождение митрополита Пимена в Царьград», сохранившемуся в некоторых летописях, а первоначально являвшимся отдельным сочинением, составленным монахом Игнатием Смолянином в 1391–1395 гг. В нем описан маршрут, которым двигалось посольство русского митрополита Пимена в Константинополь (Царьград). Вероятнее всего, это направление движения было характерно и для купеческих караванов. Начинаясь из Москвы, ладьи купцов сплавлялись по реке до Коломны, далее по Оке до Переяславля-Рязанского, от которого суда везли на колесах до Дона. Затем караваны сплавлялись по Дону до Азака и далее в Крым и Константинополь [69, с. 95–97].

Путь рязанских купцов в Приазовье, по всей видимости, пролегал по несколько иному маршруту. От Переяславля-Рязанского торговые суда сплавлялись по Оке и Прони до ее верховий и через волок у Иван-озера проходили в Дон. Сигизмунд Герберштейн, описывая громадное, по его оценке Иван-озеро (Iwanowosero), особо отмечал, что «из этого озера вытекают две большие реки: Шат и Танаис» [15, с. 137]. В Книге Большому Чертежу имеется аналогичное указание на то, что «река Донъ вытекла изъ

Иваня озера...да из тогожь Иван озера потекла река Шать и пала в реку въ Упу» [42, с. 78]. Весьма вероятно, что рязанские города Новый Ольгов, расположенный в устье р. Прони и Корнике у ее истоков, были построены, в том числе, и для обеспечения инфраструктуры и безопасности ладейных караванов, проходивших по этому маршруту.

По предположению А.М. Колызина, в XIV в. одним из маршрутов московских и тверских купцов в Нижнее Поволжье проходил по Дону до Таны и далее по Северному Кавказу в направлении Сарая и Хаджи-Тархана [29, с. 21].

К 1340-м гг. общий объем товаров, вывозимых венецианцами из Азовско-Черноморского региона, составлял до 2280 тонн грузов. Сенат Венеции оценивал весь товарооборот своей торговой фактории в Тане около 200 тыс. дукатов в год [26, с. 233, 235]. Экономическое влияние северо-итальянских торговых республик в Орде достигает к этому времени пика могущества.

Однако, в 1343 г. после убийства в Тане знатного ордынца Ходжи Омера, произошли массовые столкновения между ордынскими и итальянскими купцами. Множество венецианцев, генуэзцев, флорентийцев и других европейцев было убито, ограблено и взято в плен. После этого инцидента хан Джанибек запретил торговую деятельность итальянцев сроком на 5 лет, с конфискацией всех товаров [25, с. 121–126]. Убытки венецианцев оценивались современным флорентийским хронистом Джованни Вилани в 300 тыс. дукатов, а генуэзцев в 350 тыс. Восточные товары в Италии подорожали на 50 и даже 100% [83, с. 248–249]. Случившееся послужило началом достаточно длительного перерыва венецианской торговли в Приазовье.

С.И. Милованов высказывает заслуживающее внимания предположение о том, что весьма комплиментарное сообщение русской летописи о смерти хана Джанибека: «...умре бо добрый царь Чанибек...добрь зело к христианству, многу лготу сотвори земле Русстей» [72, с. 180; 68, с. 229], может быть каким-то образом связано с изменением экономической ситуации в Приазовье [29, с. 16].

Характерно, что проникновение джучидских дирхемов в Среднее и Верхнее Подонье приходится именно на 40-е гг. XIV в. [50, с. 135], что может указывать на активизацию в этих районах процессов региональной торговли. С началом «Великой замятни» торговая активность в бассейне Дона становится небезопасной, вследствие повысившихся угроз военнополитического характера. Об этом в частности свидетельствует расположение монетных кладов относящихся ко второй половине XIV – первой трети XV в. Наиболее известными из них являются Семилукский и Лавский клады, а так же клады у с. Девица, ст. Острожка и с. Подклетное [90, с. 141].

Некоторое оживление торговой активности по Донскому маршруту в 1380 – первой половине 1390-х гг. было прервано сожжением Таны войсками Тамерлана в 1395 г. и повторными разорениями города ханом Пуладом в 1410, Джелал ад-Дином 1411 гг., а также ханом Кадыр-Берди в 1418 г. [98, р. 512–555; 99, Col. 854, 923]. В 1430–1470-х гг. Донской путь становится все более небезопасным из-за непрекращающихся междоусобиц в Орде и общего упадка международной торговли.

В 1476 г. Тана (Азак) была захвачены турецким экспедиционным корпусом, что послужило еще одним негативным фактором в процессе постепенного упадка международной торговли в Азовско-Черноморском регионе.

Еще одним международным торговым маршрутом, оказавшим существенное влияние на экономическое развитие Юго-Западной Руси, являлся т.н. «Татарский шлях» – «Via Tatarica».

В историографии не сложилось однозначного мнения о локализации и времени становления маршрута «Татарского шляха». К настоящему времени в работах исследователей представлены два варианта. По мнению А.М. Арсланова «Татарский путь» проходил от Солхата (являвшегося перевалочной базой товаров поступавших в Каффу) к Перекопу, далее к переправе через Днепр у Тавани и вдоль побережья Черного моря, через городище Маяки к Ак-Керману. От Ак-Кермана караваны поворачивали на север и через ордынские городища Костешты и Старый Орхей (Янги-Шехр) проходили в Каменец-Подольский, Тереховль, Золочев и Львов [1, с. 16]. «Каталанский атлас», созданный в 1375 г. по данным предшествовавшего периода, обозначает Львов как склад восточных товаров на транзитном торговом пути в Европу [96, р. 52–53].

Согласно гипотезе украинского исследователя К.К. Хромова основной маршрут «Татарского шляха» пролегал от Азака до Львова, с ответвлениями на Северский Донец, Таванскую переправу (путь на Киев и Торговицкое городище) и переправу у Маяков, а также в Крым [94, с. 62].

Становление данного торгового пути, вероятно, следует отнести к временам правления ханов Тохты и/или Узбека, характеризующиеся как период политической стабильности и активного развития торгово-экономических коммуникаций на всех территориях Улуса Джучи. Он активно использовался итальянскими (преимущественно генуэзскими), польскими, русскими, а также армянскими и ордынскими купцами для транзитной торговли с Галицко-Волынским княжеством, Польским королевством и Венгрией.

Из Орды по этому маршруту в Восточную Европу вывозился скот и продукты животноводства (кожи, шерсть), меха, мед, воск, древесина, ремесленные изделия, вино, рабы, лекарственные растения, благовонные масла. Однако основные позиции в структуре экспортного товарооборота занимали шелк, пряности (прежде всего перец) и жемчуг. В Восточную

Европу они могли поставляться как по южному ответвлению Великого Шелкового пути: от Ормуза и Самарканда, через Султанью, Табриз, Трапезунд и далее по Черному морю в Каффу [59, с. 64], так и по маршруту Хорезм – Сарайчук – Хаджи-Тархан (или Сарай) – Бельджамен – Перелок-Азак [94, с. 58].

Польские купцы везли в ордынские владения, прежде всего, фландрские, английские и силезские шерстяные сукна, а так же различные ремесленные изделия из Западной Европы [1, с. 16–17].

Включение Пруто-Днестровского региона в систему трансконтинентальной транзитной торговли значительно активизировало экономическое развитие территорий, располагавшихся на маршруте «Татарского пути». На этом пути, вплоть до 70-х гг. XIV в. существовал целый ряд караван-сараев и торговых поселений. Раскопки последних 15 лет выявили в одном из таких городов (Синие Воды, сейчас с. Торговица, Новоархангельского района, Кировоградской области Украины) типичные для золотоордынских городов элементы инфраструктуры – остатки печей-тандыров, керамических труб водопровода, бани-хамам [31, с. 20–22]. На время существования города указывают находки монет, начиная с чеканов хана Тохты (1290–1312 гг.) до Кульпы и Навруза (1359–1360 гг.) [31, с. 24; 59, с. 62].

Следует отметить, что согласно данным археологических исследований, ордынские городища Костешты и Старый Орхей (Янги-Шехр), имели густозаселенную сельскую округу [62, с. 38], что свидетельствует об активном хозяйственном освоении Нижнего Поднестровья земледельческим населением в эпоху функционирования «Via Tatarica».

Характерно, что одним из основных товаров экспорта из Ак-Кермана в Европу являлась пшеница из Днестровско-Дунайского региона. Флорентийский коммерческий трактат «Практика торговли» содержит информацию о том, что в 1324–1336 гг., после непродолжительного перерыва вызванного экономическими санкциями Республики Святого Георгия против Болгарского царства, зерно из Подунавья и Приднестровья поступало на рынки Перы и Генуи [101, р. 42].

С началом «Великой замятни» в Улусе Джучи «Татарский шлях» постепенно начинает приходить в упадок. Согласно свидетельствам западных путешественников Гильбера де Ланоя и Амброджио Контарини «Via Tatarica» лишился своей привлекательности уже в последней четверти XIV в. в виду отсутствия безопасности [4, с. 211–213; 61, с. 39–43]. К.К. Хромов датирует окончательный упадок вышеназванного торгового маршрута 80-ми гг. XIV в. [94, с. 60], однако весьма вероятным представляется функционирование «Татарского шляха» вплоть до разгрома Тимуром основных торговых центров Золотой Орды (Сарая, Хаджи-Тархана, Азака и др.) в 1395 г.

С начала XV в. т.н. «Татарский шлях» почти не упоминается в источниках. К этому времени значительная часть западной торговли Золотой Орды переносится на «Молдавский (Волошский) путь» («Via Valahica»), проходивший значительно южнее прежнего маршрута [58, с. 45–61]. Упадок «Татарского пути» в это время был вызван рядом причин. Общим кризисом международной торговли, политической нестабильностью в Улусе Джучи, а также литовской, молдавской, а позднее и османской военной экспансией в Днестровском регионе. Указанные факторы привели к переориентации торговых маршрутов на более безопасные направления.

По некоторым свидетельствам письменных и археологических источников можно высказать предположение о частичном прохождении через русские земли трансевразийского сухопутного торгового пути, основная часть маршрута которого пролегла по северной периферии Ордынского государства.

Наиболее полное описание этого торгового пути содержится в сочинении арабского историка и географа Ибн Фадлалаха ал-‘Умари. В своем географическом трактате «Пути взоров по государствам с крупными городами» он, со ссылкой на булгарского ученого Масуда и арабского путешественника Хасана Эруми, бывавшего в Болгаре описывает маршрут, проходивший от некой местности Акикул, находившейся в 20 днях пешего пути от Болгара в Сибирь: «За Акикулом, говорил он [Масуд – В.Л.] [следуют] Сибирь и Ибирь, потом за ними земля Чулыман. Когда путешественник едет от Чулымана на Восток, то он приезжает к городу Каракоруму, а далее в землю Хатайскую, в которой [находится] Великий Кан... Когда же путешественник, говорил он, едет на Запад от него [Чулымана], то он приезжает в землю русских, потом в страну Франков и к обитателям Западного моря» [91, с. 135].

По мнению А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой «страна Чулыман» располагалась в Верхнем Прикамье (земля «Вису» раннесредневековых источников) со столицей в Акикуле (Афикуле) [7, с. 4–12; 8, с. 19]. Однако, согласно данным приводимым в трактате ал-‘Умари территория «Чулымана» локализуется не только в отдалении от Акикула, но и за пределами земель «Сибирь» и «Ибирь», то есть далеко на восток от Верхнего Прикамья.

В этой связи, более плодотворным выглядит предположение М.Г. Сафаргалиева о локализации «страны Чулыман», расположенной между Сибирью и Китаем в верховьях Оби и Енисея [81, с. 215], а точнее в бассейне р. Чулым. Косвенным подтверждением данного тезиса служат сообщения в актовых материалах Сибирского воеводства XVII в. о «Чулымских князьях», владения которых располагались на территории современных Тувы и Хакасии [52, с. 412–413].

С 1207 г. племена Южной Сибири и Саяно-Алтайского нагорья постепенно, в несколько этапов, интегрируются в состав Монгольской империи [30, с. 174–175; 40, с. 132]. После распада единой державы Чингизидов

земли енисейских киргизов становятся одним из северных улусов Империи Юань. Вероятно по р. Чулым проходила условная граница между Улусом Великого хана и Улусом Джучи. Египетский географ XIV в. Валид ад-дин ибн Халдун определял северо-восточные владения Джучидов как: «...простирающиеся...до Джулымана...» [87, с. 380].

Включение южносибирских народов в имперскую экономическую систему привело к значительному оживлению хозяйственной жизни вышеуказанных территорий. По свидетельству Рашид ад-дина: «в областях Киргиз и Кэмкэджиут много городов и селений» [88, с. 150]. Археологические исследования в Туве выявили существование значительного числа неукрепленных городищ монгольской эпохи (Ден-Терек, Оймак, Менигейское, Могойское, Элегетское, Эртине-Булакское) [40, с. 140], что подтверждает информацию персидского хрониста. При монголах в Туве появляются фактории мусульманских купцов, которые проживали в городах, ведя широкую караванную торговлю [40, с. 140; 39].

Многочисленные археологические находки западноевропейского производства, а также изделия, относящиеся к аскизской культуре, были сделаны в Западной Сибири, Приуралье, Поволжье, на Оке, Дону, Днепре и Немане [11, с. 251–255; 41, с. 103–106]. Сопоставление данных археологических и письменных источников дает достаточно четкое представление о маршруте Северного трансконтинентального торгового пути.

Начинаясь в Каракоруме (позднее Ханбалыке, новой столице империи Юань), он проходил через земли енисейских киргизов, Барабинскую степь, бассейны рек Тобол и Тура (до Тюмени). Далее путь пролегал по южноуральскому маршруту до Болгара.

Со ссылкой на мусульманского путешественника Но‘мана Эльхорезми, ал-‘Умари прямо указывает на наличие тесных торговых отношений между Булгарским улусом и Чулыманом: «...купцы Булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера» [91, с. 137].

От Булгарского улуса товары южносибирского происхождения расходились как в северном (Акикул, Югра), так и в юго-западном направлениях. Определение «русского» участка северного трансевразийского торгового пути представляется весьма затруднительным ввиду отсутствия информации по этому вопросу в письменных источниках. В связи с этим важнейшее значение представляют результаты археологических исследований.

Находки многочисленных артефактов относящихся к аскизской археологической культуре средневековых хакасов (енисейских киргизов) на территории крупных населенных пунктов Верхнедонского региона (Лавское городище, городище Устье-3) [16, с. 91; 90, с. 144], позволяют высказать предположение о транзите «чулымских» товаров по окско-донскому маршруту.

Наиболее вероятным представляется прохождение ладейных караванов от Болгара по Волге и Оке до устья р. Прони. На участке водораздела Оки и Дона существовало несколько возможных вариантов прохождения торговых судов: 1) по рекам Пронь-Ранова-Рясское поле-Ряса-Воронеж-Дон; 2) Пронь-Ранова-Кочур-Дон; 3) Пронь-Мокрая Тобола-верховья Дона [96, с. 119], а также описанный выше маршрут по течению Прони до ее истоков, находящихся в непосредственной близости от Иван-озера, через которое караваны могли выходить в Дон, бравший свое начало в эпоху средневековья из вышеназванного озера.

С прохождением торгового пути через земли Верхнего Подонья может быть связано быстрое возрождение и активное функционирование Лавского городища во второй половине XIII – первой половине XIV в.

Дальнейший маршрут купеческих судов, вероятно, проходил через верховья Оки по бассейну р. Сейм, в направлении Среднего Поднепровья. Прохождение через Посеймья оживленных торговых маршрутов в ордынскую эпоху фиксируется значительным количеством монетных кладов XIII–XV вв. в районе Курска и Ратского городища, а так же находками на территории Гочевского археологического комплекса булгарских украшений и фрагментов столовой посуды, произведенных в ордынских городах Поволжья [85, с. 230; 20, с. 95. Рис. 1]. Вместе с тем, нельзя исключать и возможности существования сухопутных караванных путей, по которым осуществлялись торговые коммуникации между Средним Поволжьем и Сеймско-Днепровским регионом. Однако отсутствие информации в письменных источниках и недостаточная археологическая изученность территорий Южно-Поочья и Верхнего Подонья оставляют этот вопрос открытым.

Начало упадка трансевразийской торговли можно достаточно уверенно связывать с несколькими совпавшими по времени факторами социально-политического, демографического и экономического характера, затронувших большую часть государств Евразийского континента в XIV в. Первым из этих факторов стала пандемия т.н. «Черной смерти», начавшаяся в 1320–1330-х гг. в Империи Юань. К середине 40-х XIV в. по торговым путям эпидемия достигла владений Джучидов [92, с. 17, 25, 36, 190, 191]. По свидетельству арабского автора Ибн ал-Варди: «В 747 году (1346) приключилась в землях Узбековых чума, обезлюдели деревни и города...» [87, с. 498]. О тяжелейших демографических последствиях для городского населения Поволжья, Приазовья и Северного Причерноморья свидетельствует сообщение Троицкой летописи: «в лето 6854 (1346) бысть казнь от бога на люди под восточную страну в Орде и в Орнахи, и в сарае, и в Бездежь, и в прочих градахъ и бысть мор велик на люди, и на Жиды, и на Фрягзи, и на Черкасы, и на прочие человеки, тамо живущая в нихъ. Толь же силенъ бысть моръ въ в нихъ, яко не бе мощно живымъ мертвыхъ погребати» [75, с. 336–337]. За несколько десятилетий, эпидемия чумы охватила Европу, Ближний

Восток и Северо-Восточную Русь, значительно уменьшив производственный и коммерческий потенциал данных регионов.

Вместе с тем, было бы преувеличением говорить о полном прекращении трансевразийской торговли на основных маршрутах вследствие эпидемической угрозы. Более того, проникновение эпидемии чумы на русские земли зачастую осуществлялось именно по торговым путям. Так, движение «мора» в центральные области Северо-Восточной Руси в 1364–1367 гг. вероятнее всего происходило по водным торговым магистралям Волжского речного бассейна [92, с. 199]. Троицкая летопись прямо указывает на волжский маршрут проникновения эпидемии на территорию княжеств Северо-Восточной Руси, отмечая что «мор»: «Пришел изъ Низу отъ Бездежа в Новгородъ Нижній» [75, с. 382].

Тем не менее, несмотря на неблагоприятные последствия прохождения через Нижнее и Среднее Поволжье «Черной смерти» Волжский путь продолжал оставаться одним из основных маршрутов международной торговли во второй половине XIV в. Одним из свидетельств подтверждающих данный тезис является упоминание в русских летописях общин мусульманских купцов – «бессермен», проживавших вместе с семьями в Нижнем Новгороде вплоть до двукратного разгрома города отрядами новгородских ушкунников в 1365 и 1375 г. [71, с. 124; 74, с. 120].

Параллельно с пандемией «Черной смерти» в чингизидских государствах активизировались процессы дезинтеграции, начавшиеся в державе Хулагуидов в 40-х гг. XIV в, а к 50–60-м гг. охватившие всю монгольскую ойкумену (восстания «Красных повязок» и «Белого лотоса» в империи Юань (1351–1368 гг.), междоусобные конфликты, разразившиеся во второй половине XIV в. в Чагатайском улусе и Улусе Джучи). Указанные события нанесли серьезный урон международной торговле, вызвав экономический упадок и социально-политическую дестабилизацию на большей части Евразийского континента [26, с. 237]. К концу XIV – началу XV в. опустошительные походы Тимур-Ленга (Тамерлана), направленные против Золотой Орды, Могулистана и ближневосточных государств, привели в полное расстройство систему трансевразийских торговых маршрутов, проходивших по территории Улуса Джучи [22, с. 212]. На это же время приходится становление альтернативного Южного торгового пути, подконтрольного Тимуридам [51, с. 158].

В данном контексте серьезные изменения происходят в структуре коммуникаций русско-ордынской торговли, все большее значение в которой стали приобретать сухопутные торговые маршруты, по которым осуществлялись торговые связи княжеств Северо-Восточной Руси с Большой Ордой и Крымом в последней четверти XV в. [57, с. 112].

К сожалению, русско-ордынские торгово-экономические отношения этого периода весьма слабо отражены как в русских, так и зарубежных

письменных источниках. Тем не менее, отрывочные сведения, содержащиеся в русских летописях, позволяют получить некоторое представление о масштабах сухопутной торговли. По сообщению Московского летописного свода, пришедший в 1476 г. из Большой Орды в московские земли купеческо-посольский караван из Большой Орды состоял из нескольких тысяч купцов: «Того же лета [6982 (1476) года – В.Л.] месяца иуля 7 пришел из Орды Микифоръ Басенков с послом царевымъ Ахмутом блшиа орды с Кара Кучумом, а с ним множество татаръ пословых было 6 сот, коих кормили, а гостей с коньми и со иным товаром было 3 тысячи и двести, а конеи продажных было с ними боле 40 тысяч, и иного товару много...» [72, с. 302]. Подобная концентрация купцов и товаров, двигавшихся под охраной многочисленных воинов ханского посольства, по всей вероятности, позволяла обеспечивать максимальную безопасность и прибыльность караванной торговли.

Наличие столь масштабных торгово-экономических связей между Московским княжеством и Большой Ордой, осуществлявшихся, в основном, по сухопутным путям (сакмам) Днепровско-Донского и Волжско-Донского водоразделов не могло не привести к появлению определенной группы в московской правящей элите тесно связанной с ордынской торговлей, заинтересованных в стабильном функционировании торговых коммуникаций проходивших по территории «Ахматовой Орды». Следует отметить, что представители купеческого сословия имели значительное влияние при дворе московского князя Ивана III. В частности, купец-«гость» Владимир Григорьевич Ховрин с 50-х гг. XV в. занимал должность казначея княжеского «двора» [29, с. 21–22]. Статус «гостя» указывает на его принадлежность к корпорации купцов ведущих крупные внешне-торговые операции.

Можно предположить, что именно против этой «партии мира» была направлена уничтожающая критика сторонников военного противостояния с Ахматом, нашедшее отражение в сообщении ряда официозных московских источников конца XV – начала XVI в. Так, «Послании на Угру» епископа Вассиана Рыло говорится о «льстецах» и «обманщиках лжеименитых», «нашептывавших в ухо» московскому князю Ивану Васильевичу «...чтобы предать православное христианство» [63]. В «Повести о стоянии на Угре» имеется упоминание о неких: «злых человек сребролюбцев, богатых и брюхатых, предателей христианских, а норовников бесерменских», якобы призывавших Ивана III не принимать сражения на Угре [44, с. 245].

После разгрома Большой Орды и начала военного противостояния между Крымским ханством и Московским государством с середины 20-х гг. XV столетия, торговые маршруты, проходившие по землям Днепровско-Донского водораздела, теряют свое бывшее экономическое значение

в торговых отношениях между русскими землями и кочевниками Азовско-Черноморского региона.

Подводя итоги, можно констатировать, что во второй половине XIII – первой половине XIV в. происходит интеграция русских земель в систему трансевразийской торговли «Татарского мира». Торговые связи осуществлялись как по речным, так и по сухопутным маршрутам. Основными из них являлись Днепровский, Волжский, Донской, «Северный» и т. н. «Татарский» пути, а также ряд региональных маршрутов. Активное участие русских купеческих корпораций в международной торговле способствовало как общему развитию предпринимательской деятельности и росту экономического благосостояния княжеств Северо-Восточной и Юго-Западной Руси, так и интенсификации хозяйственного освоения тех территорий, через которые проходили торговые пути. Начиная со второй половины XIV в., в связи с распадом монгольских государств, обострением военных конфликтов, эпидемией «Черной смерти» и как следствие общими кризисными явлениями в международной торговле, основными маршрутами торговых коммуникаций княжеств Северо-Восточной Руси с Большой Ордой становятся сухопутные сакмы Днепровско-Донского и Волжско-Донского водоразделов, выполнявшие функцию торговых путей, по крайней мере, до конца XV – начала XVI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсланов А.М. Сухопутные торговые маршруты в западной торговле Золотой Орды второй половине XIII – первой половины XIV в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. «Грамота». Тамбов, 2014. № 6 (44) в 2-х частях. Ч. II. С. 15–18.
2. Ахмед ибн-Фадлан. Книга о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. [Электронный ресурс] www.vostlit.info
3. Абу Али Ахмед бен Омар ибн Даста. Извлечение из Книги эль-А'лак эн-Нафиса. [Электронный ресурс] www.vostlit.info
4. Барбаро и Контарини о России. Л.: Наука, 1971. 274 с.
5. Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV вв. (по данным археологии). Киев: Наукова думка, 1982. 116 с.
6. Белавин А.М. Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань, 2000. С. 122–126.
7. Белавин А.М. Проблемы раннего этапа урбанизации в Волго-Камье // Труды КААЭ. Выпуск 4. Пермь, 2007. С. 4–12.

8. Белавин А.М., Крыласова А.Б. Основные итоги изучения Рождественского археологического комплекса (город Афикула) в Пермском крае // Научный Татарстан. Казань, 2009. № 2. С. 6–21.
9. Белорыбкин Г. Н. Путь из Булгара в Киев // Великий Волжский путь: история формирования и развития: Материалы круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». Казань, 2002. С. 63–81.
10. Беленицкий А.М., Бентович И.Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества. (К идентификации ткани «занданечи») // СА. 1961. № 2. С. 66–78.
11. Борисенко А.Б., Худяков Ю.С. Значение Булгарского пути в поступлении западноевропейского импорта в Западную Сибирь в XII–XIII вв. // Средневековая Казань: возникновение и развитие (Материалы Международной науч. конф., сост. в Казани 1–3 июня 1999 г.). Казань, 1999. С. 251–255.
12. Гальперин Чарльз. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. 230 с.
13. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах (с первой половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870. 308 с.
14. Грамоты Великого Новгорода и Пскова (ГВНП). М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1949. 407 с.
15. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
16. Гоняный М.И. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. в районе Куликова Поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М., 2005. С. 85–101.
17. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Узбека венецианским купцам Азова: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А.А. Березный. Л., 1990. Вып. 13. С. 74–107.
18. Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М.: КРУГЪ. 1995. 450 с.
19. Заидов О.Н., Шебанин Г.А. К вопросу о пути следования войск Дмитрия Донского на Куликовом поле // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001. С. 155–161.
20. Зорин А.В., Шпилев А. Г. Курское городище, Городенское городище и Гусин брод // Славяно-русские древности Днепровского левобережья. Курск, 2008. С. 91–94.
21. Ивлев М.М., Моця А.П. Русский участок пути Булгар-Киев // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992. С. 23–30.
22. История Казахстана с древнейших времен до наших дней в 5 т. Алматы: Атамур, 1997. Т. 2. 622 с.
23. Из «Подарка наблюдателям по части диких стран и чудес путешествий» Ибн Баттуты // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359). Казань: Татарское книжное изд-во, 2011. С. 150–177.
24. Ибн-Хордабег. Книга путей и стран. Баку: «Элм», 1986. 464 с.
25. Карпов С.П. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // Византийский временник. 1994. Т. 55 (80). Ч. 1. С. 121–126.

26. Карпов С.П. Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб.: Алетейя, 2001. С. 363–379.
27. Карпов С.П. Когда и как возникла Тана? / О происхождении итальянской фактории на византийской окраине // Византийский временник. М., Т. 57. С. 5–18.
28. Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М.: Изд-во МГУ. 1981. 232 с.
29. Колызин А.М. Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.). М.: Инфополиграф, 2001. 278 с.
30. Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л.: Восточная литература, 1941. 619 с.
31. Козир І.А., Чорний О.В. Локалізація місця битви на Синніх Водах 1362 р. у світлі нових джерел // Український історичний журнал. Київ. 2012. № 2. С. 20–22.
32. Коваль В.Ю., Судаков В.В. Средневековая восточная керамика из Переяславля рязанского // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995. С. 136.
33. Коваль В.Ю. Восточные связи Рязанской земли по материалам импортной керамики // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 480–520.
34. Кучкин В.А. Русь под игом. Как это было. М., 1991. 32 с.
35. Кравченко Э.Е. Северо-Восточное Приазовье и среднее течение Северского Донца в XIII–XIV вв. (влияние природно-географического фактора на заселение территории) // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы седьмой Международной конференции посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань-Ялта-Кишинев, 2016. С. 287–289.
36. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001. 236 с.
37. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 9.
38. Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. с древнеарм., предис. и коммент. Л.А. Ханларян (Памятники письменности Востока LIII). М.: Главная редакция Восточной литературы, 1976. 359 с.
39. Кызласов Л.Р. Памятник мусульманского средневековья в Туве // Советская археология. 1963. № 2. С. 203–210.
40. Кызласов Л.Р. История средневековой Тувы. М.: Изд-во МГУ, 1969. 214 с.
41. Кызласов Л.Р. Изменения в материальной культуре кыпчаков в XIII–XIV вв. в связи с политическим положением в Азии // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 103–106.
42. Книга Большому Чертежу. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 232 с.
43. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. 640 с.
44. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука. 1976. 285 с.
45. Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб.: Азбука. 2018. 576 с.
46. Моця А.П., Халиков А.Х. Путь из Булгара в Киев: Результаты и задачи исследований // Археологическое исследование микрорегионов: итоги и перспективы. Воронеж, 1990. 138 с.

47. Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА. 1955. № 49. 225 с.
48. Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.
49. Моргунов Ю.Ю. Русская часть трассы Булгар-Киев // *Filo Ariadne*. 2018. № 2. URL: <http://filoariadne.esrae.ru/pdf/2018/2/211.pdf>
50. Милованов С.И. Донской торговый путь в среднем и верхнем течении в XIV–XV вв. по нумизматическим материалам // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв.: Сб. статей / Под ред. А.Н. Наумова. Тула, 2005. С. 133–140.
51. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-лит. 2003. 164 с.
52. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. СПб.: Изд-во АН СССР, 1937. 664 с.
53. Насонов Н.А. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства (историко-географическое исследование). Моголы и Русь (История татарской политики на Руси). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 413 с.
54. Назаренко А. В. Южнонемецкие земли в европейских связях IX–X вв. // *Средние века*. Вып. 53. 1990. С. 121–136.
55. Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–X вв. // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы исследований*. 1991. С. 8–61.
56. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных торговых путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры. 2001. 784 с.
57. Наумов А.Н. Водораздельные городища и сухопутные дороги на водоразделе Оки и Дона в развитом Средневековье (К вопросу о методике археологического поиска) // *Верхнее Подонье: Природа. Археология. История*. Т. 1. Тула, 2007. С. 88–112.
58. Огуй А.Д. Молдавский торговый путь: образование, расцвет, упадок (XIV–XVII вв.) // *Русин*. 2010. № 4 (22). С. 45–61.
59. Осипян О.Л. Возникновение армянских торговых колоний во Львове и Каменце-Подольском и их роль в торговле со странами Причерноморья и Восточной Европы во второй половине XIII – первой половине XV в. // *Studia Historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2012. Вып. 5. С. 53–84.
60. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во Географической литературы, 1957. 287 с.
61. Путешествие Гильбера де Ланоса в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах // *Киевские университетские известия*. 1873. № 8. Отд. 2. С. 433–465.
62. Полевой Л.Л., Бырня П.П. Средневековые памятники XIV–XVII вв. // *Археологическая карта Молдавской ССР*. Вып. 7. Кишинев, 1974. С. 38.
63. Послание на Угру Васиана Рыло // РГБ, ф. 178, № 32–71, лл. 19 об. 26, с исправлениями по Вологодско-Пермской летописи.
64. Перхавко В.Б. Торговля и торговцы Средневековой Руси. М.: Академический проект. 2018. С. 435.
65. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. 392 с.
66. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 648 с.
67. ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 182.
68. ПСРЛ. Т. X. Никоновская летопись. СПб., 1885. 325 с.
69. ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. 244 с..

70. ПСРЛ. Т. XII. СПб., 1901. 272 с.
71. ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921. 272 с..
72. ПСРЛ. Т. XXV Московский летописный свод конца XV в. М., 1949. 464 с.
73. ПСРЛ Т. XXXII. М., 1975. 241 с.
74. ПСРЛ. Т. XXXIV. Пискаревская летопись. М., 1978. 304 с.
75. Приселков М.Д. Троицкая летопись. М.-Л., 1950. 514 с.
76. Рашид ад-Дин. Собрание летописей. Т. II. Кн. 1. М.-Л., 1960. 260 с.
77. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., Академический прект. 2016. 720 с.
78. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. 1952. Вып.43. С. 3–44.
79. Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 189–196.
80. Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород., НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2001. 390 с.
81. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное изд-во. 1960. 276 с.
82. Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя. Київ-Полтава: «Археологія». 2004. 82 с.
83. Скржинская Е.Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте // Византийский временник. М.-Л., 1949. Т. 2 (27). С. 245–266.
84. Стрикалов И.Ю. Северное городище Старой Рязани. Стратификация и планировка // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 36–90.
85. Стародубцев Г.Ю. Охранные исследования посада Гочевского археологического комплекса (летописного Римова) в 2003–2004 гг. // Материалы IV научной конференции. Елец, 2006. С. 229–233.
86. Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. М.: Огиз, 1935. 124 с.
87. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов по истории Золотой Орды (СМИЗО). Т. I. СПб., 1884. 563 с.
88. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов по истории Золотой Орды (СМИЗО). Т. II. М.-Л., 1941. 208 с.
89. Тропин Н.А. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Елец: Изд-во ЕГУ, 2006. 274 с.
90. Тропин Н.А. Золотоордынские находки в Верхнем Подонье // Евразийская степь в эпоху металла / Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 13. Воронеж, 1999. С. 140–149.
91. Фадлаллах ал-Умари. Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар (Пути взоров по государствам с крупными городами) // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи. Казань, 2011. С. 129–142.
92. Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 304 с.
93. Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV веках. М.: Изд-во АН СССР. 1963. 368 с.

94. Хромов К.К. Блукаючи шляхами «Via Tatarica» (проблеми визначення торгових шляхів джучидської доби на теренах сучасної України) // Український нумізматичний щорічник. Вип. 3. 2019. С. 53–66.

95. Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю. Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 15–34.

96. Шебанин Г.А. Окско-Донской путь XII – начала XIII в. в свете новых археологических данных // Куликово поле: Вопросы изучения наследия. Тула, 2000. С. 118–122.

97. Balard M. Gênes et la mer Noire (XIIIe – XVe siècles) // Revue Historique 270/1, 1983. P. 31–54.

98. Prost M. A. Les Chroniques venitiennes // Revue des questions historiques. Paris., 1882. T. XXXI. P. 512–555.

99. Sanuto M. Vitae ducum venetorum // Rerum Italicarum scriptores ab anno aerae cristianae quingentesimo ad millesimum quingentesimum. T. 22. Mediolani, 1733. Col. 854, 923.

100. Telon. Raffel. Inquisitio de teloneis Raffelstettensis // MGH LL Capp., 2, № 253. IV, p. 251.

101. Francesco Balducci Pegolotti. La Pratica della mercatura / Ed. by Evans. Cambridge. Mass., 1936. P. 23–25.

102. Lane F. C. Venise, une repubique maritime. Paris., 1985. P. 130–131.

103. Regestes des deliberations du senat de Venise concernant la Romanie / par F. Thiriet. Paris La Hye: Mouton, 1958. T. 1 (1329–1399). P. 54.

104. S. Origone. Les Genoïs en Crimée aux XIII-e – XIV-e siècles. 1978. 35, p. 213–214.

105. S. Origone. Bizanzio e Genova. Genova, 1992, p. 121–123, 204–208.

Сведения об авторе:

Леонид Вячеславович Воротынцев – научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Российская Федерация). E-mail: leonrus1245@mail.ru

**Азакский улус Золотой Орды:
особенности правового положения
транзитного центра на Великом Шелковом пути**

Азак являлся одним из крупнейших портовых и торговых городов в Золотой Орде XIV в., а также важнейшим транзитным пунктом в континентальной торговле на Великом Шелковом пути, поскольку представлял собой «окно» из Европы в Азию. Исследователи неоднократно обращали внимание на его экономическое и политическое значение, однако до сих пор не предпринималось попыток анализа административно-правового статуса Азака. На основе анализ юридических памятников и других средневековых источников автор статьи высказывает предположение, что Азак в силу своего особого положения обладал специальным административным статусом и являлся центром обособленного улуса, возникшего в результате административных преобразований хана Узбека и прекратившего существование в результате «Великой замятни» и похода Амира Тимура.

Ключевые слова: Великий Шелковый путь, Золотая Орда, Азак (Азов), Та-на, улусная система, административная реформа хана Узбека, Великая замятня

Азак (совр. Азов) в золотоордынский период являлся одним из крупнейших портов и торговых центров Золотой Орды, «в который стремятся купцы из разных стран» [19, с. 110, 114, 124]. Привлекало иностранных торговцев его очень выгодное расположение на побережье – как будто сама природа определила это место для портового центра [26, с. 386]. В самом городе существовало развитое производство – гончарное, чугунное и пр. [20, с. 284], его округа обеспечивала население и торговцев сельскохозяйственной продукцией и в особенности продуктами рыболовецкой деятельности [26, с. 403].

Однако значение Азака состояло не только в торговых возможностях самого города и его округа, а, в первую очередь, в том, что он служил своеобразными «воротами» из Европы в Азию на Великом Шелковом пути, возрожденном в монгольский имперский период. Именно в Азове начиналась «степная ветка» этого континентального торгового маршрута [11, с. 203–204; 16, с. 107; 21, с. 283]. Неслучайно флорентиец Франческо Балдуччи Пеголотти в своем труде «Практика торговли (1310–1340-е гг.)» описывает оптимальный торговый маршрут, начиная именно с Азака (Та-ны), в которой можно было нанять переводчика, охрану и т.д. [43, р. 146, 151; см. также: 12, с. 39].

Важность Азака как транзитного центра привлекала в город многочисленных иностранных торговцев, в результате чего в городе появились целые диаспоры армян, греков, выходцев из итальянских торговых республик [13, с. 17–20, 24; 14; 22, с. 255; 25; 34, с. 31, 41, 72–74]. Согласно средневековым венецианским и генуэзским документам, первые торговцы из этих государств появились в Приазовье уже в 1260-е гг., а в 1310-х гг. там стихийно возникают венецианская и генуэзская торговые фактории [17, с. 111; 18, с. 96–97; 45, р. 27]¹. В 1332 г. вышеупомянутый хан Узбек выдает венецианским торговцам ярлык, подтверждающий их право владения участком земли в Азаке, в результате чего в городе формируется венецианское владение Тана, фактически ставшее центром венецианских торговых поселений в Приазовье и Причерноморье [3, с. 234]². Именно с появлением этих поселений исследователи и связывают рост значения Азака [10, с. 92; 42, с. 394].

Важность Азака в международных отношениях нашла отражение и в том что еще до появления официальных западных факторий на его территории, в 1300 г. здесь была создана католическая епархия, представлявшая такой интерес и значение для церкви, что в середине XIV в. митрополиты в Сарае и Матреге вступили из-за контроля над ней в конфликт, продлившийся несколько лет (1358–1363) и заставивший вмешаться самого папу Урбана V [21, с. 283; 23, с. 74, 77].

Подобное значение Азака как порта и транзитного центра, несомненно, не могло не отразиться на его правовом статусе в составе Золотой Орды. Анализ дошедших до нашего времени средневековых правовых памятников, актовых материалов и других исторических источников дает основание высказать предположение, что в течение большей части XIV в. Азак являлся центром автономного улуса в составе Золотой Орды.

Начало существования Азакского улуса, по-видимому, следует датировать административной реформой хана Узбека, которую он провел в 1320–1330-е гг. под влиянием контактов с империей Юань. Ее результатом стала централизация Улуса Джучи за счет создания крупных административно-территориальных единиц – улусов, которые можно отождествить с генерал-губернаторствами [32, с. 37–45]. В средневековой арабской историографии они известны под названием «округов», среди которых фигу-

¹ Собственно, в связи с этим впервые в 1310-е гг. упоминается и ордынское поселение Азак [2].

² На протяжении всего времени существования Азака наряду с венецианским поселением на его территории существовало и генуэзское, однако оно не имело такого важного значения, поскольку центром генуэзских владений в регионе официально считалась Каффа в Крыму. При этом генуэзцы неоднократно пользовались затруднениями венецианцев, чтобы улучшить положение собственной фактории в Тане и расширить ее [17, с. 136].

рирует и Азак. В частности, египетский энциклопедист XV в. ал-Калкашанди в своем обзоре Золотой Орды со ссылкой на жившего веком ранее другого арабского автора Абу-л-Фида упоминает Азак наравне с такими крупными золотоордынскими областями как Хорезм, Дешт-и Кипчак, Крым, Болгар и др. Также он отмечает, что в состав Азакского «округа» входили города Керчь и Тамань [8, с. 270, 287–288].

Уже это сообщение позволяет сделать некие предварительные предположения об особом статусе Азака в составе Золотой Орды. Они находят подтверждение в ханских ярлыках 1330–1350-х гг. в пользу венецианской колонии Тана. В них мы находим, во-первых, имена наместников Азака: в ярлыке Узбека фигурирует Мухаммад-ходжа ал-Хорезми [7, с. 14], которого также упоминает и арабский путешественник Ибн Баттута [37, с. 284], а в ярлыках Джанибека и Бердибека – Сахи(Зихи)-бей [7, с. 48–49, 188]³. Ряд исследователей ошибочно относят к правителям Азака некоего Хазамера [35, с. 208; 39, с. 101]: на самом деле это – всего лишь житель Азака по имени Ходжа-Омар, чья гибель в 1343 г. от руки знатного венецианца привела к затяжному военному конфликту между Золотой Ордой и итальянскими торговыми республиками. Таким образом, достоверно нам известны имена двух правителей Азова – Мухаммада-ходжи (1330-е гг.) и Сахи-бея (1340–1350-е гг.)

Анализ ярлыков ханов Узбека и Джанибека также позволяет сделать вывод, что азакский наместник в 1330-х – 1350-х гг. не подчинялся еще какому-либо золотоордынскому администратору, получая распоряжения напрямую от хана. Иностранные адресанты оформляли послания наместникам Крыма и Азака одинаково [37, с. 350, 413].

К полномочиям азакского наместника (улус-бека) относилось право прямых дипломатических сношений с иностранными государствами: именно с ним вели переговоры представители Венеции и Генуи, пытаясь восстановить мирные отношения с ханом Джанибеком в 1344 г. [7, с. 102]. Также он обладал судебными полномочиями, в т.ч. и в отношении иностранцев. Ярлык хана Узбека 1332 г. гласил: «Также, если поссорится наш человек с венецианцем и один на другого подаст жалобу, то пусть наш правитель края и соответственно венецианский консул тщательно расследуют конфликт и определяют меру ответственности каждого; и пусть не хватают невинного взамен виновного». В дальнейшем этот статус азакского правителя как высшей судебной инстанции в регионе был подтвержден ярлыками Джанибека 1342 и 1347 гг., а также ярлыком Бердибека 1358 г. [7, с. 28, 73, 120, 166].

³ Его имя А.П. Григорьев предлагает «перевести» как Черкес-ходжа, однако подобный «перевод» представляется слишком смелым допущением.

Административные полномочия азакского наместника были настолько широки, что он мог себе позволить по собственному усмотрению толковать положения ханских указов-ярлыков. Так, несмотря на широкие привилегии, предоставленные ярлыком Узбека венецианской общине в Тане, Мухаммад-ходжа принимал довольно жесткие меры против существенного ее расширения, запрещал строить новые дома и торговые здания, увеличивал налоги и сборы. В результате венецианским властям в 1340 г. пришлось обжаловать его действия самому хану [18, с. 100–101].

Надо полагать, широкие полномочия правителя такого небольшого, в общем-то, улуса объяснялись необходимостью постоянного взаимодействия с иностранцами – торговцами и дипломатами, а также обеспечением безопасности от возможного вторжения. Как следствие, наместник должен был обладать не только гражданской, но и военной властью – неслучайно в источниках упоминаются «войска Азака» [38, с. 164, прим. 2]⁴. В официальной ордынской документации Азак именуется «тюменом» [7, с. 181–182], следовательно его наместник в золотоордынской военной иерархии являлся темником. Также стоит отметить, что после целой серии реформ в финансовой политике Золотой Орды и значительного сокращения числа монетных дворов Азак оставался в качестве такового в 1320–1360-е гг. – наряду с Сараем, Гюлистаном и Хорезмом [4, с. 74; 5, с. 98; 24, с. 17–43; 28, с. 150]. Можно предположить, что это также свидетельствовало об особом статусе Азака и как города, и как улуса.

Столь существенные полномочия азакского улус-бека не могли не вызвать недовольство соседних наместников, возглавлявших куда более обширные улусы – в частности, наместника «округа Крым», сидевшего в Солхате и прежде, до реформы Узбека, по-видимому, осуществлявшего контроль и над администрацией Азака⁵. Так, влиятельный крымский правитель Тоглук-Тимур, не желая лишаться доходов от венецианской торговли в регионе, предложил республике Св. Марка место для фактории в подвластном ему селении Боспоро (совр. Керчь) [18, с. 101–102]⁶. Однако эти действия в

⁴ В связи с этим нельзя не провести параллель с гораздо более поздними событиями: в ходе административно-территориальных реформ Петра I в 1708 г. Россия была поделана на губернии, но только во главе двух из них стояли генерал-губернаторы, т.е. администраторы, обладавшие и гражданской, и военной властью – в Санкт-Петербурге и именно в Азове (генерал-губернатором был назначен адмирал Ф.М. Апраксин).

⁵ В исследовательской литературе Крым и Приазовье рассматривается как единое административное и экономическое пространство [см., напр.: 1].

⁶ Нельзя не обратить внимания на то, что эта информация противоречит вышеприведенному сообщению ал-Калкашанди о том, что Керчь являлась частью Азакского «округа». Впрочем, нельзя исключать, что границы золотоордынских улусов могли изменяться по воле ханов.

течение нескольких десятилетий не влияли на положение азакского правителя, который обеспечивал Золотой Орде возможность продуктивного экономического взаимодействия с западными торговцами, а также постоянный и крупный доход за счет торговых и в особенности транзитных пошлин – сборов с тех европейских купцов, которые отправлялись торговать далее по Великому Шелковому пути. Согласно Ф. Пеголотти, эти налоги являлись довольно значительными – например, за фунт шелка взималось 15 аспров [43, р. 158; см. также: 9, с. 583–584]. Правда, чтобы не уменьшать число торговцев за счет высоких налогов, некоторые виды товаров были освобождены от торговых сборов – в частности, золото, серебро и жемчуг (что находит отражение и в ханских ярлыках, и в сочинении Ф. Пеголотти) [7, с. 27, 73, 120, 165; 43, р. 158; см. также: 44, р. 178–179].

Некоторые ограничения статуса улусного правителя произошли в период кратковременного правления хана Бердибека. В ярлыке этого хана от 1358 г. упоминается, что часть торговых пошлин, взимаемых в Азаке, шла в пользу ханши Тайдулы, вдовы Узбека и, соответственно, бабки самого Бердибека, а также сановника Тоглубая («Товлубия» русских летописей), оказавшего хану значительную поддержку в приходе к власти. Их интересы в Азаке должны были представлять уполномоченные лица, присутствие которых, конечно, не могло не ограничивать властные полномочия азакского наместника [7, с. 165]. В том же 1358 г. хан Бердибек направил ярлык крымскому наместнику Кутлуг-Тимуру, которому предписал вместе с Сахи-беем обратиться к консулу венецианцев в Тане по вопросу компенсации убытков золотоордынским купцам, причиненных венецианцами [7, с. 188]. Учитывая вышеупомянутое право прямых внешних сношений азакского правителя с иностранными государствами, а также и то, что резиденция венецианского консула находилась именно в Тане, нельзя не увидеть в этом ханское намерение строго контролировать деятельность администрации Азака.

Вероятно, действия Бердибека объяснялись отсутствием лояльности Азакского улуса (как и ряда других регионов) по отношению к новому монарху, как известно, пришедшему к власти не вполне легитимным путем. Это предположение подтверждается тем, что в эпоху «Великой замятни», последовавшей после смерти этого хана и длившейся на протяжении всех 1360–1370-х гг., азакские власти, по-видимому, имели собственную политическую позицию, не совпадавшую с той, которую занимали вступавшие на престол в Сарае монархи и другие влиятельные ордынские государственные деятели. Не исключено, что политическая ориентация азакской администрации зависела от поддержки венецианских дипломатов и торговцев Таны. Попытки играть самостоятельную роль в политической жизни смутного времени привели Азак к плачевным результатам: в 1362 г. он был разгромлен Мамаем, провозгласившим ханом Абдаллаха в ущерб

Кильдибеку – узурпатору, на стороне которого выступил и Азак [6, с. 126–129; 40, с. 99], а в 1370 г. вновь подвергся нападению и резне в связи со смертью Абдаллаха и провозглашением хана Мухаммада, нового ставленника Мамай [27]. Надо полагать, именно с этого времени и как раз в связи с этими событиями Азак утратил статус улуса и оказался под контролем крымских наместников, за которыми стоял временщик Мамай. Именно с ним теперь вели переговоры и итальянские торговые республики об очередном предоставлении налоговых льгот для торговли в Азаке [45, р. 39].

На изменение статуса Азака повлияли и экономические факторы: в результате глубокого кризиса он фактически перестал быть центром транзитной торговли, через который торговцы провозили товары с Запада на Востока и наоборот, и стал в большей степени специализироваться на торговле местной рыбой и тканями [13, с. 231]. Также надолго была прекращена чеканка монеты, исчезло металлургическое производство [27, с. 128; 33]. Венецианские торговцы, которые в начале золотоордынской смуты продолжали свою деятельность в полном масштабе, к началу 1370-х гг. стали массово покидать город, что вызывало недовольство Сената [14, с. 165; 17, с. 135]⁷.

Попытки восстановления значения Азака как торгового и транзитного центра были предприняты в период временного объединения Золотой Орды под властью хана Токтамыша. Он восстановил договоры с Венецией и Генуей, уделял много внимания дальнейшему развитию торговли [9, с. 591; 28, с. 151]. Факт его интереса к Азаку подтверждается тем, что здесь после долгого перерыва вновь была начата чеканка монеты [5, с. 100; 24, с. 55–63], а в его противостоянии с Амиром Тимуром как раз и фигурируют вышеупомянутые «войска Азака». Таким образом, можно предположить, что Токтамыш-хан предпринял попытку восстановления статуса Азака как улуса.

Неудивительно, что Амир Тимур, уделявший в своей кампании против Токтамыша большое значение разрушению торговой инфраструктуры Золотой Орды, подверг Азак разорению и фактически полному уничтожению. Тимуридский историк Шараф ад-Дин Йазди приводит «ярлык» Тимура: «Мусульман отпустить, неверных убить!» [41, с. 200]. На первый взгляд, подобное решение вполне вписывалось в идеологию Тимура, считавшего себя ревнителем ислама, а свои походы – священной войной. Однако, учитывая особый статус Азака, нельзя не увидеть в его действиях

⁷ Причиной бегства венецианцев стала беззащитность города в случае нападения. На рубеже 1360–1370-х гг. впервые был поднят вопрос о постройке укреплений вокруг венецианской Таны, однако Сенат решил не тратить на них государственную казну, а предложил возложить затраты на частных лиц, в результате чего стены так и не были построены [17, с. 134–135].

четкое намерение устрасить западных (христианских) торговцев и заставить их отказаться от дальнейшего ведения дел в этом регионе.

Разгром Азака в 1395 г., по-видимому, подвел черту под его историей как золотоордынского города и, тем более, как центра автономного улуса. Спасаясь от постоянных нападений, представители оседлого населения (в частности, весьма значительная армянская диаспора) стали покидать город, а жители-тюрки перешли к полукочевому образу жизни [25, с. 135]. Попытки некоторых золотоордынских ханов возродить экономическую активность в регионе, в т.ч. и путем чеканки здесь монеты [24, с. 68, 72, 73; 30, с. 74], оказались неэффективными.

Однако итальянские торговцы постарались сохранить Азак – Тану как «окошко» из Европы в Азию. Бежав от нашествия Тимура в 1395 г., уже в 1397 г. они стали стихийно возвращаться в Тану, а в 1400 г. венецианский посол официально начал переговоры с ордынскими властями о восстановлении фактории [10, с. 93; 14, с. 166; 17, с. 114, 144].

Венецианец Иосафат Барбаро и кастилец Перо Тафур, побывавшие в Азаке в первой трети XV в., сообщают, что городом в это время, по сути, была только Тана, населенная венецианцами и генуэзцами. В их записках нет сведений о том, чтобы Азаком управлял какой-то ордынский администратор и упоминается лишь, что время от времени к поселению прибывал либо очередной претендент на престол, либо могущественный родоплеменной предводитель кочевников, которые требовали от местного населения выражения покорности и уплаты дани [29, с. 129; 26, с. 140–145]. Эти претензии находили отражение и в чеканке монеты с указанием Азака в качестве монетного двора [31, с. 9].

Таким образом, Азак в течение довольно короткого периода (1330–1360-е гг. и в первой половине 1380-х гг.) являлся центром улуса Золотой Орды, правители которого обладали широкими властными полномочиями, и утратил этот статус в результате политического кризиса, поразившего Улус Джучи во второй половине XIV в., когда вся административная система, созданная ханом Узбеком, была разрушена в результате внутренних смут и иноземных нашествий. Как представляется, приведенные наблюдения могут несколько дополнить представления об административно-правовых аспектах истории Золотой Орды и ее Азакского региона и стимулировать дальнейшие изыскания в данном направлении для подтверждения (или опровержения) высказанных нами предположений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсюхин Е.В., Студитский Я.В. О генезисе некоторых типов монет Крымско-Азакского круга // Труды международных нумизматических конференций «Мо-

неты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». Саратов 2001, Муром 2003. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 165–169.

2. Бартольд В.В. Азак // Бартольд В.В. Работы по исторической географии. М.: Восточная литература, 2002. С. 313.

3. Бочаров С.Г. Археология Венецианской Газарии XIII–XV вв.: определение термина и научное содержание // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4. С. 233–249.

4. Варваровский Ю.Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 128 с.

5. Гончаров Е.Ю. Монетные дворы Улуса Джучидов // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». Саратов 2001, Муром 2003. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 97–102.

6. Григорьев А.П. Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования // Тюркологический сборник. 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 117–168.

7. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. 276 с.

8. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в Энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Восточная литература, 2002. С. 261–302.

9. Ди Козмо Н. Татары и торговцы на черноморской границе в XIII и XIV веках: совпадение интересов и конфликты // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 578–598.

10. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М.: Наука, 1985. 248 с.

11. Еманов А.Г. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Каффа в мировой торговле XIII–XV вв. СПб.: Алетейя, 2018. 368 с.

12. Калан Э. Улус Джучи (Золотая Орда) и страны Востока: торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XIII–XIV вв. Казань: Яз, 2012. 156 с.

13. Карпов С.П. Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359–60 гг.) // Причерноморье в Средние века. Вып. 5. СПб.: Алетейя, 2001. С. 9–26.

14. Карпов С.П. Греки и латиняне в венецианской Тане (середина XIV – середина XV вв.) // Причерноморье в Средние века. Вып. 7. СПб.: Алетейя, 2009. С. 164–173.

15. Карпов С.П. Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот? // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб.: Алетейя, 2001. С. 220–238.

16. Карпов С.П. Латинская Романия. СПб.: Алетейя, 2000. 256 с.

17. Ковалевский М.М. К ранней истории Азова // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. Т. II. М., 1905. С. 109–174.

18. [Колли Л.П.] Извлечение из сочинения Вильгельма Гейда «История торговли Востока в Средние века (Колонии на северном побережье Черного моря.

Конец западных колоний северного побережья Черного моря)» // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 52. 1915. С. 68–185.

19. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 2009. 223 с.

20. Кравченко С.А. Топография гончарного производства Азака // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова / Под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. Казань; Ялта; Кишинев: Stratum plus, 2016. С. 284–286.

21. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. 496 с.

22. Малышев А.Б. Армяне в этнокультурных взаимодействиях на территории Золотой Орды // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. 2016. Т. 16. № 3. С. 253–261.

23. Малышев А. Деятельность католиков на Волжском пути в золотоордынский период // Великий Волжский Путь: Развитие культурных и этноконфессиональных контактов. Материалы Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». Казань – Астрахань – Казань, 6–16 августа 2001 г. Ч. III. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2002. С. 72–84.

24. Марков А.К. Монеты Джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 120 с.

25. Масловский А.Н. Армяне в золотоордынском Азаке // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы III Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2018 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 133–136.

26. Масловский А.Н. Заметки по топографии золотоордынского города Азака // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum plus, 2015. С. 383–409.

27. Масловский А.Н. Резня 1370 года в Азаке // Донской временник. Год 2015-й. Ростов-на-Дону: Донская государственная публичная библиотека, 2014. Вып. 23. С. 125–131

28. Миргалеев И.М. Восстановление северного маршрута Шелкового пути после смуты 60–70-х годов XIV века // Исламский фактор в интеграционных процессах Великого Шелкового пути. Материалы II Международной научно-богословской конференции «Духовный Шелковый путь. Созидание. Интеграция». Болгар – Казань, 3–5 сентября 2017 г. Казань: Исламская книга, 2018. С. 149–152.

29. Перо Тафур. Странствия и путешествия / Пер., пред. и коммент. Д.К. Массиеля Санчеса. М.: Индрик, 2006. 296 с.

30. Пипериди К.Л. Азакская серебряная монета Тимур Кутлуга (краткое сообщение) // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Труды Международных нумизматических конференций. IV МНК – Болгар 2005, V МНК – Волгоград 2006. М.: Нумизматическая литература, 2008. С. 74.

31. Пипериди К.Л. Две неизданные монеты Азака XV в. из случайных находок на территории Солхата // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Труды Международной нумизматической конференции.

III МНК – Старый Крым, 3–9 октября 2004. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 9.

32. Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды. Историко-правовые очерки. М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.

33. Рязанов С.В. Международные отношения и судьба технических изобретений (чугун в Азаке, XIV в.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века. Тезисы докладов VII международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 1994. С. 102–103.

34. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Сост., рус. пер., введ. и прим. Т.Э. Саргсян. Симферополь: Сонат, 2010. 312 с.

35. Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 232 с.

36. Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. М.: Наука, 1971. 276 с.

37. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Изд. гр. С.Г. Строгановым, 1884. 564 с.

38. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

39. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. 180 с.

40. Фомичев Н.М. Клад монет из побоища в Азаке времен «великой замятни» в Орде // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 12–24 апреля 2004 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2004. С. 98–99.

41. Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме. Книга побед Амира Темура / Пер. со староузб., пред., коммент. и указ. А. Ахмедова. Ташкент: SAN'AT, 2008. 486 с.

42. Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 / Пер. с нем., и коммент. М.С. Гатина. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.

43. Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China / Transl. and ed. by H. Yule; rev. by H. Cordier. Vol. III. London: The Hakluyt Society, 1914. 270 p.

44. Lopez R.S. European Merchants in the Medieval Indies: The Evidence of Commercial Documents // The Journal of Economic History. Vol. 3. No. 2. Nov. 1943. P. 164–184.

45. Pubblici L. Antagonism and Coexistence. Local Population and Western Merchants On Venetian Azov Sea in the 14th century // Russia, Oriente slavo e Occidente europeo Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà letteraria. Firenze University Press, 2017. P. 25–48.

Сведения об авторе:

Роман Юлианович Почекаев – кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4192-3528, ResearcherID: K-2921-2015. E-mail: rpochekaev@hse.ru

Термин «Восточная страна» в письменных источниках

Статья содержит попытку определить использование термина «Восточная страна» и ряда связанных с ней обстоятельств. Русское летописание содержит ряд семантических разнородных элементов, использование которых формировали на протяжении XIII–XV вв. русско-ордынские отношения. Выяснение происхождения рассматриваемого термина позволяет определить, как древнерусские книжники создавали образы золотоордынских ханов, а также тех территорий, откуда, по их мнению, происходили татары. С этим же направлением можно увязать и происхождение ряда частных вопросов, например, географической локализации города Орнач, упоминание которого в памятниках Куликовского цикла, маркировало победу русского оружия.

Ключевые слова: Восточная страна, Орнач, летописи, Золотая Орда, историография

Среди множества названий улуса Джучи (Большая Орда, Золотая Орда, Великая Орда, «Воложское царство» и др.) отдельно стоит отметить употребление в ряде сообщений термина «Восточная страна» применительно к частным событиям золотоордынской истории. Не менее показательны и «Воложское царство», фигурирующее на страницах летописей и летописных повестей в эпоху Великой Замятни и в период правления Токтамыш-хана, но его анализ должен быть предметом отдельного исследования.

Применительно к золотоордынской истории термин фигурирует при описании в 1346 г. эпидемии, коснувшейся многочисленных территорий Евразии. Наиболее полно сообщение выглядит следующим образом: «Того же лета бысть казнь от Бога на люди под восточною страною в орде и в Орначи, и в Сарай, и в Бездеже, и в прочих градах и странах бысть мор велик на люди, на Бесермены и на Татары, и на Армены, и на Обезы, и на Жидаы, и на Фрязы, и на Черкассы, и на прочая человеки, тамо живущая в них. Тол же силен бысть мор в них, яко не бе мощно живым мертвых погребати» [24, с. 95; 28, с. 175]. Приводимый отрывок фиксируется в большинстве русских летописей, однако содержание известий далеко неоднородно.

В наиболее ранних летописях представлена краткая версия, где религиозный контекст наиболее выражен. Сама эпидемия сравнивается с божьим промыслом, а ее итог – с «казнями египетскими» [17, с. 276; 18, с. 225; 19, стб. 419]. Близкие сообщения содержат также летопись Авраамки и Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского [23, стб.78; 37,

с. 115–116]. В Новгородской первой летописи этот отрывок отсутствует вообще [9, с. 346; 10, с. 358; 16, с. 83]. Общерусское летописание, за исключением Московского летописного свода конца XV века, сосредотачивается на упоминании «мора», географии эпидемии, а также ее итогов, но при этом эсхатологический элемент сводится на нет [20, с. 210; 21, с. 217; 22, стб. 57, 24, с. 95; 25, с. 184; 26, с. 108; 31, с. 71, 232; 32, с. 108; 33, с. 83].

Региональное, а также позднее летописание (вологодское, устюжское, Густынская летопись и др., за исключением Холмогорской летописи) не фиксирует отрывок о «море» [27, с. 118; 29, с. 115; 30, с. 65, 239; 35, с. 72; 36, с. 129].

Здесь для нас интересно, в первую очередь, упоминание «восточной страны», часть территории, которая, безусловно, относится к Золотой Орде. Между тем трудно сказать, что именно древнерусский книжник вкладывал в это понятие. Определенная связь прослеживается при упоминании Сарая, «Орнача», «Бездежа», «Хазторокани», а также в трех случаях – Орды [22, стб. 57; 24, с. 95; 32, с. 108]. Если «Бездеж» и «Хазторокань» удовлетворительно соотносятся с Бельджаменом и Хаджи-Тарханом (Астраханью – прим), то географическая локализация «Орнача» вызывает определенные трудности.

В исследовательской литературе вопрос локализации топонима рассматривается в соответствии с текстом Задонщины, а именно с вести о победе Дмитрия Донского: «Понеслась слава к Железным Воротам, и к Орначу, к Риму, к Кафе по морю, и к Тырнову, а оттуда к Царьграду на похвалу русским князьям» [2, с. 111]. Специалистами этот отрывок во многом использовался для датировки летописной повести [7, с. 220–221; 8, с. 237]. Г.Н. Моисеева провела географическую реконструкцию отрывка, связав Орнач и Железные ворота (Дербент – прим) с границами Золотой Орды во время Куликовской битвы [7, с. 224–225]. По версии А.Л. Никитина, использование большинства городов составителем связывается с падением от рук иноземных/иноверных завоевателей [8, с. 237].

Иную трактовку в своей статье предложил Е.В. Кирсанов, рассматривая историографическую традицию локализации города Русия. Опираясь на сообщение Плано Карпини, а также на мнения предыдущих исследователей, Е.В. Кирсанов рассуждает о локализации данного города на Дону [5, с. 57–58]. Приводимые Плано Карпини города Бархин и Янкинт [38, с. 46, 72–73] исследователь также располагает на реках Волга и Дон. Интересно и то, что исследователем игнорируется вторая часть географического сообщения Карпини [38, с. 73], а также комментарии А.И. Малеина [38, с. 209 прим. 94]. Этимологию слова «Орнач» Е.В. Кирсанов связывает странным образом с разбираемым им городом Русия: причем в летопись «название попало через европейские источники: сначала европейский автор искажил имя «Руян» до «Орн», затем записал его на латинский манер

«Орнас». После этого название возвращается в русские источники, будучи прочитано, как «Орнач» [5, с. 58]. Подобные увлекательные этимологические путешествия не несут в себе рационального исторического зерна, предлагая нам механическое смешивание названий в хронологически разновременных источниках.

Т.Ф. Хайдаров, рассматривая летописный отрывок, предлагает видеть в нем золотоордынский город на Северном Кавказе, либо же на Дону [40, с. 192]. Касательного донского варианта, исследователь опирается на уже цитировавшуюся выше статью Г.Н. Моисеевой. Однако приводимая ей карта Фра Мауро помещает город Organsa (Орнач по версии Т.Ф. Хайдарова – прим.) не в устье Дона, а в Приаралье, что географически ближе к Ургенчу [7, с. 226].

Т.Ф. Хайдаров также предлагает вариант размещения Орнача на Северном Кавказе, основываясь на сообщении Ханса Шильтбергера о визите в город Оригенс на реке Эдил, расположенном между Железными Воротами и Джулатом [43, с. 33–34]. Надежнее видеть под «Эдилом» Волгу, но учитывая географию путешествия пленного баварского солдата в «Татарию», уместнее говорить о берегах р. Терек. Отметим, что «Оригенс» – это перевод со старонемецкого, выполненного Ф.К. Бруном. В оригинале указан «Orgentz» [44, р.38], что значительно сближает с Organsa Фра Мауро, но при этом он размещается гораздо западнее последнего. Все вышесказанное рождает известную неопределенность в трактовке, на что также указывает и Т.Ф. Хайдаров

Неоднородным выглядит упоминание города и в русском летописании: помимо наиболее распространенного «Орнач» разные летописи также упоминают «Ворнац» (в наиболее раннем варианте отрывка – прим.) [17, с. 276], а также «Орнац» [23, стб.78]. Орнач также фигурирует среди завоеванных Тимуром городов и местностей в «Повести о Темир-Аксаке». Также город упоминается и в статье «Татарским землям имена», составленной в начале XVI в. и имеющей большое текстуальное сходство с «Повестью о Темир-аксаке» [4, с. 253–254].

При всей неясности локализации вышеупомянутых топонимов, мы все же склонны отождествлять Орнач с Ургенчем. И речь в данном случае во все не в достаточно убедительной локализации Орнаса Плано Карпини, а в идеологических стремлениях древнерусских книжников. Столь часто цитируемая в исследовательской литературе «шибла слава» о поражении Мамай в «Задонщине» не случайно отмечает этот город. Как мы уже говорили выше, Орнач упоминается здесь наряду с Римом, Царьградом и Кафой, т.е. представляет собой одну из узловых географических точек, весть об успехах оружия в которые должны были продемонстрировать всемирно-историческое значение военного события 1380 г. Несколько сложнее с

упоминанием Орнача, пострадавшем от чумы, но как мы покажем ниже, все вышеупомянутые свидетельства содержат немаловажные сходства.

Одной из многочисленных тем в приведенном летописном отрывке 1346 г. выступает упоминание «Восточной страны», имеющей в своей основе ярко выраженный космографический базис. В ряде повестей Куликовского цикла «Восточная страна» выступает как прародина не только татар, но и их легендарных предков: «Пойдем братья, в северную сторону – удел сына Ноева Афета, от которого берет свое начало православный русский народ. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. И после того посмотрим на земли восточные – удел сына Ноева Сима, от которого пошли хинове – поганые татары, басурманы. Вот они-то на реке на Каяле и одолели род Афетов» [2, с. 105]. В исследовательской литературе подобное разделение определяется происхождением из космографической части Повести временных лет (ПВЛ) [11, с. 43–44]. Согласно ПВЛ, после легендарного потопа дети Ноя разделили между собой земли: Хаму досталась «полуденная часть», Симу – «восточная», Афету – «полунощная и западная» [15, стб. 2–4]. Отождествление русских и татар с разными родами детей Ноя не случайно: вторжение последних из «Восточной страны» в «полунощные» является лейтмотивом выстраиваемого древнерусскими книжниками противостояния.

Отождествление татар с «Восточной страной» прослеживается и в ряде других литературных памятников. Так, описывая события 1237 г., Лаврентьевская летопись сообщает о «безбожных татарах», что двинулись «из восточных стран, и пленили сначала Булгарскую землю» [1, с. 199]. Кратко упоминая о Чингиз-хане, Галицко-Волынская летопись указывает: «Бог повернул татар назад на восточную землю, и они завоевали землю Тангутскую и иные страны. Тогда же их Чингисхан был убит тангутами» [1, с. 207].

«Житие Александра Невского», излагая события после Западного похода, несколько детализирует рассматриваемый термин: «В то же время был в Восточной стране сильный царь, которому покорил Бог народы многие, от востока и до запада. Тот царь, прослышав о такой славе и храбрости Александра, отправил к нему послов и сказал: «Александр, знаешь ли, что Бог покорил мне многие народы? Что же – один ты не хочешь мне покориться? Но если хочешь сохранить землю свою, то приезжай скорее ко мне и увидишь славу царства моего».

Решил князь Александр пойти к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл...» [1, с. 367]. Под «Восточной страной» здесь явно подразумевается Золотая Орда, а царем является Бату.

Восточным царем в Сказании о Мамаевом побоище выступает и Мамай [2, с. 141, 145]. Причем в некоторых списках он упоминается как восточный крымский царь [42, с. 263], и этот факт использовался в исследо-

вательской литературе как обозначение домена ордынского темника [14, с. 144–145].

На наш взгляд, рассматриваемый отрывок имеет текстуальное сходство с описанием жизнедеятельности Тимура в «Повести о Темир-Аксаке». В первую очередь он приходит «из восточной страны, из Синей Орды, из Самаркандской земли» [2, с. 231]. Перечисление его завоеваний представляет контаминацию как реально существующих городов и местностей, так и ряд «артефактов», среди которых «Ассирия» и «Вавилонское царство». Упоминание «Орнача», «Обезов» и «Сарая Великого» наводит на мысль об использовании некоего шаблона при описании составителем ряда неизвестных ему территорий [29, с. 233]. То же можно сказать, вспоминая памятники Куликовского цикла: если в основной редакции Сказания о Мамаевом побоище, «царь по имени Тохтамыш с востока, из самой Синей Орды, идет на него» (на Мамаю – прим), то в одной из редакций упоминается «...с восточныя страны из Синие Орды...» [2, с. 137, 189; 42, с. 364].

Но в данном случае трудно говорить о соотношении «Восточной страны» с Золотой Ордой. Резонно предполагать, что составитель повести, зная в целом библейские сюжеты о разделении земель, лишь обозначал вектор движения Тимура и Токтамыша, оконтурив их начальную точку. Успехи Токтамыша в летописных повестях связываются не только с разгромом Мамаю, но и его восшествии «на царстве Волжском»¹ [2, с. 137]. По мнению Ю.Е. Варваровского, «царство Волжское» стало употребляться в русских летописях со времени правления Науруза (1359–1360 гг.), и связан этот факт с политическим обособлением Мамаю [3, с. 75]. Отчасти это действительно так, но термин также фигурирует и в описании правления Токтамыш-хана, так что его трактовка может быть значительно расширена.

Рассматриваемый термин не ограничивается лишь общерусским описанием: он также присутствует в первом хорографическом описании сибирских земель, а также в корпусе сибирских летописей.

Первый источник носит название – Сказание «О человецех незнаемых в Восточней стране» и содержит краткое описание народа самоедов, проживающих «на Восточной стране, за Югорскою землею» [12, с. 78]. Проблемы датировки сочинения не раз рассматривались в исследовательской литературе. Один из ранних публикаторов, А.Титов датировал сочинение концом XV века [39, с. III]. А.И. Плигузов уточнил датировку 1483-м годом, обозначив Сказание как один из итогов экспедиции московских воевод на Обь [12, с. 48–53]. При этом, по мнению исследователя, центральной частью «Восточной страны» является Югра, либо же в целом Сибирь [13, с. 119], но с этим вряд ли можно согласиться, учитывая практику ис-

¹ В краткой редакции: «Царь же Тахтамыш сяде в Орде Мамаеве и царицы и имение его взя и все князи русстии послаша к нему з дары» [42, с. 364].

пользования термина. Безусловно, составитель Сказания также ориентировался на космографию ПВЛ, что подтверждает и второй источник, а именно, тексты сибирских летописей.

Еще А.И. Плигузовым было обращено внимание на использование «полунощной» и «Восточной страны» в Есиповской летописи [12, с. 38, прим. 54]. К примеру, ряд списков буквально «вписывают» Сибирь в новые географические реалии: «Страна Сибирская то Московского государства на восточную страну расстояние и места имеет от Москвы 2000 поприщъ» [34, с. 32, 37, 43, 73, 107]. При этом сама «Сибирская земля» определяется летописцем как «полунощная» [34, с. 43, 75]. В титовской редакции Есиповской летописи идет прямая отсылка к ветхозаветным сюжетам: «Сия убо Сибирская страна полунощия, от сотворения мира и по потопе и по ишествии из ковчега праведнаго Ноя и сынов его, Сима, Хама и Афета, и по разделении всея земли на три части сыновом своим праведнаго Ноя, и даде сию Сибирскую землю в часть и во жребие старейшему сыну своему Симу, в нарицаемую Азию» [34, с. 80]. На наш взгляд, этой космографической отсылкой автор объясняет присутствие татар в Сибири. В таком же идеологическом фоне стоит оценивать сюжет Сказания. Безусловно, составитель вписал известные ему северные народы в легендарный контекст «Восточной страны». Аналогичный легендарный географический сюжет присутствует и в тобольском списке Книги Большому Чертежу 1673 г.: «А писан чертеж государства Московского царьства и всея Руския земли и иных многих государств. Меру землям и расстояния с восточныя страны от царьства Китаиского и реки Лены на западныя страны до Киева и Литовскыя земли, и до Царяграда, а с полуденны страны от Хвалымского моря от царьства Астраханского и Перс на север страны Соловецкого моря и Мангачеиской» [6, с. 27, прим. 4, с. 184]. Но здесь легендарные жребии детей Ноя уже не выступают неизвестными территориями: они инкорпорированы в состав постоянно расширяющегося Московского царства.

Все вышесказанное подводит нас к новой трактовке летописного отрывка, содержащего свидетельства ужасов «мора». Сложно согласиться с присутствующим в исследовательской литературе мнением, что описываемая под 1346-м годом чума способствовала появлению в сознании русских людей мысли «о скором освобождении от монголо-татарского ига» [41, с. 48].

Сложно сказать, действительно ли русский книжник, употребляя термин, подразумевал его в качестве еще одного названия Золотой Орды. Скорее мы можем понимать «Восточную страну» как некую общую прародину для татар, берущую начало в ветхозаветной космографии, которая впоследствии была пропущена сквозь призму формировавшихся русско-ордынских отношений. Не исключено, что описываемая в летописях чума могла являться частью не дошедшей до нас летописной повести. Об этом сообщают как перечисление пострадавших областей и городов, во многом схожих с

сюжетом «Повести о Темир-Аксаке», так и упоминание «Восточной страны» в целом. Последний термин фигурирует в основном повестях, вошедших как в состав русских летописей, так и известных по отдельным спискам. Исключение разве что составляет Галицко-Волынская летопись. Приведенный выше анализ вариантов описания чумы показывает постепенное уменьшение религиозного контекста, который в общерусских летописных сводах конца XV – середины XVI вв. практически исчезает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII в. СПб., 1997. 528 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. XIV – середина XV в. СПб., 1999. 584 с.
3. Варваровский Ю.Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань, 2008. 128 с.
4. Казакова Н.А. «Татарским землям имена» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXIV. Л., 1979. С. 253–256.
5. Кирсанов Е.В. Горол Русия в отечественной историографии // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 1 (35). С. 55–68.
6. Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950. 230 с.
7. Моисеева Г.Н. К вопросу о датировке «Задонщины» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXIV. Л., 1979. С. 220–239.
8. Никитин А.Л. Место Кирилло-Белозерского списка в рукописной истории «Задонщины» // Герменевтика древнерусской литературы. 2000. № 10. С. 231–241.
9. Новгородская летопись по синодальному харатейному списку. СПб., 1888. 490 с. + XXXVI с. примеч.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. 561 с.
11. Петрухин В.Я. «Русь и все языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011. 384 с.
12. Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.: Ньютонвиль, 1993. 160 с.
13. Плигузов А.И. Новый список Сказания «О человецех незнаемых» // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 117–125.
14. Почекаев Р.Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб., 2010. 288 с.
15. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 938 стб.
16. ПСРЛ. Т. 3. Вып. IV. Новгородские летописи. СПб., 1841. 308 с.
17. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг., 1915. 320 с.
18. ПСРЛ. Т. 5. Псковские и софийские летописи. СПб., 1851. 277 с.
19. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. 312 с.
20. ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. 346 с.

21. ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никонской летописью. СПб., 1885. 244 с.
22. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Пг., 1922. 215 с.
23. ПСРЛ. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889. 320 стб + 69 с. примеч.
24. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.
25. ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910. 419 с.
26. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910. 240 с.
27. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921. 274 с.
28. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л., 1949. 464 с.
29. ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л., 1959. 415 с.
30. ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. М., 2007. 418 с.
31. ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.-Л., 1963. 413 с.
32. ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. М., 1965. 240 с.
33. ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977. 251 с.
34. ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. М., 1987. 383 с.
35. ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. 228 с.
36. ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003. 202 с.
37. ПСРЛ. Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М., 2004. 368 с.
38. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. 270 с.
39. Титов А. Сибирь в XVII веке. М., 1890. 216 с. + XXIII с. примеч.
40. Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). Казань, 2018. 304 с.
41. Черный В.Д. Куликовская битва: запечатленная память. М., 2008. 336 с.
42. Шамбинаго С.К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. 375 с. + 190 с. примеч.
43. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке. Баку, 1984. 88 с.
44. Schiltbergers H. Reisebuch. Tubingen, 1883. 200 p.

Сведения об авторе:

Алексей Владимирович Парунин – научный сотрудник Фонда содействия сохранению культурного наследия «Общественный фонд «Южный Урал» (Челябинск, Российская Федерация). E-mail: therion12399@gmail.com

Улус Джучи (Золотая Орда) и Русское государство. Опыт евразийской интеграции Средневековья

В статье представлен опыт евразийской интеграции Средневековья. Отмечается, что история Евразии представляет собой смену периодов интеграции и дезинтеграции ее как единого культурного, экономического и политического пространства. Опыт системы управления, культурной и экономической политики Улуса Джучи Монгольской империи, непосредственно повлиявшей на развитие русского государства, позволяют выделить следующие основы евразийской цивилизационной общности: ценность единой евразийской государственности и культуры, общенационального единства, сильной централизованной власти, сохранения этнокультурного своеобразия территорий и народов Евразии, принципы этно-конфессиональной толерантности

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, Русское государство, этнокультурные процессы в Евразии, постимперские процессы, евразийская интеграция

Анализируя перспективы евразийской интеграции в XXI в., стоит рассмотреть историческое основание этого процесса в период средневековья.

История Евразии представляет собой смену периодов интеграции и дезинтеграции ее как единого культурного, экономического и политического пространства. Для формирования евразийской историко-культурной общности имелись существенные природные предпосылки. Раньше всего сближение произошло в степном поясе и непосредственно примыкавших к нему с севера и с юга территориях. Значительная близость культур этой зоны (даже у неродственных народов) весьма отчетливо проявилась уже в I тыс. до н.э.

«Вечный Эль тюрок» (Тюркский каганат) стал первой евразийской империей распространившейся к 576 году от Маньчжурии и Жёлтой реки до Кавказа и Боспора Киммерийского (Керченского пролива). Тюрки стали хозяевами значительной части Шелкового пути связывавшего Китай и страны Средиземноморья. Именно в Тюркском каганате впервые обозначилось становление евразийской имперской традиции. Это проявилось в формах социальной и политической организации, в идеологии, в материальной культуре, в языковой ситуации. Однако самый масштабный евразийский проект, аккумулировавший весь опыт предыдущих эпох, был реализован во времена Великой Монгольской империи.

Империя и ее Улусы держались не только на военной силе. Существовал и естественный экономический базис. Империя уничтожила внутренние границы, обеспечила безопасность на дорогах, способствовала развитию трансконтинентальной караванной торговли. Отмечается подъем регионального, местного ремесла и промыслов. Товарооборот между Поволжьем, Средней Азией, Китаем, Кавказом, Ираном, Восточной и Западной Европой достиг во второй половине XIII и XIV веках доселе невиданной интенсивности [23].

Эпоха Монгольской империи стала кардинальной вехой в истории Евразии, заложив основы современного мира. Становление России, Ирана, Китая, стран Центральной Азии и Кавказа, формирование их сложной этнической карты, являются во многом следствием пребывания их в составе Монгольской империи.

Современные исторические, археологические и этнографические исследования позволяют выделить следующие аспекты евразийской интеграции в период Монгольской империи:

- а) политическая трансформация мира, миграции, ассимиляции, рождение новых этносов и уход с политической арены старых;
- б) трансконтинентальная и региональная торговля;
- в) города как административные, торговые и производственные центры, очаги имперской культуры;
- г) синтез культурных традиций разных народов Евразии в архитектуре, ремесле и технологии, науке, философии, литературе, живописи, музыке, быту, одежде;
- д) процесс формирования общеимперской культуры и имперское наследие.

Особенно интересным является осмысление влияния Улуса Джучи на развитие России.

Проблема монголо-татарского влияния на становление и развитие российского государства всегда являлась одной из центральных в российской исторической науке. Ожесточенные споры шли среди историков и в XIX и в XX вв., продолжаютс я они и в настоящее время. Не секрет, что во многом спокойному и объективному анализу подчас мешали определенные методологические принципы и идеологические установки, а иногда и просто предвзятое отношение к вопросу.

Уже историки XIX – начала XX в. сформулировали два подхода к проблеме. С.М. Соловьев и В.О. Ключевский сделали лишь небольшие общие замечания о важности политики ханов в объединении Руси, но в целом практически проигнорировали ордынский элемент в русской истории. Н.Н. Карамзин, Н.И. Костомаров, Ф.И. Леонтович, Н.А. Полевой, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, М.С. Грушевский, напротив, придавали большое значение монголо-татарскому влиянию.

Н.Н. Карамзин отмечал: «Изменился внутренний порядок государственный: все, что имело вид свободы и древних гражданских прав, стеснилось, исчезло... Но открылся новый порядок вещей, дальнейшее наблюдение открывает и в самом зле причину блага, и в самом разрушении пользу целостности. Величием своим Москва обязана ханам» [24, с. 384].

Н.И. Костомаров подчеркнул роль ханских ярлыков в укреплении власти Московского великого князя внутри своего государства [28, с. 47].

Представители «государственной школы» К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, К.Н. Бестужев-Рюмин, А.Е. Пресняков и др. связывали с влиянием Улуса Джучи замену на Руси родового землевладения на вотчину. Отмечая, что в домонгольской Руси, князь был не собственником государства, а лишь суверенным правителем: «Частная собственность князя существовала наряду с частной собственностью бояр и нисколько не стесняла последней. Только в монгольский период появляется понятие о князе не только как о государе, но и как о владельце всей земли» [13, с. 150].

Н.А. Полевой, а также Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев считали, что азиатский мир ближе России, чем Европа, и что период нахождения России в составе Монгольской империи был более для нее полезен, чем последующая европеизация.

Исследователи XX – начала XXI в., исходя из различия методологических подходов, также разделяются на две больших группы: «европоцентристы» и «евразийцы».

Авторы, стоящие на европоцентристских позициях, видят в монголо-татарском влиянии исключительно разрушительные тенденции, рассматривая период пребывания русских земель в составе Улуса Джучи Монгольской империи, как национальную катастрофу, отбросившую Россию в «сень варварства», и, ставшую причиной ее технического отставания от магистрального пути развития, представленного странами Европы (В.П. Пашуто, М.И. Тихомиров, В.В. Каргалов, Л.В. Черепнин и др.) [25; 35; 45; 62].

Вторую точку зрения, «евразийскую», представляют труды отечественных востоковедов и специалистов по российской истории, рассматривающие вопрос о монголо-татарском влиянии с точки зрения диалектического взаимодействия народов Евразии и становления России как евразийского государства. Подход данных авторов отличается панорамностью взгляда на развитие России в контексте всемирной истории. Они поставили вопрос о пересмотре распространенного положения о России как «отсталой», «периферийной» части Европы, основная историческая миссия которой сдерживать натиск «дикого восточного варварства».

Вместо сомнительной «заслуги» перед Европой быть стеной на пути «деструктивной азиатчины», евразийски ориентированными авторами предлагается картина самостоятельной, полноценной и поступательной

истории русского народа во взаимодействии с другими народами, населяющими евразийское пространство. При этом, данные авторы рассматривают Монгольскую империю не как варварскую все разрушающую паразитическую силу, а как системообразующий фактор в становлении единого евразийского этнического, политического и культурного пространства, «колыбель народов Евразии».

Так, Н.С. Трубецкой отмечал заимствования в духовной сфере, быте и языке, а также и то, что «большая чингисхановская государственная идея», её величие произвели на русских самое сильное впечатление. Параллельно с усвоением техники монгольской государственности в результате «татарского ига» в России произошло усвоение самого духа этой государственности, того идейного замысла, который лежал в её основе [57, с. 285].

«Собирание власти» и «собираение земель», о которых писали Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев, виделось Н.С. Трубецкому совсем из другого центра – из золотоордынской ставки, поскольку Москва рассматривалась как часть Улуса Джучи Монгольской империи. Поэтому не столько «возвышение Москвы» было причиной перехода к новой государственной системе, сколько ослабление и разложение Монгольской империи и ее Улусов, которые, в свою очередь, имели причиной ее внутреннюю слабость. В ней не было прочного идейно-религиозного обоснования, а скрепляющий ее кочевой быт рано или поздно должен был уступить место оседлому. Н.С. Трубецкой утверждал и персональную преемственность монгольской и московской государственности, показателем чего являлся переход татарских вельмож и чиновников, на московскую службу [57, с. 280].

Более того, можно признать факт, отмеченный С.Г. Пушкиревым, что любое соприкосновение Руси с Западным миром, часто вело к войне на взаимоистребление (война с Ливонским орденом, шведами, поляками и др.). И, наоборот, русские смешивались с татарами, многие татарские царицы крестились и переходили на русскую службу, а общее количество татар на службе у царя на рубеже XVI–XVII вв. составляло около 50 тысяч человек. «Таким образом, если Россия защищала Европу от татар, то с другой стороны, татары защищали Россию от Европы» [49, с. 73].

Г.В. Вернадский считал, что влияние Монгольской империи на Россию отразилось в политической жизни (авторитаризм), социальных отношениях (крепостничество), экономике (участие в международном торговом обороте), налоговой и судебной системе, организации служилой администрации, в армейской науке, а также в посольском и придворном этикете [8, с. 390–394]. Главные последствия подчинения Руси монголами он видел во вхождении ее в мировой политический, социальный, экономический и культурный оборот («Монгольское иго вызвало русский народ из провинциализма исторического бытия мелких разрозненных племенных и городских княжеств удельного периода на широкую дорогу государствен-

ности» [9, с. 242]); сохранение национальной государственности и культуры (в отличие от Западной Руси, попавшей под «польско-литовское иго») и преемственность в геополитическом развитии Российской империи – наследницы Монгольской империи.

Как уже было отмечено, становление новой российской идентичности и основы евразийского мироощущения в России уходят корнями в монгольский период русской истории, завершившийся метаморфозой позиционирования московских великих князей из данников, в «наследников Чингисхана». Важнейшую информацию о преемственности Российского государства и Монгольской империи содержат памятники письменности Руси XIII–XVI вв. Существенное место в них занимают представления о роли прирождённого полновластного «татарского царя» в жизни московского великокняжеского дома как всеобщего властителя, занимающего вершину иерархии властной вертикали: «царь – великий князь – князь».

Зависимость от Орды просуществовала два с половиной столетия, сохраняясь даже после распада Золотой Орды на ряд ханств. Причина такой длительности и стойкости отношений зависимости – в особенностях мировосприятия эпохи. В отличие от других завоеванных стран, где монголы осели и правили непосредственно, русские земли сохранили в главных чертах свою общественно-политическую структуру, в них продолжали управлять собственные князья. Изменение во властвовании свелось к появлению вне пределов Руси источника верховной власти – хана Золотой Орды. На Руси он именовался царем, т.е. титулом более высоким, чем кто-либо из русских князей, и ранее последовательно применявшимся только к императорам Византии и Священной Римской империи. Золотая Орда, таким образом, заняла в мировосприятии место мировой державы (в середине XIII в. временно пустовавшее в результате захвата столицы Византийской империи Константинополя в 1204 г. западными крестоносцами) [11, с. 134–137]. Зависимость от ордынского «царя» стала традиционной нормой. В Великороссии согласились с тем, что Русская земля стала землей «Канови и Батыева», т.е. признали сюзеренитет монгольского хана и Батыева как старшего в роде Борджигинов, и что «не подобает на ней жити не поклонившимся им» [51, с. 228].

Ордынская государственность вплоть до конца XV в. воспринималась как природная династическая власть, а не как чужеродное иго. В произведениях русской письменности XIII–XIV вв. отсутствуют уничижительные эпитеты по отношению к законным правителям Орды, уважительно именовавшимся «царями» [12, с. 89]. Древнерусские книжники также обосновывали установление монгольской власти православным учением об ордынском царе как о вершителе божественного возмездия. Таким образом, «ордынское царство» было вовлечено в контекст библейской, римско-византийской и древнерусской истории. Вместе с тем анализ источников

свидетельствует, что основы русско-ордынских отношений не сводились к теории «божьего попущения». Власть чингизидов-джучидов над Русью основывалась не только на силе, но прежде всего на праве. Монгольско-русское царство представлено в русских источниках джучидских времён династическим государством, право на верховную власть в котором принадлежало царскому дому чингизидов [44, с. 594].

Восприятие периода существования русских княжеств под монгольской властью в свете современных источниковедческих и археологических исследований получило новую оценку. Благодаря применению методов математического анализа летописных свидетельств А.О. Астайкиным был разоблачен миф о «тотальной разрухе русских княжеств и непрерывных набегах татар». Было доказано, что монгольские набеги 1237–1480 гг., при кажущейся их плотности, не охватывали всю территорию Руси ни географически, ни хронологически. Многие города или совсем не разорялись, или разорялись менее двух раз за 243 года властвования монголов. Сильно пострадали лишь 11 из 72 городов Северо-Восточной Руси. Причем 8 из этих 11 за 243 года имели периоды непрерывного спокойствия по 60–100 лет. Кроме того, большая часть набегов совершалась с участием русских и по их же приглашению и отражает борьбу за власть внутри дома потомков Ярослава Всеволодовича и Александра Невского. Таким образом, не отрицая вреда хозяйству страны, причиненного военными столкновениями сторон, не стоит его преувеличивать, так как русское государство при этом имело возможности развиваться, вести внешние и внутренние войны [2, с. 554].

Кроме того, современные исследователи указывают на большую роль мирных, торговых и культурных взаимодействий народов в Золотой Орде [21]. Насколько были тесными торговые отношения между северо-восточной Русью и Востоком, свидетельствует не в последнюю очередь внешний вид знатного населения Владимиро-Суздальской земли, который приобрел восточные черты в одежде и вооружении [34, с. 160].

Можно согласиться с исследователем технологических революций как фактора развития мировых цивилизаций, С.А. Нефедовым, что «помимо чисто практической роли одежда – в особенности парадная – играет также роль этнокультурного маркера. Знать слабых государств в своей одежде старается подражать аристократии сильных государств, чтобы таким образом приблизиться к ней и, может быть, войти в ее среду. С другой стороны, народ подражает знати и пытается по мере возможности копировать ее одежду. Восточные обычаи распространились неуклонно на Руси во времена монголов, принося с собой новую культуру, новый быт. Изменилась коренным образом одежда: от длинных белых славянских рубах, от бритых голов с «оселедцами», длинных штанов перешли к золотым кафтанам, цветным шароварам, сафьяновым сапогам и тафьям, мурмолкам... Русские носили восточные «кафтаны», «халаты», «дохи», «шубы», «тулу-

пы», «сарафаны», «армяки», «башлыки». Восточная одежда символизировала принадлежность России к восточному культурному кругу, культурную близость к Востоку, и это прекрасно понимали на Руси» [40, с. 217].

Успеху Московского царства способствовал целый ряд, основополагающих технологических заимствований из Золотой Орды. Прежде всего, это заимствования в военном деле – монгольский рефлексирующий лук, элементы оборонительного вооружения (легкие панцири «хатангу дегель», тяжелые пластинчатые панцири, легкие кавалерийские щиты и др.), а также коннострелковая военная тактика и применение пороха.

А также заимствования в сфере материальной культуры – технология плавки чугуна (котлы, сошники для плугов, втулки для колес), печатное дело и усовершенствованные пахотные орудия. Большой интерес представляет вопрос о заимствовании сельскохозяйственных орудий (в частности, соха с «полицей», которая в отличие от старой сохи, не только царапала землю, но и частично переворачивала пласт) [40, с. 216].

С середины XIV в. ордынское влияние в Москве получает резонанс не только в моде на одежду, но и в художественном стиле, о чем свидетельствует «цитатный» характер заимствований в орнаментике золотого оклада иконы «Богоматери Млекопитательницы» Новодевичьего монастыря. Узор ее оклада составлен из многократно оттиснутого слова «Аллах», выполненного почерком «насах». Золотоордынские заимствования можно видеть в орнаментальных маргиналиях панатий Желтикова и Кирилло-Белозерского монастырей. Налицо влияние ремесленных традиций ордынского Поволжья и Крыма. Многие старинные образцы вооружений и предметов обихода, хранящиеся ныне в московской Оружейной палате и петербургском Эрмитаже, несут на себе чекан Золотой Орды, вплоть до имени «Аллах», выгравированном на русских шлемах и доспехах [30, с. 206].

Заметно было золотоордынское влияние и на русский язык, что нашло свое отражение в современном русском языке, где пятая часть словарного запаса тюркского происхождения. Из языка Золотой Орды в русский язык перешло множество слов: дорога, атаман, казак, курень, колчан, есаул, булат, улан, ковыль, сапог, епанча, телега, хоругвь, богатырь, сабля, жемчуг, базар, магазин, товар, таможня, алтын, безмен, деньга, амбар, аршин, кирпич, фитиль, ковер, тюфяк, диван, уют, карандаш, кафтан, сарафан, халат, доха, малахай, армяк, башлык и др. [6, с. 31].

Интересный материал дает и нумизматика. Первые московские монеты – «денга» были выпущены после 1380 г. и имели на одной стороне легенду с именем Токтамышша, написанную арабскими буквами, а на другой – изображение вооруженного воина и круговую легенду – «Печать князя великого». Веса денга 1 гр. серебра. Три московские денги по весу равнялись двум джучидским дирхемам (1,5 гр.). После 1480 г. Иван III выпустил монеты, где его имя на арабском языке размещалось там, где обычно

писалось имя хана. Это конкретное свидетельство того, что великие князья московские хотели выступать законными правителями земель, входивших в Золотую Орду, и для этого, прежде всего, сохраняли символику монетной системы. Великие князья московские были не одиноки в попытке использовать элементы татарской монетной системы в своих политических целях. Например, монеты тверского князя Михаила Борисовича (1461–1486) также содержат имя правителя на арабском языке [27, с. 4].

Особо стоит отметить вклад ханов Золотой Орды в расцвет русской православной культуры. Согласно ярлыкам ханов, продолжавшим чингисовскую толерантную религиозную политику, Русская православная церковь, все ее служители, храмы, монастыри, крестьяне, живущие на церковных землях, и все ее имущество (включая сельхозугодья, промыслы, торговлю) высочайшим указом освобождались не только от всех налогов, но и от любого вмешательства со стороны (как ордынского, так и русского). Все это создавало чрезвычайно благоприятные условия как для роста экономического благосостояния церкви, так и для создания по ее заказу шедевров живописи, архитектуры, литературы, церковной музыки и других важнейших элементов русской культуры. Олицетворением этих достижений можно считать творчество школы художника-иконописца Андрея Рублева. Чувство национального унижения сменялось в народе благородным чувством преданности национальному идеалу. Религиозно-национальный подъем той эпохи на Руси стал мощным фактором национального самосознания и культуры, чему в немалой степени объективно способствовала веротерпимость ордынской элиты [5, с. 82].

Древнерусские тексты XIII – первой трети XVI в. свидетельствуют о системообразующем значении монгольского периода в процессе формирования российской государственности. Формирование российской государственности определялось не антиордынской борьбой, а сосредоточением в руках московских князей прерогатив верховных властителей. Подчиняясь на начальном этапе отношений с Ордой повелителям всех татар и русских, князья Северо-Восточной Руси постепенно стали сами обретать прерогативы царей Орды [18, с. 300]. Так, крымские и ногайские грамоты в Москву со времен конца правления Ивана III начинались словами «Великого улуса великому князю» (такое же понятие входило в полный титул крымского хана), то есть понятие «Великий улус», ранее служившее официальным названием Золотой Орды, начало самими постордынскими ханами применяться к Московской Руси. Со времени Василия III за русским монархом надолго закрепляется новое своеобразное обозначение – сначала «Белый князь», затем «Белый царь» (букв.: «белый падишах»), означавшее для постмонгольской иерархии – «Хан Белой (западной) Орды» [56, с. 89]. Так именовали русского царя татары и ногаи, казахи и калмыки, буряты и весь постмонгольский мир.

Идея независимости от иноверных, но прирождённых и полновластных царей не фиксируется в памятниках письменности ядра будущей России – вотчины Московского княжеского дома XIV – середины XV в. Представление об ордынском царе как правителе более высокого ранга, чем великий князь владимирский, как о его законном сюзерене не было уничтожено победой над узурпатором Мамаем (щедро названным и «поганим», и «безбожным», и «злочестивым») [12, с. 106]. Отношение русских летописей к Токтамышу подчеркнуто уважительное. «Отчуждение» от ордынского наследства в древнерусских текстах возникает лишь с конца XV в., что связано с противоборством Москвы с Казанью, Астраханью и Крымом, также активно претендующими на геополитическое наследство Золотой Орды. Вплоть до Ивана III имела место борьба не с монгольской властью, а против ее злоупотреблений. Имевшие в ходе ордынской зависимости место случаи непризнания ордынской власти и само освобождение от зависимости были инициированы не ослаблением Орды, а неприятием по тем или иным причинам (отсутствие легитимности) ее правителей в качестве законных сюзеренов московских князей [12, с. 189].

Таким образом, освобождение совершилось тогда, когда осколок Монгольской империи – Золотая Орда пришла в упадок и перестала выполнять те защитные и организующие функции, которые за ней закрепились еще в соглашении Батыя и Александра Невского, утратив в результате свою легитимность. Так начало преодолеваться прочно укоренившееся в сознании мнение о законности верховной власти хана Большой Орды над Русью, и совершилось оно почти бескровно. После 1480 г. наступающей стороной в московско-ордынских отношениях стало Московское великое княжество, хотя Иван III и предпочитал действовать против Орды преимущественно руками союзных, зависимых и служилых татарских правителей. Экономически окрепшая Москва, снабженная к тому же импульсом национального возрождения и имперской идеологией, представлявшей собой синтез византийского политического мышления и монгольских традиций государственного строительства, начала активную борьбу за гегемонию в Восточной Европе [20, с. 112].

Но монгольское культурно-правовое наследие сохраняло актуальность и во времена Московского царства. Даже русская православная церковь в XVI–XVII в., обосновывая свои владельческие права, ссылалась на ярлыки ордынских царей. А в 80-е гг. XVII в. в «Описании Златяя Орды» было даже зафиксировано представление о государях единого улуса Джучи как об единственных предшественниках российских самодержцев [1, с. 160].

Наблюдается преемственность положения князей северо-восточной Руси в системах замещения должностей Великого Улуса (и джучидских ханств) и принципах устройства вотчины московских царей. Особенно это проявилось в процессе формирования механизмов власти и собственности

в северо-восточной части русских земель. Русское государство формировалось как собственность правящего рода. Как в Монголии, так и на северо-востоке Руси оформились иерархии долей достояния родов, занимающих разные уровни государственной системы соподчинённости («хуби» и «уделов») [41, с. 367]. При Иване IV Русское государство стало собственностью рода, не признававшего владельческих прав иных земных властителей. В этом отношении род Ивана Калиты повторил путь Чингизидов и Тимуридов. Во владениях русских царей были воспроизведены отношения улусного типа.

Московская система соподчинённости выстраивалась с учётом отношений, существовавших в ордынские времена. В этих условиях, согласно московским разрядным книгам, высшее, после Московского царского дома, место в системе соподчинённости заняли татарские цари и царевичи. Как и Джучиды, наследники Ивана Калиты возглавили систему царств. Из завещания Ивана IV следует, что ордынское наследие определяло и имущественные права российских самодержцев. К первому русскому царю перешло всё имущество казанских и астраханских царей [14, с. 215].

Как и в имперских центрах чингизидских ханств, формирование московской системы господства и подчинения определялось развитием самобытной цивилизации. К XVI в. в Русском государстве сложилась своя уникальная система власти и собственности. Московское местничество было своеобразной формой организации наследственной службы чинов Государева двора. Комплекс духовных грамот Московского великокняжеского дома не имеет аналогов в имперских центрах чингизидских ханств [26; 19]. Наконец, непременным условием действия отношений улусного типа в Русском государстве стало православие. Ещё Иван Калита унаследовал от греческих царей миссию хранителя православной веры [4].

Однако, как в своих работах отмечает правовед и историк Р.Ю. Почекаев, «из Орды русские государи позаимствовали элементы системы центральных органов исполнительной власти, принципы ее формирования, структуры, функций» [47, с. 13]. Особенно это касается «приказов» Московского царства, отраслевых ведомств появившихся лишь после свержения «ига», и во многом копировавших золотоордынские «диваны».

Также Р.Ю. Почекаев отметил перенос некоторых ордынских наименований на русские грамоты. Это тарханные и шертные грамоты, в которых использовался формуляр ордынских ярлыков: адресант, наррация, диспозиция и др. [48, с. 207].

Займствованиями в управлении, налоговой и административной системах можно признать также систему дуального управления военных и гражданских властей («баскаки», «даруги», «шихне»); переписи населения и основанная на них система податей и повинностей (подушно-поземельный налог, «тамга», «улаг», постоянная повинность и «корм», всеобщая

воинская обязанность, выражающаяся в поставках рекрутов). Существенными элементами этой системы стали: сеть почтово-транспортных станций («ям»); государственные мастерские («кархана»); государственные закупки («тарх»); деньги с номинальной стоимостью [40, с. 215].

Монгольское влияние отразилось также и на духовной жизни – в составлении о «правде», бытовавшего на северо-востоке Руси в XIII–XVII вв., вошли элементы монгольского тенгрианства. Они регулируют отношения в государстве и в грамоте хана Мункэ-Тимура (1266–1282 гг.) Киевской митрополии, и в сочинениях преподобного Иосифа Волоцкого и Ивана IV [46; 32, с. 142]. Улусная система обрела в Московском царстве местные идейные основы. Такая ситуация была типична для чингизидских ханств XIII–XIV вв. и образовавшихся на их месте государств. Показательно, что потомки Ивана Калиты обрели все prerogatives верховных властителей практически одновременно с Тимуридами. Вотчина Московского великокняжеского дома изначально была органичной частью единого в своём многообразии чингизидского мира. На протяжении трёхсотлетнего периода, с XIII по XVI вв., государственность улусного типа стала неотъемлемой частью культурного наследия северо-восточной и северо-западной Руси.

Преимущество Московского государства от Улуса Джучи выражалась ещё и в том, что непосредственным строителем его, исполнителем воли российских Великих князей и Царей, являлся значительный слой татар и татарских выходцев на русской службе, составивших опору российского дворянства.

Московские государи предоставляли выходцам с Востока города в кормление и требовали исполнения воинской службы. При тюркских вельможах оставались их дружины, в их уделах дозволялось селиться неродовитым мигрантам из степи. В разное время татарам отводились Кашира и Серпухов, Звенигород и Юрьев-Подольский, выходцам из Ногайской Орды был выделен Романов, а выходцам из ханств, управлявшихся Джучидами, к которым можно отнести Казанское, Сибирское на Тоболе и Крымское ханства, – городец Мещерский или Касимов с прилегающими землями. По этому поводу посол Ивана Грозного писал в 1570 г. падишаху Османов: «Мой государь не есть враг мусульманской веры. Слуга его, царь Сеин-Булат господствует в Касимове, Кайбулла – в Юрьеве, Ибак – в Сурожике, князья ногайские – в Романове. Все они торжественно славят Магомета в своих мечетях»[55].

Длительное подчинение Золотой Орде выработало на Руси стойкое почитание Джучидов – старшей ветви Чингизидов, династии, правившей в Орде и большинстве наследных ханств. Знатность тюркских мигрантов позволяла им претендовать на высокие посты в структуре Русского государства, «считаться честью бояр выше». Влияние служилой тюркской знати на историю России трудно переоценить. Полки служилых татар сыгра-

ли решающую роль в победе Ивана III над Новгородом – последним соперником Москвы в борьбе за главенство над Русью, в борьбе с Большой Ордой и Крымом, при взятии Казани и Астрахани. В 1546 г. большая группа татарской знати пришла на службу к Ивану Грозному. Немало было в его окружении крещеных татар [3; 55].

По данным летописей, дипломатическим документам, родословным книгам, разрядам (перечни разверстки воевод по полкам во время военных компаний), писцовым книгам, насчитывается около 120 дворянских родов монголо-татарского происхождения – 20% всех дворянских фамилий к XVII в. [54, с. 51].

Как во время монгольского периода, так и значительно позднее, московские князья употребляли в своих отношениях с Чингизидами юридическую терминологию ордынского государства. Об этом свидетельствуют и документы русско-восточной переписки XVI–XVII вв. и первой половины XVIII в. Как известно, царское правительство долгое время свои грамоты правителям ряда восточных стран направляло, наравне с русским, и на татарском языке. Вернее, такие грамоты отправлялись на двух языках: в русском оригинале и в их дубликатах на татарском языке. Ответы, как правило, получали на татарский вариант русских грамот. Так обстояло в переписках со многими адресатами, начиная от предводителей монгольских, калмыцких, казахских орд, князей Северного Кавказа, кончая правителями Ирана, Турции, Индии (Великих Моголов), даже Китая. Поэтому в Посольском приказе в Москве долгие годы существовала специальная «Татарская канцелярия», где продолжительное время сохранялось влияние золотоордынской делопроизводственной традиции и тюрко-татарского письменного языка. Характерно, что и при составлении текстов самих русских грамот также использовались калькированные переводы терминов и формул золотоордынского происхождения [59, с. 9].

Можно согласиться с мнением ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН В.В. Трепавлова, отметившего 4 уровня влияния Монгольской империи на Россию.

В *политике* это проявилось в следующих формах: 1. *Административная*. Система управления монарха, без посредничества сословно-представительных органов или церкви, строгая иерархия подчинения Великому князю, принципы территориального деления; а также широкое использование в XVI–XVII вв. института соправительства, где в качестве соправителей были потомки Чингизидов на русской службе (Иван Федорович Мстиславский, Петр Ибрагимович, Михаил Кайбулович, Симеон Бекбулатович, Борис Годунов). 2. *Военная*. Организация армии, тактическое искусство. 3. *Идеологическая*. Статус «Белого царя» правопреемника Золотой Орды.

В *экономике*: организация податной системы с использованием заимствованных форм. В *социальной сфере*: генезис особых сословий и особые формы их управления («служилые татары», казаки и «ясачные народы»). В *менталитете*: формирование комплиментарных отношений к различным этносам и культурам, а также отношение к верховной власти («Царь-батюшка») [54, с. 50].

В целом мнения В.В. Трепавлова придерживаются и многие другие современные историки – А.А. Горский, И.Л. Измайлов, Д.М. Котышев, А.Ш. Кадырбаев и др. [10; 21; 22; 29].

Таким образом, становление новой российской идентичности и основы евразийского мироощущения в России уходят корнями в монголо-татарский период русской истории, завершившийся метаморфозой позиционирования московских великих князей из данников, в «наследников Чингисхана». Московские государи привлекли многих представителей татарской знати, в том числе Чингизидов, к себе на службу. Татарские символы верховной власти, следы Орды в памятниках материальной и духовной культуры, Чингизиды в составе русской знати, обилие тюркизмов в русском языке – во всем этом отчетливо проглядывает ордынский «евразийский стиль». Москва позиционировала себя на постмонгольском пространстве преемником Золотой Орды. Опыт системы управления, культурной и экономической политики Улуса Джучи Монгольской империи, непосредственно повлиявшей на развитие российского государства, позволяют выделить следующие основы евразийской цивилизационной общности: ценность единой евразийской государственности и культуры, общенационального единства, сильной централизованной власти, сохранения этнокультурного своеобразия территорий и народов Евразии, принципы этно-конфессиональной толерантности. Эти принципы были творчески осмысленны и применены в российском опыте объединения евразийского пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астайкин А.О. Опыт сопоставительного исследования // Арабески истории. Т.2. Пустыня Тартари. М., 1995. С. 582–597.
2. Арсланова А.А. Источниковедение истории Джучиева улуса // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1999. № 4. С. 151–161.
3. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1980.
4. Барабанов Н.Д. Византия и Русь в начале XIV в. Некоторые аспекты отношений патриарха и митрополита. М., 1991.
5. Булгаков Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Т. 5. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995.

6. Бухараев Р.Р. Поэзия Золотой Орды. М.: Классик, 2005.
7. Варваровский Ю.Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Редактор издания И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории АН РТ, 2008.
8. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М., Тверь: Аграф, 1997.
9. Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Сфера Евразии. – М.: КМК, 2005. С. 234 – 243.
10. Горский А.А. Политическая борьба на Руси и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3. С. 74–92.
11. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001. С. 134–137.
12. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2003.
13. Градовский А.Д. История местного управления в России // Он же. Собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1899.
14. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 215.
15. Егоров В.Л. Золотая орда: мифы и реальность. М., 1990.
16. Егоров В.Л. Основные направления развития культуры Золотой Орды // Владимирцовские чтения (III). СПб., 1995. С. 12–24.
17. Егоров В.Л. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. №2. С. 48–57.
18. Зайцев И.В. Историография истории отношений постордынских «юртов» с Россией и Османской империей // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223 – 1556: матер. Междунар. науч. семинара. 23 – 26 июня 1998 г. Казань, 2002. С. 289–302.
19. Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV – XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6.
20. Зотов О.В. Московская Русь: геополитика в «Сердце земли» (о ранней микромодели империи) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. Ч. 1. С. 112–118.
21. Измайлов И.Л. Улус Джучи: взгляд на историю средневековой империи // Татарстан. 1993. №7. С. 39–48; №8. С. 37–44.
22. Кадырбаев А.Ш. Золотая Орда как предтеча Российской Империи // Центральная Азия и Кавказ. Алматы, 2004. С. 3–12.
23. Калан Э. Золотая Орда и страны Востока: торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XIII–XIV в. Казань, 2012.
24. Карамзин Н.М. История государства российского. Т. 5. М., 1988.
25. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1968.
26. Каштанов С.М. Финансовое устройство Московского княжества по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982.
27. Колызин А. Московская денга и хан Тохтамыш // Диаспора. 2000. № 3. 31 янв. С. 4.
28. Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Т. 5. СПб., 1905.

29. Котышев Д.М. Ордынское иго как фактор политического развития русского государства XIV – XVI вв. // Проблемы социально-политической и этнической истории России. Челябинск, 1995. С. 6–14.
30. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
31. Кульпин Э.С., Пантин В.И. Генетические коды цивилизаций. М., 1995. С. 47–54.
32. Кульпин Э. С. Золотая орда. Проблемы генезиса российского государства. М.: ЛКИ, 2007.
33. Машанова Л.В. Золотая Орда: проблемы восточных заимствований в российской государственности и культуре // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2011. № 1. С. 60–72.
34. Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX–XVIII вв. М., 1995.
35. Мерперт Н.Я., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Чингис-хан и его наследие // История СССР. 1962. № 5. С. 92–119.
36. Милюков П.И. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1918.
37. Митупов К.Б. Империя Чингисхана и современные проблемы истории России // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Т. 1. Улан-Удэ: БГУ, 2002. С. 15–23.
38. Мухаметов Ф.Ф. Отечественная историография монгольского завоевания Руси. Автореферат дисс. ... доктора ист. наук. М., 2007.
39. Насонов А.Н. Монголы и Русь. М., 1940.
40. Нефедов С.А. Теория культурных кругов (на основе анализа монгольских завоеваний) // Уральский исторический вестник № 5–6 2000. С. 189–220.
41. Никитин Н.А. Улусная система Монгольской империи в памятниках письменности имперских центров чингизидских ханств и Древней Руси. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006.
42. Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость. М., 1956.
43. Пащенко В.Я. Монгольский фактор в истории России // Евразийская идея сегодня. М.: РУДН, 2001. С. 34–42.
44. Полевой Н.А. История русского народа. Т. 5. М., 1833.
45. Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959.
46. Плигузов А. И. Древнейший список краткого собрания ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив. М., 1987. Вып. 2–3. С. 589–598.
47. Почекаев Р.Ю. Ордынские корни российских органов исполнительной власти // Проблемы истории государственного управления: государственный аппарат и реформы в России (к 200-летию министерской системы управления в России). Материалы международной научной конференции. 24–25 октября 2002 г. Санкт-Петербург. Ч. 1. СПб.: Нестор, 2004. С. 13–16.
48. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.
49. Пушкарев С.Г. Россия и Европа в их историческом прошлом // Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 70–82.

50. Савицкий П.Н. Ритмы монгольского века // Арабески истории. М.: Дик, 1996. Т. 3. С. 565–576.
51. Сказание о Михаиле Черниговском отца Андрея // Памятники литературы Древней Руси XIII в. М., 1981.
52. Соколов С.М. Свет с Севера. Евразийская оценка Чингисхана // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Т. 1. Улан-Удэ: БГУ. 2002. С. 161–167.
53. Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII в. М., 1955.
54. Трепавлов В.В. Россия и кочевая степь: проблемы восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. №2. С. 42–52.
55. Трепавлов В.В. Тюркская знать в России (Ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. М., 1998. № 1–2 (4–5). С. 101–114.
56. Трепавлов В.В. Белый падишах // Родина. 2003. №12. С. 89–92.
57. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999.
58. Тузмухамедов Р.А. Международно-правовые и международные аспекты возникновения и распада Золотой Орды // Московский журнал международного права. 1995. №1. С. 12–23.
59. Федоров-Давыдов Г.А. Смерть Бату и династическая смута в Золотой Орде в освещении восточных и русских источников (источниковедческие заметки) // Археология и этнография Марийского края. Вып. 21. Йошкар-Ола, 1992. С. 70–82.
60. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
61. Федоров-Давыдов Г.А. Торговля нижеволжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола. 1998. С. 38–59.
62. Черепнин Л.В. Монголо-татарское иго на Руси // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 186–209.

Сведения об авторе:

Олег Вадимович Лушников – кандидат исторических наук, профессор, руководитель Центра Евразийских исследований им. Г.В. Вернадского Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь, Российская Федерация). E-mail: oleglushnikov@ya.ru

Диалог Востока и Запада в монументальной архитектуре Золотой Орды*

В статье рассматривается влияние традиций различных народов как Востока, так и Запада на Монгольскую империю и Золотую Орду, как ее часть в области архитектуры, которая является ярчайшим отражением культурных процессов, происходящих в обществе и государстве.

Материалы исследований: объекты культовой и гражданской архитектуры золотоордынских городов, такие как мечети, минареты, мавзолеи, общественные бани, усадебные дома. В работе анализируется как планировка зданий, так и отдельные элементы интерьера. Так как архитектура в Золотой Орде складывалась под влиянием государств с многовековой градостроительной культурой, в работе рассматриваются традиции, пришедшие из Центральной Азии, Ирана, Средней Азии, Малой Азии, Армении, Византии, Латинского Запада.

Результаты и научная новизна: в работе впервые рассматриваются различные традиции, повлиявшие на сложение золотоордынской архитектуры по географическому принципу, начиная с Дальнего Востока и заканчивая странами Латинского Запада. Автор приходит к выводу, что за два века существования улуса Джучи здесь складывается своеобразный многокомпонентный и во многом эклектичный архитектурный стиль, объединивший различные строительные традиции и включивший в себя творческие новации золотоордынских мастеров. Это позволяет достаточно уверенно говорить о золотоордынской цивилизации и ее развитой культуре с четко вычленяемыми компонентами.

Ключевые слова: Монгольская империя, Золотая Орда, Великий Шелковый путь, архитектура, мечети, минареты, мавзолеи, усадебные дома, Центральная Азия, Иран, Средняя Азия, Малая Азия, Армения, Византия, Латинский Запад

Монгольская империя является величайшей империей мира. Простираясь от Дальнего Востока до Восточной Европы и от границ Русских княжеств до полуострова Индокитай она занимала в годы наибольшего расцвета до 33, 2 млн. кв. км. Больших размеров достигла только Британская империя, возникшая в Новое время, но ее территории располагались на разных континентах [58; 59]. Как и другие подобные образования, империя, основанная Чингиз-ханом, включала в себя множество народов с различной историей и культурой, которые, находясь в пределах одного

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

государства, в той или иной степени вступали во взаимодействие. Великое монгольское государство, основанное кочевниками, как губка впитывало и перерабатывало традиции и культурные достижения народов, попавших в орбиту монгольской экспансии. В результате возник синтез культурных традиций степняков-номадов и оседлого населения Востока и Запада [30]. Такая широта экономических и культурных контактов множества стран и народов позволяет говорить о первой в мировой истории глобализации в масштабах Евразии [31; 32].

Большое значение имел и тот факт, что на территорию Монгольской империи приходилась практически вся протяженность Великого Шелкового пути. Как известно, Великий Шелковый путь сыграл огромную роль в развитии связей между Востоком и Западом, так как по нему происходил не только обмен товарами, но и распространение новых технологий и идей. Существенным было его значение также в обмене культурными достижениями и развитии дипломатических связей. Именно поэтому сейчас, в эпоху всемирной глобализации стала невероятно популярна идея Великого Шелкового пути, как цивилизационного моста между Востоком и Западом.

Влияние традиций различных народов как Востока, так и Запада на Монгольскую империю и Золотую Орду, как ее часть, хорошо прослеживается в области архитектуры, которая является ярчайшим отражением культурных процессов, происходящих в обществе и государстве. Культурное и гражданское зодчество золотоордынских городов складывалось под влиянием государств с многовековой градостроительной культурой. Новые города создавались руками строителей и ремесленников из Хорезма, Закавказья, Крыма, Волжской Болгарии, русских княжеств. За два века существования улуса Джучи складывается своеобразный многокомпонентный и во многом эклектичный архитектурный стиль, объединивший различные строительные традиции и включивший в себя творческие новации золотоордынских мастеров [22; 24]. Анализ монументальных построек в городах Золотой Орды позволяет выделить те или иные традиции, начиная с Дальнего Востока и заканчивая странами Латинского Запада. Посмотрим это на конкретном материале.

Центральная Азия (Дальний Восток)

Золотоордынские дома обогревались системой отопления в виде канов, которые, по мнению В.Л. Егорова, были заимствованы монголами у джурдженей и киданей [17, с. 185–187]. Л.Р. Кызласов пишет, что наиболее ранние каны прослеживаются на Дальнем Востоке (в Приамурье, Приморье, в северной полосе Китая и в Корее) в раннем железном веке [33; 34, с. 86]. В гуннское время они известны в Забайкалье и Монголии [14, с. 256]. Каны, сложенные вдоль двух или трех стен помещений, най-

дены при раскопках городища Дён-терек и Каракорума XIII в. [15, с. 67, 78, 174, 178; 54, s. 172–175].

Правда, в Южном Казахстане и Семиречье каны были известны еще в VII–VIII и X–XI вв. Появление канов в Средней Азии в домонгольское время исследователи связывают с тюркизацией местного населения центральноазиатскими элементами сначала уйгурского, а затем – огузо-кипчакского происхождения [39, с. 64–69; 18, с. 90]. С.М. Ахинжанов и Л.Б. Ерзакович высказали предположение, что в нижневолжские города Золотой Орды каны могли быть занесены кимако-кипчакским населением из Южного Казахстана и Приаралья [6, с. 69]. С этим мнением категорически не согласен Г.А. Федоров-Давыдов, считавший, как и В.Л. Егоров, что появление канов в Золотой Орде связано исключительно с монгольским влиянием [48, с. 75].

В золотоордынских городах простейшим типом наземного жилища является квадратный (или близкий к квадрату) в плане однокомнатный дом. Стены его могут быть деревянными, деревянными на сырцовом цоколе или сырцовыми. В.Л. Егоров считает, что дома этого типа возникли в результате трансформации юрты в стационарное жилище [17, с. 180–188; 46, с. 211–214]. Исследователь приводит реконструкцию такого дома (рис. 1). Для его возведения на выровненную землю или на цоколь укладывалась рама из бруса с выдолбленными в нем пазами. В пазы вертикально вставлялись доски, а по углам стен – толстые балки. Сверху вся конструкция закреплялась еще одной рамой аналогичной конструкции. Дощатые стены снаружи и изнутри обмазывались глиняным раствором. Крыши в таких домах, по мнению В.Л. Егорова, были четырехскатными с отверстием в зените.

Трансформация юрты в стационарное жилище – процесс, который хорошо известен и неоднократно описан в этнографических исследованиях. При переходе к оседлому образу жизни бывшие кочевники или полукошачники, основным жилищем которых являлась сборно-разборная юрта (монг. *гэр*), состоящая из деревянного каркаса и войлочного покрытия, начинают строить стационарные жилища из других материалов – дерева, глины, камня (рис. 2). Первоначально стационарные жилища сохраняли привычную круглую в плане форму, но применение твердых строительных материалов приводило к тому, что круг постепенно превращался в правильный многоугольник и затем – в квадрат. Такие явления наблюдались у монголов [29, с. 39; 35, с. 50–56], причем стационарные жилища строились из различных материалов в зависимости от зоны обитания. В северной лесостепной части Монголии преобладали деревянные постройки, в южной степной и центральной частях – саманные, в западных горных районах – каменные. В районах Китая, населенных монголами (Внутренняя Монголия) прослежено несколько этапов эволюции стационарных юртообразных жилищ. В домах простейшей конструкции решетчатые стенки юрты утепляли тростником и обмазывали с двух сторон полужидкой сме-

сю глины с рубленной соломой или травой. В восточной половине таких жилищ делалась обогреваемая дымоходными каналами лежанка. Иногда к круглой мазанке пристраивали хозяйственную пристройку без окон прямоугольного плана. Также с XII–XIII вв. получает распространение четырехугольное жилище (5 x 6 м) с глинобитными стенами и невысокой купольно-пирамидальной крышей [46, с. 191–192].

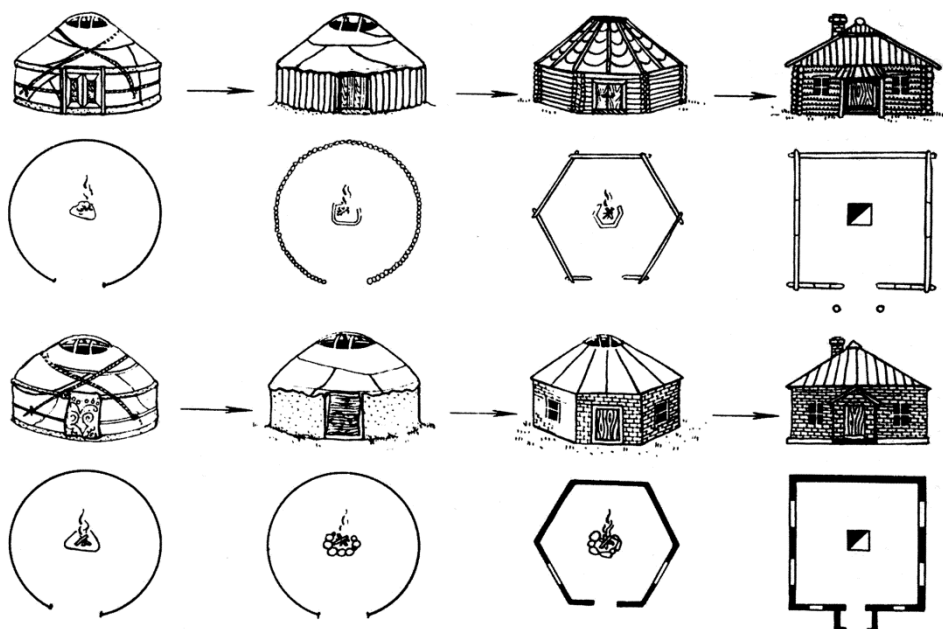

Рис. 1. Трансформация юрты в стационарное жилище (по Д. Майдару)

Монгольское влияние можно проследить и в структуре богатых усадебных домов, часть из которых можно считать настоящими дворцами. Дворцовые здания в золотоордынских городах возводились из сырцового и обожженного кирпича, в отличие от монгольских дворцов, построенных по китайским образцам. В них выделяется репрезентантное ядро, состоящее из парадного зала и соединенных с ним помещений [20; 22]. Само наличие парадного зала не является результатом влияния стран Центральной Азии. Такую структуру имеют многие дворцовые здания, например, Ирана и Средней Азии, о чем будет сказано ниже. Тут важна организация пространства парадных залов в золотоордынских усадебных домах. Вход в них всегда находится с южной стороны, а на севере имеется подиум, иногда с балдахином, на котором, вероятно, находилось почетное место хозяина дома (рис. 3). По сторонам находились места для домочадцев и гостей, а в центре

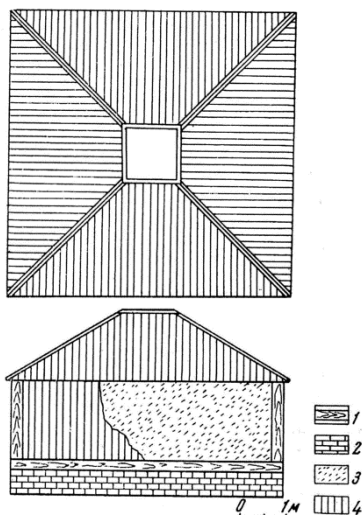

Рис. 2. Золотоордынский
однокомнатный дом
(по В.Л. Егорову)

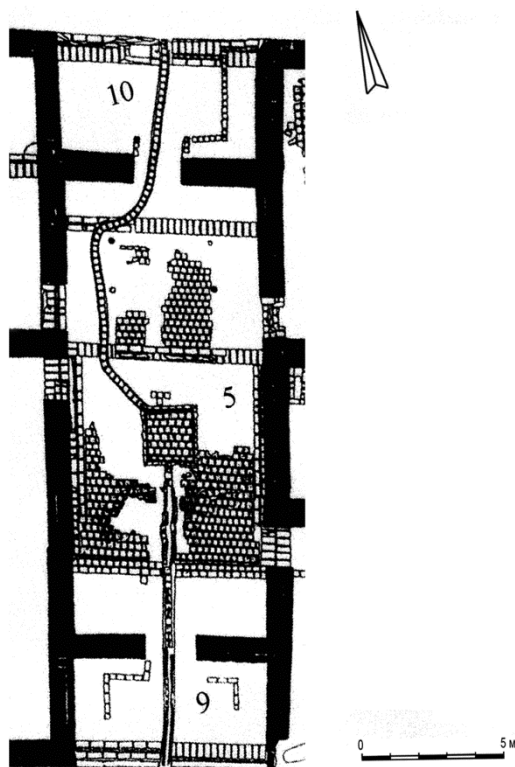

Рис. 3. Центральная часть усадьбы 1
на Селитренном городище

зала мог находиться декоративный бассейн или большая тошна. Такую же структуру имели дворцы в Монголии, известные по описаниям. Описание дворца Угедея в Каракоруме было оставлено Г. Рубруком. Рубрук пишет, что «во дворце три двери, обращенные к югу. Перед средней дверью внутри стоит описанное дерево [фонтан для разлива вина], а сам хан сидит на возвышенном месте с северной стороны, так что все могут его видеть. К его престолу ведут две лестницы... Пространство, находящееся в середине между деревом и лестницами... остается пустым; именно там ставится подающий ему чашу, а также послы, подносящие дары; сам же хан сидит там вверху, как бы некий бог. С правого от него боку, то есть с западного, помещаются мужчины, а с левого – женщины. Дворец простирается с севера на юг» [45, с. 199]. Пир во дворце Хубилая в Ханбалыке описал Марко Поло: «На пиру великий хан за столом сидит вот как: его стол много выше других столов; садится он на северной стороне лицом на юг; с левой стороны возле него сидит старшая жена, а по правую руку, много ниже, сыновья,

племянники и родичи императорского роду; а головы их приходится у ног великого хана; а прочие князья садятся за другие столы, еще ниже. Жены рассаживаются точно так же. Жены сыновей великого хана, его племянников и родичей – с левой стороны, пониже, а за ними, еще ниже садятся жены баронов и рыцарей» [28, с. 255–256]. Вероятно, подобные приемы могли происходить в дворцовых зданиях золотоордынских городов.

Средняя Азия (Хорезм) и Иран

Влияние стран Среднего Востока на строительное дело Золотой Орды было весьма значительным. Особенно хорошо это прослеживается в городах Нижнего Поволжья. В строительстве здесь широко применялись такие материалы как сырцовый и обожженный кирпич, причем форматы кирпичей были идентичны среднеазиатским [17, с. 184]. В качестве архитектурного декора использовались поливные изразцы, монохромные и с подглазурной и надглазурной росписью, майолики, резная и штампованная терракота, резной и штампованный ганч. Эти виды архитектурного декора были принесены в Золотую Орду из Ирана, Средней Азии и Закавказья, а в дальнейшем получили свое, оригинальное развитие [48, с. 164–167].

Среднеазиатское происхождение имеют некоторые элементы интерьера золотоордынских домов. Очаги в большинстве золотоордынских домов представлены тандырами, которые известны в Средней Азии с неолита [36, с. 15–17]. Но там тандыры (тануры) чаще всего использовались для выпечки лепешек и других хозяйственных нужд и ставились либо во дворе, либо в специальных хозяйственных помещениях. Но все же, большее распространение в раннем средневековье в средней Азии получили отопительные сооружения других типов [9, с. 84–96; 53]. Соединение тандыра, кана и П-образной суфы в единый комплекс, если и не является изобретением монголов, то, по крайней мере, становится главным и почти обязательным атрибутом большинства жилых помещений в Золотой Орде. Суфа в таких домах занимает значительную часть площади. В небольшом по площади глинобитном или вымощенным жженым кирпичом полу может быть сделано водосливное устройство – тошна.

Тошна (тошнау, ташна, ташнау), была заимствована, скорее всего, в Средней Азии, где она известна, с VIII в. в Варахше, Пенджикенте и Куве [9, с. 92–93; 5, с. 95–109]. Г.А. Федоров-Давыдов отмечал, что тошнау Средней Азии, в частности Афрасиаба, несколько отличаются от золотоордынских: глубина их достигает 5 м, часто они состоят из нескольких хумов, установленных друг над другом и колодцев под ними, там присутствует кубурный водопровод. Более близки к ним тошнау Хорезма домонгольского времени [48, с. 75].

Со средней Азией и Хорезмом можно связать и некоторые типы планировки жилых домов. К ним относится дома с айваном, открытым с одной

стороны помещением. Айван известен на Востоке с древних времен. Как часть дворово-айванной композиции он прослеживается в дворцовых зданиях сасанидского Ирана и Халифата времен Омейядов и Аббасидов. Наиболее ранними образцами этой системы считаются дворцы в Мари (XVIII в. до н. э.) и Хорсабаде (VIII в. до н. э.) [51, с. 55]. По сторонам айвана обычно находятся две боковые комнаты, которые либо связаны с ним, либо также соединяются с двором. Дворцовые здания дворово-айванной композиции появляются в Средней Азии в доисламское время и продолжают существовать вплоть до позднего средневековья [49, с. 212–274; 51, с. 9–131; 51, с. 55–189]. Айван, как часть обычного жилого дома, хорошо известен в архитектуре Средней Азии более позднего времени. Как отмечала В.Л. Воронина, в условиях жаркого климата айван играл огромную роль в организации жилого пространства. Часто он выполнял роль прихожей, а летом использовался для работы, сна и отдыха. Дома, состоящие из двух жилых помещений, разделенных айваном являются распространенным типом городского и сельского жилища в районах Шахрисябса, Самарканда, Ташкента, Хивы, Ленинабада (рис. 4) [10, с. 54–56; 44, с. 384–385].

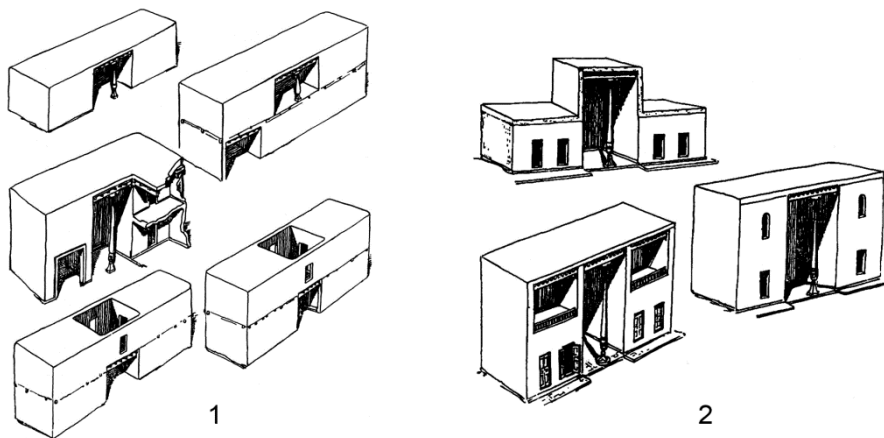

Рис. 4. Жилые дома Средней Азии с айваном: 1 – Самарканд; 2 – Хива (по Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпелью)

В городах Золотой Орды строились дома с внутренним двором. Такая планировка имеет давние традиции, как в жилой, так и в парадной архитектуре. Внутренние дворы известны со II тыс. до н.э. во дворцах Крита, Месопотамии, Вавилона, Урарту [12, с. 170–180, 202–203, 218, 262–264]. Сасанидские дворцы в Фирузабаде, Сараистане и Каср Ширин имели дво-

рово-айванную планировку [12, с. 335–337]. В античном мире дворовая планировка была присуща жилищам зажиточных горожан. В Греции классического периода все жилые и хозяйственные постройки группировались вокруг открытого двора, в эллинистический период получает распространение перистиль – двор, окруженный галереями. [13, с. 151, 321–323]. Принцип группировки помещений вокруг внутреннего двора был перенят арабами и использован дворцах Омейядов, Аббасидов и более поздних мусульманских постройках [55, с. 377–463, 568–597; 56, с. 63–85;].

В Средней Азии такая планировка также была распространена в доисламское время [38, с. 62–66; 42, с. 132–137; 51, с. 76, 78–79, 82, 100–105, 109–110] и сохранялась позднее. В IX–X она прослеживается в Хуттале во дворце Хульбука и в усадьбе на городище Сайёд, где помещения группировались вокруг больших гипостильных дворов, в дворцовом здании Акыр-Таш у Джамбула, в усадьбах Краснореченского городища в Семиречье и на городище Канка в Узбекистане [49, с. 214–219, 244–253; 52]. В XI–XIII вв. большие открытые дворы с айванами являлись композиционными центрами дворца правителя Мерва в Шахрияр-арке и дворца Термезшахов [42, с. 203–207; 50, с. 9–21]. В.Л.Воронина считает, что дворовая планировка характерна для большинства стран с жарким климатом [10, с. 67]. Действительно, она сохраняется вплоть до настоящего времени в большинстве городов Ближнего и Среднего Востока, в Ираке, Сирии, Египте, Тунисе, Алжире, Марокко и на юге Испании. В Средней Азии дома с внутренним двором составляют основу застройки Хивы и Бухары (рис. 5) [44, с. 385–386]. В этот ряд, несомненно, можно поставить и скромные золотоордынские дома дворовой композиции, которые трудно сопоставимы с дворцовыми или богатыми усадебными зданиями Востока и скорее напоминают народные жилища.

Усадебные и дворцовые здания с парадным залом в центре здания (рис. 6) также, вероятнее всего построены по среднеазиатским (хорезмийским) образцам [подробно об этом: 20; 22]. Определенное сходство наблюдается у домов Золотой Орды этого типа с сельскими усадебными постройками Хорезма XII–XIII вв. [38, с. 74–81, 89–90, 94–96]. Среди этих построек Е.Е. Неразик выделяет дома с центральным залом и дома с центральным коридором. Первый тип представляют дома центрического плана, основой композиции которых был центральный зал, квадратный или прямоугольный в плане. Размеры центрального зала в усадебных домах Хорезма обычно не превышают размеров других помещений, а функционально он выполняет роль распределительного тамбура, коридора или хозяйственного помещения с очагами. По пропорциям и расположению комнат к золотоордынским домам более близки дома «с центральным коридором». Среднюю линию помещений в них занимает сильно вытянутый широкий коридор, с двух сторон которого находятся входные тамбуры. Ос-

тальные комнаты, как и в золотоордынских домах, расположены с двух сторон от коридора и соединяются с ним. То есть структура этих домов такая же, как в Золотой Орде, и помещения, названные Е.Е. Неразик «коридорами», по своему расположению и пропорциям идентичны их «центральному залам». Несмотря на отчетливое сходство в планировке, между золотоордынскими и хорезмийскими домами существует ряд отличий, главным из которых является различное восприятие организации пространства здания. Как уже упоминалось, в Золотой Орде усадебные дома были обращены входом на юг, а центральная ось здания проходила по линии С-Ю, что является монгольской традицией.

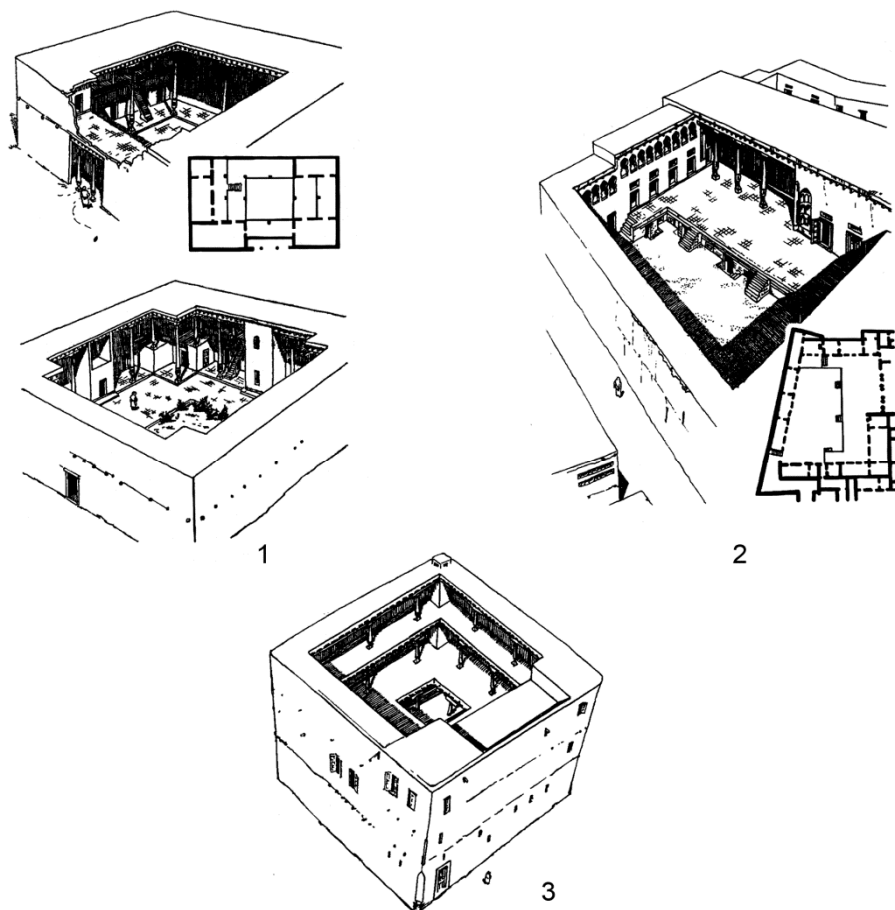

Рис. 5. Жилые дома Средней Азии с внутренним двором:
1 – Хива; 2, 3 – Бухара (по Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпелью)

Рис. 6. Усадебные дома с центральным залом: 1 – №1 на Селитренном городище; 2 – № 2 на Селитренном городище; 3 – на Ахтубинском городище

Влияние хорезмийского зодчества отчетливо прослеживается и в мемориальной архитектуре Золотой Орды [26]. В настоящее время известно и исследовано около 100 мавзолеев различной сохранности и разнообразной планировки [24, с. 132–228]. Большая часть из них дошла до нас в виде остатков

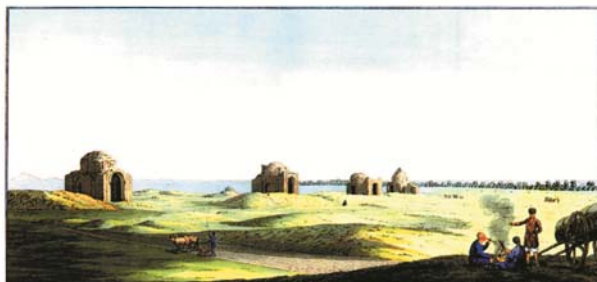
нижней части стен, которые могут дать представление о плане зданий. Однако, чтобы достоверно судить о принадлежности памятника к той или иной архитектурной школе одной планиграфии не достаточно. Именно поэтому огромное значение имеют сохранившиеся постройки, а также рисунки и фотографии исследователей тех времен, когда здания еще не были разрушены.

В этом плане наиболее известным является городище Маджары в Ставропольском крае, где развалины около 40 мавзолеев сохранялись до конца XVIII века. В настоящее время известны изображения маджарских мавзолеев, выполненные четырьмя разными художниками: Михаилом Некрасовым, неизвестным автором (из альманаха А.Ф. Бюшинга), Кристианом Гайслером (сочинения П.С. Палласа) и М.М. Ивановым [21; 23; 24, с. 120–127]. Многочисленную группу построек составляют здания кубического объема, который переходит в восьмигранный или двенадцатигранный барабан, увенчанный двойным куполом: внутренним полусферическим и внешним – шатровым. Все здания этого типа имеют с одной стороны высокий развитый портал, в котором находится вход, обрамленный стрельчатой аркой (рис. 7.1–2). Еще одну группу составляют аналогичные постройки, не имеющие выступающего портала.

Два мавзолея подобного облика известно на Южном Урале и Западном Казахстане. На юге Челябинской области находится мавзолей Кесене (рис. 7.3). Сохранились рисунки этого мавзолея, приведенные в сочинениях П.С. Палласа и И.А.Кастанье [27, с. 62–63, рис. 72; 40, с. 388;]. Здание, сложенное из кирпичей, было прямоугольным в плане. В северной части находилась гур-хана, в южной – пештак. В нижней трети усыпальница квадратная в плане, далее происходит переход к двенадцатигранному барабану, увенчанному пирамидальной крышей с таким же количеством граней. С южной стороны здания находился широкий портал со стрельчатой аркой.

В Западном Казахстане, в Хобдинском районе Актюбинской области находится известный мавзолей Абат Байтак (рис. 7.4), сохранившийся почти полностью и в настоящее время восстановленный [1]. Основной объем здания представляет собой подквадратную в основании призму, на которой установлен высокий одиннадцатигранный барабан, перекрытый коническим куполом. Раскопки выявили, что меридиональные стены здания имели продолжение к югу, то есть здесь находился портал.

Таким образом, до нас дошли изображения (и один сохранившийся мавзолей) ряда типологически схожих мемориальных построек на территории Золотой Орды. Все они имеют призматический объем, переходящий в многогранный барабан, увенчанный многогранным или коническим шатровым куполом. Одни здания имеют развитый портал, у других только выделен входной аркой один из фасадов. Мавзолеи подобных архитектурных форм наиболее характерны для различных регионов Средней Азии.

1

2

3

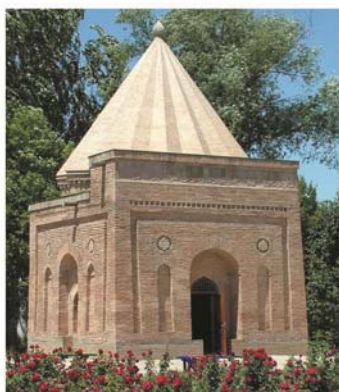

4

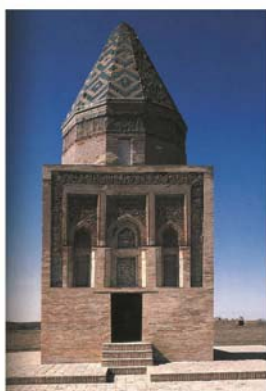
Рис. 7. Портальные шатровые мавзолеи Золотой Орды:
1 – в Маджаре (по П.С. Палласу); 2 – в Маджаре, рис. М.М. Иванова;
3 – мавзолей Кесене (по П.С. Палласу); 4 – Абат Байтак

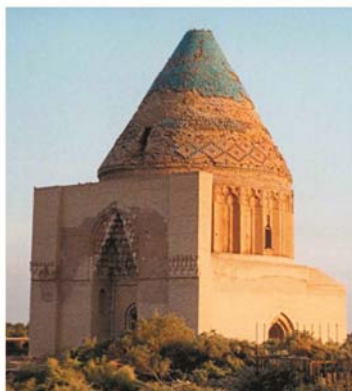
1

2

3

4

5

Рис. 8. Шатровые мавзолеи Средней Азии: 1 – Айша-биби (XI–XII вв.);
2 – Бабаджа-хатун (XI в.); 3 – Фахраддина Рази (XII в.);
4 – султана Текеша (XI–XII вв.); 5 – Гумбез Манаса (XIV в.)

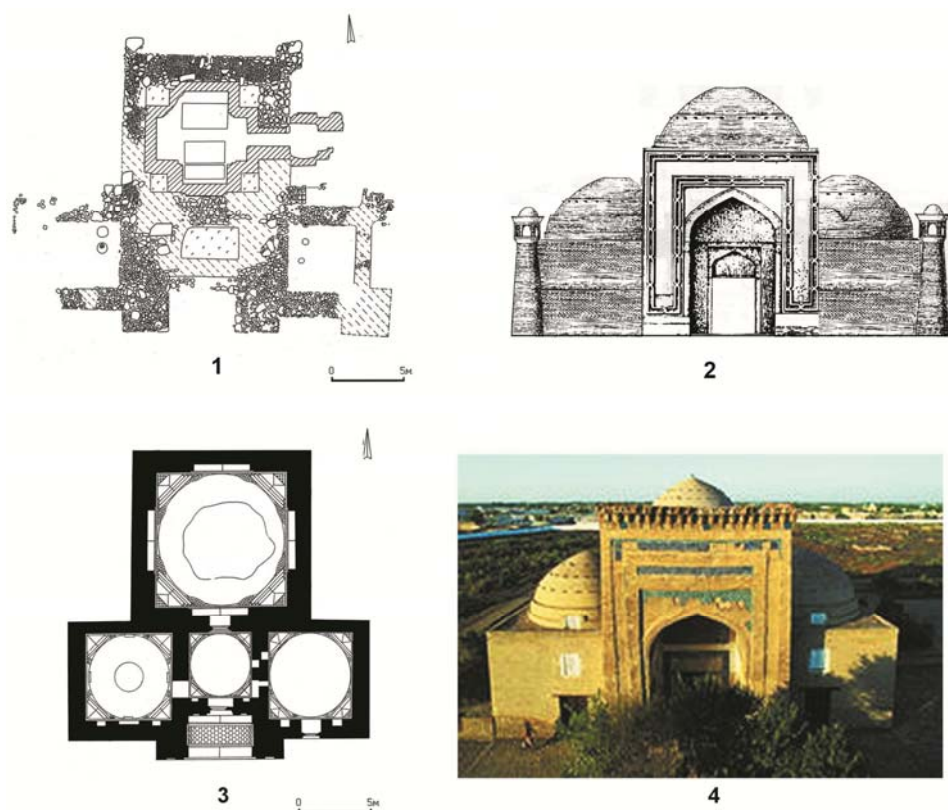

Рис. 9. Мавзолей № 1 в Мохше: 1 – план; 2 – вариант реконструкции.
Мавзолей Наджмеддина Кубра в Ургенче:
3 – план (по Г.А.Пугаченковой); 4 – современный вид

Генезис их был подробно рассмотрен Г.А. Пугаченковой [37, с. 86–88; 41]. В северных областях Средней Азии в XI–XII вв. возникает несколько вариантов архитектурного решения шатровых погребальных памятников. Здесь происходит соединение формы кубического и башенного мавзолеев и возникают центрические мавзолеи, такие как Айша-биби у Тараза (Южный Казахстан), Ак-Сарай-динг у Ташауза и фасадные мавзолеи, например, Бабаджа-хатун возле Тараза и мавзолей Фахреддина Рази в Куня Ургенче (Хорезм) (рис. 8.1–3). В XII в. в эту композицию вводится такой элемент как развитый портал (пештак) и возникает новая форма «портально-шатровых» мавзолеев. Ярким образцом портально-шатровых усыпальниц является мавзолей Текеша в Куня Ургенче (рис. 8.4). В дальнейшем эта схема получает широкое распространение. Одним из шедевров порталных мавзолеев с

шатровым покрытием XIV в. является Гумбез Манаса в Киргизии (рис. 8.5). Широкое распространение получили они и в Золотой Орде.

Еще одним ярким примером участия хорезмийских зодчих в сложении золотоордынской архитектуры может служить большой мавзолей города Мохши, расположенного в мордовских землях, в современной Пензенской области (рис. 9.1–2). Здание имело сложную конфигурацию и состояло из четырех помещений. Вход в здание, оформленный порталом находился с южной стороны. К северу от портала было небольшое тамбурное помещение, к которому с востока и запада пристроены две квадратные комнаты. Северная часть мавзолея представляла собой обширное, почти квадратное в плане помещение, под которым находился подземный склеп крестообразной формы. Все внешние углы здания оформлены колоннами различного диаметра, наиболее массивные находились на фасаде [4, с. 230–233]. Близким по плану этой постройке в Мохши является мавзолей Наджмеддина Кубра в Куны Ургенче [43]. Оба здания имеют близкие размеры и Т-образную планировку (рис. 9.3–4). По центральной оси находится массивный портал с айваном, тамбур и большое купольное помещение. По бокам к тамбуру примыкают квадратные помещения, которые также были перекрыты куполами.

Таким образом, в мемориальном зодчестве Золотой Орды достаточно четко прослеживается влияние архитектуры и строительного дела Средней Азии, а, скорее всего, именно Хорезма.

Малая Азия и Закавказье

Еще одним регионом, влияние которого на сложение архитектуры Золотой Орды трудно переоценить была Малая Азия. Особенно ярко это видно на примере культовой архитектуры.

Большая часть золотоордынских мечетей относится к одному типу – это квадратные или прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено рядами колонн, поддерживающих плоское перекрытие в виде балок или аркад (рис. 10). Прямоугольные мечети чаще вытянуты в меридиональном направлении, но могут быть – и в широтном, как Большая мечеть Верхнего Джулата. Главный вход в здание расположен в северной стене, напротив михраба и обрамлен порталом. При значительной площади здание может иметь дополнительные боковые входы как, например, в Болгаре, Сарая, на Кучугурском городище. Мечеть Сарая имеет небольшой внутренний дворик, в центре которого находится водоем. В мечети Водянского городища пространство перед михрабом отгорожено, и крыша в этом месте, вероятно, была выше [19; 22, с. 9–36; 24, с. 17–45]. Этот основной тип мечетей в Золотой Орде сложился под влиянием Малой Азии. Малоазийские мечети сельджукского периода представляли собой базилики, то есть прямоугольные залы, разделенные на нефы рядами столбов или колонн, соединенных балками или аркадами (рис. 11). Характернейшей чертой сельджукских мечетей является наличие

в крыше светового люка, под которым находится сильно редуцированный внутренний дворик с фонтаном. Над предмихрабной частью мог быть введен небольшой купол [55, р. 93–99; 57, р. 24–42]. Кроме больших мечетей базиличного плана в Золотой Орде существовали и другие. Купольные мечети Крыма представляют собой небольшие здания, состоящие из одного или двух помещений (рис. 12.1–2). Квадратное помещение молельного зала, перекрытое куполом, предваряется прямоугольным тамбуром со сводчатым перекрытием. В углу здания может быть встроен минарет. Такую же структуру имеют небольшие малоазийские мечети сельджукского и ранне-османского периодов (рис. 12.3–12), такие как мечеть ‘Ала ад-дина в Бурсе (1335 г.), Орхан Гази в Билесике, Зеленая мечеть в Изнике (1378 г.) [55, р. 114–116; 57, р. 82–84]. С мечетями связаны минареты, образующие с ними единый архитектурный ансамбль. В Золотой Орде большинство мечетей имело минареты, однако очень немногие из них дожили до современности. Два минарета сохранились почти полностью, еще два известны по рисункам и фотографиям. От остальных построек остались только цокольные части. Достоверно известно лишь то, что они имели призматический цоколь, который через восьмигранник или помимо него переходил в круглый в сечении ствол [19; 22, с. 36–46; 24, с. 46–57]. Подобные архитектурные формы характерны только для Малой Азии и связанных с ней стран. Они возникают там в сельджукское время и, несколько видоизменяясь, существуют в дальнейшем. Таковы, например, минарет Алаеддин Джами в Нигде постройки 1223 г., Ивли Минар в Анталии 1220 г., минареты Большой мечети и Гёк-медресе в Сивасе 1271 г., Зеленой мечети Изника 1378 г. [55, р. 161–164; 57, р. 26–44]. Сходное трехчастное деление имеют и минареты Азербайджана [7, с. 88–96; 156–160], откуда также мог идти культурный импульс в Золотую Орду.

Архитектурные формы некоторых типов золотоордынских мавзолеев также указывают на связь с Малой Азией сельджукского периода. Прежде всего, это относится к тем регионам, где превалировало строительство из камня, таким как Волжская Булгария и Крым. Булгарские мавзолеи, Восточный, Северный и Ханская усыпальница состоят из квадратного цоколя, восьмигранного барабана и купола с шатровым покрытием. Переход от невысокого квадратного в плане помещения к восьмигранному барабану осуществляется за счет наружных треугольных скосов и внутренних пирамидальных тромпов. Такой прием повсеместно применяется в Закавказье и Анатолии, причем не только в мемориальных постройках. В Средней Азии переход к барабану снаружи обычно не прослеживается, а внутри оформляется арочными тромпами различного строения. Портал, выступающий наружу в виде двух нешироких пилонов, образующих тамбур, встречается в Анатолии и Азербайджане, правда не столько в мавзолеях, сколько в мечетях и других постройках, в то время, как в Волжской Булгарии этот

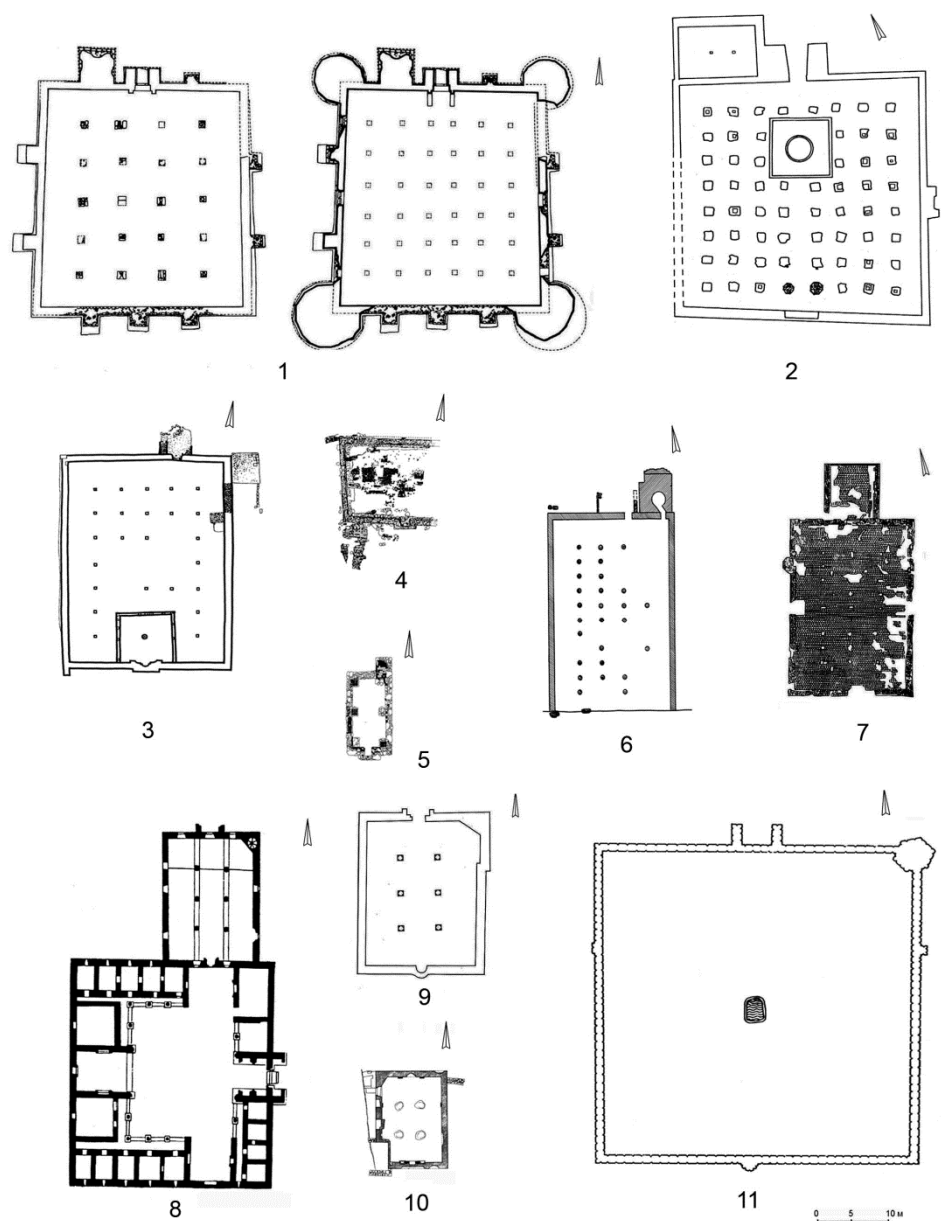

Рис. 10. Мечети Золотой Орды базиликальной планировки: 1 – Болгар I и II периоды; 2 – Селитренное городище; 3 – Водянское городище; 4 – Большая мечеть Верхнего Джулата; 5 – Малая мечеть Верхнего Джулата; 6 – Нижний Джулат; 7 – Кучугурское городище; 8 – мечеть и медресе Узбека в Солхате; 9 – «Бейбарса» в Солхате; 10 – в Чуфут-кале; 11 – в Старом Орхее

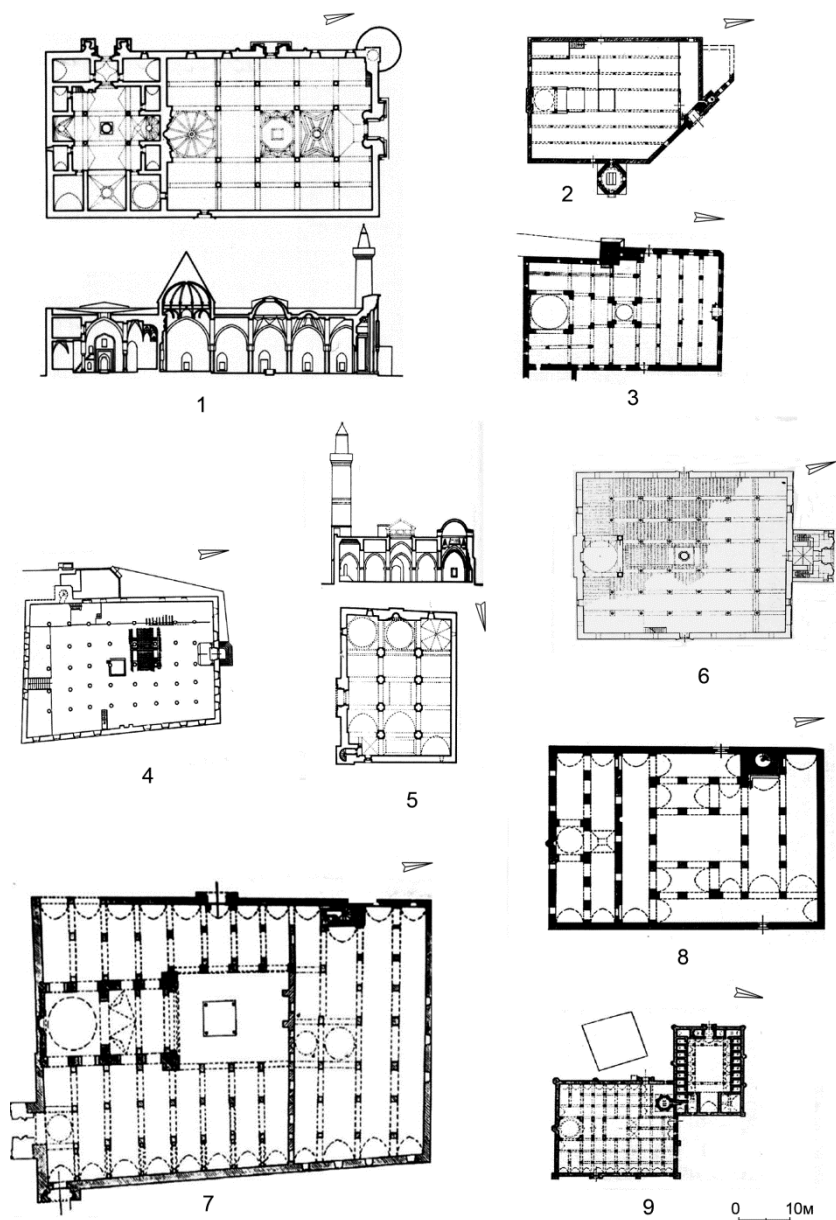

Рис. 11. Мечети Малой Азии сельджукского периода (XII–XIII вв.):
 1 – в Дивриги; 2 – в Бейшехире; 3 – в Кайзери; 4 – в Афьоне Карахиссаре;
 5 – в Нигде; 6 – Сахиб Ата в Конье; 7 – в Малатье; 8 – в Харпуте;
 9 – мечеть-медресе Хунат-Хатун в Кайсери (по Р.Хилленбранду)

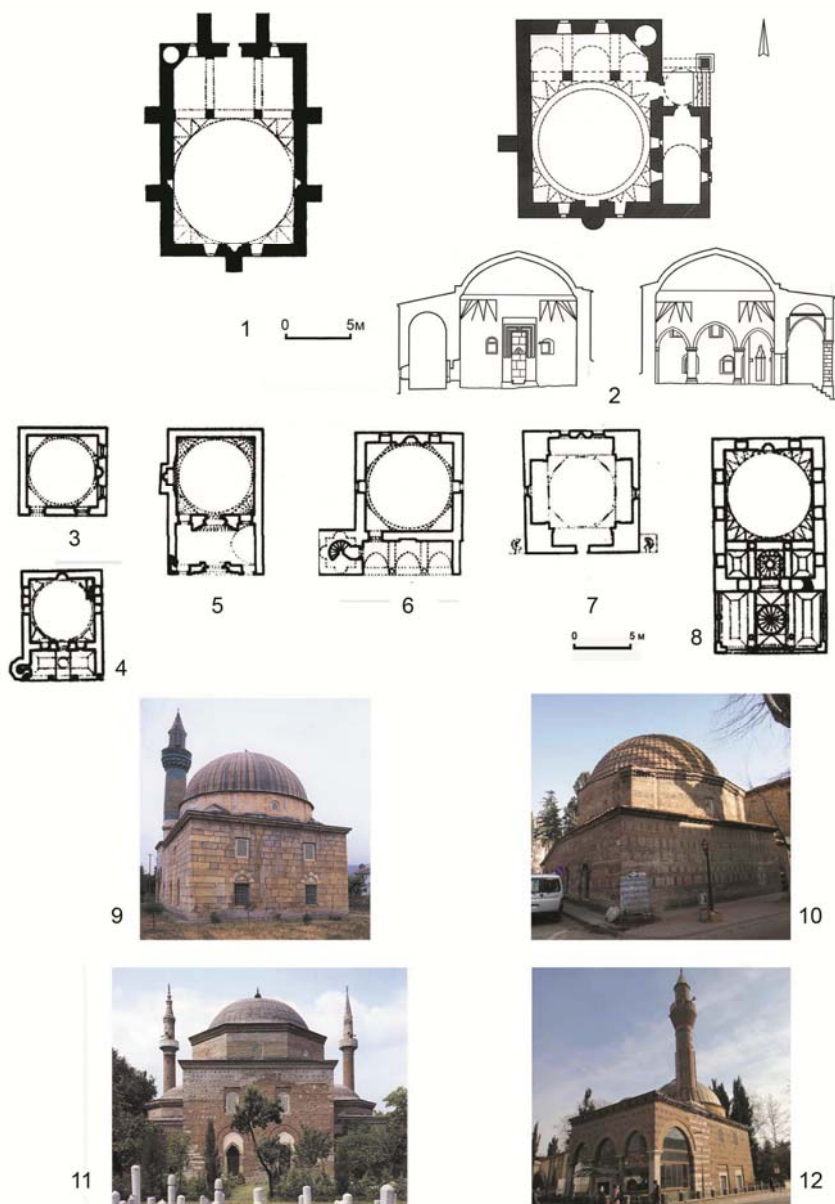

Рис. 12. Купольные мечети Крыма и Малой Азии: 1 – Куршун Джамии в Солхате, план (по А.С.Башкирову); 2 – мечеть в Судак, план и разрезы (по И.А.Баранову и М.А.Фронжуло); 3 – Феррух Шах в Акшехире; 4 – Ала ал Дина в Бурсе; 5 – Хаджи Феррух в Конье; 6 – Хока Хасан в Конье; 7 – Орхан Гази в Билесике; 8, 9 – Зеленая мечеть в Изнике (конец XIV в); 10 – Хаджи Ёзбек в Изнике; 11 – Мурад Паша Джамии в Бурсе (1378 г.); 12 – мечеть (текие) Якуба Челекби в Изнике (конец XIV в.) (по Р. Хилленбранду, Г. Стирлину)

элемент является неперменным атрибутом любого мавзолея. По своей пространственной структуре мавзолеи Болгара также имеют определенное сходство с башенными мавзолеями Малой Азии и Азербайджана [24, рис. 120]. Здесь только изменены пропорции: квадратный в лане цоколь чуть выше, а восьмигранная призма, в которую он переходит, ниже (рис. 13). Венчают и те, и другие мавзолеи шатровые купола. Болгарские мавзолеи отличаются также тем, что у них, в отличие от малоазийских есть выступающий портал. Сходную структуру, но в несколько огрубленном виде имеет мавзолей Тура-хана в Башкирии. По всем выделенным признакам, строительной технике, типу планировки, наличию пирамидальных тропов, наружных скосов и выступающего портала, малые мавзолеи Болгара более всего напоминают дюрбе Мухаммед-Шах-бея в Крыму.

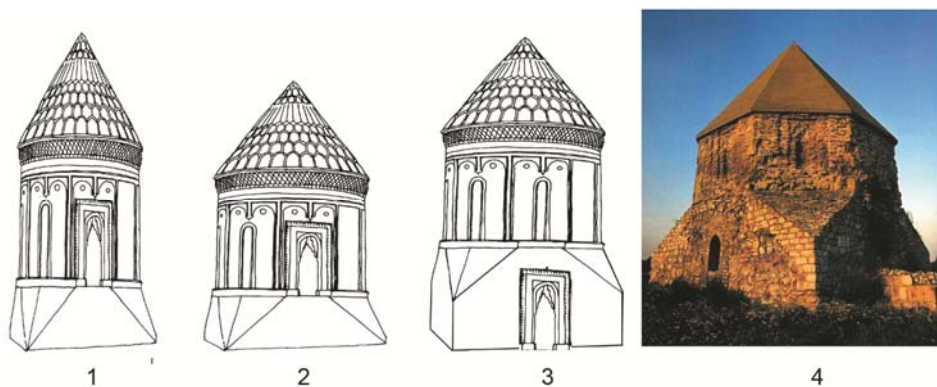

Рис. 13. Схема трансформации малоазийского башенного мавзолея в болгарский:
1 – малоазийский башенный мавзолей; 2, 3 – изменение пропорций;
4 – Восточный мавзолей Болгара

Выдающимся памятником мемориального зодчества не только Волжской Булгарии, но и всей Золотой Орды является памятник, носящий название Черная палата. В.В.Егоров сравнивал его с мавзолеями Исмаила Самани (X в.), султана Санджара (XII в.), Фахраддина Рази (XII в.), шейха Шерефа (XII в.) и пришел к однозначному выводу о принадлежности его к среднеазиатской группе мавзолеев раннего периода. Черты явного отличия этот исследователь приписывал влиянию закавказской строительной техники и приспособлению к местным условиям [16, с. 369–371]. Примерно такой же точки зрения придерживается С.С.Айдаров [3, с. 142]. Эта точка зрения не бесспорна, а объединение среднеазиатских мавзолеев в одну группу несколько искусственно. Достаточно отметить, что они относятся к различным типам. Мавзолей Исмаила Самани – кубическое здание центрического плана, увенчанное полусферическим куполом. Центрический мавзолей

Санджара отличается от него наличием высокого барабана. Мавзолеи Фах-раддина Рази и шейха Шерефа относятся к группе шатровых мавзолеев, причем один из них является фасадным, а другой порталным. Эти памятники, выстроенные из кирпича в среднеазиатской технике можно связывать с Черной палатой только в самом общем виде, например, по пространственной композиции или по центричности плана. Более правомерным представляется мнение Ф.Х. Валеева, который считает, что «внешнее объемное решение Черной палаты в стилевом отношении обнаруживает связь с памятниками Малой Азии, Крыма, Азербайджана» [8, с. 141].

По своему внешнему облику Черная палата более всего напоминает простейшие турецкие мечети постсельджукского и ранне-османского периодов (рис. 12.9–12). Эти здания, построенные также из камня, имели кубическое основание, переходящее в невысокий многогранный или круглый барабан, перекрытый полусферическим, чуть уплощенным куполом. На глухой плоскости стен выделялись только небольшие окна стрельчатого очертания. Такие же окошки, еще меньшего размера, находились на гранях барабана. Очень близки к мечетям по внешнему виду и ранне-османские мавзолеи. [55, р. 495; 57, р. 82, 90–95]. По сравнению с ними здание Черной палаты выглядит более изысканно, так как его объем расчленен на четыре, постепенно сужающиеся яруса, но в целом стилистическое единство этих построек бросается в глаза.

Еще одним примером влияния сельджукской Малой Азии и Закавказья на архитектуру Золотой Орды является планировка общественных бань-хаммам, предназначенных для зажиточного населения городов. Композиционным центром этих зданий является обширный крестообразный зал, служащий массажным отделением (рис. 14). Наличие такого зала характерно для всех восточных бань [11], но форму креста массажное отделение имеет только в Турции и в Азербайджане. В Средней Азии, с которой ранее связывали эти постройки, настоящие хаммам получают распространение не ранее монгольского времени, и центральный зал в них восьмиугольный в плане. С азербайджанскими бани крестового плана в Золотой Орде сближает также наличие фонтанов или других водоемов в середине центрального зала или предбанника. Эти фонтаны являются реминисценцией больших открытых водоемов азербайджанских бань. Развитая водопроводная система из керамических или металлических труб также характерна для Закавказья и отсутствует в Средней Азии.

В.Л. Воронина исследовала возникновение и распространение хаммам крестового плана и пришла к выводу, что этот тип планировки зародился в центральных районах Ирана и был перенесен тюрками-сельджуками в Малую Азию и Закавказье [11], а оттуда он проник в Золотую Орду.

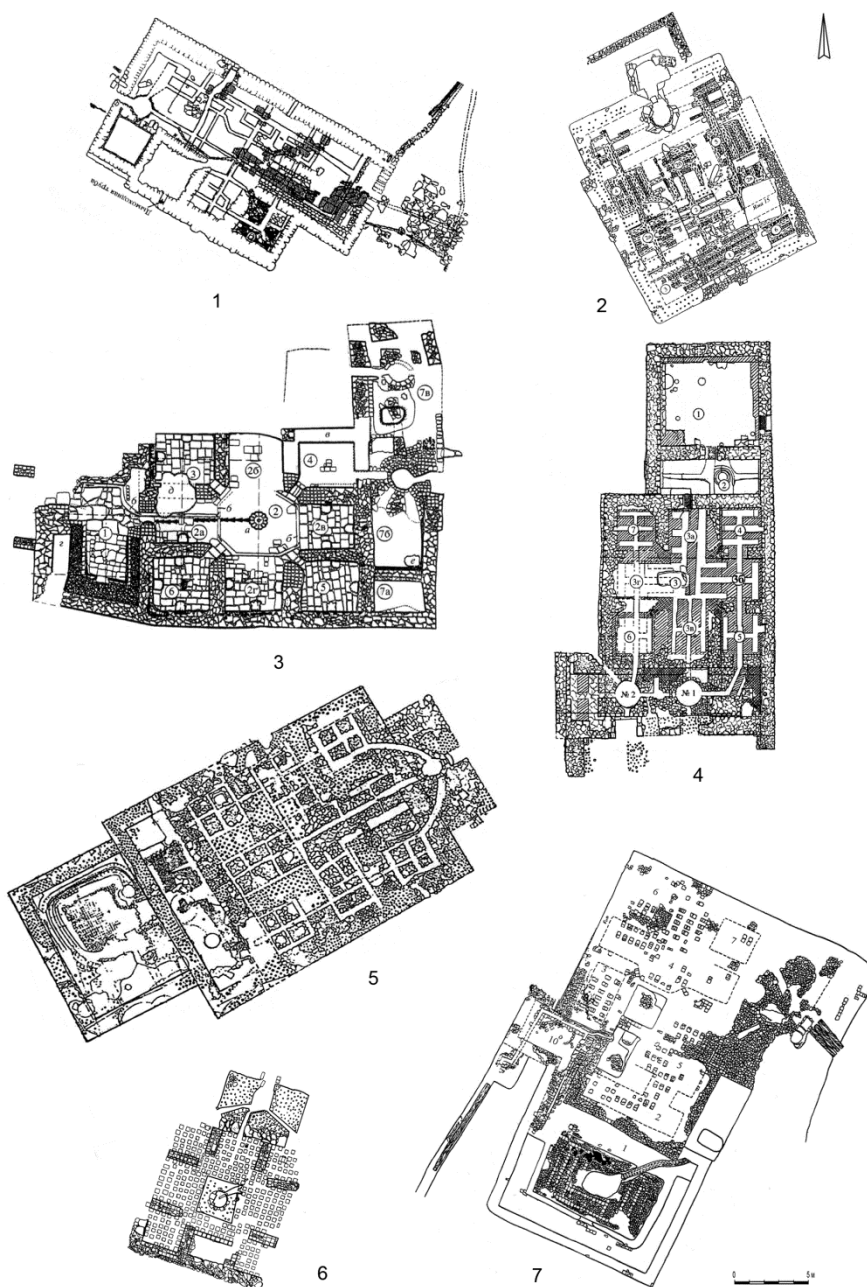

Рис. 14. Бани с крестообразным залом: 1-2 – бани 2, 3 в Болгаре;
3 – Красная палата; 4 – Белая палата; 5 – № 6 в Болгаре;
6 – в Мохше; 7 – общественная баня на Селитренном городище

Армения, Византия, Балканы, Латинский Запад

Латинское влияние на золотоордынскую архитектуру прослеживается, в основном, в Крыму, где в начале XIII в. обосновались венецианцы, а затем их сменили генуэзцы. Соответственно, в Крыму строилось большое количество христианских храмов, многие из которых были католическими. Так в регистрах Массарии Каффы 1381 и 1386 г. приведен список из двадцати латинских храмов [2, с. 59]. В Уставе Каффы 1449 г. упоминаются 17 римско-католических церквей, кроме дворцовой [47, с. 704–706]. Также в Крыму строились греческие и армянские церкви.

Архитектура церквей золотоордынского периода является отражением полиэтнического состава населения Крыма [24, с. 74–89; 25]. Среди греческих храмов есть небольшие крестово-купольные постройки (Херсонес, Лаки, Каффа). Но большинство церквей представлено зальными постройками или так называемыми «однефными базиликами». Крестово-купольные и зальные храмы Крыма построены под влиянием не столько Византии, сколько Малой Азии и Балкан. Зальные одноапсидные церкви вообще не характерны для столичной византийской архитектуры, и строились преимущественно в провинции.

Довольно интересным типом культовых построек являются двухапсидные храмы, представленные в золотоордынский период «храмом на консолях» в Судак и двухапсидной церковью Фуны. Здания этого типа встречаются на огромной территории, причем наибольшее их количество известно в Армении, Малой Азии, островной Греции и Италии. По поводу архитектурных особенностей этих храмов исследователи не пришли к единому мнению. Ряд исследователей связывают различные части храмов с определенными функциями. Так большая часть могла служить для литургии евхаристии, а меньшая использоваться для крещения или поминания.

Среди сохранившихся зданий Крыма большой процент составляют армянские церкви, также представленные крестово-купольными композициями и простыми зальными церквями. Следует отметить, что многие армянские церкви Крыма имеют выступающую апсиду, в чем, вероятно, сказалось греческое влияние. В церквях Армении апсида снаружи обычно не выделена. Католические церкви до нашего времени не сохранились, однако, в архитектуре некоторых армянских церквей (Михаила и Гавриила, св. Сергия в Каффе, Св. Ильи у с. Богатое) отчетливо прослеживается влияние латинского Запада. В качестве примера соединения воедино различных традиций можно привести церковь монастыря Св. Ильи. Вытянутый прямоугольный план с вписанной в объем здания апсидой, а также рельефное изображение евангельских сюжетов типичны для армянских церквей. Порталы со сталактитовыми нишами, ниша над купелью, сталактитовое оформление капителей, рама входа в виде «сельджукской цепи» и наличники с розетками говорят о малоазийском влиянии. И, наконец, кре-

стовый свод на гуртах, заменяющий купол и обходная галерея за апсидой напоминают о канонах романской архитектуры (рис. 15).

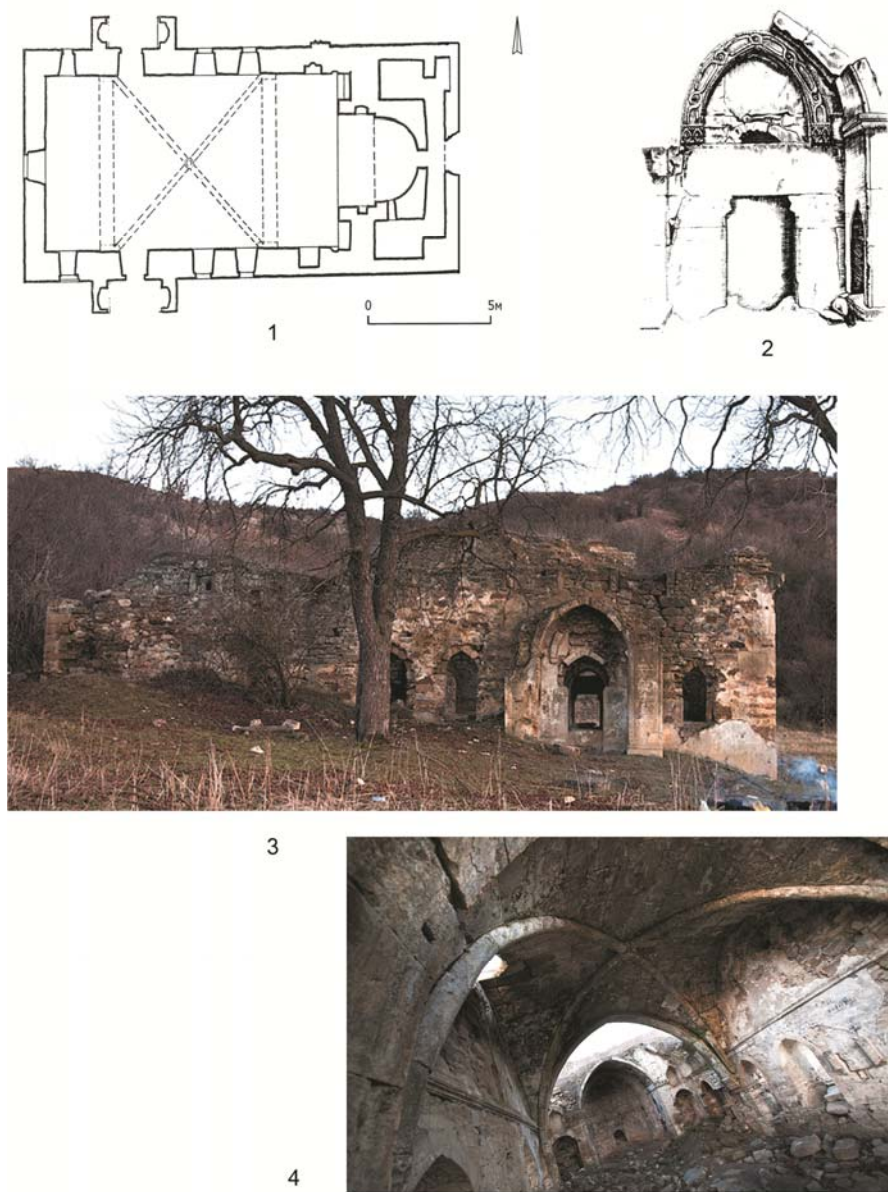

Рис. 15. Церковь монастыря Св. Ильи: 1 – план (по А.Л. Якобсону и Ю.А. Таманяну); 2 – портал (по Е.А. Айбабиной); 3 – вид с севера; 4 – интерьер

Анализ архитектурного декора, который представлен в Крыму почти исключительно резным камнем, показывает, что наряду с западной и армянской традициями достаточно явно прослеживается и малоазийская [2]. Так же, как и в мусульманских постройках, элементы малоазийского сельджукского стиля присутствуют почти во всех христианских храмах Крыма.

Золотоордынский центр слабо влиял на внутреннюю жизнь городов Крыма. Тем не менее, приток населения из Армении и Малой Азии, а с ним и новых строительных традиций, во многом явился результатом монгольских завоеваний. Что касается тенденций в строительстве культовых христианских сооружений, то они были совершенно идентичны, как на территориях подвластных Генуе, так и на собственно золотоордынских землях.

В рамках данной работы невозможно полностью охарактеризовать все многообразие различных влияний и традиций, благодаря которым складывалась монументальная архитектура в Золотой Орде. Наверняка их было гораздо больше, и здесь удалось наметить лишь наиболее явные и выразительные. На огромных просторах Монгольской империи, а потом и Золотой Орды различные народы вступали в культурный диалог, и их голоса, звучавшие сначала диссонансом, постепенно сливались в единый хор. Так рождалась многокомпонентная культура Золотой Орды и монументальная архитектура, как ее часть. С упадком государства процесс замедлился, а с его развалом прекратился. Тем не менее, сейчас мы достаточно уверенно можем говорить о золотоордынской цивилизации и ее развитой культуре с четко вычленяемыми компонентами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажигали С.Е., Турганбаева Л.Р. Абат Байтак – жемчужина Казахской степи. Алматы, 2004. 20 с.
2. Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь, 2001. 276 с.
3. Айдаров С.С. Архитектурные комплексы средневекового Болгара // Архитектурное наследие, XXIV. М., 1976. С. 134–143.
4. Алихова А.Е. Мавзолеи города Мохши-Наровчата // СА. 1973. № 2. С. 226–238.
5. Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии. Ташкент: Фан, 1981. 120 с.
6. Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // Известия АН КазССР. Вып. 2. Алма-Ата, 1972.
7. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. М.: Наука, 1966. 558 с.
8. Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975. 214 с.

9. Воронина В.Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии // СЭ. 1963. № 6. С. 84–96.
10. Воронина В.Л. Жилище народов Средней Азии и климат // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 48–69.
11. Воронина В.Л. Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // Архитектурное наследство. 1983. № 31. С. 133–157.
12. Всеобщая история архитектуры. Т. 1: Архитектура древнего мира / Под редакцией О. Х. Халпахчына (ответственный редактор). М., 1970. 512 с.
13. Всеобщая история архитектуры. Т. 2: Архитектура античного мира (Греция и Рим) / Под редакцией В.Ф. Маркузона, Б.П. Михайлова И.С. Николаева, О.Х. Халпахчына, Ю.С. Ярлова. М., 1973. 712 с.
14. Давыдова А.В. Иволгинское городище // СА. 1956. XXV. С. 261–301.
15. Древнемонгольские города / авт. кол.: С.В. Киселев [и др.] М.: Наука, 1965. 367 с.
16. Егерев В.В. Архитектура города Болгара // МИА. 1958. № 61. С. 360–392.
17. Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970. С. 172–194.
18. Ерзакович Л.Б. Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII–XVIII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
19. Зиливинская Э.Д. Золотая Орда как архитектурная провинция ислама: мечети Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма // *Archaeologia Abrahamica*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М.: «Индрик», 2009. С. 349–385.
20. Зиливинская Э.Д. Усадьбы и дворцовые здания Золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Планировка, традиции, инновации // Степи Европы в эпоху средневековья / Ред. А.В. Евглевский. Т. 8. Донецк, 2010. С. 97–164.
21. Зиливинская, Э.Д. Золотоордынские мавзолеи Северного Кавказа // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2010. Вып. 3. С. 52–69.
22. Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2011. 252 с.
23. Зиливинская Э.Д. Архитектурные памятники Маджара по рисункам и описаниям XVIII в века // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, краеведение, музееведение. Вып. XI. М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 309–331.
24. Зиливинская Э. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. М.-Казань: «Отечество», 2014. 448 с.
25. Зиливинская Э.Д. Христианские храмы периода Золотой Орды в Крыму // Традиции и инновации в истории и культуре. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук / Отв. ред. А.П.Деревянко, В.А.Тишков. М., 2015. С. 133–147.
26. Зиливинская Э.Д. Традиции архитектуры Хорезма в мемориальном зодчестве Золотой Орды // История и археология Турана. № 2. Самарканд, 2016. С. 59–75.
27. Кастанье И.А. Надгробные сооружения Киргизских степей // Труды ОУАК, вып. XXVI. Оренбург, 1911. 104 с.

28. Книга Марко Поло // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов; Гильем де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. М., 1997. 461 с.
29. Кондратьева М.И. О юртообразных зданиях Внешней Монголии // СЭ. 1935. № 3. С. 14–41.
30. Крадин Н. Монгольская империя и ее роль в мировой истории // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 58–71.
31. Крамаровский М.Г. Рах Mongolica и проблемы глобализации культуры Евразии // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 19–24.
32. Крамаровский М.Г. Рах Mongolica и чингисидская глобализация // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи. Каталог выставки. М.: Фонд Марджани, 2019. С. 15–59.
33. Кызласов Л.Р. Ранние монголы // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 170–178.
34. Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. М.: Вост. Лит., 2001. 173 с.
35. Майдар Д., Пюрвеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры. М.: Стройиздат, 1980. 216 с.
36. Массон В.М. Древнеземледельческие поселения Маргианы // МИА. М.-Л., 1959. № 73. 215 с.
37. Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. «Гумбез Манаса». (Киргизское зодчество. XIV в.) (Серия «Памятники архитектуры народов СССР»). М., 1950. 144 с.
38. Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (X–XIV вв.). М.: Наука, 1976. 254 с.
39. Неразик Е.Е. Средневековые сельские постройки Хорезма в связи с проблемами формирования некоторых типов жилищ оседлого населения Средней Азии // Жилища народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 164–179.
40. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи в 1768–1769 гг. Ч.1. СПб, 1809. 773 с.
41. Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Труды ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949. С. 57–77.
42. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: Искусство, 1958. 328 с.
43. Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана. Очерк с древнейших времен до 1917 г. М.: Искусство, 1967. 328 с.
44. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М.: Искусство, 1965. 688 с.
45. Рубрук Г. Путешествия в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов; Гильем де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. М., 1997. 461 с.
46. Типы традиционного сельского жилища Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979. 286 с.
47. Устав для генуэзских владений в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. Перевод и комментарий В. Юргевича // ЗООИД. Т. V. Одесса, 1863. С. 629–837.
48. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. 232 с.

49. Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX–X вв. Берлин-Рига: Continent, 1992. 344 с.
50. Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI–начала XIII вв. Часть II. Берлин-Рига: Gamajun, 1997. 232 с.
51. Хмельницкий С. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Берлин-Рига: Gamajun, 2000. 290 с.
52. Хмельницкий С. Дворцы Хутталя. Идеи и формы гражданской архитектуры Средней Азии IX–XII веков. Берлин: Savadowski-Verlag, 2006. 150 с.
53. Якубов Ю. Раннесредневековые бытовые очаги из поселения Гардани Хисор // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 111–121.
54. Erdenebat U., Pohl E. Aus der Mitte der Hauptstadt – Die Ausgrabungen der Universität Bonn im Zentrum von Karakorum // Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. Bonn, München, 2005. P. 170–183.
55. Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York: Columbia University Press, 1994. 645 p.
56. Stierlin H. Islam. Early Architecture from Baghdad to Cordoba. Vol.1. Köln: Taschen, 1996. 240 p.
57. Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Taschen, 1998. 238 p.
58. Taagepera, R. Size and Duration of Empires: Systematics of Size; Size and Duration of Empires: Growth-Decline Curves, 3000 to 600 B.C. Social Science Research 7. 1978. P. 108–127, 180–196.
59. Taagepera, R. Size and Duration of Empires: Growth-Decline Curves, 600 B.C. to 600 A.D. Social Science History 3 (3–4). 1979. P. 115–138.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.
ОУАК – Оренбургская ученая архивная комиссия
СА – Советская археология. М.
СЭ – Советская этнография. М.
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

Сведения об авторе:

Эмма Давидовна Зиливинская – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: eziliv@mail.ru

**Музейные коллекции Каира, отражающие связи
мамлюкского Египта с Золотой Ордой***

В статье рассматриваются дипломатическая и культурная связь между Золотой Ордой и мамлюкским Египтом, установившаяся в середине XIII века представляет собой огромный интерес как для понимания социально-политической истории, а также истории науки и литературы, искусства этих двух государств. Сохранившиеся до наших дней памятники архитектуры, материальной и духовной культуры доказывают существование насыщенной духовной и культурной жизни, демонстрирует всю глубину взаимодействия Золотой Орды и Мамлюкского Египта. Музеи Каира обладают невероятно богатой коллекцией предметов египетского искусства. Но помимо культурного достояния Египта, представлены экспонаты также из других уголков исламского мира. В общей сложности, в каирском Музее Исламского Искусства представлено на обозрение посетителей больше 62-х тысяч экспонатов разных народов и из разных эпох. Все они иллюстрируют развитие исламского искусства. Здесь можно увидеть самые разные экспонаты: предметы из металла, стекла, мраморные фонтаны с искусной резьбой, лепнину, керамику, оружие времен мамлюков, ковры, разнообразный текстиль, превосходно украшенные Кораны и манускрипты.

Ключевые слова: Золотая Орда, Египет, мамлюки, архитектура мамлюкской эпохи, исламское искусство

Дипломатическая и культурная связь между Золотой Ордой и мамлюкским Египтом, установившаяся в середине XIII века представляет собой огромный интерес как для понимания социально-политической истории, а также истории науки и литературы, искусства этих двух государств. Сохранившиеся до наших дней памятники архитектуры, материальной и духовной культуры доказывают существование насыщенной духовной и культурной жизни, демонстрирует всю глубину взаимодействия Золотой Орды и Мамлюкского Египта.

История возникновения дипломатических отношений между Золотой Ордой и Египтом напрямую связана с именем золотоордынского хана Берке и мамлюкского султана Бейбарса. Будучи султаном Египта, он оказывал большое содействие переселенцам, прибывшим с территории Золотой Орды. Как сообщает ал-'Умари: «Цари из них (т.е. египетские султаны из тюркских мамлюков) чувствовали склонность к своим родичам и хло-

* Перевод с арабского Э.Г. Сайфетдиновой.

потали об усилении числа их, так что Египет заселился ими и стал, охраняем ими со всех сторон. Из них были светила государевой свиты, представители собраний, предводители войск и вельможи земли его (Египта) [1, с. 237]. Так, Бейбарс выделил прибывшим в Египет татарам жилища в престижном месте рядом с воротами Каирской крепости Баб ал-Лук (сейчас это центр современного Каира) [5, с. 56]. В сочинениях авторов мамлюкской эпохи зафиксировано, что существовал отдельный квартал под названием «Орда».

Доказательством огромного влияния тюркских переселенцев являются архитектурные памятники мамлюкской эпохи, в которых зафиксированы титулы: «Атабек», «Устаз», «Асфаклар», «Гандар», «Лала», «Устадар», «Хавага» и др. Титул «Атабек» применялся в титуловании военных чиновников, армейский командиров. Так например при правлении султана ал-'Ашрафа Куджука (1341–1342): государством фактически управлял атабек войска по имени Каусан. На фасадах каирских зданий мамлюкской эпохи, можно отметить надпись на фасаде мечети фатимидской эпохи под названием «Джандар» («Управитель души»). Джандары относились к личной гвардии султанов или эмиров и отвечали за выполнение церемониальных и некоторых политических обязанностей. Эта должность была популярна во времена правления султана ан-Насира Мухаммеда ибн Калауна. В Каире можно рассмотреть этот титул на деревянной надписи минбара мечети ас-Салиха Талайи, датированной 699 г.х. /1300 г. Эта работа эмира Биктимура ал-Гакендара ан-Нассери. Устадар («Управитель дома») – должность, за которой в мамлюкском государстве было закреплено управление дворцовыми делами. Устадар заботился о снабжении султана и его семьи продовольствием, драгоценными украшениями и другими необходимыми вещами. Этот титул зафиксирован во многих зданиях мамлюкского периода, в частности, на главном фасаде медресе Могултай ал-Джамали 730 г.х. / 1347 г. Сам 'Алаетдин Могултай, по происхождению был тюрком и впоследствии стал одним из влиятельных эмиров времен правления мамлюкского султана ан-Насира, имевшего тесные дипломатические контакты с Золотой Ордой, также известного тем, что он заключил династический брак с одной из золотоордынских принцесс чингизидского рода.

Эмир 'Алаэтдин Могултай Ибн 'Абдалла ал-Джамали по прозвищу как Бахарз (Бахараз) по-тюркски, означает «Петух». Он был из кыпчакских степей, куплен султаном маликом ан-Насиром Мухаммедом бин Калауном, который освободил его от рабства и отправил на службу к своему наместнику эмиру Сарам ад-дину Ибрахиму ал-Ибрахими в месяц сафар 718 г.х. Через некоторое время султан Насир вернул его во дворец и давал ему различные поручения и даже вверял свои секреты. В тот же год он назначил его в качестве руководителя хаджа в земли Хиджаза. После его возвращения султан назначил его на должность усадара. Могултай хорошо выпол-

нял свою службу и в благодарность за это султан Насир отправил Могултая главнокомандующим армии для подавления мятежников в Александрии 1327 г. После жесткого подавления восстания, его авторитет возвысился в замке султана Мухаммед ан-Насира ал-Калауна. Однако вместе с этим он обрел множество врагов среди эмиров, и султан был вынужден освободить его от должности и Могултай отправился в Хиджаз. На обратном пути он скончался в местечке Акаба (в Иордании). Привезли его тело в Каир и похоронили в ханака, возведенное ранее по его приказу. Медресе и ханака Могултая, построенные в первой половине XIV века сохранилось до наших дней. В медресе, построенном Могултаем, преподавались учения ханафитского толка, также рядом с ним расположена суфийская ханака основоположником и наставником которой был Шейх 'Ала ад-дин 'Али бин 'Усман ат-Туркмани Ханафи, а затем его сын, главный судья Джамал ад-дин 'Абдулла Ханафи ат-Туркмани, а затем его сын Садр ад-дин Мухаммед бин 'Абдулла бин 'Али ат-Туркмани Ханафи. В медресе преподавали великие знатоки ханафитского толка. Это медресе в свое время считалось одним из самых лучших в Каире. Содержалось за счет вакфа (рис. 1, 2)*.

Архитектурная эпиграфика мамлюкской эпохи особо интересна с точки зрения изучения истории не только Египта, но и всего мусульманского Востока. Надписи представляют собой уникальные образцы письменности, содержат данные о важных событиях, исторических личностях.

Значительного развития торговые, культурные и дипломатические отношения с мамлюкским Египтом достигли при правлении Узбек-хана, который правил на золотоордынском троне с 1312/1313–1341 г.

Одним из значимых шагов в сближении двух стран был династический брак между мамлюкским султаном ан-Насиром и царевной из чингизидского рода по имени Тулбией (Тулунбай, Дулунба) [6]. В Египте до сих пор сохранены памятники архитектуры мамлюкского периода, в частности, относящиеся к периоду правления малика ан-Насира. Также известны и захоронения его любимой жены Тогай. Благоклонно относился к мамлюкскому султану и Узбек-хан, средневековые арабские летописи сообщают что прислал ему «охотничью одежду с вытканными на ней картинами охоты и отороченную беличьим мехом, халат из бобровых шкур, вышитый головной убор, кусок материи, которая обертывается вокруг головного убора на манер чалмы, с вышитыми по обеим концам титулами султана, золотой пояс, меч, местного производства и золотом шитое султанское знамя» [3, с. 20].

Что же касается сватовства на родственнице Узбек-хана, в Египет была отправлена двоюродная сестра Узбек хана, Тулбия (Тулунбай, Дулунба). Когда хатунь сошла с корабля, то ее усадили в позолоченную палатку на повозку. По сообщению Ибн Даудари, «она была в позолоченной одеж-

* Рис. 1–7 к статье см. на цветной вклейке.

де, похожие на одежду чужестранцев» [5, р. 354]. Тулбия умерла в 1335 году, ее высокий и уважаемый статус доказывается и тем, что захоронена она была в отдельном мавзолее (часовне), могила ее сохранена до сих пор в Каире. Память о Тулбии сохранилась не только в письменных и архитектурных памятниках мамлюкской эпохи, сегодня ее именем названа одна из улиц старого Каира (рис. 3).

Эмир Каусан был знаменитейшим человеком в Каире. В Египет он прибыл вместе со свадебной процессией Тулбии. Был замечен султаном и сразу сделался его приближенным, сначала стал смотрителем султанской конюшней, затем стал начальником войска. Ан-Насир выдал за него замуж свою дочь, также поручил ему стать опекуном детей султана, настолько султан доверял ему. Добившись признания султана и упрочив свое положение Кусун, вскоре пригласил в Египет своих родственников, в том числе и своего брата Саусана, который впоследствии стал одним и супругов Тулубай. Сохранилось множество архитектурных памятников, связанных с именем эмира Кусуна: мечеть, дворец, караван-сарай и его мавзолей. Постройка мечети была осуществлена архитектором Ахмедом Харири и закончена в 1383 году. На фасаде мечети, сохранилась надпись о том, что благословенная мечеть была построена по приказу бедного слуги Всевышнего Аллаха – Каусана ас-Саки ал-Малики ан-Насири. Мечеть была отреставрирована в 1893 году во время правления в Египте хедива Аббас II Хильми-паша (рис. 4). Дворец эмира Каусана был построен еще в 1238 году, т.е. ему достался уже готовый дворец, который впоследствии также был использован другими мамлюкскими эмирами. Исторические источники упоминают, что дворец отличался изысканным убранством, потолки украшены позолотой, посередине был расположен мраморный фонтан, мраморный пол, свидетельствующий о красоте исламской архитектуры в период правления мамлюков, и дверь главного дворца. Он также имеет резные украшения на камне и включает в себя мемориальную доску с именем султана ал-Малика ан-Насира Мухаммеда ибн Калавуна, а также имя создателей дворца Мухаммеда ибн Ахмада и Ахмеда Заалаша аш-Шаами. Караван-сарай был основан принцем Сейф ад-Дин Каусан ас-Саки ан-Насири в 1341 году, и от него ничего не осталось, кроме входа, сделанного из гранитного камня. Гранитный камень был привезен из древнеегипетского храма, на котором сохранилась надпись из иероглифов (рис. 5). О мавзолее эмира Кусуна сохранилась информации в «Хитат» ал-Макризи [2, с. 497]. В музейных коллекциях Каира сохранилось множество экспонатов Кусуна, в частности посуда, лампы (рис. 6, 7).

Таким образом, архитектурные и музейные коллекции Каира мамлюкской эпохи представляют интерес не только с точки зрения исторической достопримечательности, но и как источник информации по истории межгосударственных отношений Золотой Орды и Египта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Al-‘Amrī Šihāb al-Dīn Aḥmad ibn Yaḥyā ibn Faḍl Allah. Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār, Vol.III, released by: Muḥammad ‘Abd al-Qādir Ḥuraysāt, UAE, 2001. С. 237.
2. Ал-Макризи Такиюддин Абуль-Аббас. Китаб ал-маваиз ва-л-итибар фи зикр ал-хитат ва-ал-асар. Каир, 1998. Т. 2. С. 497.
3. Амин ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962.
4. Ибн Даудари. Abū Bakr ibn al- Dawādārī. Kanz al-durar wa-jamī‘ al-ghurar. Roemer H., Sa‘īd ‘Abd al- Fattāḥ ‘Ashūr, Haarmann U. (eds). Freiburg: Schwarz, 1960–1972.
5. Мохи ад-дин ‘Абдуллах бин ‘Абд аз-Захир бин Нишван ал-Хазами ал-Масри. Ар-рауда аз-захир фи сира ал-малик аз-Захир. Ар-Рияд, 1976. С. 56.
6. Сайфетдинова Э.Г., Гамаль Абдель Рехем И.Х. Династический брак мамлюкского султана Египта ан-Насира и царевны Тулунбай по данным средневековых арабских летописей // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 116–125. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.116-125

Сведения об авторе:

Ибрагим Хасан Гамаль Абдель Рехем – Ph.D., профессор факультета археологии Каирского университета (Каир, Египет). E-mail: gamalarch@ hotmail.com

Архитектурные памятники мамлюкского периода в Каире (династия Бахри)

В статье представлена обзорная информация об основных памятниках архитектуры Каира периода правления мамлюкской династии Бахри. Мамлюки – это военное сословие, формировавшееся из мальчиков-рабов в основном тюркского и кавказского происхождения, пришедшее к власти в Египте в 1250 г. Несмотря на то, что мамлюки не были египтянами по происхождению, в период их правления в Каире было возведено множество знаковых величественных построек, сохранившихся до сегодняшнего дня и формирующих представление о средневековом мусульманском городе. Публикуемые на страницах журнала фотографии и сопровождающее их описание, безусловно, не смогут воспроизвести атмосферу и красоту мамлюкского Каира, но призваны привлечь внимание специалистов и интересующихся к монументальной истории исламского города, кажущейся столь далекой, но, вместе с тем, тесно связанной с историей тюркских народов.

Ключевые слова: мамлюки, средневековый Каир, архитектура мамлюкского периода, династия Бахри, мечеть султана Хасана, мечеть ан-Насира, медресе-мавзолей ан-Насира, комплекс султана Калауна, медресе султана Бейбарса

Каир – это огромный мегаполис, на территории которого удивительным образом уживаются современность и древнейшая история. Город живет, словно в нескольких измерениях: густо населенные «народные кварталы», покрытые вечно незаканчиваемым самостроем из красного кирпича соседствуют с современными благоустроенными районами. А у рынка Хан ал-Халили может показаться, что средневековые непостижимым образом проникло в XXI в. и поселилось в Каире. По истине, город контрастов, в котором оживает история человечества.

Со стен величественной цитадели Салах ад-Дина, начавшего ее строительство в 1175 г. для защиты от крестоносцев, видно не только единственное уцелевшее из семи чудес света – пирамиду Хеопса, но и исторические постройки более поздних периодов: привлекает внимание грандиозный комплекс мечети Ибн Тулуна (IX в.) с уникальным спиралевидным минаретом, над зданиями гражданского назначения высятся минареты эпохи мамлюкского и османского правления, напротив главных ворот цитадели расположены мечети султана Хасана и ар-Рифаи (рис. 1, 2)*, кото-

* Рис. 1–8 к статье см. на цветной вклейке.

рые при кажущейся схожести построены с разницей в семь веков и датируются XIV и XX вв. соответственно.

В Каире сохранилось множество памятников мамлюкской архитектуры: некоторые из них отреставрированы и открыты для посещения, другие – можно осмотреть только снаружи. Многие здания находятся в плохом состоянии, вместе с тем, в городе ведется активная реставрационная работа.

Для начала обращу внимание читателей на две публикации, находящиеся в свободном доступе в сети Интернет и предоставляющие обзор источников и литературы по данной тематике. Обе статьи опубликованы на страницах журнала посвященного изучению наследия мамлюков – «Mamluk Studies Review», выпускаемого Центром документации по Ближнему Востоку (MEDOC) Чикагского университета (The University of Chicago)¹.

В статье профессора Массачусетского технологического института Н. Раббата (Nasser Rabbat) «Perception of Architecture in Mamluk Sourced» («Восприятие архитектуры в мамлюкских источниках») указано, что постройки периода Бахри изменили лицо многих мамлюкских городов, особенно – Каира. Анализируя письменные источники, автор особенно выделяет работу Ахмада ибн 'Али ал-Маркизи (1364–1442) «Книга поучений и назидания в рассказе о кварталах и памятниках» как «первый энциклопедический труд по истории, развитию и архитектурным памятникам города в исламе», который «по сути является восхвалением Каира» [7, p. 157]. «Здания, улицы, весь город и вся страна были проанализированы и тщательно описаны ал-Маркизи не только потому, что они воплощали явно идеализированное прошлое, но и потому, что они рассказывали через свои особые архитектурные и городские формы историю Египта в различные периоды правления. Работа ал-Маркизи под влиянием его страстной привязанности к городу и теоретических рамок, которые он усвоил у своего учителя (*имеется в виду Ибн Халдун. – Л.А.*) – это своеобразная меланхоличная и культурно-ориентированная архитектурная и городская история, которая представляет новую роль архитектуры как посредника одновременно личных воспоминаний и коллективных устремлений» [7, p. 174].

Дж. Блум (Jonathan M. Bloom) в публикации «Mamluk Art and Architectural History: A Review Article» («История искусства и архитектуры мамлюков: обзорная статья») пишет, что важное значение для европейских знаний об архитектуре мамлюков имели пластины (литографии), опубликованные в отчете экспедиции Наполеона в Египет в 1798–1801 гг. – «Описание Египта» (Париж, 1802–1828) [3, p. 33]. Одной из первых англоязычных книг по истории исламской архитектуры стала работа М. Бриггса (Martin S.

¹ Журнал издается с 1997 г., все выпуски размещены в сети Интернет. URL: <http://mamluk.uchicago.edu/msr.html> (ссылка актуальна на момент написания данной статьи).

Briggs) «Muhammadan Architecture in Egypt and Palestine» («Мухамадданская архитектура в Египте и Палестине»), опубликованная в Оксфорде в 1924 г. Особое место в изучении данной темы занимает монументальный труд британского историка исламской архитектуры К. А. К. Кресвелла «The Muslim Architecture of Egypt» («Мусульманская архитектура Египта»), два тома которого были изданы в Оксфорде в 1952 и 1959 гг.² Длительное время эта работа была основным, хотя и незавершенным, исследованием по архитектуре мамлюков, пока в 1992 г. не была опубликована книга директора Музея исламского искусства в Берлине М. Мейнека (Michael Meinecke) «Die Mamlukische Architektur in Ägypten und Syrien» («Мамлюкская архитектура в Египте и Сирии»). М. Мейнек работал над материалом на протяжении 20-ти лет, в течение которых руководил реставрацией медресе в Каире и возглавлял Немецкий археологический институт в Дамаске. Первый том посвящен истории развития мамлюкской архитектуры, в которой он выделяет 6 периодов; во втором – содержится информация о 2 279 памятниках 1250–1517 гг. Также в статье Дж. Блума обращается внимание на вышедшее в 1997 г. в Нью-Йорке богато иллюстрированное издание Анри и Энн Штирлинов (Henri and Anne Stierlin) «Splendours of an Islamic World: Mamluk Art in Cairo, 1250–1517» («Великолепие исламского мира: искусство мамлюков в Каире, 1250–1517 гг.»).

В данной обзорной статье, не претендующей на значимость научной, содержится информация и фотографии о наиболее известных архитектурных памятниках Каира, относящихся к периоду правления тюркской династии мамлюков – Бахри. Информация носит ознакомительный характер и призвана привлечь внимание исследователей к данной теме.

Начнем с самого известного и яркого памятника – мечети султана Хасана (1356–1363), которая считается «наиболее знаменитым сооружением мамлюкского периода» [2, с. 121] и «ярким примером архитектурного стиля XIII–XV веков» [1, с. 108]. Это многофункциональный комплекс, включающий в себя также мавзолей и медресе, с общежитием для студентов и преподавателей. Фасад здания составляет 76 м в длину и 36 м в высоту, портал украшен удивительно выразительной, разнообразной и тонкой резьбой по камню, величественность подчеркивает сталактитовый свод, характерный для архитектурных памятников мамлюков. При строительст-

² На сайте Французского института восточной археологии размещена «Краткая хронология мусульманских памятников Египта до 1517 г.» К. А. К. Кресвелла (Keppel A. C. Creswell. A brief Chronology of the Muhammadan monuments of Egypt to A.D. 1517), опубликованная в 1916 г. в бюллетене Института. На 144-х страницах на английском языке представлена информация о памятниках в хронологическом порядке, в конце содержится несколько фотографий. URL: <https://www.ifao.egnet.net/bifao/016/02/> (ссылка актуальна на момент написания данной статьи).

ве использовался камень различных цветов, что придает объем и оживляет восприятие искусной работы строителей (рис. 3).

Пройдя по коридору, попадаем в открытый двор, в центре которого находится фонтан для омовения, пол покрыт сложной мраморной мозаикой, являющейся «визитной карточкой» мамлюкского искусства, по четырем сторонам расположены стрельчатые арки вместительных айванов, формирующих основу комплекса (рис. 4). Подобное решение не было оригинальным для Каира и встречалось ранее, однако, именно после воздвижения мечети Хасана оно получило широкое распространение при строительстве культовых зданий. Каждая из четырех суннитских школ получала в стенах комплекса свою зону, состоящую из открытой части (айвана), для проведения лекций и общения с преподавателями, и – закрытой, которая включала в себя помещения для учебы и жизни. Согласно первоначальному плану, условия для каждой из школ должны были быть равными, однако исследование поэтажных планов показало, что число жилых помещений было разным: 56 (ханафиты), 52 (шафииты), 44 (маликиты) и 22 (ханбалиты), что объяснялось популярностью данных школ в Египте того времени [4, р. 51–52].

Наиболее богато декорирован главный айван, ориентированный на Мекку. Стены выложены мраморными панелями, над которыми расположена широкая лента с куфической надписью. За стеной с михрабом расположен мавзолей, являющийся крупнейшим в Египте. Известно, что сам султан Хасан погиб до окончания строительства мечети и тело его не было найдено, а в мавзолее захоронены два его сына.

Строительство комплекса обходилось казне в огромную сумму, ежедневные траты достигали 20 тысяч золотых дирхам, это были деньги, в том числе, и жертв эпидемии чумы, не оставивших наследников. Известно, что при строительстве мечети использовалась облицовка великих пирамид. Заимствование элементов ранее построенных зданий было обычной практикой. Колонны различных эпох, включая фараонские, встречаются во многих постройках мамлюков, пороги дверей часто выполнены из фараонского гранита, на некоторых в хорошем состоянии сохранилась пиктограммы, картуши. Не избежала этой участи и мечеть султана Хасана: дверь главного входа, замечательный образец мамлюкского искусства, была перенесена в мечеть Ал-Муайяда (1415–1421), а второй фонтан для омовения, стоявший возле центрального – в мечеть ал-Маридани (1339–1340)³.

³ Я. Добровольский (Jaroslaw Dobrowolski) пишет, что перенос фонтана был произведен Комитетом консервации памятников арабского искусства, осуществлявшем свою деятельность в 1882–1954 гг. Так на рисунке шотландского художника Д. Робертса, сделанном им в 1839 г., этот фонтан еще стоял во дворе мечети Хасана [6, р. 50].

К. А. К. Кресвелл в «Краткой хронологии мусульманских памятников Египта до 1517 г.» пишет, ссылаясь на ал-Маркизи, что в первоначальном плане предусматривалось 4 минарета, однако когда три уже были возведены, один из них рухнул, похоронив под обломками около 300 человек, а сам султан погиб через 33 дня после этого происшествия.

Купол и северный минарет мечети были восстановлены после разрушения, тогда как южный сохранился в первоначальном виде.

Рядом с мечетью султана Хасана расположена мечеть ар-Рифаи, построенная в начале XX в. и являющая местом погребения членов королевской семьи Египта, включая последнего короля Египта Фарука I и последнего шаха Ирана Мохаммеда Резы Пехлеви. Фасад мечети Хасана направлен именно в сторону мечети ар-Рифаи, на цитадель выходит стена мавзолея. Две постройки образуют гармоничную группу. Вид, открывающийся из коридора между мечетями на монументальные стены цитадели, особенно впечатляет в лучах утреннего солнца, позволяя осознать талант архитекторов, выбравших именно это место для возведения данного комплекса.

В цитадели расположен следующий памятник, который хотелось бы упомянуть. В хронологическом порядке мы двинемся назад, так как он был построен отцом султана Хасана. Речь идет о мечети ан-Насира Мухаммеда (1318–1335), единственном строении на территории цитадели, относящемся к эпохе мамлюков. Здание находится «в тени» грандиозной мечети Мухаммеда Али, располагаясь в непосредственной от нее близости. В ее стенах спокойно и малоллюдно, туристы обходят ее стороной, обращая внимание лишь на необычные минареты с покрытыми зеленой фаянсовой мозаикой луковичными главами, аналогов которым нет в Каире (рис. 5).

У мечети два минарета, один из них расположен над главным входом, другой – в северо-восточном углу, для того чтобы призыв на молитву был слышен базировавшимся там войскам. Внутри мечеть кажется компактной, хотя вмещает до 5 000 молящихся. Это была королевская мечеть, рассчитанная в первую очередь на обслуживание султана и знати. Купол над михрабом разрушился в XV в. и был восстановлен в XIX в., двор мечети прямоугольной формы, без крыши с аркадами по периметру. Примечательны колонны мечети, они были привезены с построек разных периодов: птолемеевского, римского, христианского и даже фараонского, о чем свидетельствуют их капители. Об этом также пишет К. А. К. Кресвелл: по информации ал-Маркизи, колонны эпохи фараонов были доставлены из города Ушмунейна.

В годы правления султана ан-Насира Мухаммеда было возведено или восстановлено более 500 построек, включая акведук, который доставлял воду из Нила в цитадель. Медресе-мавзолеей, строительство которого начал его предшественник, стало первым из них. Оно расположено на улице Ал-Муиз, близ рынка Хан ал-Халили и с двух сторон окружено не менее

грандиозными сооружениями мамлюкского периода – комплексом султана Калауна (1284–1285), отца султана ан-Насира Мухаммеда и мечетью-медресе султана Баркука (1384–1386), первого представителя династии Бурджи, черкесских мамлюков. Особый интерес к этому памятнику архитектуры обусловлен готическим порталом христианской церкви из белого мрамора, который был привезен в качестве трофея из г. Акры (Израиль) после победы над крестоносцами в 1291 г. и установлен на входе. Медресе было первым в Каире, построенным в крестообразной форме с четырьмя айванами для каждого из направлений суннитских школ, в восточном айване сохранился замечательный стукковый михраб (рис. 6). Мавзолей, в котором погребены тела сына и матери султана, расположен в другой части комплекса и отделен от медресе коридором. Тело султана ан-Насира покоится в соседнем мавзолее его отца султана Калауна.

Комплекс султана Калауна (1284–1285), включающий в себя мавзолей, мечеть, медресе и госпиталь, был построен в рекордные сроки на развалинах фатимидского дворца. Султан ал-Мансур Калаун правил после султана Бейбарса I и основал династию, которая находилась у власти почти век. При описании комплекса особое место уделяется мавзолею. «Сочетание цветного мрамора, светлого стука, золота, полированного дерева, яркого разноцветного стекла очень торжественно и нарядно, и вместе с тем в декорировке нет перегруженности деталями и нарочитой роскоши, свойственной более поздним постройкам», – так описывает внутреннее убранство мавзолея С. Ходжаш [2, с. 121]. В госпитале с широким двором и множеством помещений для больных и сотрудников принимали врачи и фармацевты всех известных на тот момент областей медицины. Напротив данного комплекса фрагмент стены медресе султана Бейбарса (1262–1263), на которой хорошо видны изображения барсов (рис. 7, 8).

При подготовке публикации невозможно было не обратить внимание на то, что тема мало изучена российскими искусствоведами и историками. Наука, особенно историческая, зачастую идет вслед за политикой. Египет продолжительное время входил в область интересов французов и англичан, что обуславливало приток в страну ученых из этих стран. Есть интерес к наследию Бейбарса I со стороны Казахстана. Изучение архитектуры мамлюков российскими специалистами могло бы обогатить как отечественную, так и мировую ориенталистику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веймарн Б.В., Каптерева Т.П., Подольский А.Г. Искусство арабских народов (средневековый период). М.: Государственное издательство Искусство, 1960. С. 85–136.

2. Ходжаш С.И. Каир. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: «Искусство», 1975. 184 с. с ил. (Города и музеи мира).
3. Bloom J. Mamluk Art and Architectural History: A Review Article // *Mamluk Studies Review*. 1999. Vol. 3. P. 31–58.
4. Al-Harithy H. The Four Madrasahs in the Complex of Sultan Hasan (1356–61): The Complete Survey // *Mamluk Studies Review*. 2007. Vol. 11. No. 2. P. 49–76.
5. Al-Harithy H. The Patronage of al-Nasir Muhammad ibn Qalawun, 1310–1341 // *Mamluk Studies Review*. 2000. Vol. 4. P. 219–244.
6. Dobrowolski J. *The Living Stones of Cairo*. American University in Cairo Press, 2001. 105 p.
7. Rabbat N. Perception of Architecture in Mamluk Sources // *Mamluk Studies Review*. 2002. Vol. 6. P. 155–176.
8. Speiser Ph. The Sultan al-Nasir Muhammad Madrasah in Cairo: Restoration and Archaeological Investigation // *Mamluk Studies Review*. 2008. Vol. 12. No. 2. P. 197–221.

Сведения об авторе:

Лейсан Рашидовна Амирханова – независимый исследователь (Каир, Египет).
E-mail: amirkhanova.l@gmail.com

**Китайские селадоны из раскопок
Солхатского городища и округи***

Публикация посвящена обобщению новых и уже опубликованных находок китайской селадоновой посуды из раскопок золотоордынского городища Солхат. Столица крымского юрта располагалась на одном из участков Великого Шелкового пути, по которому товары с востока и попадали на территорию европейской части Улуса Джучи. За время работы Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа было обнаружено 7 фрагментов этой категории сосудов. В соответствии с цветом черепка и покрытия местом производства наших находок является Китай. По нумизматическому материалу, аналогичным находкам с других объектов, а так же по стратиграфией, наши находки могут быть датированы в пределах первой трети – конца XIV в. Несмотря на незначительное количество фрагментов селадонных сосудов, обнаруженных на средневековом городище Солхат/Крым, они надежно маркируют место и значение золотоордынской столицы Крыма на Великом Шелковом пути.

Ключевые слова: Улус Джучи, Великий Шелковый путь, Солхат/Крым, китайский селадон, керамическая посуда

Со второй половины XIII в. на территории Золотой Орды действовал международный торговый путь, соединявший Европу с городами Центральной Азии и Китая. Солхат был одним из центров международной торговли и караванных путей. Торговые пути Улуса Джучи доходили до Китая, Индии, Аравии, Египта, Италии, Скандинавии [9, с. 144]. Во второй половине XIII – начале XV в. Солхат становится одним из наиболее важных центров в Золотой Орде. Его росту способствовало развитие международной торговли. Для поддержания торговли введена единая денежная система, основанная на обращении серебряного дирхема. В глобальном масштабе, в направлении с востока на запад, торговый путь начинался в Китае (столице империи Юань – Ханбалыке / Пекине) [10, с. 89]. Золотоордынский отрезок пути начинался с Отрара и продолжался до Куны-Ургенча в Хорезме. От Хорезма дорога шла к Сарайчику и отсюда – к Хаджи-Тархану (Астрахани) в дельте Волги. После Бельджамена, где Волгу и Дон разделяли всего 60 км,

* Авторы выражают благодарность доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Государственного Эрмитажа М.Г. Крамаровскому за предоставленную возможность публикации материалов.

транзит следовал в Приазовье до Азака (Таны), откуда степью к Солхату. Отсюда купеческий караван за день доходил до ворот Каффы. Азак и Каффу соединял также морской путь из Азовского в Черное море [18, с. 7–8]. Из Китая в Золотую Орду доставлялись целые группы товаров, среди которых: шелк, специи, нефрит и фарфор, в том числе селадон. Среди селадоновых сосудов исследователи выделяют две разновидности, отличающиеся цветом глазури. Первая группа сосудов, покрытая светло-зеленой глазурью, производилась в Китае; вторая, отличающаяся сероватым тоном покрытия, относится исследователями к корейскому производству [10, с. 98; 14, с. 134]. Через Хорезм и поволжские города Золотой Орды высокосортный селадон ввозился на территорию Руси [12, с. 140]. Находки в древнерусских городах сосудов восточного производства из фарфора и селадона связаны, безусловно, с Золотой Ордой.

Вместе с купцами, товарами, ремесленниками, с караванами шли и факты культурного взаимодействия. Специально изготовленные на вывоз селадоны (блюда, вазы, чаши) отличались нежным серовато-зеленым цветом, на фоне которого выступает строгий рисунок, выведенный под глазурь гравировкой. Селадоновая посуда часто встречается в крупных городах Золотой Орды. Китайское название селадона «лунцюань-яо» происходит от названия местности Лунцюань в провинции Чжэцзян, которая славилась производством этого вида фарфора [14, с. 134; 3, с. 410]. Селадон начал поступать в IX в. на Ближний Восток благодаря арабскому населению, которое называли его «мартабани» [14, с. 134]. Позже эти сосуды проникли в Европу, где в XVII–XVIII вв. получили название «селадон» по имени героя романа французского писателя Оноре д'Юрфе, украшавшего свой костюм светло-зелеными лентами [20, с. 155]. Она отличается своей подоосновой (твердой фарфоровидной массой серого либо белого цвета) и покрытием монохромной зеленой (разных оттенков) глазурью, чаще всего, так называемого «нежно-зеленого» или «селадонowego» цвета. Селадоны производились в Китае повсеместно, но более всего в уже упомянутой провинции в Южном Китае [14, с. 300].

Керамика из селадона распространялась в городах, через которые проходили торговые пути, также встречалась в центрах, которые находились в удаленных местах. Товар доставлялся в ограниченных количествах и продавался по высокой цене. Известны случаи, когда дорогие фарфоровые, в том числе селадоновые, сосуды ремонтировались [19, с. 402]. По свидетельствам ал-Бируни, стоимость одного селадонowego сосуда составляла 10 динаров [2, с. 65]. Селадон, отличающийся серым цветом чрезвычайно плотной формовочной массы и покрытием со всех сторон зеленой поливой различных оттенков (от голубоватого до бурого, в основном нежно-зеленого цвета) высоко ценился в аристократическом средневековом мире. С развитием золотоордынских городов, расширением внутренних и

внешних рынков увеличилась потребность в парадной посуде, что вызвало в местном керамическом производстве волну подражаний импортным изделиям, так называемый псевдо-селадон, имитирующий более дорогие китайские аналоги. Псевдо-селадоны имеют кашинную подоснову, в остальном (морфологически и по внешнему виду) не отличаются от китайских прототипов [11, с. 128; 13, с. 107; 14, с. 40]. К примеру, в Болгаре, помимо находок настоящего селадона, постоянно встречается кашинная посуда, покрытая светло-зеленой поливой [5, с. 108–109]. В ремесленных мастерских Самарры, Каира, Ирана и впоследствии на ремесленных поселениях Золотой Орды мастера пытались изготавливать такого вида посуду, как подражание китайскому селадону. Собственное производство селадона в золотоордынских городах не известно.

Находки селадона на памятниках золотоордынского времени в Восточной Европе хорошо известны по раскопкам, главным образом, городских центров Поволжья и Северно-Западного Причерноморья, хотя они там и не являются массовым материалом [1, с. 99].

В информационных статьях о раскопках в Азове и в работах, подготовленных к научным конференциям, были опубликованы отдельные группы парадных сосудов и ряд единичных находок [4, с. 34]. Исследователи отмечают, что наиболее многочисленной группой парадной посуды является продукция из селадона [15, с. 67]. В. Ю. Ковалем опубликована коллекция образцов селадонов, найденных на городищах Руси. Так на момент публикации на территории 10 древнерусских городов было обнаружено 35 фрагментов от 30 сосудов и 4 практически целых образца селадонной посуды [14, с. 134–136].

Так как торговый путь из Китая на Запад пролегал, в том числе и через территорию Крымского полуострова, то китайский импорт был известен и в Крыму. Продукция из селадона редко встречается на памятниках золотоордынского времени Крыма, тем не менее, ее находки известны и частично опубликованы.

На одном из участков исследования Мангупской цитадели на мысе Тешкли-Бурун из «слоя пожара» происходит находка пиалообразной чашки с полусферическим туловом, слабо отогнутым округлым венчиком и низким кольцевым поддоном. Поверхность изделия украшена рельефной моделировкой, полностью покрыта «селадоновой» глазурью, за исключением нижнего края кольцевого поддона, украшенного дополнительно красителем красно-коричневого цвета, что также является характерным признаком китайских селадонов [7, с. 56]. Исследователи пришли к выводу, что найденная находка указывает на продолжение поступления китайского импорта на городище, вплоть до финала истории княжества Феодоро, хотя начальный этап таких контактов относят к золотоордынскому времени [8, с. 36–49].

На Мангупском городище обнаружено более 100 образцов (в том числе 5 целых форм) псевдо-селадоновой керамики. Исследователи подчеркивают, что все целые формы псевдо-селадонов Мангупского городища происходят из закрытых комплексов с датой в промежутке 60–70-х гг. XV в. (не позднее 1475 г.) Все это указывает на то, что они поступали на городище в относительно узкий период времени, в качестве одной партии импортных товаров. Также в своей статье они отмечают массовость находок данной керамики на памятниках, сравнимую пока только с крупными золотоордынскими городскими центрами Поволжья [8, с. 47]. Такое большое количество импортной дорогой посуды подчеркивает высокий статус владельцев Мангупа, которые, вероятно, имели хорошие торговые и политические связи со своими восточными соседями. Для сравнения отметим, что при археологических раскопках Болгара было обнаружено более 350 образцов селадона [20, с. 155; 14, с. 135]. В то же время исследователи отмечают, что в Крыму и в Северном Причерноморье в целом эта категория импортной посуды не получила такого широкого распространения [14, с. 135].

В нашей статье рассмотрен китайский селадон из раскопок Солхатского городища и ближайшей округи с 1978–2018 гг., который хранится в Старокрымском литературно-художественном музее и Государственном Эрмитаже. Всего за этот период было обнаружено 7 фрагментов этой категории сосудов. Эти находки относятся к периоду Золотой Орды (предварительная датировка первая треть XIV – начало XV вв.).

Все выявленные находки фрагментированы, и классификация проведена в основном по венчикам и дну на низком кольцевом поддоне. Классификация находок из селадона золотоордынского периода на материалах Болгарского городища и Руси выполнена М.Д. Полубояриновой [20, с. 155–164] и В.Ю. Ковалем [14, с. 134–136].

Для классификации нашего материала из раскопок Солхатского городища и округи за основу взята схема, представленная в работе М.Д. Полубояриновой [20, с. 155]. В настоящем исследовании выделены две категории по функциональному назначению – чаши и блюдо. Далее материал делится на четыре группы по морфологии – полусферические чаши с ровным вертикальным венчиком (рис. 1,2,3,4; 2,3)*, чаши с широким отогнутым бортиком, горизонтальным (в месте отгиба – ребро) (рис. 2,1), чаши с рельефной обработкой с внутренней стороны (рис. 1,1) и блюдо на низком кольцевом поддоне с внешней стороны украшено декором, выполненным красной краской (рис. 2,2).

Первый экземпляр (рис. 1,1) селадонowego сосуда представлен фрагментом стенки чаши из твердой фарфоровой массы белого цвета, внешняя часть тулова сосуда украшена рельефной моделировкой в виде вертикаль-

* Рис. 1–2 к статье см. на цветной вклейке.

ных канелюров с замкнутым округлым верхним краем, покрыта снаружи и изнутри монохромной светло-зеленой (с болотным оттенком). Размер сохранившейся поверхности – 6,9 x 3,7 см. Фрагмент найден на участке 9–10 в сооружении II в виде пятна овальной формы, частично уходящее под фундамент медресе до глубины – 4,70 м. от – стенки почти отвесные, дно плоское. Очевидно, в данном случае перед нами остаток сооружения, существовавшего в период, предшествующий строительству медресе (1333 г.) верх ямы срезан траншеей под фундамент каменного сооружения [16, с. 8]. Судя по цвету черепка и покрытия местом производства находки является Китай. По нумизматическому материалу и в соответствии со стратиграфией, наша находка может быть датирована первой третью XIV в. [16, табл. XIV, с. 34].

Вторая находка (рис. 1,2), обнаруженная так же Старокрымской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1997 г., во время разведок в школьном саду, в шурфе 3. Она представляет собой фрагмент стенки чаши из твердой фарфоровидной массы белого цвета, поверхность покрыта толстым слоем прозрачной глазури приглушенного, светлого серо-зеленого цвета. Размер сохранившегося фрагмента – 3,6 x 3,1 см. Место производства: Китай, и по аналогиям мы, вероятней всего, можем датировать XIV в? [14].

Следующие две находки представлены фрагментом вертикального венчика чаши (рис. 1,3) с диаметром 12,9 см и фрагментом придонной части чаши (рис. 1,4). Обе находки обнаружены в ходе работ СКАЭГЭ в 2016 году, на раскопе 44, в квадрате В1, в хозяйственной яме 10. Часть венчика изготовлена из твердой фарфоровидной массы белого цвета. Поверхность покрыта толстым слоем прозрачной глазури приглушенного, светлого серо-зеленого цвета, снаружи в верхней части корпуса нанесен врезной орнамент в виде меандра. Размер сохранившейся поверхности – 3,5 x 3,2 см. Придонная часть чаши из твердой фарфоровидной массы белого цвета, поверхность покрыта толстым слоем прозрачной глазури приглушенного, светлого серо-зеленого цвета. Размер сохранившейся поверхности – 3,8 x 2,5. Место производства так же Китай. Датируется второй половиной XIV в. [21, с. 133].

Пятый экземпляр (рис. 2,1) обнаружен Старокрымской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа на ремесленном поселении Бокаташ-II на территории раскопа XXII, на участке А2 в хозяйственной яме № 10 в 2003 г. Он представляет собой фрагмент горизонтального округлого венчика чаши из твердой фарфоровой массы белого цвета. Внешняя часть тулова сосуда украшена рельефной моделировкой в виде вертикальных канелюров с замкнутым округлым верхним краем. Снаружи и изнутри сосуд был покрыт монохромной глазурью светло-зеленой (с болотным оттенком) цвета. Размер сохранившейся части – 4,3 x 5,7 см. Ме-

сто производства Китай. Датируется по нумизматическому материалу в пределах второй половины XIV в. [17].

Еще одна находка (рис. 2,2) обнаружена также в результате исследований СКАЭГЭ в 2016 г., раскоп 44, квадрат Б2, штык 2. Находка представляет собой фрагмент дна чаши на низком кольцевом поддоне из твердой фарфоровой массы белого цвета, поверхность покрыта толстым слоем прозрачной глазури приглушенного, светлого серо-зеленого цвета, снаружи по краю кольцевого поддона прослеживается кольцо коричневого цвета. Размер сохранившегося фрагмента 4,4х4,1 см. Место производства Китай, датируется находка, вероятней всего, второй половиной XIV в. [21, с. 133].

И, наконец, последний в нашей работе фрагмент (рис. 2,3) обнаружен работами СКАЭГЭ в 2018 г. В ходе разведок в округе средневековой бани (обнаружена во время прокладки газопровода в 2011 г.) был заложен шурф 12. Этим шурфом было локализовано некое строение, в заполнении которого на третьем штыке и была выявлена находка. Она представляла собой фрагмент стенки чаши из твердой фарфоровидной массы белого цвета, поверхность которой покрыта толстым слоем прозрачной глазури приглушенного, светлого серо-зеленого цвета. Размер сохранившейся части 3,9 х 2,4 см. Произведена чаша также в Китае. Учитывая близость этого строения и средневековой бани, исследованной в 2011 году, время сооружения которой относится к первой половине XIV в., а разрушение ко второй половине того столетия, наша находка может быть датирована в пределах XIV в. [6, с. 175].

Несмотря на незначительное количество фрагментов селадонных сосудов, обнаруженных на средневековом городище Солхат/Крым, они надежно маркируют место и значение золотоордынской столицы Крыма на Великом Шелковом пути. Благодаря этой крупнейшей трансконтинентальной торговой магистрали Крымский полуостров оказался местом сосредоточения носителей различных культурных традиций, что способствовало формированию на его территории специфической материальной культуры. Предметы ремесла и искусства, привозимые из Египта, Ирана, Китая, Средней Азии, Кавказа, проникают в быт населения. Керамика, завезенная на полуостров из различных областей, послужила толчком для развития местной продукции, что выразилось в заимствовании декоративных элементов, орнаментов, техник изготовления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абызова Е.Н. Древности Старого Орхя (Золотоордынский период) / Е.Н. Абызова, П.П. Бырня, А.А. Нудельман. Кишинев. Изд-во: Штиинца-Кишинев, 1981. 100 с.

2. Ал-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Пер. А.М. Беленицкого. М.: АН СССР, 1963. 519 с.
3. Арапова Т.Б. Китайский фарфор // «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Батуты: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 409–413.
4. Белинский И.В., Масловский А.Н. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 15, Азов, 1998. С. 179–251.
5. Булатов Н.М. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов (по материалам Царевского, Селитренного и Маджарского городищ) // Советская археология. 1968. № 4. С. 95–109.
6. Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 212 с., цв. ил.
7. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц (ред.). Киев, 2005. С. 183–189.
8. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Великоханский вектор в культуре региональных элит или к вопросу о золотоордынском периоде в истории Мангупа середины-второй половины XIV в. (обзор археологических источников) // Крым в золотоордынский период: каталог выставки. Симферополь: ООО «Издательство «Тарпан», 2017. С. 36–49.
9. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Ин-т археологии РАН; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Татарстана; [отв. ред. П.Н. Старостин]. М.: Наука, 2008. 276 с., ил. 44.
10. Золотая Орда. История и культура: Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
11. Калан Э. Улус Джучи и страны Востока: торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XIII–XIV вв. / Отв. ред. проф. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 156 с. + 12 с. цв.
12. Кдырнязов М.Ш. Культура Хорезма в эпоху Золотой Орды // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. Тез. докл. III Международ. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. М., 2006. С. 139–140.
13. Кдырнязов М.Ш. Культурные связи Золотоордынских городов Хорезма // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Материалы Всесоюз. совещания. Алма-Ата, 1983. С. 103–109.
14. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII века / В.Ю. Коваль; отв. ред. Л.А. Берляев; Ин-т археологии РАН. М.: Наука, 2010. 348 с.
15. Кравченко С.А. Парадная керамика из раскопок Азака // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2. Под редакцией С.Г. Бочарова, В. Франсуа, А.Г. Ситдикова. Казань, Кишинев, 2017. С. 539–561.
16. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1978 г. на городище Солхат (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // На-

учный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа. Старый Крым. Л., 1979. 127 с.

17. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001–2003 гг.). СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004. 380 с.

18. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Изд-во «Евразия», 2012. 496 с., 90 илл., 48 с. цв. илл.

19. Меньшикова М.Л. О том, что видел и слышал Ибн Баттута в Китае // «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Батуты: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 399–409.

20. Полубояринова М.Д. Китайский селадон из Болгара // Российская археология. 2003. № 2. С. 155–164.

21. Тесленко И.Б., Сейдалиева Д.Э. Гончарное производство и керамический импорт Крыма конца XIII – начала XV вв. // Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016. С. 85–106.

Сведения об авторе:

Эмиль Исаевич Сейдалиев – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории факультета истории, искусств, крымскотатарского языка и литературы Крымского инженерно-педагогического университета (Симферополь, Российская Федерация); научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. E-mail: codexcummanicus@gmail.com

Джемиле Эльвировна Сейдалиева – лаборант научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И. Вернадского» (Симферополь, Российская Федерация). E-mail: djemka65@gmail.com

**Золотоордынская религиозная мысль
в контексте литературы мусульманского Востока
(на примере «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари)**

*«О, те кто прочтет эту книгу, пусть
посочувствуют этому грешному, попросят
прощения за меня у Аллаха, который
спасет меня от ада и дарует мне рай».*

(Махмуд ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис»)

В статье рассматривается золотоордынское религиозное мышление в контексте литературы мусульманского Востока (на примере «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари). Отмечается, что литературные памятники золотоордынской эпохи как часть духовной культуры играли значимую роль в распространении ислама на территории Золотой Орды. Развитие ислама существенным образом повлияло на развитие духовной культуры, создание религиозно-дидактических текстов. «Нахдж ал-Фарадис» один из значимых источников золотоордынской эпохи. В религиозно-дидактическом трактате «Нахдж ал-Фарадис» богатая источниковая база, автор Махмуда ал-Булгари опирался на большое количество трудов известных мусульманских богословов.

Ключевые слова: ислам, духовная культура, Золотая Орда, средневековая литература, «Нахдж ал-Фарадис», Махмуд ал-Булгари

Признание ислама в качестве официальной религии Золотой Орды в начале XIV века существенным образом повлияло на развитие духовной культуры. С увеличением количества мечетей, медресе, суфийских обителей начинается поток мусульманских улемов, богословов, правоведов из разных мусульманских стран (Кутбутдин ар-Рахибаш, Согутдин Тафтазани, Хафиз ибн Базади, Камалетдин Куджанди и др.).

Многие представители ученой элиты Улуса Джучи, такие как Сейф Сарай, Ахмед Кырыми, Махмуд ибн Фатшах ас-Сарай (ум. 775 г.х. – 1373/74 г.), Шехаб ад-Дин ас-Сарай (ум. 791 г.х. – 1388/89 г.), Махмуд ибн Абдаллах Абу-т Тина ас-Сарай ал-Кахири (ум. 801 г.х. – 1398/99 г.) Дийа ибн Садаллах ибн Мухаммад ал-Кырыми (ум. 778 г.х. – 1376/77 г.), Руки ад-дин ал-Кырыми (ум. 783 г.х. – 1381/82 г.) получили высокое признание в землях мусульманского Востока.

Особенным образом развитие исламской культуры повлияло и на создание религиозно-дидактической литературы, которая как нам кажется, является важным источником по изучению истории ислама, функционированию мусульманских традиций на территории золотоордынского государства. Поскольку написана она была людьми, жившими в то время и видевшими весь процесс исламизации изнутри. Произведение «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари – это культурное наследие времен средневековья, свидетельствующее также о высоком потенциале Болгара, который и во времена Золотой Орды не утерял свои позиции в качестве научного и культурного центра. Нисба ал-Булгари указывает на то, что автор был крепко связан с этим регионом. В рукописи, хранящейся в Санкт-Петербурге, зафиксировано, что устаз Махмуд сын Гали сын Шейха происходил из Болгара.

Сочинение «Нахдж ал-Фарадис» («Путь в рай») Махмуда ибн ‘Али ал-Булгари ас-Сараи ал-Кардари написано в 1357/1358 году. На сегодняшний день известно 12 списков этого сочинения, большинство из них были обнаружены в местах проживания татар. Однако авторский список рукописи не обнаружен.

В Поволжье первые сведения о «Нахдж ал-Фарадис» принадлежат Шигабутдину Марджани. В книге «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Привлеченные сведения о событиях Казани и Болгара») при перечислении древних татарских литературных памятников он приводил также «Нахдж ал-Фарадис» и указывал на то, что все перечисленные произведения были написаны 300–400 лет назад и использовались в Золотой Орде среди поволжских татар и востребованы до сих пор [7, с. 58–59].

Однако один из самых древних и полных списков, датированный 1360 годом был найден в Турции в мечети Йени-Джами З. Валиди-Тоганом в начале XX столетия и находится на хранении под номером 879 в Стамбульской библиотеке Сулеймания. Стамбульский список ценен тем, что он выполнен в XIV веке. А, как известно круг письменных источников, написанных или переписанных в XIV веке в Золотой Орде, весьма узок. Приписка, сделанная внизу первой страницы стамбульского списка, указывает, что данная рукопись побывала в Египте, в библиотеке Мухаммад-бея, сына мамлюкского султана Абу Саида Чагмака (Джакмака) (1437–1445)¹. По сведениям средневековых арабских летописей Мухаммед-бей увлекался науками, отличался благочестивыми поступками и набожностью. В Египет ру-

¹ Абу Саид Чакмак (Джакмак) – мамлюкский султан, до того как взошел на трон был эмиром и опекуном молодого султана Йусуфа б. Берс-бая, отличался религиозностью и благочестивыми поступками. Мухаммед-бей первый сын Абу Саида Чакмака (Джакмака) скончался, будучи еще в юном возрасте, увлекался науками.

копись могла попасть из Сарая, в период интенсивных связей Золотой Орды с мамлюкским Египтом, которые начались со времен правления Берке-хана. В эту эпоху формировались не только дипломатические связи с мамлюкским Египтом, но и осуществлялся интенсивный культурный обмен.

Все это показывает, что и в Египте и в Стамбуле «Нахдж ал-Фарадис» активно изучали. И возможно этот труд являлся своего рода учебником по исламу, в том числе и в обучении представителей элиты и правителей Мамлюкского Египта и Османской империи.

Стамбульский список, отличается хорошей сохранностью и содержит все четыре главы произведения, каждый из которых разделен на 10 разделов.

В основной части произведения содержится изложение правил поведения истинного мусульманина, обеспечивающих ему райское блаженство в потустороннем мире. Каждая глава разделена на десять разделов (фаслов). Первая глава посвящена жизнеописанию пророка Мухаммада. В разделах этой главы рассказывается о добродетелях Пророка; о получении Пророком откровения, первых сподвижниках Пророка и об их подвигах, о причинах переселения Пророка из Мекки в Медину, чудесах Пророка, завоевании Пророком Мекки, вознесении Пророка, его путешествии в Ночь вознесения в рай и ад, помощи, которую ангелы оказывали Пророку в битвах, смерти Пророка. Во второй главе даются биографические сведения о четырех халифах: Абу Бакре, 'Умаре, 'Усмани и 'Али, о родных пророка Мухаммада – его дочери Фатиме, внуках Хасане и Хусейне, эпонимах четырех суннитских правовых школ – имаме Абу Ханифе, имаме Шафи'и, имаме Малике ибн Анасе и имаме Ахмаде ибн Ханбале. Третья глава посвящена богоугодным делам, приближающим к богу: намазу, зякату, посту (ураза), паломничеству в Мекку (хадж), повиновению отцу и матери, употреблению дозволенной пищи (халял), совершению добрых дел, подобающему времяпрепровождению, терпению в несчастях. Четвертая глава посвящена действиям, отдаляющим человека от Бога: пролитию невинной крови, прелюбодеянию, вреду хмельного, высокомерию, лжи, привязанности к мирскому, богатству, ненависти, гордыне и далеко идущим чаяниям.

Нужно отметить, что «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари создавался во времена правления золотоордынских ханов Джанибека и Бердибека. Несмотря на то, что исламская культура все еще поддерживалась правящей стороной и осуществлялась дипломатическая и культурная связь со странами мусульманского мира, эпидемия чумы, охватившая Золотую Орду в 1346 году, возникавшие междоусобицы, войны стали предпосылками надвигающегося кризиса в государстве. Определенно это не могло не повлиять и на характер религиозной литературы, которая призывала найти спасение в религии, создавая особый «путь в рай», при соблюдении канонов ислама и норм морально-нравственного воспитания.

Махмуд ал-Булгари считал, что достичь практического совершенства можно лишь путем полного контроля не только над своими поступками, но и над помыслами. Верующий обязан беречь свою душу от испорченных нравов и украшать высокой моралью, основанной на религиозных традициях. Автор следует установленной религиозно-дидактической традиции, но вместе с тем, по-новому интерпретирует некоторые морально-этические категории в духе своего времени.

Махмуд ал-Булгари, в своих хикаятах апеллирует к образу пророка Мухаммада, его сподвижников и известных шейхов прошлого, адептов раннемусульманской традиции.

В религиозно-дидактическом трактате «Нахдж ал-Фарадис» богатая источниковая база (19)² автор Махмуда ал-Булгари опирался на большое количество трудов известных мусульманских богословов: большинство из них – сборники хадисов (предания о жизни, словах и поступках Мухаммада).

Прежде всего, это

1) «Масабих ас-сунна» («Светила Сунны»). Хусейна б. Масгуда Абу Мухаммада ал-Фарра ал-Багави (1044–1117), содержащий 4719 хадисов. Автор чаще всего упоминает именно этот сборник, более того композиционно 1 глава «Нахдж ал-Фарадис» выстроена согласно «Масабих ас-сунна». Интересен тот факт, что в фондах научной библиотеки Казанского федерального университета хранятся две рукописи «Масабих ас-сунна». Одна из них под номером 782-Т была переписана в Багдаде в 1358 г., другая под номером 747-Г в Египте в 1379 г.

2) «Мусаннаф Нисаб ал-ахбар» («Корень преданий») ‘Абу-л-‘Ала Уши ал-Фергани ал-Ханафи (р. 1173 г.), в котором на основе хадисов трактуются основные понятия и нормы мусульманской идеологии.

² «Ат-та‘аруф ли мазхаб ахл ат-тасаввуф» («Введение в суфийское учение») Мухаммада ал-Калабази, «Машарик анвар ан-набавийа мин сихах ал-ахбар ал-мустафавийа» («Восход светочей из достоверных летописей избранных») ас-Сагани, «Нисабул-ахбар» Абу ‘Аля ал-Ауши, «Кензул-ахбар» («Сокровища преданий») Мухаммада б. Башрави, «Шихабул-ахбар» ‘Абдуллы ал-Куда‘и, «Ал-Мабсут» ас-Сарахси, «Ихйа ‘улум ад-дин» («Воскрешение наук о вере») Абу Хамида ал-Газали, «Танбих ал-гафилин» («Пробуждение беспечных») Абу Лейс ас-Самарканди, «Ал-Джами ас-Сахих» («Достоверный сборник») ал-Бухари, «Сахих» («Достоверный сборник») Муслима ан-Нишабури, «Джами ас-Сахих» Абу ‘Иса ат-Тирмизи, «Муснад ан-нас» Шабган б. Махди, «Тафсир» Абу-Ма‘али б. Ахмад б. Мухаммад ал-Исфахани, «Мужтала» Зайнуллы Имамати Фирдауси, «Кашшаф ‘ан хакаи ат-танзил» («Раскрывающий истины откровения») Джаруллы аз-Замахшари, «Кутал-кулуб фи мусалалатул махбуб» («Пища сердец») Абу Талиба ал-Макки, «Магази» («История пророка Мухаммада после хиджры) Вакыйди, «Магази» Мухаммада Катиба.

3) «Машарик анвар ан-набавийа мин сихах ал-ахбар ал-мустафавийа» («Восход светочей из достоверных летописей избранных») Абу ал-Фадаила Хасана ас-Сагани (1181–1252), содержащего 2253 хадиса.

4) «Сахих» («Достоверный») Муслима б. ал-Хаджадж Абу Хусаин ал-Кушайри (817 или 821–875), наряду со сводом хадисов его современника ал-Бухари считается среди мусульманских традиционалистов и правоведов одним из самых авторитетных среди аналогичных трудов.

5) «Сахих» («Достоверный») Мухаммада ал-Бухари (810–870), создававшийся автором в течение 16 лет и был признан одним из лучших руководств по фикху [5, с. 45]. «Ас-Сахих» ал-Бухари содержит 7275 достоверных хадисов пророка Мухаммада.

6) «Джами» («Джами ас-Сахих») Мухаммада Абу ‘Иса ат-Тирмизи (умер 892 г.) – один из крупнейших ученых-хадисоведов из города Термеза, ученика ал-Бухари).

Все перечисленные сборники хадисов составлены по принципу мусаннаф³, в котором хадисы расположены согласно определенным темам.

В заключительной части сочинения говорится, «что каждое слово этой книги, которое относится к тафсиру, он целиком привел по «Ал-Кашшаф» Имама Джар Аллаха ал-‘Аллама (аз-Замахшари – прим. пер.), *да смилостивится над ним Аллах*, «Тафсиру» Имама Абу-л-Ма‘али Исбихани, *да смилостивится надним Аллах*.

«Ал-Кашшаф ‘ан хака’ик ат-танзил» («Раскрывающий истины откровения») Абу-л Касима аз-Замахшари (1075–1144), который был видным представителем ханафитского мазхаба и мутазилитской⁴ богословской школы широко распространен по всему исламскому миру, прежде всего в его восточных областях, и популярен даже среди идейных противников му‘тазилитов. «Кашшаф» был популярен и в поволжском регионе. Автор другого указанного «Тафсира» Абу-л-Ма‘али Исбихани называл «Кашшаф» аз-Замахшари своей настольной книгой, о чем указал во введении к своему «Тафсиру».

Среди вышеперечисленных сочинений в книге встречаются ссылки на широкоизвестный религиозный трактат «Ихйа ‘улум ад-дин» («Воскрешение наук о вере») Абу Хамид ал-Газали [3]. 3–4 главы «Нахдж ал-Фарадис» структурно очень напоминает «Ихйа ‘улум ад-дин», это дает возможность полагать, что всеобъемлющее руководство для правоверных мусульман ал-Газали было настольной книгой многих золотоордынских авторов и сыграло значительную роль в формировании религиозной мысли. «Ихйа ‘улум

³ Материал в них классифицировался по именам самых ранних передатчиков – асхабов (ала-р-риджал – «по людям»).

⁴ Мутазилиты (отделившиеся, обособившиеся ахл ал-адл ва-таухид – люди справедливости и единобожия).

ад-дин» разделен на четыре четверти (руба'), каждая четверть в свою очередь состоит из десяти книг. Первая называется «Обряды» ('Ибадат), в ней трактуются вопросы культовой практики, религиозные обряды, во второй руб' «Обычаи» ('Адат) обсуждаются социально-значимые обычаи, нормы общественной жизни, в третьей руб' «Погубители» (Мухликат) говорится о пагубных чертах характера, четвертый руб' «Спасители» (Мунджийат) повествует о совершении добрых дел, ведущих к спасению.

«Танбих ал-гафилин» («Пробуждение беспечных») Абу-л Лайса Самарканди, (р. в 983 г.) также является произведением классической духовной литературы, наряду с религиозным трактатом ал-Газали излагаются нравственные принципы ислама.

«Ал-Мабсут» Ибн Сахл Абу Бакр Мухаммада 'Абдуллаха ас-Сарахси в фикхе признан одним из наиболее авторитетных произведений по ханафитскому мазхабу.

«Нахдж ал-Фарадис» наполнен суфийских смыслов, что еще раз доказывает постулат о том, что проникновение суфийской традиции в духовную культуру Золотой Орды было намного глубже. Постепенно суфизм приобретает легитимность в обществе. В тарханном ярлыке хана Тимур-Кутлука упоминается о суфиях в одном ряду с другими духовными наставниками (кадиями, муфтиями, шейхами), что дает возможность полагать, что суфии состояли на государственно-административной службе.

При этом основной целью активно развивающейся суфийской традиции в Золотой Орде становились определенное духовное воздействие на человека и стимулирование его к духовному поиску.

Поэтому неудивительно, что в «Нахдж ал-Фарадис» мы найдем упоминание книг, являющихся так называемыми учебниками по «суфийской науке, такие как ранний систематический труд по мистицизму «Атта'аруф ли мазхаб ахл ат-тасаввуф» («Введение в суфийское учение») Абу Бакра ал-Калабази (ум. в 990 или 995 г.).

«Та'аруф» «представляет собой тематические подборки изречений авторитетных представителей иракской суфийской традиции, таких как Мансур ал-Халладж, ал-Джунайд ал-Багдади, Абу-л-Хусайн ан-Нури, Сахл ат-Тустари, Ибн 'Ата', Абу Са'ид ал-Харраз, Зу-н-Нун ал-Мисри и Абу Бакр ал-Васити [6, с. 139].

Упоминается и о других книгах «Слова ученых и шейхов и их рассказы приводятся целиком по книге шейха Имама Абу Талиба [ал-]Макки, *да смилостивится над ним Аллах*, под названием «Кут ал-кулуб», по книге Имама Зайн ал-А'иммат ал-Фирдауси, *да смилостивится над ним Аллах*, под названием «Ал-Муджтала», также по комментарию (шарх) к книге «Ал-Муджтала» и по книге Имама Мухаммада Катиба, *да смилостивится над ним Аллах*, под названием «Ал-Магази».

Впечатляющий список источников наглядно демонстрирует степень эрудиции автора в области богословско-теологической литературы. И также доказывает сведения некоторых списков «Нахдж ал-Фарадис» о том, что Махмуд ал-Булгари ас-Сараи скорее всего был сыном одного из шейхов города Сарая и получил достойное религиозное воспитание и образование.

При этом Махмуд ал-Булгари не стремится причислить себя к какому-либо определенному суфийскому братству, не пишет о своих наставниках и учителях. Автор «Нахдж ал-Фарадис» не ставит во главу постижение какой-либо одухотворенной истины, не основывает какое-то новое направление, не выступает против основных принципов исламской традиции, в его основе моральный кодекс мусульманина, который знает основы истории ислама, соблюдает пять столпов этой религии, совершает богоугодные поступки и воздерживается от сотворения пагубных. Свою идею сочинения он четко прописывает во введении (мукадима): *Надеемся, кто прочтет эту книгу, будет жить сообразно советам из этой книги, она будет для них путеводителем в рай*.

В заключении можно сказать, что сочинение «Нахдж ал-Фарадис» («Путь в рай») Махмуда ал-Булгари ценный памятник золотоордынской эпохи, источник исторического и духовного наследия тюрко-татар, изучение его богатого библиографического материала поможет раскрыть характер распространения исламских богословских трудов в Поволжском регионе и их роль в формировании средневековой тюрко-татарской богословской мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ал-Багави Хусейн б. Масгуд. Масабих ас-сунна. Каир: Ал-матбу'а ал-хайрия, 1901.
2. Аз-Замахшари Абу Касим. Кашшаф 'ан хакаиқ ат-танзил. Каир: Ал-матбу'а ал-'амира аш-шарафийа, 1925.
3. Ал-Газали Абу Хамид. Ихйа 'улум ад-дин. Каир: Ал-матбу'а ал-'амира аш-шарафийа, 1910.
4. Ал-Макки Абу Талиб. Кут ал-кулуб фи мусаллалатул махбуб. Каир, 1896.
5. Ислам: энцикл. словарь. М., 1991.
6. Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. СПб., 2004.
7. Мәржани Ш. Мостәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1989.

Сведения об авторе:

Эльмира Гадельзянова Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: adulya2@yandex.ru

**Об исторической топографии
и политико-административном статусе
Мангупа в золотоордынский период***

В статье представлена реконструкция исторической топографии и особенностей политико-административного статуса Мангупского городища в золотоордынский период истории памятника (около 1360–1395 гг.). Исследование содержит комплексный анализ всех имеющихся групп источников (письменных, эпиграфических, нумизматических, археологических), результаты новейших раскопок городища (2005–2019 гг.). Впервые в историографии предпринята попытка всестороннего изучения золотоордынского периода в истории Мангупа.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Мангуп, княжество Феодоро, Золотая Орда, Византия, дворец, церковная археология

Мангупское городище является крупнейшей средневековой крепостью из группы так называемых «пещерных городов» Юго-Западного Крыма (рис. 1). Его раскопки были начаты еще в середине XIX в. и продолжаются до настоящего времени [об истории изучения памятника см.: 5; 6; 11]. С 1967 г. систематические исследования памятника ведутся Мангупской археологической экспедицией Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Одним из главных результатов раскопок последних десятилетий стала разработка объективной периодизации истории Мангупа, которая ныне включает шесть основных этапов: докрепостной (позднеримский; конец III – середина VI вв.), ранневизантийский (середина VI – конец VIII вв.), хазарский (конец VIII – середина IX вв.), фемный (около 841 г. – середина XI вв.), феодоритский (конец XIII / начало XIV вв. – 1475 г.) и османский

* Исследование выполнено при поддержке грантов РФФИ – «Дворцовый комплекс Мангупского городища – резиденция правителей княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму. Проблемы хронологии, планировки и архитектурной реконструкции памятника» (проект №19-09-00124) и «Основные этапы христианизации Мангупского городища в Юго-Западном Крыму: синтез исторических и архитектурно-археологических исследований» (проект №19-49-910007). Автор выражает признательность А.Г. Герцену, руководителю Мангупской археологической экспедиции, за возможность самостоятельной публикации материалов из раскопок памятника.

(1475–1774 гг.) [8]. Каждый из этих периодов достаточно ясно представлен в стратиграфии городища, что позволяет приступить к предметному исследованию следующей важнейшей научной проблемы в истории его изучения – пространственной и функциональной реконструкции исторической топографии Мангупа в различные периоды его существования. Безусловно, речь пока не идет о детальной характеристике и эволюции всех элементов поселенческой инфраструктуры – улиц и площадей, жилых кварталов, домов и сельских усадеб, ремесленных мастерских, торговых рядов и городских свалок, систем водоснабжения и канализации и много другого, без чего невозможна обычная жизнь крупного населенного пункта. На данном этапе исследования возможен лишь самый общий анализ топографии Мангупского городища, предполагающий установление его размеров, планировки, функций и архитектурно-топографических доминант в тот или иной период истории.

Безусловно, период княжества Феодоро занимает особое место в истории Мангупского городища. Именно в это время обширная крепость, возведенная Византийской империей еще в VI в. на вершине изолированного горного плато, окончательно приобрела черты поселения городского типа и статус одноименной столицы княжества Феодоро – независимого политического образования в юго-западной части Крыма, имевшего политические связи со многими крупными государствами на юге Восточной Европы (Трапезундской империей, Молдавией и Московским государством).

Конечно, большая часть сказанного имеет отношение к истории Феодоро в XV в. (до 1475 г.), о которой мы уже многое знаем, в том числе благодаря результатам археологических исследований. Менее известна ранняя история города Феодоро, от его возобновления после нескольких столетий упадка, скорее всего, в конце XIII / начале XIV вв. и вплоть до конца XIV в., когда поселение пережило новую катастрофу. В рамках постоянно идущей научной дискуссии в 2016 г. нами совместно с А.Г. Герценым был опубликован ряд статей, в которых сделаны выводы о необходимости выделения особого золотоордынского этапа в истории городища (около 1360–1395 гг.), во время которого оно, очевидно, находилось под управлением улусной администрации в Крыму [9, с. 250–253; 10, с. 38–39, 49]. Несмотря на то, что источниковая база этой гипотезы все еще находится на стадии формирования, в своей работе нам бы хотелось остановиться на ряде важнейших вопросов в истории Мангупа интересующего нас периода времени, в том числе с учетом археологического материала из раскопок последних лет.

Об исторической топографии Мангупа в XIV в. К сожалению, история городища этого столетия практически не освещена письменными источниками. Пожалуй, единственным сочинением, в котором в самом общем виде дано описание топографии Мангупа для XIV в., является поэ-

ма «Рассказ о городе Феодоро», написанная около 1395 г. иеромонахом Матфеем, экзархом константинопольского патриарха Антония IV (1389–1397) в Ялите (Ялте). Текст источника впервые был издан С. Меркати в 1927 г. [30, р. 392–396], но уже использовался применительно к истории городища в фундаментальной монографии А.А. Васильева [31, р. 188–192]. Недавняя его републикация выполнена Х.-Ф. Байером [1, с. 286–309], комментарии к ней и реконструкция маршрута Матфея по горному Крыму и территории городища – А.Г. Герценым [4].

Исторический контекст пребывания Матфея в разрушенной и оставленной жителями Мангупской крепости остается до конца не ясным. Единственным несомненным фактом, который следует из содержания источника, написанного автором вскоре после посещения памятника, является признание случившейся здесь крупной военной катастрофы, следы которой иеромонах наблюдал повсеместно. С учетом хронологии миссии Матфея в Крым (около 1395 г.) и упоминания в поэме «агарян» (мусульман), захвативших крепость после длительной осады, есть основания рассматривать, вслед за А.А. Васильевым [31, р. 188–192], происходившие в это время на Мангупе события в контексте известного военного противостояния Тимура-Тамерлана и золотоордынского хана Токтамыша (1376–1395) в Приазовье и на Крымском полуострове в начале 90-х гг. XIV в., которое, вероятно, затронуло и юго-западную часть Таврики.

В последнее время гипотеза А.А. Васильева подвергнута серьезной критике. Как «историографический конфуз» ее ныне рассматривают В.Л. Мыц [20, с. 45–63; 21, с. 99–121] и в целом следующий за ним С.В. Громенко [13, с. 43–50]. Однако, главный «археологический» контраргумент наших оппонентов – отсутствие на ряде крупных средневековых городищ Крыма (в Херсоне, Солхате, на Мангупе) хорошо выраженного «слоя пожара 1395 г.», представляется поспешным, по крайней мере, до публикации основных результатов многолетних раскопок указанных памятников.

Также следует признать пока бездоказательным предложение Т.Ф. Хайдарова рассматривать сообщение Матфея о событиях на Мангупе как некую византийскую традицию при описании эпидемий «Черной смерти» (очевидно, автор имеет ввиду пандемию 1347–1348 гг.), на что указывают многочисленные погибшие на улицах города [28, с. 34]. Для таких заключений необходимо иметь хотя бы какие-то основания, желательно, археологического или антропологического характера. Однако их пока нет.

В контексте изучения исторической топографии Мангупа XIV в. поэма Матфея остается наиболее выразительной и точной иллюстрацией, а в чем-то и своеобразным путеводителем по городищу этого времени. В целом, анализируя ее содержание, необходимо отметить общую узнаваемость местности, особенно в сюжетах, посвященных описанию изолированного положения Мангупского плато, особенностей оборонительной

системы крепости, состоящей из отдельных укреплений (клисур), трассы подъездной дороги и главных городских ворот, равнинного рельефа плато с четырьмя мысами, мощных источников воды и многочисленных пещерных сооружений [4, с. 565–658, 572–573]. Однако, художественная форма сочинения Матфея, написанного к тому же в жанре монодии, полностью лишила нас детальной топографической привязки и возможности территориальной идентификации упоминаемых в тексте дворцов, жилых кварталов, храмов и некрополей городища. Лишь в четырех случаях в поэме сохранились смутные указания на присутствие храмовых комплексов и кладбищ среди застройки Мангупа конца XIV в. – при упоминании надвратной церкви крепостных ворот в Капу-дере [1, с. 294–295, строки 38–40], христианских храмов в центральной части Мангупского плато – «купольных, базиликоподобных и круглых» в плане, украшенных мозаиками и фресками [1, с. 294–297, строки 46–47, 52–53], высеченных в скале гробниц, скорее всего, на месте некрополя на эспланаде Мангупской цитадели на мысе Тешкли-бурун [1, с. 296–297, строка 52] и видимых в различных местах городища надгробий [1, с. 302–303, строка 109].

Тем не менее, это наблюдение о скромных возможностях «Рассказа о городе Феодоро» для детальной реконструкции топографической ситуации на Мангупе не должно лишать поэму статуса важнейшего источника по истории городища в период формирования княжества Феодоро. Главным, что следует из его содержания, является наделение Мангупа XIV в. всеми признаками поселения городского типа, топографическими доминантами которого выступают крепостные стены, крупные общественные постройки («дворцы» у Матфея), регулярная жилая застройка и, конечно, храмовые комплексы с городскими некрополями. В этом смысле Мангупское городище, описанное Матфеем, и Мангуп периода расцвета княжества Феодоро (около 1425–1475 гг.), хорошо известный нам по данным археологии, мало чем отличаются между собой. Для обоих исторических периодов, это крупное городское поселение с хорошо выраженной эшелонированной оборонительной системой, плотной застройкой и ясными архитектурно-топографическими ориентирами на местности.

Постепенно информация Матфея о Мангупе как о крупном городском типа поселении в XIV в. находит материальное подтверждение в ходе продолжающихся раскопок городища. На сегодняшний день, участки культурного слоя либо отдельные археологические комплексы этого времени выявлены, по меньшей мере, на площади четырех крупных объектов.

Прежде всего, речь идет о мужском погребении в центральном нефе Большой трехнефной базилики (рис. 1,6), открытом в 2005 г. Н.И. Барминой и затем опубликованном М.Г. Крамаровским [16, с. 278–289, рис. 1–3; 17, с. 457–473, рис. 1; об условиях находки см.: 2]. Стратиграфически оно соотносится, по мнению автора раскопок, с горизонтом конца XIV – нача-

ла XV вв. на территории памятника, что требует, как нам представляется, в будущем уточнения даты комплекса. В частности, умершего сопровождал серебряный (с позолотой) поясной набор, позволяющий датировать его более ранним временем – 30–50-ми XIV в.

Поясной набор состоит из 16 предметов – пряжки с прорезью, наконечника пояса, центральной обоймицы с изображением всадника, двух обоймиц с подвесками для крепления оружия, четырех накладок с изображением «узла счастья» и еще семи накладок с цветочным узором, на которых сохранились остатки шелковой ленты основы. Все предметы выполнены в технике литья в жесткую форму с последующей доработкой резцом. Позолота нанесена способом амальгамирования; выразительные части пояса технологически имеют трехслойную структуру [22, с. 154–155, №166; 23, с. 391–393, №299]. На центральной обоймице представлена сцена «побежденного врага», на лицевой стороне наконечника пояса – сцена «героической охоты». По М.Г. Крамаровскому, пояс принадлежит, в широком смысле, к типу сельджукских «городских» поясов, получивших распространение в Крыму в золотоордынское время. На его основе вырабатывается особый тип парадного пояса, указывающий на принадлежность владельца к определенной социальной группе населения, занимавшего привилегированное положение в социуме. Возможно, владелец мангупского пояса соответствовал рангу «сотника» (гекатонтарха) из эпитафических надписей, обнаруженных на городище (о них ниже).

Нужно сказать, что указанное погребение середины XIV в. выглядит отнюдь не случайным на территории Мангупской базилики. Обратим внимание на группу захоронений, вероятно, того же погребального горизонта (№2, по М.А. Тихановой), выявленную в 1938 г. на площади раскопа снаружи западной стены храмового комплекса. Некоторые из них (погребения №№77, 79, 80, 82) сопровождалась «джучидскими» (формулировка автора раскопок) монетами; две монеты датируются временем золотоордынского хана Токты (1291–1331) [27, с. 350–354].

Другим крупным объектом Мангупа, на котором обнаружены следы поселенческой инфраструктуры XIV в., является дворцовый комплекс правителей княжества Феодоро 1425–1475 гг. в центральной части Мангупского плато (рис. 1, 7; 2). Одним из главных результатов современных раскопок памятника, ведущихся систематически с 2006 г., является заключение об использовании данного участка плато на протяжении всех основных периодов истории Мангупского городища, от ранневизантийского до османского времени [12]. Возведению княжеской резиденции в 20-е гг. XV в. непосредственно предшествовал строительный ярус золотоордынского времени, от которого сохранились дневная поверхность и отдельные строительные комплексы. В основном они пока выявлены на западном участке исследования памятника. Из сопутствующего культурного слоя происходят выразитель-

ные археологические материалы золотоордынского круга – бронзовые зеркала, кашинная керамика, глазуванная красноглиняная посуда с орнаментом в технике «сграффито» и с подглазурной росписью линиями ангоба [10, с. 42–45, кат. 17–23, 165]. Вероятно, к этой же группе артефактов следует отнести и изделия групп «селадон» и «псевдо-селадон», обнаруженные, главным образом, в комплексах времени функционирования дворца (около 1425–1475 гг.) [10, с. 45–49, кат. 24–29]. Эта керамика свидетельствует о стабильном характере восточного вектора торгово-экономических и культурных связей населения Мангупа на протяжении всего феодоритского периода в его истории, то есть с конца XIII / начала XIV вв. и вплоть до 1475 г., когда крепость была завоевана османской армией.

Для оценки общей активности Золотой Орды в регионе и установления хронологических рамок включения Мангупского городища в сферу ее влияния, безусловно, важны нумизматические находки из раскопок дворца. Всего в ходе исследований было найдено 144 монеты, выпущенных правителями Улуса Джучи, что составляет около 20% от общего числа находок монет на памятнике¹.

Таблица №1

Статистическая таблица распределения золотоордынских монет из раскопок дворца (2006–2018 гг.)

№ п/п	Атрибуция	Количество
1	Тула-Буга (1287–1291)	1
2	Токта (1291–1313) и анонимные монеты его времени	8
3	Узбек (1313–1341)	24
4	Джанибек (1342–1357) и анонимные монеты его времени	4
5	Анонимные пулы 1350–1365 гг. выпуска	16
6	Абдаллах (1367–1370)	6
7	Анонимные пулы 1360–1380-х гг. выпуска	8
8	Токтамыш (1379–1395)	11
9	Шадибек (1399–1407)	2
10	Кебек (1413 г.)	1
11	Атрибуция в пределах XIV в. (годы выпуска не прочитаны из-за плохой сохранности монет)	63 (около 44%)
	Итого:	144

Отмечаем равномерное распределение монет на протяжении длительного промежутка времени, от правления Токты (1291–1313) до Токтамыша (1379–1395). При практически полном отсутствии иных нумизматических

¹ Атрибуция всех монет, упоминаемых в статье, выполнена А.В. Якушечкиным.

находок на Мангупе для конца XIII–XIV вв. золотоордынские номиналы обеспечивали монетное обращение в этот период, что косвенно указывает на включение городища в сферу торгово-экономических связей и политических интересов Золотой Орды на полуострове.

Наконец, в восточной части Мангупского плато в последние годы раскопаны два христианских храмовых комплекса, которые функционировали в золотоордынский период истории городища – так называемые «церковь 1967 г.» и «церковь 2015 г.» (рис. 1, 15, 19). Их появление на плане Мангупа позволяет резко расширить обжитую территорию памятника для периода конца XIII–XIV вв.

Раскопки «церкви 2015 г.», расположенной в верховьях мыса Еллибурун, производились в течение трех полевых сезонов (2015–2017 гг.) и позволили получить достаточные основания для датировки и атрибуции объекта [материалы исследований 2015–2016 гг. полностью опубликованы: 24, 2017; 29, с. 160–174].

По планировочному решению, памятник представлял собой культовую постройку зального типа, сориентированную по оси северо-восток – юго-запад и состоящую из трех архитектурных компонентов – алтарной части, наоса и нартекса-притвора (рис. 3). Его общие размеры по внешнему контуру – 6,80 x 5,30 м, по внутреннему обводу стен – 5,70 x 4,20 м. Небольшая ширина стен и наличие в наосе двух симметрично расположенных колонн предполагают трехнефную композицию храма, с одним (широким) центральным и двумя (узкими) боковыми нефами, и его стропильное перекрытие базиликального типа. Композиция церкви дополнена двумя скальными гробницами, вырубленными на свободном пространстве между колоннами и стенами. Они имеют «заплечики» под плиты перекрытия, что указывает на использование пространства боковых нефов в процессе церковной литургии. Также важно отметить куски фрески с полихромной росписью из заполнения гробниц, что указывает на богатство внутреннего интерьера храма. Первоначальный вход в наос в западной стене не сохранился. Позднее, в процессе перестройки, он был оформлен в виде небольшого нартекса-притвора с двумя колоннами. Вокруг церкви располагался прихрамовый некрополь. Основным типом погребальных сооружений являлись скальные гробницы для многократных захоронений, три из которых удалось раскопать.

Памятник функционировал в относительно небольшой промежуток времени, не более столетия. Он был построен не позднее конца XIII в. и использовался до конца XIV в. В таком случае, его следует рассматривать как элемент городской застройки Мангупа в золотоордынский период, погибшей в ходе противостояния Токтамыша и Тимура-Тамерлана в начале 1390-х гг., о чем уже говорилось. Среди датирующих находок из культурного слоя и закрытых археологических комплексов на площади раскопа особо

отметим артефакты золотоордынского круга древностей – фрагменты красноглиняных кувшинов с тисненым орнаментом, покрытых монохромной зеленой глазурью (некоторые опубликованы: 24, с. 112, 114, рис. 78, 3; 81,1) и монеты времени Ногая (около 1280–1299) и Токты (1291–1313).

Таблица №2

**Золотоордынские монеты из раскопок
«церкви 2015 г.»: атрибуция и стратиграфический контекст**

№ п/п	Атрибуция	Условия находки	Стратиграфический контекст
1	Золотая Орда. Монетный двор «Крым». Токта (1291–1313) (?). Выпуск 690 г.х. (= 1291 г.). Анонимный пул. Медь	2015 г. Квадрат 1. 1-й слой	Современный по происхождению горизонт. Однако находку рассматриваем как синхронную времени функционирования храма (конец XIII – XIV вв.)
2	Золотая Орда. Монетный двор «Крым». Токта (1291–1313). Выпуск 692 г.х. (= 1293 г.). Пул. Медь	2017 г. Квадрат 2. 2-й слой	Слой сформировался после разборки стен церкви на строительный материал, скорее всего, в течение XVI–XVII вв. Несмотря на это, с учетом многочисленности монет Токты на памятнике, находку рассматриваем как синхронную времени функционирования храма (конец XIII – XIV вв.)
3	Золотая Орда, Монетный двор «Крым». Токта (1291–1313). Выпуск 704 г.х. (= 1305 г.). Данг. Серебро	2017 г. Квадрат 2–4. Зачистка 3-го слоя	3-й слой сформировался в результате разборки стен храма на строительный материал в XV в., однако, содержит только находки времени его функционирования (конца XIII – XIV вв.)
4	Золотая Орда. Монетный двор «Крым». Токта (1291–1313). Пул. Медь	2017 г. Завал у входа в храм. Заполнение скального желоба №1	Контекст отражает незначительную перестройку церкви, вероятно, на начальном этапе ее истории, скорее всего, в начале XIV в. В результате перестройки храм приобрел небольшой 2-колонный нартекс.
5	Золотая Орда. Монетный двор «Сакчи». Время правления Ногая (период 1280–1299 гг.). Пул. Медь	2015 г. Квадрат 1. Гробница 4. Заполнение. 3-й слой (2-й ярус погребений)	Нетронутый ярус погребений времени функционирования храма, скорее всего, конца XIII – начала XIV в.

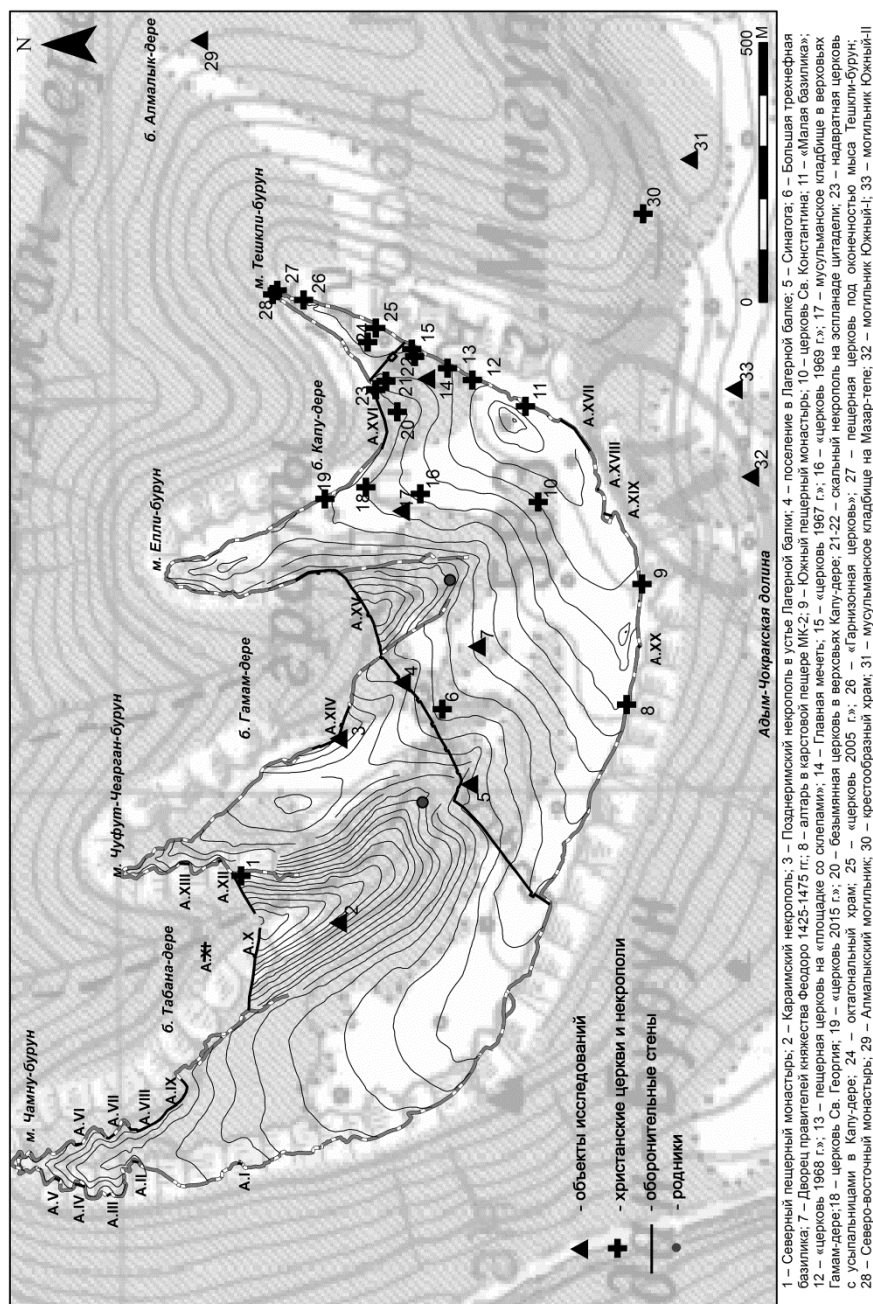

Рис. 1. Общий план Мангупского городища с указанием основных объектов археологических исследований 1853–2018 гг.

Рис. 2. Дворец. Общий план участка исследований 2006–2018 гг.
(латинскими литерами обозначены помещения комплекса)

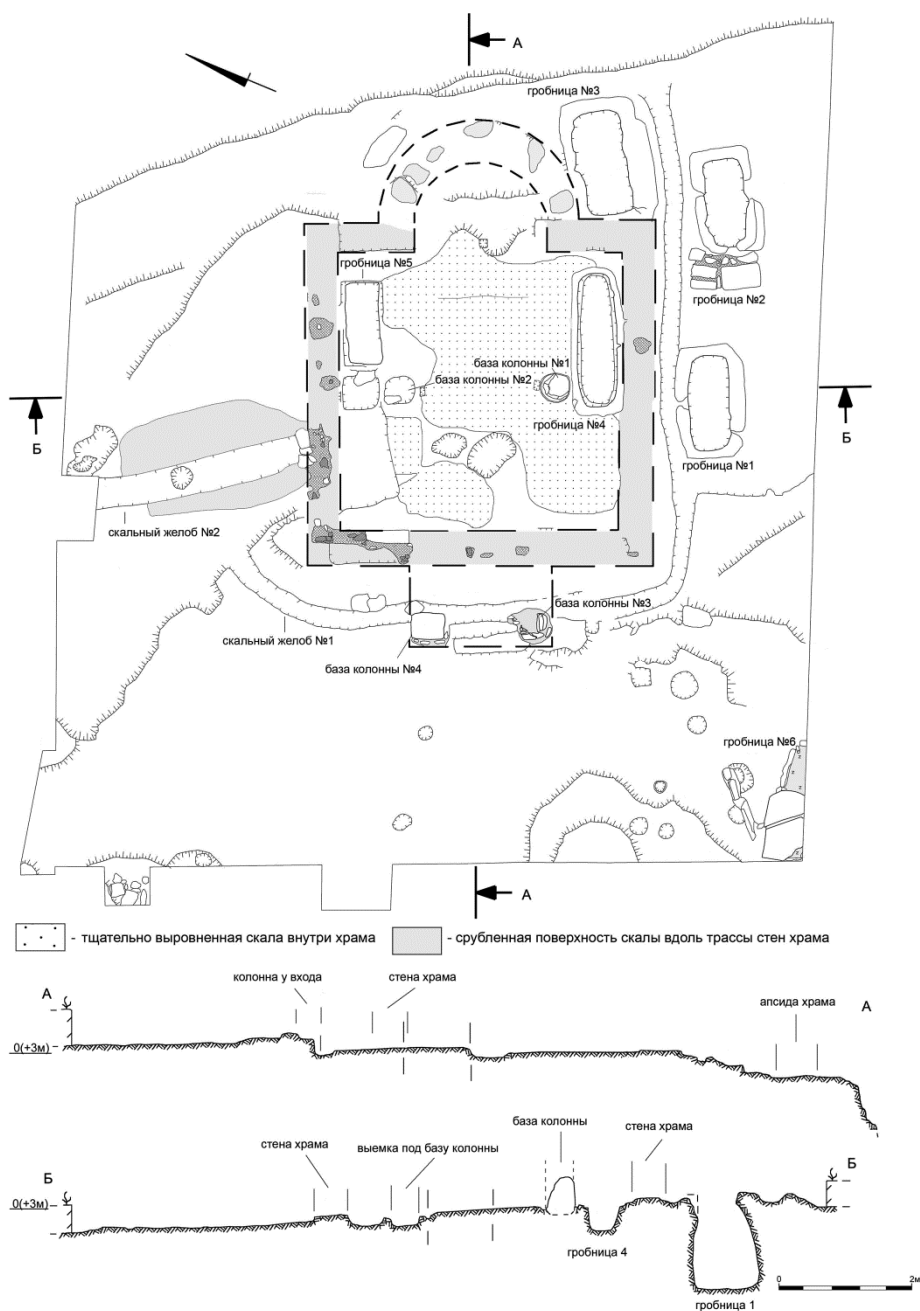

Рис. 3. «Церковь 2015 г.». Общий план участка исследований 2015–2017 гг.
Реконструкция плана и архитектурные разрезы храмового комплекса

243

Подобные глазурованные сосуды уверенно соотносятся с кувшинами на кольцевом поддоне, сферическим (несколько сплюсненным) туловом, коническим (или раструбообразным) горлом и тисненым орнаментом группы «Юго-Восточный Крым», которые изготавливались в золотоордынское время в Сугдее, Солхате и на поселении Бокаташ II и имели широкий ареал распространения на всей территории Улуса Джучи, но, главным образом, в Юго-Восточном Крыму и в Приазовье. Их общая хронология определяется в пределах последней четверти XIII – середины / 3-й четверти XIV вв. При этом пик производства приходится на 1330-е гг., что хорошо демонстрируют материалы Азака, где они присутствуют в качестве импорта [26, с. 43–44, рис. 21; там же библиография вопроса; о крымской тисненой керамике в Азаке см.: 19, с. 465, 473, рис. 4,7–9; 19,5,7].

Анализируя группу золотоордынских монет из раскопок «церкви 2015 г.», обратим внимание на два момента. Во-первых, на присутствие в археологических комплексах времени функционирования храма, что позволяет уверенно датировать памятник. Во-вторых, на общую многочисленность монет Токты, как и в случае с раскопками дворца и базилики, что выглядит теперь, очевидно, не случайной.

«Церковь 1967 г.» и связанный с ним участок прихрамового некрополя расположены в восточной части Мангупского плато, на эспланаде юго-восточной куртины цитадели на мысе Тешкли-бурун (рис. 4). В разное время небольшие исследования памятника проводились А.С. Уваровым (1853 г.), Р.Х. Лепером (1912 г.), Н.И. Репниковым (1933 г.) и Е.В. Веймарном (1966–1967 гг.). Однако только в 2018 г. удалось изучить его на широкой площади и интерпретировать как единый храмово-погребальный комплекс.

Планиграфически памятник представлял собой однефную одноапсидную церковь, вероятно, часовню обширного христианского кладбища в этой части Мангупского городища, сориентированную по оси северо-запад – юго-восток. Ее максимальные размеры: внешние – 8,00 x 4,50 м, внутренние – 6,00 x 3,10 м. Храм состоит из двух архитектурных компонентов – алтарной части с сильно возвышенной солеей и наосом, внутреннее пространство которого занято вырубленными в скале гробницами. К особенностям композиции следует отнести отсутствие нартекса и наличие под апсидой церкви внутрискального мемориального склепа. Одновременно с храмом функционировал связанный с ним некрополь, основными погребальными сооружениями которого являлись скальные гробницы для многократных захоронений.

В процессе раскопок церкви, на пространстве перед входом и снаружи восточной стены, удалось открыть участок сохранившихся культурных напластований времени использования и разрушения храмового комплекса, что довольно редко встречается на объектах скальной архитектуры. Из слоя разрушения происходят датирующие находки: глазурованная керамика

XIV–XV вв. группы «Юго-Западный Крым» («Polichrome (Monochrome) Sgraffito Ware») и три монеты – золотоордынский анонимный пул периода 1350–1365 гг. и два генуэзских аспра, выпущенных в Кафе в 1420–1435 гг. Находка аспров определенно свидетельствует о гибели церкви не позднее 20-х гг. XV в. в результате разборки ее стен на строительный материал на финальном этапе строительства Мангупской цитадели. Таким образом, «церковь 1967 г.», как и «церковь 2015 г.», может быть уверенно соотнесена с застройкой городища золотоордынского периода в его истории.

Подводя общие итоги нашего анализа современной источниковой базы для изучения исторической топографии Мангупа в золотоордынский период, нужно отметить значительную роль результатов систематических раскопок памятника в последние годы. Благодаря им, размеры поселения конца XIII–XIV вв. на территории Мангупского плато реконструируются в пределах наиболее обжитой части городища на протяжении всей его истории. Археологические исследования констатируют городской характер поселения и стабильные торгово-экономические и культурные связи населения крепости с Золотой Ордой. Таким образом, условный «город Матфея» начинает приобретать реальные очертания на местности.

О политико-административном статусе Мангупа в золотоордынский период его истории. Для изучения особенностей системы управления Мангупской крепости в золотоордынский период по-прежнему основное значение имеет интерпретация немногочисленных свидетельств письменных и эпиграфических источников. Их обзор и анализ производился многими исследователями неоднократно, в том числе и нами, что избавляет от необходимости повторов [см. подробнее, с основной библиографией: 10, 2016, с. 38–39; ср. также недавнее исследование этого вопроса: 25]. Поэтому остановимся лишь на самых общих замечаниях, следующих из содержания источников.

Среди письменных источников наиболее информативным остается сообщение ряда восточноевропейских летописей о битве на Синих Водах около 1362–1363 гг. между литовским князем Ольгердом (1345–1377) и объединенной армией «татарских» эмиров из Крыма (Кутлугбуги, Димитрия и Хаджибея), которых, начиная с П.И.Кеппена, отождествляют с отдельными золотоордынскими правителями полуострова – ханами Крымским (Солхат), Манлопским (Мангуп) и Кыркельским (Кырк-Ор/Чуфут-Кале) [14, с. 310]. Оно свидетельствует о безусловном включении к началу 1360-х гг. Мангупской крепости в систему золотоордынского управления на полуострове и расширенных полномочиях ее наместника в принятии решений внутриобластной и даже международной политики, что связано, как замечает М.Г. Крамаровский, с определенной сегментацией власти в Крымском улусе в это время [15, с. 517–518; ср. также: 7, с. 138–140].

Близкой к событиям на Синих Водах является строительная надпись с территории Мангупа, сообщающая о возведении в 1361–1362 гг. местным сотником (гекатонтархом) Хуйгани башни и обновлении в целом крепости Феодоро [18, с. 9–14, рис. 2; ср.: 3, с. 293, V 176]. Другая известная строительная надпись свидетельствует о ремонтах крепостных сооружений городища в правление хана Тохтамыша (1379–1395) под руководством еще одного сотника (гекатонтарха) по имени Тцитци[кий?] (?) [18, с. 5–9, рис. 1; ср.: 3, с. 293, V 177].

Анализ содержания перечисленных нарративных источников позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, круг наших источников ограничен памятниками, содержащими информацию лишь о второй половине XIV в., когда Мангупская крепость считалась частью территориальных владений Улуса Джучи на Крымском полуострове. Ничего не известно определенного о политико-административном статусе городища конца XIII – первой половины XIV вв., за исключением позднего, и поэтому сомнительного, свидетельства Феодора Спандуниса (около 1453–1538 гг.) о «князе Готии» и его конфликте с Андроником III Палеологом (1328–1341), которое иногда в литературе используется как наиболее раннее указание на существование самостоятельного княжества Феодоро [31, р. 183]. Также отдельного исследования требует мангупская строительная надпись с упоминанием «богохранимой крепости Феодоро» и победы неизвестного уроженца не менее загадочной «Пойки», которую датируют в широких пределах, от 1282–1283 гг. до конца XIV в. [18, с. 15–19, рис. 3–4; ср.: 3, с. 292–293, V 175]. В связи с молчанием нарративных источников, следует обратить особое внимание на обилие монет хана Токты (1291–1313) практически на всех археологических объектах, где присутствуют культурные напластования золотоордынского периода в истории Мангупа. Возможно, эти монеты отмечают начальный этап установления контроля администрацией Крымского улуса над стратегически важным пунктом в юго-западной части Таврики. В любом случае, специальный анализ политической истории региона для конца XIII – первой половины XIV вв. и обстоятельств возобновления в это время города Феодоро представляется необходимым.

Во-вторых, по меньшей мере, к началу 60-х гг. XIV в. Мангупская крепость уже рассматривалась улусной администрацией полуострова как отдельная административная единица под управлением чиновника с титулом «гекатонтарх» («сотник»). В его функции, очевидно, входил контроль за состоянием крепости и ее оборонительных сооружений, а также сбор определенного воинского контингента с этой территории. Это соответствовало традиционной для Золотой Орды системе территориально-административного управления подчиненными ей областями.

В-третьих, несмотря на подчиненность Мангупской крепости улусной администрации и тюркское (?) происхождение имен ее «сотников», население городища оставалось, по большей части, грекоговорящим и христианским по вероисповеданию. На это указывают язык и иконография надписей, а также множество других косвенных свидетельств из истории Мангупа этого времени – наличие многочисленных христианских храмов и некрополей, в том числе кафедрального храма Готской митрополии – Большой трехнефной базилики; общий провинциально-византийский характер материальной культуры и пр.

В заключение, вновь, как и в 2016 г., хочется отметить, что ранняя история столицы княжества Феодоро оставляет множество вопросов. Однако растущее число археологических находок на Мангупе, связанных с золотоордынским кругом древностей, в том числе статусного характера, делает гипотезу об особом золотоордынском периоде в истории городища, с условной пока датой в пределах 1360–1395 гг., заслуживающей самого пристального внимания и изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. 500 с.
2. Бармина Н.И. Раскопки Мангупской базилики в 2005 г. // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 267–277.
3. Виноградов А.Ю. Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 278–298.
4. Герцен А.Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 562–589.
5. Герцен А.Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.) // БИАС. 2008. Вып. 3. С. 212–256.
6. Герцен А.Г. К 50-летию возобновления археологического изучения Мангупа: начальный этап // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 12–45.
7. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата: Исследование. Путеводитель. Альбом. Симферополь: ООО «Антиква», 2016. 312 с.
8. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум». Сборник материалов научной конференции. Керчь, 2015. С. 88–100.
9. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоор-

дынская цивилизация. Казань: Центр инновационных технологий, 2016. №9. С. 247–258.

10. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Великоханский вектор в культуре региональных элит или к вопросу о золотоордынском периоде в истории Мангупа середины – второй половины XIV в. (обзор археологических источников) // Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь: ООО «Издательство «Тарпан», 2016. С. 36–49.

11. Герцен А.Г., Науменко В.Е. История изучения и топография храмовых комплексов и некрополей Мангупского городища // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.): коллективная монография / отв. ред. А.И. Айбабин. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 10–55.

12. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) // X Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Материалы конференции. Севастополь: ООО «Колорит», 2018. С. 53–58.

13. Громенко С.В. Тимур, Токтамыш и Идегей в Крыму: историографическая традиция и историческая реальность // ЗО. 2015. №3. С. 43–53.

14. Кеппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Императорская Академия наук, 1837. 409 с.

15. Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII–XV вв. // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 506–532.

16. Крамаровский М.Г. Сельджукские пояса в Крыму и на Северном Кавказе в XIV в. (предварительное сообщение) // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 278–296.

17. Крамаровский М.Г. Мангупская находка: сельджукидские отражения в Крыму и на Северном Кавказе // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 457–480.

18. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71. 47 с. (отдельный оттиск).

19. Масловский А.Н. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII в. / под ред. С.Г. Бочарова, В. Франсуа, А.Г. Ситдикова. Казань-Кишинев: Издательство «Stratum Plus»; Университет «Высшая антропологическая школа», 2017. С. 455–489.

20. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.

21. Мыц В.Л. «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции // Генуэзская Газария и Золотая Орда / под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 99–123.

22. Науменко В.Е. Каталог. Поясной набор // Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь: ООО «Издательство «Тарпан», 2016. С. 154–155.

23. Науменко В.Е. Поясной набор // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингизидской империи: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. М.: Фонд Марджани, 2019. С. 391–393.

24. Науменко В.Е., Набоков А.И. «Церковь 2015 г.» // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.): коллективная монография / отв. ред. А.И. Айбабин. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 109–139.

25. Сейдалиев Э.И. «Гекатонтархи» в Мангупских строительных надписях XIV в.: золотоордынский экскурс // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 378–387.

26. Тесленко І.Б. Виробництво полив'яного посуду в Криму за часів Улуг Улусу // Археологія і давня історія України. Київ, 2018. Вип. 4 (29). С. 7–83.

27. Тиханова М.А. Базилика // МИА. №34. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.-Л.: Издательство АН СССР, 1953. С. 334–389.

28. Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 304 с.

29. Шведчикова Т.Ю. Антропологические материалы из раскопок церкви Святого Георгия и «церкви 2015 года» // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.): коллективная монография / отв. ред. А.И. Айбабин. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 140–174.

30. Mercati S. Διήγησης τῆς πόλεως Θεοδώρου. Versi di Matteo Ieromonaco // Mercati S.G. Collectanea Byzantina. Roma: Dedalo Libri, 1970. Vol. I. P. 385–396.

31. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts: The Medieval Academy of America, 1936. 292 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ – Античная древность и средние века

БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник

ЗО – Золотоордынское обозрение

ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

Сведения об авторе:

Валерий Евгеньевич Науменко – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-2590-6314; Researcher ID: W-7627-2018. E-mail: byzance@rambler.ru

**В.Г. Шапошник,
Ю.В. Зайончковский**

Удельные монеты Великого княжества Литовского из состава Каратунского клада

Статья посвящена уточнению атрибуции нескольких двухсторонних подражаний из состава Каратунского клада, отчеканенных в Северских землях Великого княжества Литовского. Клад был обнаружен в 1986 году в окрестностях железнодорожной станции Каратун Апастовского района Татарской АССР (сейчас – Республика Татарстан). В результате исследования авторы надеются на то, что анонсированный выход из печати второго тома исследования, посвящённого Каратунскому кладу (который будет содержать фотоиллюстрации), поспособствует выявлению в его составе и других монет северского чекана.

Ключевые слова: нумизматика, Каратунский клад, Великое княжество Литовское, северские двухсторонние подражания

В 1986 году в окрестностях железнодорожной станции Каратун Апастовского района Татарской АССР (сейчас – Республика Татарстан) при проведении дорожных работ был открыт монетный клад конца XIV века, почти в полном составе поступивший на хранение в фонды государственных музеев (в настоящее время хранится частями в Национальном музее Республики Татарстан и в Национальном культурном центре «Казань»). По своему объёму он является самым большим известным кладом джучидских монет: более 24000 экземпляров. Младшие датированные монеты отчеканены в 797 г.х., старшая – в 682 г.х. Более 78 % монет отчеканены при Токтамыше, представлены монеты и почти всех его предшественников. Присутствуют более ста монет с именем Тимура, несколько десятков монет Джалаиридов, единичные экземпляры ханов Синей Орды и русских княжеств. Есть монета Трапезунда и монета Галицкой Руси. Также клад включал в себя около семисот подражаний джучидским монетам. Вероятно, сокровище (купеческий капитал?) было сформировано южнее региона находки, а сокрыто около 1395 года в связи с военной активностью Тимура. По своему исключительному объёму и сохранности Каратунский клад превосходит знаменитые Екатеринославский и Тетюшскийклады, изданные в XIX веке П.С. Савельевым. На протяжении ряда лет его обработкой, изучением и подготовкой к публикации занимался выдающийся историк-нумизмат, профессор МГУ Герман Алексеевич Федоров-Давыдов. Смерть помешала ему закончить этот титанический труд. Столь ценный источник

по золотоордынской нумизматике и истории долгие годы оставался неопубликованным [3, с. 7–28]. В 2018 году вышел из печати первый том исследования, посвящённому Каратунскому кладу. Он составлен на основе архивного наследия Германа Алексеевича и включает определение и описание почти трёх тысяч монетных типов (со ссылками на предыдущие публикации) и значительный объём иллюстративного материала: 74 таблицы с рисунками более 1600 монет [3].

В таблицах с рисунками неопределённых подражаний присутствуют не менее четырёх изображений монет, относящихся к группе северских двухсторонних подражаний, которые являются темой углублённого изучения авторов. Собственный монетный чекан в исторических Северских землях, контроль над которыми в середине XIV века перешёл от Золотой Орды к Великому княжеству Литовскому, стал осуществляться в последней трети XIV века, по всей видимости, в нескольких центрах. Типологически он разделяется исследователями на три группы: подражания с кириллической легендой на одной из сторон, подражания с «княжеским знаком» и двухсторонние подражания. Последняя группа является самой многочисленной и наименее изученной. Ранее отнести монеты к этой группе было возможно только по характерным технологическим и стилистическим особенностям. Теперь внутри третьей группы выделена обширная подгруппа, объединённая штемпельными связями [5, с. 29–32]. Совсем недавно была выявлена связь выделенной подгруппы с одним из штемпельных узлов северских монет с кириллической легендой, относимых к чекану Дмитрия Ольгердовича Брянского [7].

Рассмотрим подробнее северские двухсторонние подражания из состава Каратунского клада.

Монета 40-00-225 [3, описание – с. 260, изображение – таб. 67]: рис. 1, вес монеты составляет 1,35 г. Она отчеканена штемпельной парой P4-P5 (рис. 2) и является пятым учтённым авторами экземпляром. «Изображения» на этой монете являются искажёнными зеркальными подражаниями легендам реверсов серебряных монет Мухаммеда чекана ал-Орды типа, ставшего массовым с датой 773 г.х. (рис. 5), что весьма характерно для северских подражаний. Фотоизображения монет, отчеканенных штемпельной парой P4-P5 дважды публиковались: Тигунцевым Ю.Г. в 2016 г. [4, с. 102, рис. В-2] (изображение этой монеты присутствует на электронном ресурсе rus-moneta.ru: № 4964 [8]) и Беспаловым Р.А. в 2015 году (монета T1-1) [1, описание – стр. 57, изображение – стр. 60, таб. 1].

Монета 40-00-316 [3, описание – с. 266, изображение – таб. 71]: рис. 1, вес монеты составляет 1,29 г. Она отчеканена штемпельной парой P8п-P12 (рис. 2) и является шестым учтённым авторами экземпляром. «Изображения» и на этой монете также являются искажёнными зеркальными подражаниями легендам реверсов серебряных монет Мухаммеда чекана ал-

Орды, но ещё более деградировавшими. Фотоизображение монеты, отчеканенной штемпельной парой P8п-P12 представлено на рис. 4. Изображение ещё одной монеты этой штемпельной пары присутствует на электронном ресурсе zeno.ru: № 30792 [9].

Рис. 1. Рисунки монет – северских двухсторонних подражаний из состава Каратунского клада

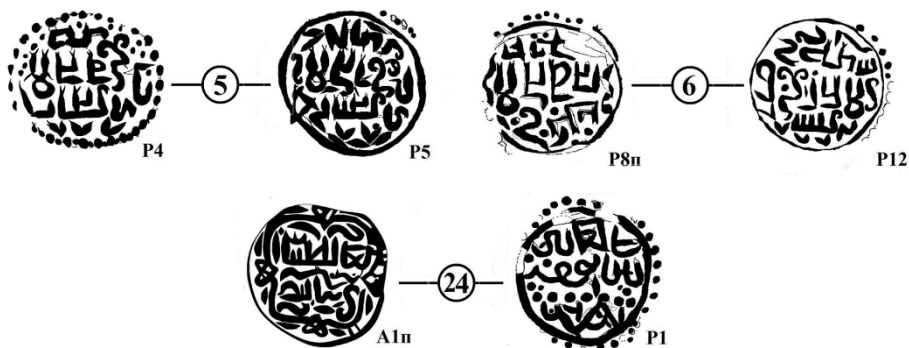

Рис. 2. Прорисовки оттисков штемпелей, использовавшихся для чеканки северских подражаний из состава Каратунского клада (выполнены О.В. Овсянниковым). Числа на линиях связи – количество учтённых авторами экземпляров

Монеты 40-00-311 [3, описание – с. 265, изображение – таб. 71]: рис. 1, вес монеты составляет 1,45 г; 40-00-364 [3, описание – с. 268, изображение – таб. 73]: рис. 1, вес монеты составляет 1,41 г. Обе эти монеты отчеканены штемпельной парой A1п-P1 (рис. 2) и являются 23-м и 24-м учтёнными авторами экземплярами (продукция этой штемпельной пары – самая много-

численная среди северских двухсторонних подражаний). Изображения на штемпеле А1п (который многократно подвергался правкам) являются зеркальным подражанием аверсам монет Мухаммеда (рис. 5) (аналогичные по стилю и содержанию легенды аверсов характерны и для монет чекана ханов Туляка и Токтамышша). Отметим, что для лицевой стороны (Р1) монеты 40-00-364 Г.А. Фёдоров-Давыдов указал в описании возможный прототип: «Л.с. Токтамыш?». Фотоизображение монеты, отчеканенной штемпельной парой А1п-Р1 представлено на рис. 4. Фотоизображение одноштемпельной монеты уже публиковалась [6, описание – с. 172, изображение – с. 180, таб. 3, № 32]. Изображение ещё одной такой монеты присутствует на электронном ресурсе rus-moneta.ru: № 5048 [8]. Примечательно, что северское двухстороннее подражание, одна из сторон которого отчеканена штемпелем Р1, было в составе Тетюшского клада, сокрытого приблизительно в одно время с Каратунским [6, описание – с. 182–184, прорисовка – таб. VI-86] (рис. 3), т.е., монеты северского чекана, являясь, по сути, подражаниями джучидским монетам, попадали благодаря торговым связям на территорию Золотой Орды и участвовали в местном денежном обращении.

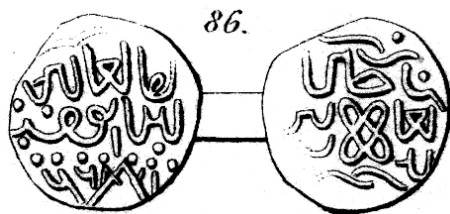

Рис. 3. Прорисовка монеты – северского двухстороннего подражания из состава Тетюшского клада

Рис. 4. Фотоизображения монет – северских двухсторонних подражаний, одноштемпельных с монетами из состава Каратунского клада

Рис. 5. Фотоизображение монеты хана Мухаммеда, чекана ал-Орды 773 г.х.

На современном этапе исследования монеты 40-00-025 и 40-00-316 можно с осторожностью отнести к чекану Дмитрия Ольгердовича Брянского во второй половине 70-х годов XIV века (для точной датировки пока недостаточно данных и существует вероятность чеканки этих монет в начале 80-х годов уже при другой администрации). Монеты 40-00-311 и 40-00-364 можно отнести к чекану начала 80-х годов, времени уже после отъезда Дмитрия Ольгердовича из Брянского княжества и передачи части его бывших владений Дмитрию-Корибуту.

Авторы питают надежду, что анонсированный выход из печати второго тома исследования, посвященного Каратунскому кладу (который будет содержать фотоиллюстрации), поспособствует выявлению в его составе и других монет северского чекана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспалов Р.А. Комплекс монет из села Голощапово Щёкинского района Тульской области // Русское денежное обращение в X–XVII вв. Нумизматический сборник к 60-летию Петра Григорьевича Гайдукова. М., 2015. С. 50–63.
2. Савельев П.С. Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. Часть третья. СПб., 1858.
3. Федоров-Давыдов Г. А., Мухаметшин Д. Г. Каратунский клад джучидских монет XIV века. Т. 1. Казань: Изд-во Казан. ун-та; М.: Палеограф, 2018.
4. Тигунцев Ю.Г. Денежное обращение в центральных уделах Черниговской земли с начала XIV – до начала XV вв. (по монетным сборам в Брянской области) // РАСМІР: Східна нумізматика. III Міжнародна наукова конференція: збірник наукових праць конференції. Київ, 2016. С. 96–123.
5. Шапошник В.Г., Зайончковский Ю.В., Овсянников О.В. О штемпельных связях двухсторонних северских подражаний последней трети XIV века // Третья наукова читання пам'яті професора Валентина Навумовича Рабцевіча (1934–2008). Тезиси докладаю. Мінск, 2018. С. 29–32.

6. Шапошник В.Г., Зайончковский Ю.В., Овсянников О.В. Комплекс серебряных монет XIV века из села Заудье Чугуевского района Харьковской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 7. М., 2018. С. 172–180.

7. Шапошник В.Г., Зайончковский Ю.В., Овсянников О.В. Новые штемпельные связи северских двухсторонних подражаний последней трети XIV века (в печати).

8. Электронный ресурс. Режим доступа: Rus-moneta.ru

9. Электронный ресурс. Режим доступа: Zeno.ru

Сведения об авторах:

Владимир Гаврилович Шапошник – нумизмат-исследователь (Харьков, Украина). E-mail: mihas24@rambler.ru

Юрий Валентинович Зайончковский – доцент кафедры общественно-гуманитарных наук Харьковского национального университета строительства и архитектуры (Харьков, Украина). E-mail: zyv_kharkov@gmail.com

Находки джучидских монет XIII–XIV вв. из окрестностей деревни Гурьевка Алексеевского района Татарстана

В статье приводится информация о находках джучидских монет, обнаруженных в разные годы около деревни Гурьевка. По сведениям автора, общее количество монет, чеканенных в XIII – начале XIV в., составляет 43 экземпляра. Из них 12 серебряных и 31 медная монета. Все они, за одним исключением, чеканены на монетных дворах Булгарского региона. Кроме единичных находок, в окрестностях Гурьевки были найдены два монетных клада – с дирхамами середины XIII в. и с дангами середины XIV в.

Ключевые слова: дирхам, динар, пул, нумизматика, Гурьевка, Татарстан. Золотая Орда, XIII–XIV вв.

В средние века каждый регион обеспечивался характерной по составу нумизматической продукцией. Это хорошо проявляется при изучении археологических памятников Среднего Поволжья периода Монгольской империи и Золотоордынского государства, то есть в XIII – XV вв. Основной причиной индивидуальности комплексов монет являлась различная динамика экономического развития каждой территории, что приводило к появлению на них особенностей товарно-денежных отношений. Благодаря выявляемым особенностям, мы получаем уникальную конкретно-историческую информацию для каждого объекта, района или региона. Присущая монетным комплексам индивидуальность состава позволяет составить нумизматическую характеристику конкретного археологического объекта. Основными параметрами анализа нумизматических комплексов являются их количественный и качественный составы.

Первый этап подобного анализа – это фиксация места находок монет, которая является одним из важнейших факторов при изучении денежного обращения средневекового государства или его отдельного региона. На протяжении последних лет нами проводится работа по публикации нумизматических находок X–XVI вв. с различных объектов Татарстана, например, [1, с. 43–51; 2, с. 76–81; 3, 39–41].

Цель данной статьи – ввести в научный оборот нумизматический комплекс, собранный за несколько лет в окрестностях деревни Гурьевка Алексеевского района Татарстана.

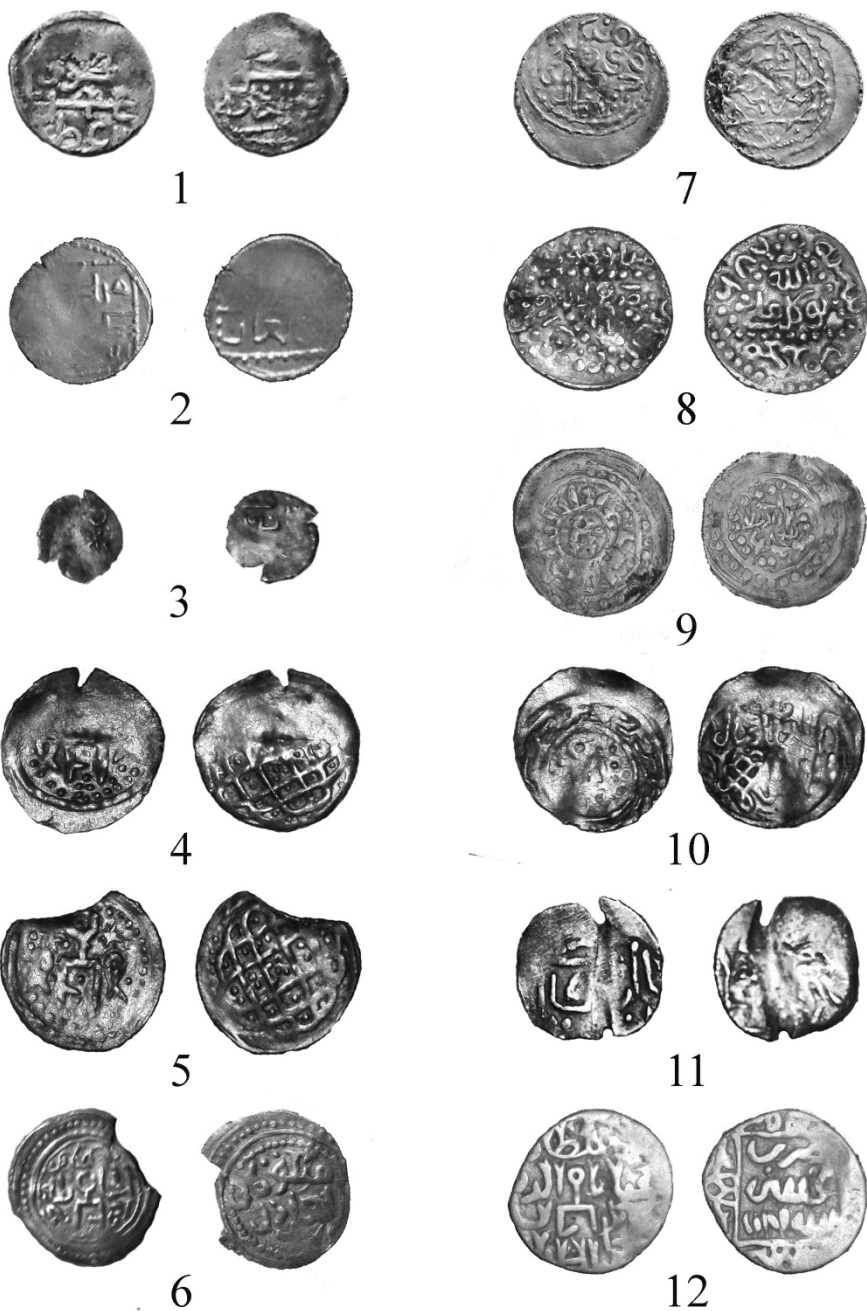
Приведём находки монет в виде таблицы.

Таблица 1

Джучидские монеты, найденные в окрестностях деревни Гурьевка

№	Эмитент	МД	Год чекана	Вес, г	Примечание. Литература
Серебряные монеты					
1–2	Мунке	Булгар	(1251–1259)	0,92; 0,82	2 экз.
3	Анонимная	Биляр	(1266–1272)	0,33	С/217*
4–5	Анэпиграфная	Не указан	(После 1266 г.)	1,52; 1,47	2 экз. С/81. Второй экз. надломан
6	Менгу-Тимур	Не указан	671 (?) (1272–1273)	1,20	С/23–25. Надломан
7	Менгу-Тимур	Булгар	677 (1278–1279)	1,09	С/22
8	Менгу-Тимур	Булгар	«687»=678 (1279–1280)	1,48	С/19
9	Менгу-Тимур?	(искажён)	Конец 1270-х гг.	1,25	С/29, редукция
10	Анонимная	Не указан	Рубеж XIII–XIV вв.	1,20	С/124
11	(Стёрто)	Не указан	Вторая половина XIII в.	0,33	(С/42?)
12	Узбек	Мохши	717 (1317–1318)	1,49	[4, IX–1, б 1]
Медные монеты					
13–32	От имени ан-Насира	Не указан	(1240–е)	1,2, 1,51, 1,65, 1,99, 2,00, 2,10, 2,23, 2,30–2, 2,31, 2,41, 2,42, 2,68, 2,82, 3,24, 3,25, 3,32, 3,47, 4,92, 5,15	20 экз.
33–40	Мунке	Булгар	(1251–1259)	1,59, 2,13, 2,17, 2,18, 2,48, 2,64, 2,83, 3,87	8 экз.
41	Анонимная	Не указан	(1320–е)	0,95	«Тамга в треугольнике»
42–43	Анонимная	Не указан	(1320–е)	Не сохранился	2 экз. «Тамга в треугольнике»

* Типология монет указана по монографии А.З. Сингатуллиной [8].

Фототаблица 1. Серебряные монеты из дер. Гурьевка.
Номера монет в фототаблице соответствуют номерам таблицы 1

Всего в таблице учтено 43 монеты, из них 12 серебряных и 31 медная. По периодам чеканки они распределяются таким образом:

– имперский период (1230-е – 1266 гг.) – две серебряных и 28 медных монет;

– раннезолотоордынский период (1266 – 1330 гг.) – 10 серебряных и три пула.

Все монеты, за исключением одной, чеканились на монетных дворах Булгарского региона.

Вес золотоордынских дирхамов распадается на несколько групп – 0,33 г, 1,09 г, 1,20–1,25 г и 1,47–1,52 г. Это свидетельствует о том, что в денежном обращении Гурьевского комплекса второй половины XIII в. участвовали серебряные монеты, как минимум, четырёх номиналов.

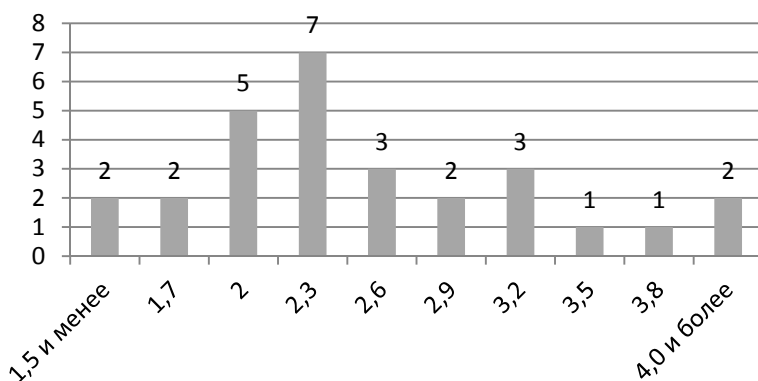
Вес данга Мохши 717 г.х., 1,49 г, укладывается в линейку веса известных экземпляров данного года, опубликованных в работе В.П. Лебедева и С.В. Гумаюнова, где приводится метрология шести экземпляров весом от 1,32 до 1,56 г [4]. Несколько экземпляров этого типа опубликованы в базе данных ZENO (напр., №25338 и др.).

Зафиксировано довольно большое количество болгарских медных динаров середины XIII в. По материалам метрологии медных монет с именами ан-Насира и Мунке была построена гистограмма.

Гистограмма

Зависимость количества медных динаров ан-Насира и Мунке от значения их веса. Находки из д. Гурьевка. Учтено 28 экз. Шаг 0,3 г.

Ось X – вес в г, ось Y – кол-во в экз.

Мода $2,3 \pm 0,2$ г, 7 экземпляров, 25,0% от всех учтённых динаров. Наибольшее количество монет приходится на диапазон веса от 2,0 до 2,8 г – 17 динаров (см. таблицу, №№13–40).

Аналогичные показатели гистограмм зафиксированы нами при анализе медных монет с городища Джукетау и Семёновского археологического комплекса:

– Джукетау. Учтено 60 экз. $\text{Мода}_{\max} 2,2 \pm 0,2$ г (20,0% от всех учтённых монет), второстепенные моды $1,0 \pm 0,2$ г и $3,7 \pm 0,2$ г;

– Семёновский археологический комплекс. Учтено 100 экз. $\text{Мода}_{\max} 2,3 \pm 0,2$ г (18,0% от всех учтённых монет), второстепенные моды $1,8 \pm 0,2$ г и $3,3 \pm 0,2$ г [1, с. 47].

Таким образом, наблюдаются одинаковые показатели метрологии медных монет середины XIII в., обращавшихся в близких по расстоянию средневековых поселениях.

По имеющейся у автора информации, также в окрестностях Гурьевки было найдено около 20 дирхамов и примерно 15 пулов, чеканенных в 1330-х – 1360-х гг. Можно отметить тот факт, что среди указанного материала нет монет последней трети XIV – первой половины XV вв. Это свидетельствует о том, что активное монетное обращение на данной территории существовало с середины XIII в. до второй трети XIV в.

Кроме одиночных находок, известно о монетных кладах, происходящих с данной местности. В 2015 г. недалеко от Гурьевки был найден кладик из 10 дирхамов середины XIII в. – двух монет с именем Мунке и 8 монет с именем Арыг-Буги [6, с. 61–63]. Из нумизматической литературы известно о находке большого клада золотоордынских монет XIV в. в 1900 г. [10, №56]. В кладе было 2,5 фунта (или около 1000 г) серебряных монет и «ладьевидный» слиток весом 189,135 г. Если в среднем считать, что один данг XIV в. весил 1,5 г, то в кладе было примерно 650 экземпляров.

Гурьевский археологический комплекс состоит из четырёх селищ. Известны: I (расположено в 500 м к западу-северо-западу от деревни Гурьевка, площадь 150х50 м, найдена болгарская керамика домонгольского времени); II (находится в 1 км к юго-западу от Гурьевки, площадь 9000 кв.м, в 1946 г. собрана болгарская керамика домонгольского времени); III (расположено в 1,8 км к юго-юго-западу от села, найдены именьковская и болгарская керамика домонгольского типа); IV (расположено к северо-западу от западной оконечности села, занимает широкую мысовую площадку, образованную правым берегом р. Ромоданки и правым берегом р. Шкимерки) [9, №863; 7, №№646–648; 5, с. 151]. В целом, все селища находятся максимум в 2,5 км друг от друга к западу от современной деревни Гурьевка.

Приведённый нумизматический материал представляет большой интерес для составления целостного восприятия денежного обращения Среднего Поволжья в XIII–XIV вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугарчев А.И. Джучидские монеты XIII – первой четверти XIV в. с острова Семёновский (Спасский район РТ) // VII Халиковские чтения: Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации. Мат-лы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Биллярской археологической экспедиции. 1–4 августа 2017 г. Казань-Болгар-Биллярск. Археология евразийских степей. №1, 2017. Гл. редактор чл.-корр. АН РТ, докт. ист. наук А.Г. Ситдилов. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017. С. 43–51.
2. Бугарчев А.И. Монеты XV в. из окрестностей села Карташиха Лаишевского района Татарстана (к вопросу о монетном обращении на Средней Волге в середине-второй половине XV в.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. №8. Т. 2. Казань, 2018. С. 76–81, илл.
3. Бугарчев А.И. Ранние золотоордынские монеты периода 665–690 гг.х. из находок в Аксубаевском районе // Человек и природа в бассейне реки Ик в историческом развитии. Актанышский район: проблемы истории и культуры. Мат-лы Всероссийской конференции // Серия «Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии». Выпуск 19 / Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Отечество, 2019. С. 39–41.
4. Лебедев В.П., Гумаюнов С.В. Обзор чекана золотоордынского монетного двора Мохши // Stratum plus. №6. Санкт-Петербург, Кишинёв, Одесса, Бухарест: Изд-во «Stratum plus», 2011. С. 1–24.
5. Мухаметшин Д.Г. Новые археологические памятники Западного Закамья // Материалы научно-практического семинара «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия», посвященный пятилетию создания Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры РТ. Болгар, 2015. С. 126–197.
6. Нисифоров А.Н. Клад монет XIII в. из Алексеевского района Татарстана // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2018 года. Мат-лы докладов и сообщений. М., 2018. С. 61–63.
7. Свод памятников археологии Республики Татарстан. Том 3 / Отв. ред. А.Г. Ситдилов, Ф.Ш. Хузин. Казань, 2007. 528 с.
8. Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: «Заман», 2003. 192 с.
9. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и её территория. Казань: Татарское книжное издательство, 1975. 220 с.
10. Фёдоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. 1960. С. 94–192: 5 карт.

Сведения об авторе:

Алексей Игоревич Бугарчёв – лаборант-исследователь Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: abugar.61@rambler.ru

Золотоордынская «ханша» Тулунбек-ханум: нумизматические свидетельства и исторические версии

В статье рассматриваются документальные и нумизматические свидетельства о золотоордынской правительнице Тулунбек (Тулунбек-ханум), относящиеся к 1370–1380 гг., а также различные гипотезы о её происхождении, государственном статусе, семейном положении. Автор подтверждает сделанные ранее рядом исследователей выводы о том, что Тулунбек – реальная личность и самостоятельный исторический персонаж, но, вместе с тем, указывает на ошибки, касающиеся атрибутирования выявленных нумизматических памятников, а также опровергает многие заблуждения.

Ключевые слова: Золотая Орда (Улус Джучи), Тулунбек (Тулунбек-ханум), нумизматические памятники (монеты), русские летописи, Новый Сарай (Сарай ал-Джадид), эмир Мамай, хан Бердибек, хан Тохтамыш

«Ханша» Тулунбек (Толунбек) (известная по нумизматическим памятникам как «Тулунбек-ханум» или «Толунбек-ханум») входит в число наиболее загадочных исторических персонажей Золотой Орды (Улуса Джучи).

При этом основным источником сведений о ней до сих пор остаются медные монеты (пулы) и возводимые вокруг них гипотезы, большинство которых, к сожалению, не отличаются достоверностью.

«По повелению Царицы Тулун-Бек Ханым, коей да продлится царствование»

Первое описание трёх монет 773 г. хиджры (1371/1372 гг.) чекана монетного двора «Сарай ал-Джадид» (Нового Сарая) с именем Тулунбек (в том числе, двух с «контр-маркою», то есть надчеканом, «Зафар» /«Зофар»/ – «Победа») и соответствующие прорисовки их лицевой и обратной сторон (аверса и реверса) (см.: рис. 1) содержатся в классической работе по золотоордынской (джучидской) нумизматике Х.М. Френа (1782–1851) «Монеты Ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных Мухаммеданских Династий в прибавлении...» (1832 г.) под №№ 179, 180 и 181 (таблица V – № CXXXVI). При этом исследователь прочитал содержащуюся на означенных монетах арабографическую легенду двояко: «По повелению Царя Тулун-Бек Хана, коего да продл[ится] ц[арствование]». Но по некоторым экземплярам сей монеты, лучше было бы читать сию надпись таким образом: *По повелению Царицы [...] Тулун-Бек*

Ханым [...], коей да продл[ится] царствование».[19, с. 22, таб. V (СХХХVI)].

В дальнейшем в нумизматической литературе фиксировались монеты данного типа ново-сарайского чекана только 773 г. хиджры (1371/1372 гг.), за исключением работы А.А. Кроткова «Два собрания джучидских монет» (1930 г.), где исследователь описал единственную имевшуюся в его распоряжении аналогичного типа монету (под № 75), прочитав на ней дату 772 г. хиджры (1370/1371 гг.) и имя «хана»: «Av. По приказу повелителя Тулун бик хана да длится ц[арствование] е[го]. Rv. Чекан Сарая Нов (кафимский узел) ого 772 года» [8, с. 27].

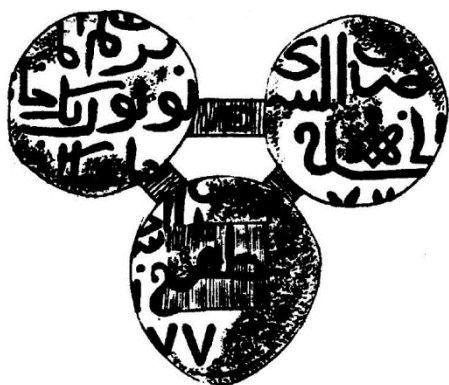

Рис. 1

Рис. 2

Вместе с тем, на приведённой здесь же достаточно грубой прорисовке реверса монеты («Таблица II. Селитренное» – № 45/75) видно, что легенда на реверсе монеты смещена вправо, и предполагаемая дата «٧٧٢» («772») прижата к краю (см.: рис. 2) [8, таблица II (Селитренное) – № 45/75], вследствие чего однозначно прочесть её не представляется возможным из-за предполагаемого отсечения части цифры «٣» («3»), превращающего её в «٢».

Подобные искажения, возникшие по причине смещения штампа или коррозии металла, можно обнаружить, например, на снимках монет, приведённых в размещённой в Интернете англоязычной «Базе данных восточных монет» («Oriental Coins Database») «ZENO.RU» [21].

Вместе с тем, большинство выявленных монет имеют хорошую сохранность, что даёт возможность чётко идентифицировать и дату (см.: рис. 3: снимок лицевой и обратной сторон монеты из моего собрания), и легенду (см.: рис. 4: снимок лицевой и обратной сторон монеты из моего собрания).

Учитывая, что других монет этого типа с датой 772 г. хиджры (1370/1371 гг.) не выявлено, указание на таковые, перекочевавшее впоследствии во многие исследования, необходимо признать ошибочным.

Рис. 3

Рис. 4

Описания и прорисовки монет данного типа – чекана 773 г. хиджры (1371/1372 гг.) – содержатся в работах многих известных нумизматов, в том числе, в статьях: С.А. Яниной «Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1954 гг.» (1954 г.) (под № 106) [20, с. 446], В.Б. Клокова и В.П. Лебедева «Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, г. Сарай)» (2002 г.) (под № 52/25 а, б – в разделе «Пулы монетного двора Сарай ал-Джадид») [7, с. 103, 131] и Г.А. Фёдоров-Давыдов «Денежное дело Золотой Орды» (2003 г.) (под № 216) [18, с. 191: таблица XV – № 216]. Снимки монет данного типа в значительном количестве имеются в вышеозначенной «Базе данных восточных монет» («Oriental Coins Database») «ZENO.RU» [22; 23].

Следуя описанию Х.М. Френа, исследователи перевели арабографические легенды, помещённые на лицевых и обратных сторонах монет данного типа как: С.А. Янина – «Л[ицевая] с[торона]: По повелению царицы Тулунбек-ханум, да продлится её правление» («О[братная] с[торона]: Чекан Сарая ал-Джедид 773 (года)» [20, с. 446], Г.А. Фёдоров-Давыдов – «Л[ицевая] с[торона]. В тройной круглой рамке: “По повелению царицы / Тулунбек ханум / да продлится её царствие”» («О[братная] с[торона]. В

такой же рамке: “Чекан ас-Сарая / ал-Джадид / 773”. Над словом “Джедид” решётка») [18, с. 191].

В.Б. Клоков и В.П. Лебедев в своей статье выделили две несущественные разновидности монет данного типа – варианты «а» и «б»: «Л[ицевая] с[торона]. В линейно-точечном ободке – легенда: [...] *По повелению царицы / Тулунбек ханум / да продлится её правление*. О[братная] с[торона]. В таком же ободке: *Чекан ас-Сарая / ал-Джадид / год 773*». В варианте «б» ошибочно поставлена последняя буква (ба) слова чекан на место первой, а над самим словом – звёздочка [7, с. 103]. Там же приведены качественные прорисовки обеих сторон монет данного типа (с двумя вариантами штемпельных оттисков обратных сторон) (см.: рис. 5) [7, с. 131: рис. 23 – № 25 а, б].

Рис. 5

При этом многие монеты данного типа имеют описанные ещё тем же Х.М. Френем надчеканы со словом «Зафар» («Победа») в арабиграфическом исполнении (см.: рис. 6: снимок лицевой и обратной сторон монеты из моего собрания), которые встречаются, помимо монет с именем «Тулунбек-ханум», на медных золотоордынских (джучидских) монетах других типов: в частности, на анонимных монетах чекана монетного двора «Сарай ал-Джадид» (Нового Сарая) 768 г. хиджры (1366/1367 гг.), относящихся ко времени правления хана Золотой Орды (Улуса Джучи) Азизшейха (годы правления: 1365–1367).

По чьему распоряжению и по какому случаю производились данные надчеканы, неизвестно. При этом некоторые исследователи полагают, что они наносились в Болгаре [10], так как многие монеты с таковыми найдены именно там (как, например, все три описанные С.А. Яниной экземпляры) [20, с. 446]. Кроме этого, на монетах рассматриваемого типа зафиксированы и другие надчеканы, в том числе – не прояснённого пока содержания (см.: рис. 7: снимок лицевой и обратной сторон монеты из моего собрания).

Рис. 6

Рис. 7

Версия первая: дочь «князя» Хаджибека, жена хана Токтамыша, мать хана Джелал ад-дина

Одним из первых учёных, обративших внимание на «ханшу» Тулунбек, являлся известный тюрколог, специалист по источниковедению истории Золотой Орды (Улуса Джучи) А.П. Григорьев (1931–2011), который, однако, счёл ошибкой резчика монетного штампера даты 772 и 773 гг. хиджры (1370/1371 и 1371/1372 гг.) и выдвинул предположение, что монеты с этими датами на самом деле были отчеканены в 782 и 783 гг. хиджры (1380/1381–1381/1382 гг.) с именем жены хана Токтамыша (годы правления: 1380–1395).

«Под 772–773 гг.х., – писал А.П. Григорьев в статье “Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений” (1983 г.), – известны новосарайские медные монеты Толунбек-ханум. Сохранилась ещё её медная монета, чекана Мохши от 773 г.х. Это беспрецедентный, единственный из известных в золотоордынской нумизматике случаев чеканки монеты с именем женщины. Названное имя расчленяется на три компонента: «толун + бек + ханум». Первый компонент читается по-арабски «тулун», а по-тюркски – «толун», что означает «полный, наполненный» и «полная» (применительно к луне). В целом женское имя Толунбек можно

трактовать как «совершенная правительница». «Ханум», или «ханым», значит «ханша, госпожа».

Кто же такая эта Толунбек-ханум? Трудно допустить, чтобы восточные или русские источники ничего не сообщали об этой, несомненно, выдающейся женщине. Тем не менее, за все 70-е годы XIV в., в источниках нет ни одного упоминания о Толунбек-ханум. Обращаемся к материалам 80-х годов XVI в., и в Тверской летописи под 1386 годом читаем: «Того же лета царь Тахтамыш убил сам свою царицу, нарицаемую Товлумбеку» (в Рогожском летописце то же имя читается «Товлунъбека»). Итак, женское имя, зафиксированное на легендах медных золотоордынских монет, чеканенных в Новом Сарая и Мохше, совпадает с именем жены Токтамыша. Остаётся совместить эти имена во времени. Оказывается, что и на это у нас имеются некоторые формальные основания. Ордынские, новосарайские, гюлистанские и сарайские монеты Токтамыша, отмеченные в табл. 3 под 770, 778 и 779 г.х., мы относим соответственно к 780, 788 и 789 г.х., о чём ещё будет речь ниже. Во всех этих случаях резчик монетного штемпеля перевернул вверх ногами арабскую цифру десятков – 8. Перевернутая восьмёрка читается как арабская цифра 7. То же, видимо, произошло и с датой на монетах супруги Токтамыша. На самом деле её монеты были чеканены не в 1370 – 1372 гг., а на десять лет позже – в 782 – 783 г.х., т.е. в 1380 – 1382 гг. Следовательно, ко времени правления Бюлека монеты Толунбек-ханум никакого отношения не имеют. У нас нет также оснований и для включения Толунбек-ханум в список имён золотоордынских ханов 60–70-х годов XIV в.» [1, с. 43].

Однако версия А.П. Григорьева об ошибке резчика выглядит весьма сомнительной. Кроме того, в золотоордынской (джучидской) нумизматике не известны монеты столичного чекана Сарая ал-Джадид 772 г. хиджры (1370/1371 г.) и чекана Мохши 773 г. хиджры (1371/1372 г.) с именем «Толунбек-ханум».

В дальнейшем А.П. Григорьев, вновь ссылаясь на вышеозначенные неподтверждённые данные и умозрительные предположения об «ошибке резчика», развил свою версию в статье «Му'изз ал-ансаб» о потомках Токтамыша» (2004 г.), дополнив её додуманными «подробностями».

При этом, опираясь на извлечения из Парижской рукописи средневекового анонимного сочинения «Му'изз ал-ансаб», где в качестве матери будущего хана «царевича Джелаледдина» (Джелал ад-дина) – сына хана Токтамыша – фигурирует «Тогайбек, дочь Хаджибека», А.П. Григорьев, на основании сложных филологических рассуждений, «переименовал» «Толунбек» и «Тогайбек» в «Тоглунбек».[2, с. 110]

Признав, что «о личности Тогайбек, кроме того, что отца её звали Хаджибек, материалы “Му'изз ал-ансаб” ничего не сообщают», исследователь вновь обратился к «медным пулам» «чекана Сарая 772–773 г.х. (1370–1372 гг.) и Мохши 773 г.х. (1371/72 г.)», добавив к ранее написанному про

фрагмент арабографической легенды с именем «Толунбек-ханум», что: «Слово “ханум” в этом сложном имени понималось как “ханша”, т.е. его вполне можно заменить русским термином “царица”».[2, с. 109]

А.П. Григорьев считал, что отцом Тоглунбек (Тулунбек) являлся «родовой князь тюркского племени яшлау Хаджибек, бывший правителем Кырк-ерского тюмена, отобранного у аланов ещё в начале правления Джанибека (1342–1357)», а также считавшийся одним из ближайших сподвижников могущественного золотоордынского эмира, беклярбека (темника) Мамай (годы жизни: ок. 1330–1380), а затем оставивший его после поражения в Куликовской битве, вместе с другими «князьями», перешедший к хану Токтамышу, но сохранивший свои привилегии [2, с. 110–115].

Продолжая «цепь предположений», А.П. Григорьев в результате перешёл на откровенную «беллетристику». «В состав делегации крымских вельмож, – писал он, – которая отправлялась в Сарай в январе 1381 г., Хаджибек предусмотрительно включил и собственную дочь Тоглунбек, внешние данные которой поражали воображение современников. Ведь Токтамыш был тогда ещё совсем молодым человеком, и Хаджибек рассчитывал подкрепить воздействие на хана их совместных с Ильясом (по версии А.П. Григорьева – «другого сына» Кутлугбуги – отца уже покойного к тому времени эмира Мамай. – И.А.) дипломатических ухищрений предоставлением Токтамышу возможности полюбоваться прелестью юной княжны. И этот расчёт Хаджибека полностью оправдался. После того, как Ильяс в сопровождении придворных ханских дипломатов и усиленной охраны был спешно направлен на переговоры с генуэзцами в Крым, Токтамыш пышно отпраздновал своё бракосочетание с дочерью Хаджибека Тоглунбек. Затем состоялись торжественные проводы Хаджибека в Крым. Сам хан вместе с молодой супругой сопровождал гостя от Сарая до среднего течения Дона. Там, в ханской ставке, 19 февраля 1381 г. на имя Хаджибека (Бекхаджи) была оформлена иммунитетная грамота – ярлык Токтамыша, сохранившийся до наших дней в подлиннике.

[...] Таким образом, Токтамыш осуществил передачу отцу невесты традиционного выкупа – калыма за счёт правителя Крымского тюмена. После этого Хаджибек возвратился в Крым, а молодожёны – в свою резиденцию на Волге.

Вернувшись в Сарай, Токтамыш, души не чаявший в юной супруге, осыпал Тоглунбек щедрыми подарками. Если верен наш расчёт и прекрасная княжна впервые явилась пред очи Токтамыша в конце января 1381 г., то уже в середине февраля того же года она стала женой Токтамыша. После пышных проводов Хаджибека, супруги вернулись в Сарай в конце февраля 1381 г. По мусульманскому летоисчислению – хиджре тогда шёл 782 г. По христианскому летоисчислению тот год должен был завершиться 27 марта 1381 г. Токтамыш не стал дожидаться начала следующего года

хиджры и уже в марте 1381 г. отдал распоряжение отчеканить в столице медные пулы с именем Тоглунбек-царицы. Приказ хана был исполнен. В следующем 783 г.х. (28 марта 1381 г. – 16 марта 1382 г.), приблизительно в середине ноября 1381 г. для царицы пришло время родов. Первенцем оказался, скорее всего, мальчик, которого счастливый отец нарёк арабским именем Джелаледдин (Джалалуддин – Величие веры). Ликованию Токтамыша не было предела. Эмиссия сарайских пулов с именем Тоглунбек была повторена. Кроме того, царице-матери была выделена личная ставка-резиденция со всем, положенным по закону, придворным штатом, охраной и угодами. На роль ставки был избран город Мокша (Наровчат, Пензенской обл. РФ). Это событие было ознаменовано в том же 783 г.х. чеканкой мокшанских пулов с именем Тоглунбек. В золотоордынской нумизматике, как и в дальнейшей истории Золотой Орды, это был единственный случай чеканки монет с женским именем на лицевой стороне каждой из них.

Как явствует из материалов русских летописей, царица Тоглунбек безвременно скончалась в конце 1386 г. Получается, что за шесть лет супружеской жизни она родила семерых детей. Если за указанный срок у неё хоть раз рождались близнецы, то ничего необычного в такой многодетной семье не было. Нам известны имена и последовательность рождения четверых сыновей Тоглунбек и трёх её дочерей. Правда, о точном времени рождения каждого потомка Токтамыша от Тоглунбек приходится только гадать» [2, с. 115–117].

Однако все художественно оформленные «логические построения» А.П. Григорьева относительно «переездов» в Сарай и Мохшу разбиваются о то же самое решающее обстоятельство – отсутствие в нумизматической литературе сведений о монетах чекана Сарая ал-Джадид 772 г. хиджры (1370/1371 гг.) и чекана Мохши 773 г. хиджры (1371/1372 гг.) с именем «Толунбек-ханум».

Вместе с тем, из всего этого повествования становится понятным, какие «мохшанские пулы» имелись в виду в данном случае. Очевидно, что под ними подразумевались выпуски медных монет золотоордынского монетного двора Мохши с арабографической легендой, содержащей имя «Тагай бек» («Тегай бик»), которые описаны во многих научных исследованиях.

На то, что это два разных эмитента указал ещё А.А. Кротков, описавший в вышеупомянутой работе данный тип (под № 57) по имевшимся в его распоряжении одиннадцати монетам следующим образом: «Av. “Печать Тулун бик” (?) Rv. “Чекан Мохши”. Дата на Av. Неясно. По несколькими монетам можно восстановить 7 (V) сотен? 6 или 7 десятков, единицы везде срезаны. Все монеты плохой сохранности и грубой чеканки. Av. читан по Р.Р. Фасмеру. Не могу не высказать здесь своего чтения аверса этой монеты. Слово [...] читаю как имя “Тегай”. Тогда легенда Av. будет читаться “Печать Тегай бика”. Некогого царевича Тегая знают наши летописи».

си. Он пришёл в 1360 годах в гор. “Наручады” и “Наручадту страну отняв себе, ту пребывающе”. Ханом он себя не провозглашал и потому на монетах не ставил обычных титулов “султан” и “хан”, а поставил лишь своё имя и слово “печать”. Это единственный вид джучидских монет, на которых мы встречаем слово “печать”. [...] У Френа описаны монеты Тулун бика под № 179, 180 и 181, битая в Сарае Новом, но начертание имени Тулун бик совсем иное и с титулом хан и князь» [8, с. 39].

«В 764–767 гг. [хиджры], – сообщается также в статье В.П. Лебедева и С.В. Гумаюнова “Обзор чекана золотоордынского монетного двора Мохши” (2011 г.), – Мохшей владел бездежский князь Тагай бек, чеканивший здесь пулы от своего имени без титулов *Султан* и *хан* с легендой “Печать Тагай бека, 767” [...] и с опущенной датой [...]. С этой же легендой, но без даты, при нём чеканятся пулы, на которых вместо имени города помещён зверь с длинным хвостом [...]».

В 768 г.х. Тагай бека сменяет болгарский князь Пулад-Тимур» [11, с. 13].

Известно, что Тагай (Тагай-бек) являлся самостоятельным историческим персонажем, известным, в частности, по русским летописям, однако «созвучность» его имени с «Тогайбек» («Толунбек», «Тоглунбек»), судя по всему, сыграла в данном случае «злую шутку», и мокшанский правитель был ошибочно «идентифицирован» как сарайская «ханша». О том, откуда же взялась упомянутая А.П. Григорьевым «подходящая» (при условии допущения «ошибки резчика» штемпелей) дата чеканки этих монет – 773 г. хиджры (1371/1372 гг.) – остаётся только догадываться.

Версия вторая: «хан Тулунбек» – последний ставленник и племянник эмира Мамай

В отличие от большинства исследователей, другой известный российский историк – один из ведущих исследователей Золотой Орды и русско-ордынских отношений XIII–XV вв., доктор исторических наук В.Л. Егоров фактически проигнорировал приведённый на рассмотренном типе монет «эпитет» «ханум» и выдвинул предположение о том, что Тулунбек – это последний ставленник эмира Мамай.

Как известно, не имея возможности лично утвердиться на золотоордынском ханском престоле, занимать который имели право только чингизиды (джучиды), эмир Мамай, принадлежавший к тюрско-монгольскому роду (племени) кият (кыйят), провозглашал ханами на подконтрольных ему территориях – в т.н. «Мамаевой Орде» – своих ставленников, имена двух из которых доподлинно известны: хан Абдаллах (Абдуллах) (годы правления: в качестве хана «Мамаевой Орды» – с 1361 г. или 1362 г., в качестве хана Золотой Орды, на сарайском престоле, – с 1367 по 1369 или 1370 гг.) и хан Мухаммад Булак (Мухаммед-Булак, Булак-хан /Буяк-хан/ или Гияс ал-дин

Мухаммад) (годы правления: в качестве хана «Мамаевой Орды» – с 1370 г. или 1371 г. до 1376 г. или 1377 г., в качестве хана Золотой Орды, на сарайском престоле, – с 1370 г. или 1371 г. до 1372 г. и в 1375 г.).

По поводу же личности и даже имени третьего («последнего») хана «Мамаевой Орды» уже долгое время ведутся споры.

Причём, наиболее вероятным претендентом на эту роль считается «Тюляк» («Теляк»), фигурирующий в выданном Михаилу (Митяю) подтвердительном ярлыке на митрополичью кафедру, текст которой помещён в Львовской летописи под 6886 (1368) г. («Тюляково слово, Момаевою дяденою мыслью»)[14, с. 198], а также в некоторых других русских летописях (Софийской I летописи и Новгородской IV летописи, где «поганный царь Теляк» выведен как участник Куликовской битвы 1380 г.).

В.Л. Егоров в своей статье «Золотая Орда перед Куликовской битвой» (1980 г.) фактически отождествил «Тюляка» с «Тулунбек», немало не смутившись очевидными расхождениями в написании имён, присутствующих в вышеозначенных ярлыке («Тюляк») и на типе монет («Тулунбек-ханум»), а также значительными хронологическими «зазорами» и начальной датой правления «хана Тулунбека», проистекающей от той же неверно прочитанной на ново-сарайской монете даты – 772 г. хиджры (1370/1371 гг.).

«Единственным источником, – писал В.Л. Егоров, – упоминающим имя очередного хана при Мамае, являются ханские ярлыки, выданные русским митрополитам. Один из ярлыков выдан от имени хана Тулунбека, судя по тексту, приходившегося племянником Мамае. Хан с таким же именем правил в Сарае ал-Джедид в 1370 – 1372 гг., но каких-либо данных о том, что это – одно и то же лицо, в источниках не содержится. Не найдено до сих пор и монет с именем этого хана, выпускавшихся на правобережье Волги во владениях Мамае. Остаётся неизвестным, когда Тулунбек занял место хана при Мамае, возможно сразу же после Мухаммед-Булака. Имя его упоминается только в ярлыке, датированном 1379 г. После этой даты никаких намёков на то, что при Мамае находился хан, в источниках не содержится. При описании Куликовской битвы сообщается, что Мамай наблюдал за её ходом с несколькими знатнейшими князьями, но о присутствии среди них хана ничего не говорится. В связи с этим не исключено, что с 1380 г. Мамай начал править от своего имени, не прикрываясь больше подставными ханами» [3, с. 207–208].

Что же касается летописного упоминания присутствовавшего на Куликовской битве «поганого царя Теляка, нареченного плотного дьявола Мамаа», то В.Л. Егоров предложил расценивать это «как своеобразную политическую сатиру», так как здесь, по его мнению, имело место «соединение царского титула с оскорбительным для Мамае прозвищем Теляк (“заика”, “бормотун”» [3, с. 207–208].

Вместе с тем, впоследствии автор многочисленных исследований по истории Московской Руси, доктор исторических наук В.А. Кучкин, критически разобрав доводы В.Л. Егорова и А.П. Григорьева, пришёл в своей статье «Ханы Мамаевой Орды» (1996 г.) к выводу о том, что «хан Тюляк» являлся третьим (последним) ханом т.н. «Мамаевой Орды», номинально возглавлявшим её со второй половины марта 1377 г. до падения таковой осенью 1380 г. [9].

Помимо этого, исследователи-нумизматы Ю.В. Зайончковский и Б.И. Леонов в статье «Хан Мухаммад Тюляк по нумизматическим источникам» (2016 г.) привели данные о выявленных ими пяти типах серебряных монет хана Тюляка, несущих следующие обозначения мест выпуска – «Орду», «Орду-Муаззам» и «Хаджи-Тархан», в связи с чем была определена дата его правления – 782 г. хиджры (1380/1381 гг.) и установлено, что мусульманским именем этого хана было «Мухаммад», как и у предшественника, которому он, однако, не тождественен [4].

Очевидно при этом, что отождествление хана Тюляка с «Тулунбек-ханум» представляется ещё более несостоятельным.

Версия третья: дочь хана Бердибека, жена эмира Мамай и хана Токтамыш

Другие исследователи истории Золотой Орды – в частности, Ю.Е. Варваровский, И.М. Миргалеев и Р.Ю. Почекаев, – полагают, что Тулунбек являлась дочерью хана Бердибека (годы правления: 1357–1359) и женой эмира Мамай.

Данная версия восходит к арабскому мусульманскому философу и историку Ибн Халдуну (1332–1406), который в своём труде «Книга назидательных примеров и Сборник подлежащего и сказуемого по части истории Арабов, Иноземцев и Берберов», фрагментарно изложенном в «Сборнике материалов, относящихся к истории Золотой Орды» российским историком-востоковедом В.Г. Тизенгаузен (1825–1902), указывал на то, что: «По смерти Бирдибека, ему наследовал сын его, Токтамыш, малолетний ребёнок. Сестра его, Ханум, дочь Бирдибека, была замужем за одним из старших монгольских эмиров, по имени Мамай, который в его царствование управлял всеми делами. К владениям его принадлежал город Крым» [17, с. 389].

Несмотря на то, что недостоверное упоминание хана Токтамыша в качестве сына хана Бердибека девальвирует доверие к Ибн Халдуну, «ключевое слово» «ханум» послужило основанием для отождествления «безымянной» дочери последнего с указанной на ново-сарайских монетах «Тулунбек-ханум».

Как утверждает Р.Ю. Почекаев (проанализировавший и в известном смысле обобщивший ранее выдвинутые предположения), в условиях «Великой замятни» – после смерти хана Абдаллаха – эмир Мамай решил про-

возгласить новым ханом одного из потомков хана Узбека (годы правления: 1313 – 1341) – «Мухаммада (вероятно – внука Тинибек-б. Узбека)», больше известного как Мухаммад Булак (Мухаммед-Булак).

«Единственным досадным обстоятельством, – пишет Р.Ю. Почекаев в своей работе “Мамай. История «антигероя» в истории” (2010 г.), – был возраст нового монарха: ему было всего восемь лет, и Мамай опасался, что многие эмиры откажутся повиноваться ребёнку, заподозрив, (и не без оснований!), что он, бекляри-бек, прикрываясь именем юного хана, сосредоточит всю полноту власти в собственных руках.

Чтобы не выпускать из-под контроля Сарай, Мамай пошёл на беспрецедентный шаг: провозгласил в столице монархом собственную супругу – Тулунбек-ханум, дочь Бердибек-хана, который, невзирая на все его отрицательные качества и поступки, всё же оставался последним легитимным ханом на троне Золотой Орды, получившим власть по наследству. Монеты с именем новой ханши в 773 г.х. (1371/1372 г.) чеканились в Сарае и, как полагают некоторые авторы, в Мохше, где местный эмир Тагай, ранее признававший власть Абдаллаха, остался верен дому Бату и в лице супруги Мамаю.

Сам Мамай в это время начал готовить золотоордынское население к признанию своего юного ставленника хана Мухаммада. Сначала, в 1370 г., он начал чеканку монет с именем нового хана в собственной ставке, в Орде. А некоторое время спустя, в том же году, он предпринял решительные действия по возвращению под власть потомков Бату одного из самых важных регионов Поволжья – Булгарии. Мамай отдал приказ Дмитрию Суздальскому и Нижегородскому, чьи владения были ближе всех к Булгарии, выступить в поход против местного правителя Асана, поставленного здесь Азиз-Шейхом. Поход оказался удачным: Асан не обладал решительностью и авантюризмом своего предшественника Пулад-Тимура, а потому практически без сопротивления согласился признать власть Мухаммад-хана и Мамаю. Вскоре после этого, в 1371 или начале 1372 г., Мамай торжественно возвёл “своего” хана на трон в Сарае» [15, с. (59) – 60].

При этом Р.Ю. Почекаев вполне логично предположил, что после гибели и смерти эмира Мамаю Тулунбек, со всем остальным гаремом, могла достаться хану Токтамышу и стать его женой. Тем самым он «примирил» две версии.

После поражения от хана Токтамыша в 1380 г. на реке Калке, произошедшей вследствие предательства большинства военачальников, эмир Мамай, как пишет Р.Ю. Почекаев, «с несколькими наиболее близкими эмирами и телохранителями» оставил поле боя и «помчался в Крым». «Слишком надеявшись, впрочем, на преданность своих сторонников, – продолжает исследователь, – он не успел позаботиться о собственном гареме и находившихся при нём женщинах из рода Бату: все они попали в руки Токтамыша.

Среди них оказалась и ханша Тулунбек-ханум, которую взял в жёны сам хан-победитель (несколько лет спустя он её казнил)» [15, с. 94].

Данные утверждения основываются на свидетельствах Рогожского летописца и Симеоновской летописи. Первое: «Мамаи же, то видѣвъ, и скоро побѣжа со своими думцами и съ единомысленики. Царь же Токтамышъ посла за ним в погоню воя своя, и убиша Мамаю, и сам шед взя Орду Мамаеву и царици его и казны его и улусъ весь поима, и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ своей» [13, с. 11]. Второе – под 6894 (1386) г.: «Того же лѣта царь Токтамышъ убилъ самъ свою царицу, нарицаему Товлунъбѣка» [16, стб. 152].

Таким образом, судя по всему, Тулунбек была не единственной женой эмира Мамаю. Хан Токтамыш, вероятно, взял её в жёны в 1381 г., чтобы повысить свою легитимность в наследовании золотоордынского престола.

Как отмечает Р.Ю. Почекаев: «По данным Д.М. Исхакова и И.Л. Измайлова, ханскую дочь, супругу Мамаю, после его гибели взял в жёны Урук-Тимур из клана ширин, сподвижник Токтамыша [...]. По-видимому, речь идёт о другой супруге Мамаю, поскольку о судьбе Тулунбек-ханум есть сообщения в русских летописях под 1386 г.: “Того же лета царь Токтамышъ убилъ самъ свою царицу, нарицаемую Товлунъбека” [...]. Очевидно, хан не доверял ей и казнил по подозрению в заговоре» [15, с. 224].

Весьма любопытной представляется в данной связи «промежуточная» версия казанского историка И.М. Миргалеева, изложенная им в работе «Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана» (2003 г.), который, соглашаясь с предположением о том, что Тулунбек являлась дочерью хана Бердибека и женой эмира Мамаю, одновременно считает, что именно она и выведена в русских летописях в образе «царя Теляка».

«Ни письменные источники (кроме упоминания царя Теляка в нескольких русских летописях), – пишет И.М. Миргалеев, – ни данные нумизматики не сообщают имени нового хана, который правил после Мухаммад-Булака. В.Л. Егоров, опираясь на ханские ярлыки, выданные татарскими ханами русским митрополитам, предположил, что таковым может быть Тулунбек.

В 1370–1372 годах в Сарае ал-Джедид чеканились монеты от имени Тулунбек-ханум. Ю.Е. Варваровский предположил, что Тулунбек-ханум это жена эмира Мамаю, которая была также дочерью хана Бердибека. Мы тоже придерживаемся такой точки зрения и предполагаем, что после Мухаммед-Булака Мамаю правил от имени своей жены, дочери законного хана Бердибека, а не от имени “царя Теляка”, как пытается доказать далее тот же Ю.Е. Варваровский. “Царь Теляк” в русских летописях, по нашему мнению, и есть Тулунбек» [12, с. 37].

Однако «царь Теляк», упоминавшийся в русских летописях, не может быть отождествлён с Тулунбек по целому ряду веских причин.

Прежде всего, весьма сомнительным представляется участие Тулунбек-ханум в Куликовской битве, тем более, в контексте её встречи на поле сражения с Великим князем Владимирским и князем Московским Дмитрием Ивановичем Донским (годы московского княжения: 1359–1389, великого владимирского княжения: 1363–1389), который, как сообщается в Софийской I летописи старшего извода, «наѣха напередъ в сторожовомъ полку на поганого царя Теляка» [13, с. 37].

Кроме того, как уже указывалось выше, единственный выявленный тип золотоордынских (джучидских) – медных – монет с именем «Тулунбек-ханум» датирован 773 г. хиджры (1371/1372 гг.). Вместе с тем, как до, так и после этого, в разных местах чеканились серебряные монеты с именем хана Мухаммада Булака: причём, их массовый выпуск осуществлялся с 771 г. хиджры (1369/1370 гг.) по 777 г. хиджры (1375/1376 гг.). После хана Мухаммада-Булака, как выяснили Ю.В. Зайончковский и Б.И. Леонов, чеканились также серебряные монеты хана Мухаммада-Тюляка [4]. Очевидно, что ни Мухаммад-Булак, ни Мухаммад-Тюляк не могут быть тождественны Тулунбек-ханум.

Версия четвёртая: чингизидка, жена хана «Азиза-ходжи» (Азиз-шейха), «великая ханум» Золотой Орды

Весьма уместным, по нашему мнению, в связи с разбором суждений о личности «ханши» Тулунбек будет упомянуть также о версии, изложенной в первых двух книгах из серии «Русь и Орда» (написаны в 1958 и 1962 гг.) историка и писателя из числа «белоэмигрантов» М.Д. Каратеева (1904–1978), ставшего известным в 1990-е гг. в России.

Одной из героинь этого литературного произведения (претендующего на документальность и опирающегося на многие заслуживающие доверия источники, но построенного по большей части на вольной «реконструкции» исторических личностей и «додумывании» событий) является «Туллубек-ханум», под которой автор, судя по упоминанию тех же сарайских монет, подразумевает именно Тулунбек.

Однако при этом, у М.Д. Каратеева она выведена как жена хана «Азиза-ходжи», то есть хана Золотой Орды (Улуса Джучи) Азиз-шейха (годы правления: 1365–1367), убитого заговорщиками, которых якобы направлял «Джанибек II» (при этом указывалось, что в ней самой текла «кровь Чингиса»). Избежав «участи своего пресветлого супруга» и «с помощью Аллаха» сумев сбежать из столицы, «Туллубек-ханум» при поддержке некоего Карач-мурзы, якобы вскоре выбила оттуда низложившего «Джанибека II» Хаджи-Черкеса (Черкес-бека), правившего в Хаджи-Тархане, и сама взошла на сарайский престол, сделав своим везиром «дворцового букаула Улу-Керима».

Якобы именно к «Туллубек-ханум» приезжал за ярлыком «на великое княжение над Русью» князь Микулинский и Тверской Михаил Александрович (годы правления: как князя Микулинского и Тверского – 1368–1382, как Великого князя Тверского – 1382–1399), но не получил его, услышав из уст Улу-Керима ответ «великой ханум» о том, что «великое княжение во Владимире надлежит Московскому князю Дмитрию Ивановичу, который получил свой ярлык от её покойного супруга, великого хана Азиза-ходжи, чью волю почитает она священной» [6, с. 248–249].

При этом пребывание «Туллубек-ханум» на ханском сарайском столе продолжалось, по версии М.Д. Каратеева, три года – до 1373 г., в течение которых «Левобережное ханство» «жило мирной и спокойной жизнью». Однако судьба «ханши» оборвалась трагично – от рук некоего Айбек-хана.

«В середине лета, – писал М.Д. Каратеев, – к Карач-мурзе прибыл гонец из Сарая-Берке и привёз чрезвычайные известия: месяц тому назад город врасплох захватил Айбек-хан и устроил там страшную резню. По его приказанию Туллубек-ханум, перед тем пробывшая три дня его наложницей, была завязана в мешок с живыми кошками и брошена в Волгу, а Улу-Керим на крюке, поддетом ему под ребра, повешен на стене Алтын-Таша.

Но торжество Айбек-хана было недолгим: две недели спустя к Сараяу подступил с большим войском царевич Араб-шах и после кровопролитной битвы взял город, подвергнув его ещё более беспощадной резне и новому разграблению. Всё же Айбек-хан спасся и с остатками войска ушёл к себе в улус, поклявшись, что скоро возвратится и не оставит в живых ни одного человека из тех, которые признали Араб-шаха великим ханом и стали ему служить. Теперь многие жители, в особенности купцы и ремесленники, доведённые до отчаянья постоянными грабежами, бегут из Сарая в другие города, но на дорогах их ловят воины Араб-шаха, грабят и убивают. В народе же всё громче говорят, что уж лучше бы скорее пришёл Мамай со своим ханом, – у него, по крайности, есть достаточно силы, чтобы надолго удержаться в Сараяе и прекратить бесчинства» [6, с. 280].

Конечно, многое из этого является художественным вымыслом, однако некоторые подробности, которые привёл М.Д. Каратеев наталкивают на предположение о том, что, возможно, он, помимо прочего, опирался на некие легенды и предания, в которых рассказывалось о Тулунбек-ханум и её печальной участи, похожие по жанру на те, что впоследствии слагались о правительнице Казанского ханства Сююмбике.

Кроме того, М.Д. Каратеев сопровождал свои историко-литературные изыскания весьма интересными рассуждениями о положении и роли женщины в Золотой Орде (Улусе Джучи). Так, в книге «Ярлык великого хана» он писал от лица «княжича Святослава»: «Его сильно удивляла праздность, которой тут предавались мужчины. Татарин считал, что его дело – война, и

почти все хозяйственные и домашние работы лежали в Орде на рабах и на женщинах. Однако в положении последних не было заметно принижённости, обычной для других мусульманских стран. Женщина здесь не закрывала своего лица чадрой и не вынуждена была прятаться от посторонних: она пользовалась полной свободой и в правах была равна мужчине. В решении семейных и родовых дел её голос нередко получал перевес.

В заседаниях курултая, как нам известно, из многих сохранившихся документов, ханские жёны принимали участие наравне со своими мужьями. Бывали случаи, когда женщина стояла во главе государства. Так, например, на императорском престоле в Каракоруме, после смерти Куинэ, внука Чиигиз-хана, в течение нескольких лет находилась императрица Огюль-Гаймиш. В царствование малолетнего хана Улагчи [...] Золотой Ордой правила вдова Батыя, Баракчин. В семидесятых годах четырнадцатого столетия в Сарая чеканила свою монету Тулунбек-ханум» [5, с. 166].

Здесь – по крайней мере, на нумизматические источники – историк и литератор М.Д. Каратеев, в отличие от некоторых специализирующихся на золотоордынской тематике исследователей, сослался достаточно точно – без лишних «додумываний».

«Сухой остаток»

Уникальность титулования эмитента «Тулунбек» на типе монет с обозначением места чекана «Сарай ал-Джадид» и датой 773 г. хиджры (1371/1372 гг.) – «ханум» (что может означать как официальный титул, так и династический «маркер» или восхваляющий эпитет) даёт основания предполагать, что он выпускался от имени правительницы-женщины.

Узкая временная «локализация» монет данного типа свидетельствует в пользу версий о кратковременном периоде её правления. В этом же убеждает и отсутствие среди выявленных монет значительного разнообразия штемпельного исполнения и подражаний, что также исключает возможность использования обозначения года в качестве «замороженной даты».

Географическая «локализация» монет данного типа свидетельствует о том, что власть обозначенного эмитента либо не распространялась на другие крупные города – центры чекана монет, либо в таковых местах их просто не успели выпустить по причине краткосрочного пребывания такового у власти.

Всё это соображается с версией о том, что Тулунбек непродолжительное время могла номинально находиться у власти на части территории Золотой Орды (Улуса Джучи), контролируемой её мужем – эмиром Мамаем, в которую входил столичный город Сарай или Новый Сарай («Сарай ал-Джадид»). При этом сочетание вышеозначенных обстоятельств могут свидетельствовать о её чингизидском происхождении.

Однако отсутствие имени «Тулунбек-ханум» в качестве эмитента на серебряных монетах, выпускавшихся в это время на монетном дворе «Орды» (предположительно, в ханской ставке) от имени хана Мухаммада-Булака (Гияса ад-дина Мухаммада) ставит под сомнение корректность утверждения Р.Ю. Почекаева о том, что «Тулунбек-ханум – единственная женщина, когда-либо занимавшая золотоордынский ханский престол» [15, с. 35].

Представляется, что в действительности она обладала статусом временной наставницы (регентши) при законном (по династическому принципу) малолетнем наследнике ханского престола, что и было «зафиксировано» (продекларировано) «чрезвычайным», либо «вспомогательным», столичным выпуском в 773 г. хиджры (1371/1372 гг.) медных монет.

С учётом известных в истории Золотой Орды примеров «перехода» ханских жён к последующим правителям, одним из которых является судьба Тайдулы (? – 1361) – старшей жены хана Узбека (годы правления: 1313–1341), а затем – хана Науруза (год правления: 1360), повторное замужество Тулунбек за ханом Токтамышем представляется вполне допустимым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Выпуск VII. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983. С. 9–54.
2. Григорьев А.П. «Му'изз ал-ансаб» о потомках Токтамыша // Востоковедение. Филологические исследования. Вып. 25. Межвузовский сборник / Ответ. ред. В.Б. Касевич. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 100–123.
3. Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сборник статей. М.: Наука, 1980. С. 174. 213. (Академия наук СССР. Институт истории СССР)
4. Зайончковский Ю.В., Леонов Б.И. Хан Мухаммад Тюляк по нумизматическим источникам // *Rach mongolica* и евразийские потрясения XIII–XIV веков / *Stratum plus* (Археология и культурная антропология) (гг. Санкт-Петербург – Кишинёв – Одесса – Бухарест). 2016. № 6. С. 269–278.
5. Каратеев М.Д. Русь и Орда. Историческая трилогия: в 2 т. Т. 1. Ярлык великого хана: роман / Сост. С.В. Тимченко; авт. вступ. статьи О.Н. Михайлов. М.: «Современник», совместное предприятие «Lexica», 1991. 415 с. (Серия «Золотая летопись России»)
6. Каратеев М.Д. Русь и Орда. Историческая трилогия: в 2 т. Т. 2. Карачмурза (Тверь против Москвы): роман. Богатыри проснулись: роман / Сост. С.В. Тимченко. М.: «Современник», совместное предприятие «Lexica», 1991. 494 с. (Серия «Золотая летопись России»)
7. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, г. Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Сборник ста-

тей. Вып. IV. Нумизматический сборник. Том. 3. Н. Новгород: Институт промышленного развития «Информэлектро», 2002. С. 73–165.

8. Кротков А.А. Два собрания джучидских монет // Труды Нижне-Волжского общества краеведения. Выпуск 37. Саратов: Издание Нижне-Волжского общества краеведения, 1930. 42 с., таб.

9. Кучкин В.А. Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н.А. Баскакову. Сборник статей / Отв. ред. член-корр. РАН, академик РАЕН Э.Р. Тенишев. М.: Издательство «Языки русской культуры», 1997. С. 115–123.

10. Лебедев В.П. Монетные дворы Золотой Орды во второй половине XIV в. [Электронный ресурс] // Музей денег: сайт. URL: <http://muzeydeneg.ru/research/monetnyie-dvoryi-zolotoy-ordyi-vo-vtoroy-polovine-xiv-v/> (дата обращения: 26.11.2019).

11. Лебедев В.П., Гумаюнов С.В. Обзор чекана золотоордынского монетного двора Мохши // Stratum plus (г. Кишинёв). 2011. № 6. С. 1–24.

12. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. 164 с.

13. Памятники Куликовского цикла / Гл. ред. академик РАН Б.А. Рыбаков, ред. доктор ист. наук В.А. Кучкин. СПб.: Институт российской истории РАН; Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998. 410, (1) с.

14. Полное Собрание Русских Летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Том двадцатый. Первая половина. Львовская летопись. Часть первая. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. IV, 418 с.

15. Почекаев Р.Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб.: ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ»», 2010. 288 с.

16. Роговский летописец. Тверской сборник. (Полное собрание русских летописей. Том XV) / Репринтное воспроизведение изданий 1863 и 1922 гг. М.: Издательство «Языки русской культуры», 2000. 432 с., разд. паг. (XII с., 186 стб., 29 с.; V с., 504 стб., 35 с.).

17. [Тизенгаузен В.Г.] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. В. Тизенгаузена. Том I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: «Издано на иждивение графа С.Г. Строганова»; Типография Императорской Академии Наук, 1884. IV, XVI, 564 с.

18. Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: «Палеограф», 2003. 352 с. и 40 с. ил.

19. Френ Х.М. Монеты Ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных Мухаммеданских Династий в прибавлении; из прежнего собрания Г-на Профессора, Статского Советника и Кавалера К. Фухса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету, с краткими объяснениями и указаниями Х.М. Френа (с восемнадцатью таблицами и четырьмя виньетами) / Пер. с немецкого М. Волкова. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1832. XVI, 80, (17) с.: таб.

20. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1954 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42 (Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I). М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. (424)–457.

21. #99104: 773 АН. Pul. Tulun Beg Hanum. Sarai al-Jadida mint. Tulun Beg Hanum, 773 (page 1). Sarai. Lower Volga. Juchid, ca. 650 – 886. ISLAMIC WORLD // Home [Электронный ресурс] / ZENO.RU – Oriental Coins Database: сайт. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=99104> (дата обращения: 24.11.2019).

22. Tulun Beg Hanum, 773 (page 1). Sarai. Lower Volga. Juchid, ca. 650 – 886. ISLAMIC WORLD // Home [Электронный ресурс] / ZENO.RU – Oriental Coins Database: сайт. URL: <https://www.zeno.ru/showgallery.php?cat=4799> (дата обращения: 24.11.2019).

23. Tulun Beg Hanum, 773 (page 2). Sarai. Lower Volga. Juchid, ca. 650 – 886. ISLAMIC WORLD // Home [Электронный ресурс] / ZENO.RU – Oriental Coins Database: сайт. URL: <https://www.zeno.ru/showgallery.php?cat=4799&page=2> (дата обращения: 24.11.2019).

Сведения об авторе:

Игорь Евгеньевич Алексеев – кандидат исторических наук, главный советник Управления по взаимодействию с религиозными объединениями Департамента Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики (Казань, Российская Федерация). E-mail: alekse-igor@yandex.ru

Последнее возвышение Золотой Орды

В статье рассматривается вопрос о возвышении хана Токтамыша и прекращение им двадцатилетней политической смуты в Золотой Орде. Победа Токтамыша заключалась также и в предложенной им программе восстановления страны и возвращения в период величия. С этой целью Токтамыш и его правительство проводят серию реформ, призванных восстановить порядок и вернуть активную жизнь в города.

Для стабильного функционирования северного маршрута Шелкового пути Токтамыш входит в конфликт со среднеазиатским правителем Тимуром, который хотел возродить южный маршрут Шелкового пути. С гибелью Токтамыша Золотая Орда вступает в длительный период распада и смуты, что приводит к окончательному прекращению северного маршрута. Однако южный маршрут также недолго существовал, так как европейцы находят новый «морской» путь, что приводит к глобальным изменениям в истории человечества и изменению парадигмы, от средневековья к новому времени.

Ключевые слова: Шелковый путь, Золотая Орда, реформы, смута, Токтамыш, идеология

В конце XV века великие европейские мореплаватели нашли морской путь в «Индию». После падения чингизидских держав и прежде всего Золотой Орды, торговые пути, связывающие рынки Евразии – т.н. Великий Шелковый путь – стал небезопасным и постепенно угасал. Европейские правители и купцы желали возобновить получение экзотичных товаров Востока и пытались поддержать функционирование этого сухопутного направления. Затянувшийся кризис в торговле с Востоком вынудил европейцев искать иные маршруты, одним из которых и стал поиск «морского пути».

Государства, которые контролировали сухопутный торговый путь, также пытались покончить со смутой и сделать ее безопасной. К концу XIV века все чингизидские династии, которые контролировали большую часть Шелкового пути, прекратили свое существование. Чингизидская династия продолжала править только в охваченной многолетней политической смутой в Золотой Орде, где за период раскола произошел упадок торговли и сокращение транзитных перевозок.

В междоусобных войнах пострадали все слои населения. Сокращение торговли, как внутренней, так и внешней, привело к спаду и ремесленного производства. Кризис наблюдался во всех сферах жизни золотоордынско-

го общества. Итогом такой ситуации стала неустойчивость денежной системы, особенно обострившейся с конца 60-х годов XIV века и приведшая к экономическому обособлению отдельных областей.

Междоусобица и разобщенность армии сильно ударили по обороноспособности страны. Золотая Орда потеряла огромную территорию на западе страны, вплоть до Днепра. На востоке страны также было неспокойно. Прекращение правящей линии после Бердибека, породило кризис власти. Феодалы пытались поставить во главе государства кого-нибудь из дальних родственников предыдущих ханов. Была также и чеканка монет от имени хана Джанибека с эпитетом «мархум» (покойный) [12, с. 401, 402, 406]. Но реальность была такова, что линия Бату прекратилась и к власти должна была прийти другая ветвь джучидов. Естественно, это должно было обосноваться и идеологически.

Одной из причин победы Токтамыша была в идеологии, которую он предложил золотоордынской элите – идеологии единства и величия страны.

Судя по проведенным реформам и по ведению внешней и внутренней политики, Токтамыш и его сторонники имели также хорошо разработанную программу восстановления порядка в стране.

После реформы ремесленное производство и внутренняя торговля, благодаря установлению правопорядка в стране, получили возможность восстановиться.

Во время смуты в Золотой Орде значение северного маршрута трансконтинентальной торговли, которая проходила по ее территории, переместилось на юг, и более значимым стал южный маршрут, проходивший через Среднюю Азию и Северный Иран. Хотя северный маршрут и продолжал функционировать, но уже не играл первостепенной роли. Поэтому для укрепления значения Шелкового пути, правительство Токтамыша провело целый комплекс реформ, связанный не только с экономикой, но и с государственным устройством и с вооруженными силами.

Естественно, денежная реформа преследовала цель не только помочь торговле, но и ремесленному производству. Опорой для хозяйства страны должна была стать твердая валюта, единая и по весовым стандартам и по цене на всей территории страны. Поэтому, без сомнения, в области экономики страны должен был быть проведен ряд реформ, призванных восстановить и улучшить хозяйство страны.

В первую очередь это касалось ремесленного производства в городах. Как отмечают исследователи, во время правления Токтамыша экономика золотоордынских городов переживает некоторый подъем. Например, при раскопках остатков Сарая ал-Джедиды были найдены многочисленные мастерские, которые работали достаточно продуктивно и в 80–90 годы XIV века [16, с. 112].

Золотоордынские города во время смуты пострадали не столько от разорения, а, сколько от нарушения нормального товарообмена внутри государства и отсутствия сильного покровителя в лице всеми признанного главы государства. Несмотря на значительный упадок городов во время смуты, по сравнению со временами Джанибека, при восстановлении порядка в стране города должны были возрождаться.

Проведя серию реформ, Токтамыш и его сторонники активно начали действовать во внешней политике. Возвышение Токтамыша привело к тому, что с политической смутой было покончено. Его власть была признана всеми. Династия Джучи теперь перешла к линии потомков Тукай-Тимура. У Токтамыша была большая семья и много сыновей. Прекращение других чингизидских династий, безусловно, повлияло на Токтамыша, и он решил обыграть это в свою пользу и возвращения Улус Джучи в политику в южных и восточных своих границах. Это делалось, прежде всего, в противовес новым политиям, которые формировали новые приоритеты в регионе и самое главное усиливали южный маршрут Шелкового пути, которая проходила по территории противников Золотой Орды. Это касалось усиливающегося государства Тимура, который создавал свое государство, также используя чингизидское наследие через подставных ханов из рода Чагатая.

Токтамыш же сам был чингизидом и поэтому хотел потенциал условного чингизизма использовать в своих интересах. Он и Тимур играли на одном поле и оба хотели укрепить свое государство и контролировать постчингизидский регион.

Конечно, окончательной целью кроме политических дивидендов был контроль трансконтинентальной торговли, связывающий Азию с Европой. Тимур всеми силами укреплял южный маршрут и старался расширять зону своего контроля. При этом желая и ослабить или же вовсе прекратить функционирование северного пути. Возвышение Токтамыша привело к тому, что привычный северный маршрут начал постепенно возрождаться. Но для ее функционирования необходимо было возвращения порядка и на других территориях, через которые она проходила. Именно для этой цели Токтамыш и ввязался в противостояние с Тимуром. Он был единственным чингизидом, который правил сам. Токтамыш говорил, что уже и сам стал Чингизом. При этом в отличие от Тимура он пытался взять под свой контроль и части южного маршрута, проходящие через бывшие территории хулагуидов. Тем самым в нужные моменты он мог ее прикрыть.

Как мы видим, Токтамыш не мог не вступать в войну с Тимуром. Иначе объявленная им идеология не была осуществима, а Золотую Орду ждала участь экономической деградации.

Ход противостояния Токтамыша с Тимуром показывает, что со временем цели менялись. Если в начале противостояния Токтамыш мстил Тимуру за разрушение Ургенча, и тем самым выталкивая Золотую Орду из

Средней Азии, то в последующем Токтамыш решил взять под свой контроль государства, возникшие после распада державы Ильханов. В итоге он решил открыто противостоять Тимуру и попытаться вернуться в Среднюю Азию.

Последний этап, это уже попытка создания антитимуровской коалиции из ведущих держав, интересы которых совпадали с интересами Золотой Орды. Вторжение Тимура на территорию Золотой Орды и целенаправленное разрушение экономических центров, прежде всего с целью расстройства северного маршрута Шелкового пути.

В итоге Токтамыш и вся его семья были уничтожены, а Золотая Орда впала в глубокую смуту, погружаясь в нее все больше и больше и распадаясь постепенно на новые политии, которые уже не были в состоянии возродить знаменитый северный маршрут Шелкового пути.

Однако южный маршрут также недолго благоденствовал, Тимуру так и не суждено было создать устойчивое государство. Возникли новые державы, прежде всего османы и сефевиды. А европейцы сумели наладить «морской» путь, через который начали получать не только товары из далекой «Индии», но и из новых континентов, открытых благодаря активным поискам замены золотоордынского торгового пути.

По сути, окончание одного привело к возникновению другого, более масштабного. И это уже была новая история, в переносном и в прямом значении. Кардинально переместился «центр развития» Евразийского континента. Начали активно осваиваться новые континенты, возникать новые политические центры и государственные образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963.
2. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царицах. Ч. 1. СПб.: тип. ИАН, 1863. 572 с. + 4 табл.
3. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царицах. Ч. 2. СПб.: тип. ИАН, 1864. 518 с. + 2 табл.
4. Галкин Л.Л. Керамические горны золотоордынского города Азака // Советская археология. №1. 1975. С. 252–259.
5. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.
6. История военного искусства. Т. I. М.: Воениздат, 1963.
7. Минаева Т.М. Новые находки на городище Маджара // Советская археология. № 1. 1968. С. 284–285.
8. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983.
9. ПСРЛ. Т. 11–12. Патриаршая или никоновская летопись. М.: Наука. 1965. 520 с.

10. Ртвеладзе Э.В. О медных именных монетах Тохтамыша и подражаниях им // Эпиграфика Востока. Том 21. Л.: Наука, 1972. С. 42–47.
11. Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Изд-е второе, испр-е и дополненное. Казань: типо-лит-я Императорского университета, 1895.
12. Савельев П.С. Монеты Джучидовъ, Джелаиридовъ и другия, обращавшиеся въ Золотой Орде въ эпоху Тохтамыша // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. Ч.3. Спб., 1858. С. 203–528.
13. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся къ истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабскихъ. Т. I. Спб.: тип-я ИАН, 1884. 564 с.
14. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся къ истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Т.Тизенгаузенем и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 308 с.
15. Утемиш-хаджи. Кара-таварих / Транскрипция: И.М. Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой, З.Т.Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
16. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970. С. 68–171.
17. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.: МГУ, 2001.
18. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет. Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 94–192.
19. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973.
20. Федоров-Давыдов Г.А. Основные закономерности развития денежно-весовых норм в Золотой Орде // Археологический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 7–16.
21. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М.: Инсан, 1996. С. 527–764.
22. Шамильоглу Ю. «Карачи беи» поздней Золотой Орды: Заметки по организации монгольской мировой истории // Из истории Золотой Орды. Казань: Фонд им. М. Султан-Галиева, 1993. С. 44–60.

Сведения об авторе:

Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: dilnur1976@mail.ru

Хан Джелаледдин и татары в Грюнвальдской битве*

В статье рассматривается роль воинов хана Джелаледдина в Грюнвальдской битве. Отмечается, что о количестве татар, участвовавших в Грюнвальдской битве, бытует множество мифов и легенд, созданных как сторонниками тевтонских рыцарей, так и самими татарами. Основную часть отряда татар составляли войска Джелаледдина, и войска татар, уже обосновавшихся в Литве, в количестве до трех тысяч. Принимая во внимание фактические пропорции численности польской, литовской и тевтонской армии в то время, количество в три тысячи человек считалось небольшим. Это было бы чуть больше десятой части всей польско-литовской армии. Однако татары были первыми, кто нанес удар в этом сражении, и первыми приняли контратаку тевтонских рыцарей.

Ключевые слова: история, татары, Великое княжество Литовское, хан Джелаледдин, Грюнвальдская битва

Об участии татар в Грюнвальдской битве существует множество мифов и легенд. Некоторые из них были созданы вскоре после битвы, некоторые творились позднее и вплоть до XIX века. Авторами некоторых легенд и мифов были сторонники тевтонских рыцарей, других – сами татары. Для татар битва при Грюнвальде была своего рода основополагающей причиной для начала их проживания в Литве, первым этапом их исторического и этнического самопознания. В народных сказаниях татар можно часто встретить сюжеты о татарах, которых великий князь Витовт привел в Литву, очарованный их храбростью, а после Грюнвальдской битвы все татары были вознаграждены и в соответствии с народными сказаниями, получили имения такого размера, которые можно было пересечь верхом в течение дня. На самом деле, и переселение татар к границам Великого княжества Литовского в то время было другим, и реалии знати татар тоже были разными. В настоящее время по этому поводу ведутся споры среди исследователей проблемы. Лучшее историко-правовое толкование дал Яцек Собчак в своей работе под названием «Правовое положение татарского народа в Великом княжестве Литовском» [1].

* Перевод с польского Мирлана и Нурлана Наматовых. См. также: Selim Chazbijewicz, Sławomirem Moćkunem. *Tatarzy pod Grunwaldem*. Grunwald-Stębark: Muzeum Bitwy pod Grunwaldem, 2012. 66 str.

В этой работе автор четко различает правовое положение литовских бояр и польской знати, а также ярко показывает дифференциацию правового положения татар в Великом княжестве в зависимости от их социального статуса в ханствах, а также имущественного положения в самой Литве. Он выделяет небольшую прослойку татарской аристократии, соответствующую статусу бояр Великого княжества Литовского, татар – казаков, т.е. вольных поселенцев, получающих землю в обмен на военную службу, вольных ремесленников, земледельцев-татар и наконец, татар- аристократов в частных имениях магнатов¹ и их армий.

Однако татары – несмотря на социальные и экономические привилегии, приближающие их к статусу дворянства – не были дворянством, потому что у них не было основных привилегий, принадлежащих дворянскому государству, – они не могли участвовать в выборах короля или участвовать в собраниях и сеймах. Только в XIX веке, в 1815 году Якуб Мурза Бучацкий из польского шляхетского рода Бучацких герба Тарака стал членом парламента Королевства Польского от Подлясья. Кроме того, в XVII веке был религиозный фактор, контрреформация в Польше, атака на протестантов, что способствовало попыткам ограничить права других верующих, включая мусульманских татар, которые были лишены определенных привилегий сменяющимися друг друга парламентами, пытаясь фактически вернуть их в статус крестьян или, надлежащим образом отменив законы исповедания религии.

Это привело к восстанию некоторых татарских полков легкой кавалерии в 1672 году, известному как «липкинское восстание». Следует отметить, что в этом восстании, заключавшемся в переходе части татар на турецкую сторону, участвовали только полки польского короля, на практике вольинские татары. Литовские татары остались верны Республике Польша. Систематическое улучшение социального и имущественного положения татар началось с правления Яна III Собеского и продолжилось во время правления Веттинов.

Возвращаясь к участию татарских войск в Грюнвальдской битве, нужно отметить, что нет сомнения в том, что они там были. Однако возникает вопрос о том, сколько татарских воинов сражалось на стороне польско-литовской армии? Мы можем делать различные запросы по этому поводу, в зависимости от того, признаем ли мы правдивость того или иного источника в той или иной интерпретации. Ольгерд Гурка, автор известного произведения под названием «Численность крымских татар и их войск» (1936 г.) установил, что численность крымских татар в XVII веке состав-

¹ Магнаты Польши и Литвы – знатнейшие представители шляхты, существовавшие в Королевстве Польском, Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой (с 1569 года).

ляла около 250 000 человек, из которых армия Крымского ханства составляла до 25 000 человек. Гурка спорил как с литературным видением Сенкевича, так и с другими историками, которые не ссылались на источники, такие как хроники, заметки и документы, а говорили о «неисчерпаемом количестве» татарских войск.

Как демографические, так и экономические условия того времени не позволяли содержать или прокормить такую армию. К легендам следует также отнести рассказы о двух-трех лошадях, которых каждый татарин вел с собой, или об исключительной жестокости этих воинов. Условия быта, уровень гигиены и медицины, очень высокая смертность как взрослых, так и детей и небольшая продолжительность жизни означали, что татарские полчища того времени были немногочисленны и могли выставить небольшое количество воинов. Скорее нужно выделить качества татарского воина, его мотивацию, подготовку и выносливость, тактику и стратегию, а не количество. Цифры, приведенные в хрониках и документах, были завышенными и символическими, например, «сто тысяч», что на практике означало – очень большое число, не поддающееся исчислению.

Для летописцев того времени «сто тысяч» было абстрактным числом, символом многочисленности. Конечно, Крымское ханство – это не Великая Орда, из которой произошли татарские воины, участвовавшие в Грюнвальде, но Золотая Орда с XIII и первой половины XIV века было практически разделено на части, в начале XV века на государства, которые стремились к полной независимости и даже суверенитету. Раздираемая внутренними раздорами, восточная часть уже не входила в состав Великого Улуса, то есть Золотой Орды. Число воинов в распоряжении великого хана Золотой Орды Тохтамыша не могло превышать ста тысяч, а его сыновья могли иметь отряды до десяти тысяч воинов каждый, если не меньше.

Джелаледдин, сын Тохтамыша, участвовавший в Грюнвальдской битве, мог иметь не более трех тысяч. Не все из них принимали участие в Великой войне (1409–1411 гг.). Как утверждает Ян Тышкевич [2, s.125] в этой Великой войне и Грюнвальдской битве, кроме отряда Джелаледдина, также участвовали литовские татары, которые уже обосновались в Великом княжестве Литовском. По оценкам тевтонских источников, количество татар, участвовавших в войне 1409–1411 гг. и только в Грюнвальдской битве, составляло около 30 000 человек. Это включено в Тевтонские хроники Анонимуса (1330–1426), которые являются частью *Scriptores Rerum Prussicarum*, том III, стр. 724 [2, s. 125, przypis 32].

Тем не менее, данные тевтонских хроник, несомненно, преувеличены, и сделаны для того, чтобы оправдать свое поражение, а также содержат маловероятные описания татарских обычаев, таких как употребление в пищу человеческой плоти, чтобы в глазах западной общественности соз-

дать образ дьявольских варваров, с которыми литовцы и поляки объединились, чтобы победить благочестивых христианских рыцарей.

Истоки татарского поселения в Великом княжестве Литовском зарождаются в XIV веке. Первые сведения о присутствии татар в Литве относятся к началу XIV века. По словам Станислава Крычинского, автора лучшей монографии о литовских и польских татарах [2, s. 125, *przypis* 32] с момента завоевания русских княжеств татары вступили в контакт с литовским государством. Князья Гедимины, правившие в 1315–1341 годах, а позже Ольгерд, часто создавали союз с татарскими правителями, вели войны с Тевтонским орденом, Польшей и Московским княжеством.

По словам С. Крычинского, вполне вероятно, что уже в XIV веке татарские войска постоянно поддерживали армию литовских князей на основе наемной службы, часто размещавшейся в качестве экипажей в городах, городках и замках. Самый старый отчет о татарской колонии на литовских землях известен из анналов францисканского ордена по свидетельству Луки Вадинга, *Annales ordinis Minorum* около 1208 года нашей эры. 1540, *Lugduni* 1672, т. I, 459. Текст этой заметки, касающейся татар в Литве, был переведен вильнюсским востоковедом Антонием Мухлинским, работавшим в Петербурге, в его труде «Исследования о происхождении и состоянии литовских татар» (С. Петербург, 1857, с. 54). Фрагмент, записанный в XIV веке Лукой Вадингом, гласит: «Наши братья отправились проповедовать учение Христа на литовские земли, где они обнаружили, что весь народ погрузился в варварские заблуждения и посвятил себя культу огня, и среди них были скифы, пришельцы из страны какого-то хана, которые в своих молитвах используют азиатский язык». Эта запись датируется 1324 годом [6; *op.cit.*, s.6].

Великий князь Ольгерд получил помощь от хана Золотой Орды, Джанибека, последнего правителя тогда еще крепкой и относительно единой Золотой Орды. Согласно традиции литовских татар, которую цитирует С. Крычинский, самое старое татарское поселение в Литве было основано около 1350 и 1352 годов, когда армия хана Джанибека поддержала литовские походы в Польшу. Ягайло также продолжал политику союзнических отношений с татарскими правителями. Это тоже способствовало татарской колонизации Литвы. Вышеупомянутый С. Крычинский утверждает, что причиной очередной волны поселений стало поражение эмира Мамаю на Куликовом поле в 1380 году, нанесенное войском московского князя Дмитрия Ивановича.

Именно тогда сын Мамаю, Мансур Кият, нашел убежище в Литве, прося защиты у великого князя Ягайло. Один из двух сыновей крещенного Мансура Кията, крестился в Заднепжье, дав начало знаменитой семье князей Глинских.

Однако фактическим основателем татарского поселения в Великом княжестве Литовском был великий князь Витовт. На протяжении веков он сохранился в памяти поколений как созидатель и родоначальник Литовского государства и его оборонительной системы.

Татары называли его «белым ханом», потому что белый цвет в символике тюркских кочевников означал западное направление². Молитва за Витовта, которую читали во время пятничных служб в мечетях до XX века, осталась в традиции литовских татар. Татары называли его «Ваттад», и произносили его имя наряду с именами халифов – правителей ислама [5, с. 1–2]. Одним из элементов этой системы была акция колонизации – оккупация татарами как границ, так и центра государства, поселений под замками и цитаделями с целью постоянной военной службы и максимально быстрого военного ответа. Они были в то время чем-то вроде «сил быстрого реагирования», которые использовались в чрезвычайных ситуациях, по любому приказу правителя, без необходимости сбора денег, постановлений сейма, сбора массовой мобилизации и т.д.

Они также выполняли функции стражи правителя и также были чем-то вроде «секретных служб», используемых для выполнения разведывательных задач, выполнения скрытых казней по приказу правителя, физического уничтожения оппозиции и т.д. Они были быстрыми, эффективными, доступными, полностью верными и преданными своему государю, которого они считали князем Витовтом. Внутренние бои и практический распад Золотой Орды сделали возможным вмешательство Витовта в дела татар и его интенсивную восточную политику.

Но для начала нам необходимо осветить политическую ситуацию в то время в татарских государствах. Еще при жизни Чингиз-хан определил часть государства и передал его своему старшему сыну Джучи. Последний погиб на охоте, и некоторые исследователи относят смерть Джучи, произошедшую при жизни Чингиз-хана [3]. Он должен был осудить своего сына за нарушение его послушания и попытку проводить свою собственную политику.

² Хотя прилагательное «турецкий» обычно используется для обозначения анатолийских турок в современной Турции или исторически: турок-сельджуков и турок-османов, обозначение тюркоязычных наций и этнических групп, но не идентичных вышеупомянутым группам, не существовало в собственно польском языке. В межвоенный период использовались следы русского языка: тюрк, иногда тюрк-татарин, а ныне тюрколог проф. Хенрик Янковский из Познани предложил термин «тюркский» для обозначения всех этнических групп, племен и народов, использующих языки, принадлежащие к широко понимаемой турецкой языковой семье. Название «тюркский» все чаще встречается в научной литературе и является наиболее подходящим термином.

Земли Джучи, или по-татарски Улус Джучи, охватывал территории от Дуная до Аральского моря, от Кавказа до Западной Сибири, от Крыма до Белого моря, степи нынешнего Казахстана, северного Азербайджана и Дагестана. Это была огромная малонаселенная территория, управляемая правителями, носившими ханский титул. Формально правители этого государства зависели от великого хана, проживавшего в Монголии. Однако вскоре в результате феодальных процессов разделения после смерти Чингиз-хана государство начало приходить в упадок.

Помимо Улуса Джучи, были отделены другие улусы для сыновей Чингиз-хана. Было четыре сына, которые унаследовали наследство своего отца. Помимо Джучи, еще одним был Чагатай, соавтор ясы монгольского племенного права. Его наследство охватило примерно территорию Средней Азии. Государство просуществовало до XV века, времени завоеваний Тамерлана, который был правителем и главнокомандующим, но не номинальным правителем, потому что он не был потомком Чингиз-хана.

Следующим был Угедей, избранный преемником Чингиз-хана в качестве Великого хана на курултае в 1229 году. Его сыном и наследником, в свою очередь, был Гуюк, после чего линия Угедея перестала играть какую-либо роль. Младший сын Толуй в соответствии с принципом наследования среди кочевников унаследовал Монголию, то есть владения отца, потому что в этой системе младший был главным наследником Империи. Его сыновья Менгу и Хубилай стали великими ханами. Хубилай также провозгласил себя императором Китая и основал династию Хуан, которая правила Китаем в течение следующего столетия.

Именно в этот период Китай поработил Тибет, признав суверенитет великих ханов и императоров Китая. Внук Чингиз-хана, сын Толуя, Хулагу завоевал Иран и Хорезм, создав монголо-иранское государство. Оно просуществовало до XV века, ведя кровавые братоубийственные войны с Золотой Ордой. Сама Золотая Орда была разделена на две части еще в XIV веке. Восточная, включавшая территории Западной Сибири, левобережные прикаспийские степи низовий Волги, территорию между Каспийским морем и Аральским морем, северный Азербайджан и Дагестан, а также степи Казахстана, называлась Белой Ордой (по-татарски «Ак Орда»).

Остальная территория была известна как Синяя Орда (Кок Орда). Уже в XIV веке территория Синей Орды считалась государством Золотой Орды, тогда как Белая Орда практически отпала, и эти земли больше не входили в состав уменьшенной Золотой Орды. Страна претерпела социальные, религиозные, экономические и этнические преобразования, так что в XV веке бывший улус Джучи был лишь символической точкой отсчета.

Преемником Джучи и фактическим создателем государства Золотой Орды был его сын и внук Чингиз-хана, Бату, правивший в 1227–1255 годах. В течение следующих двух лет после смерти Бату, в 1255–1256 годах,

внезапно скончались Сартак и Улагчи. К власти пришел Берке-хан, правление которого связывают с началом исламизации Золотой Орды. Однако оно не было полным и законченным, ислам был принят лишь ханом и его двором. Преемники Берке, Менгу Тимур (1267–1280), Туда Менгу (1280–1287), Телебуга (1287–1290) и Тохта (1290–1312) были шаманистами, как и их предки и сам Чингиз-хан.

Реисламизация государства началась во время правления следующего правителя – Узбек-хана (1312–1341), а затем достигла могущества. Его правление можно считать апогеем мощи государства и одновременно началом его конца. Двое из его преемников, Тинибек (1341 г.) и Джанибек (1341–1357 гг.), правившие менее года, являются последними правителями Золотой Орды. После смерти Джанибека государство оказалось в периоде полного хаоса внутренней борьбы за власть, что привело к полной анархии и практическому распаду государства. К власти на этой территории пришел правитель Белой Орды Тохтамыш, последний по старому стилю хан ныне неполного Улуса Джучи.

Он пришел к власти в 1380 году благодаря помощи Тамерлана, эмира Улуса Чагатай, основателя империи в Центральной Азии, которая рухнула вскоре после его смерти в начале XV века. Тохтамыш, став ханом Золотой Орды, начал войну за Азербайджан со своим бывшим покровителем. Бои происходили в 1389–1395 годах и закончились полным поражением Тохтамыша и разгромом Золотой Орды. Он не оправился от этого поражения на протяжении всего XV века и все больше и больше подвергался политическому разгрому и прекратив свое существование в 1502 году. Тохтамыш, как я уже упоминал, обратился за помощью к Витовту, который поддержал его.

Как пишет Ян Тышкевич [2, s.123], у Тохтамыша было больше всего сторонников в Белой Орде и Волжской Булгарии, в среднем течении Волги, и татары, пришедшие с ним в Литву, могли происходить именно из этих мест. Витовт пожертвовал на нужды Тохтамыша и его команды замок в Лиде, где он останавливался в 1396–1399 г. Тимур-Кутлуг был возведен на трон Золотой Орды Тамерланом. В свою очередь Витовт дважды организовывал военные набеги на татарские земли. Первый произошел в 1397 году, достигнув юго-восточного Крыма, недалеко от Каффы.

Этот поход связан с объявлением о переселении караимского населения в Литву, которое Витовт захватит во время набега [4, s.31]. Это еще один из мифов о караимском меньшинстве в Польше и Литве. Второй поход состоялся в 1398 году, и литовское войско и воины Тохтамыша, поддерживавшие его, вернулись в Крым, разграбив города Керчь и Мангуп.

Согласно рассказу Яна Длугоша, этот поход привел к захвату основного лагеря на реке Дон, названного «Орда», и в результате чего большое количество кочевников вместе с их семьями и стадами были переведены в

Литву. Об упомянутой «Орде» стоит сказать несколько слов. Что ж, в те времена название «Орда» означало главный шатер великого хана, который был символом власти. Захват шатра был равносителен захвату символа власти, столь важного в средние века.

Термин «Орда» также означал место, где стоял «тронный шатер», то есть место, где находился правитель. Со временем термин «орда» стал обозначать и родовой организм степных кочевников. «Орда» означала не столько территорию, сколько людей, воинов, их семьи и владения под властью хана. Именно это имел в виду Длугош, когда писал об «Орде».

Витовт предпринял очередной набег в татарские степи, стремясь восстановить на престоле Тохтамыша и тем самым обеспечить себе огромное политическое влияние в Золотой Орде. Во время этого набега его также сопровождали польские и тевтонские рыцари. 12 августа 1399 года Витовт потерпел серьезное поражение на реке Ворскла. Хан Тимур Кутлуг затягивал развязку битвы, делая вид, что ведет мирные переговоры и, ожидая своего помощника, а точнее защитника, эмира Идегея, который на тот момент фактически управлял в Золотой Орде. Прибыв с остальной армией, он нанес поражение, которое надолго разрушило политические планы Витовта на востоке. Тохтамыш бежал в Поволжье, где рассчитывал снова поднять боевые силы и захватить трон. Однако в 1407 году он потерпел поражение и был убит. Его сыновья, и особенно Джелаледдин, заключили политическое соглашение с Витовтом, как и их отец, согласно которому великий князь литовский должен был помочь им в восстановлении власти в Золотой Орде.

В результате этого соглашения отряд Джелаледдина оказался в стане польско-литовской армии у Грюнвальда. В год окончания Великой войны, т.е. в 1411 году Джелаледдин вернулся в Золотую Орду, где после внутренних противостояний ему удалось ненадолго стать ханом в 1412 году. В том же году он был свергнут собственным братом вместе с эмиром Идегеем. Третий сын Тохтамыша, по имени Бетсабула³, остался в Литве и на рубеже 1412/13 г. был провозглашен своими сторонниками ханом. Он и его воины участвовали в другой польско-тевтонской войне в 1414 году, сжигая замок в Плементахе рядом с Радзынь Хелминьским, о чем свидетельствуют, среди прочего, археологические находки: наконечники стрел [2, s. 126].

По словам Станислава Крычинского [6, s.20], ссылаясь на немецкого историка Августа Коцебу, который описал этот факт, опубликованной в Риге в 1808 году работе под названием «Древняя история Пруссии», великий магистр Ульрик фон Юнгинген погиб от рук татарских воинов. Согласно

³ Кепек, или Кебек (тат. Кэбэк хан) – хан Золотой Орды в 1414 году, один из сыновей Тохтамыша. Согласно Шпулеру, Кепек-хан в польских источниках на латинском языке именовался Betsabul. В летописных источниках Кепек фигурирует под именем Бетсбулан или Беш-Сабулу.

тому же сообщению, в тот момент, когда великий мастер, сломленный битвой, подъехал к холму и поднял козырек шлема, чтобы перевести дух, его обнаженную шею пронзил «татарский гауптман» сотником по имени Баградин (Бахадур-ад Дин). Следует отметить, что это одна из версий, которую подверг сомнению выдающийся польский историк Тадеуш Корзон.

Станислав Крычинский также цитирует предания литовских татар о Грюнвальдской битве. Крычинский рассматривает эти традиции как второстепенные и связанные с воспоминаниями. Согласно одной из таких легенд, тевтонские рыцари использовали «магию» в своих битвах с литовцами и поэтому долгое время были непобедимы.

Только когда литовские князья призвали на помощь татар со своей магической силой, они вызвали страх у немецких рыцарей, среди которых говорилось: «Турка и меч не берет». Здесь Крычинский вспоминает о вере в так называемое «Персонажи», не пострадавшие от пуль. Другая версия легенды связывает победу Грюнвальда с тактикой татар: бросать арканы в залатанных в железо рыцарей Ордена и стаскивать их с лошадей. После такого падения они уже не могли вставать. После разгрома ордена при Грюнвальде, татары в составе литовской армии разорили монастырскую Пруссию, подошли к Мальборку, обогнули Ногат и Вислу и совершили набеги до Гданьска [6, s.22].

В 1558 г. в трактате под названием «Рисале-и-Татар-и-Лех» («Отчет о польских татарах») анонимный литовский татарин, вероятно, Челеби Мурзич, татарский кади (судья) в Великом княжестве Литовском и имам (священнослужитель) мечети в Довбуцишках, писавший по просьбе турецкого султана Селима II, который хотел знать о положении своих единоверцев в Речи Посполитой, сообщил: *«Но большинство (татар) поселились здесь (в Литве) во времена эмира Тимура. Король Лааха попросил у него подкрепление против своих врагов, и в результате эмир послал несколько тысяч своих отважных войск, и когда они одержали победу, по просьбе короля они остались в его поместьях, осыпанные величайшими знаками милости монарха, такими как: земельные владения, восхитительные кафтаны и богатство. Имя этого царя, который якобы был колонной, поддерживающей ислам в странах неверных, – Ваттад (Витольд), и память о нем сохранилась до наших времен»* [6, s.23].

Тевтонские рыцари воспользовались присутствием татарских войск в Грюнвальде для проведения антипольской пропаганды. Уже в 1409 году отчеты монастырских чиновников сообщали великому магистру Ульрику фон Юнгингену о присутствии татарских войск в литовской армии князя Витовта. А присутствие татар в Грюнвальде в количестве тридцати тысяч, для тевтонских рыцарей, как я уже упоминал, было склонно преувеличивать. После поражения Грюнвальда они разослали письма правителям и епископам Западной Европы, обвиняя Ягайло и Витовта в антихристиан-

ских настроениях и ложном обращении, о чем свидетельствует присутствие «языческих» татар в борьбе против христианского строя.

Поселение татар на землях Великого княжества Литовского продолжалось с XIV по XVI века, до конца династии Ягеллонов. XVII и XVIII века мало способствовали, основному государству колонизации татар в Великом княжестве Литовском и Польской короне. Лишь поселение XVII века на Волыни и Подолии немного изменило эту картину.

Подводя итоги, следует резюмировать, что точно установить, сколько татарских воинов сражалось при Грюнвальде, невозможно. Это были и войска Джелаледдина, и войска татар, уже обосновавшихся в Литве. Их количество можно оценить от одной до трех тысяч. Принимая во внимание фактические пропорции численности польской, литовской и тевтонской армии в то время, я не думаю, что количество в три тысячи человек считалось небольшим. Это было бы чуть больше десятой части всей польско-литовской армии. Как бы то ни было, в праздновании 600-летия битвы должны быть сделаны некоторые татарские акценты, потому что, по словам Длугоша, татары были первыми, кто нанес удар в этом сражении, и первыми приняли контратаки тевтонских рыцарей. Пусть память о них продлится по случаю Виктории в Грюнвальде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Jacek Sobczak. Położenie prawne ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim. Warszawa-Poznań, 1984.
2. Jan Tyszkiewicz. Tatarzy na Litwie i w Polsce. Warszawa, 1989, s. 125.
3. Józef Włodarski. Historia Dżoczi syna Czyngis-chana. Gdańsk, 1997.
4. Korotopow W.S. Wojennyje tradicii krymskich karaimow. Symferopol, 2004, s. 31.
5. Pamięci Wielkiego Księcia Witolda [w:] Rocznik Tatarski, t. I. Wilno, 1932, s. 1–2.
6. Stanisław Kryczyński. Kronika wojenna Tatarów litewskich, opracował, wstępem i przypisami opatrzył Jan Tyszkiewicz. Gdańsk, 1997/1998, s.20.

Сведения об авторе:

Селим Хазбиевич – политолог, писатель, журналист, доктор гуманитарных наук, профессор Варминьско-Мазурского университета (Ольштын, Польша).

**Ф.В. Ермолов,
Л.Б. Добромыслов**

О чеканке новосарайских серебряных монет в Хаджи-Тархане во времена Токтамыша (782–791 гг.х.)*

Статья посвящена исследованию, предметом которого является обширная группа серебряных монет Токтамыша. Штемпели этой группы представляют несколько штемпельных цепочек, объединенных в общую штемпельную сетку, связанную общим почерком резчика. Большинство монет данной группы отчеканено с выпускными данными «чекан Сарая Нового», отдельные монеты – «чекан области Сарай» и «Чекан Хаджи-Тарахана». По времени чеканки рассматриваемые монеты относятся к периоду между 782 и 791 гг.х. На основе анализа штемпельной сетки, палеографии использованных штемпелей, способа централизации и управления монетным производством в регионах, обосновывается локализация и датировка отдельных этапов чекана, каталогизируются монеты данной эмиссии.

Ключевые слова: XIV век, Токтамыш, Хаджи-Тархан, Новый Сарай, область Сарая, Орда, Джучидская нумизматика, поштемпельный анализ, история, археология

Предмет исследования

За последние 5 лет авторами была собрана обширная база цифровых изображений серебряных монет Токтамыша с обозначением места чеканки «Сарай» и «Сарай ал-Джедид» 780-х гг.х. Был произведен поштемпельный анализ накопленного материала, анализ особенностей палеографии монет в цепочках, а также анализ статистики находок на различных территориях, что позволило реконструировать хронологию и географию чеканки. Во многом полученные результаты стали неожиданностью для самих авторов и существенно корректируют привычные представления о нумизматике этого периода. Удалось установить, что рассматриваемые монеты чеканились сразу на нескольких монетных дворах на разных территориях. В частности, были выделены небольшие группы «сарайских» и «новосарайских» монет, отчеканенных на средневековых поселениях Северного Кавказа, на территории Синей Орды, и на пока не локализованных точно монетных дворах,

* Данная статья написана по материалам двух докладов, прочитанных авторами на XX Всероссийской нумизматической конференции в В.Новгороде (апрель 2019 г.) [6] и на VI Международном Золотоордынском Форуме в Казани (июнь 2019 г.).

работавших, видимо, на западных территориях государства. Подавляющее же большинство выявленных штемпелей распределилось по трем обширным группам, различающихся устойчивыми особенностями палеографии. Монеты в каждой из этих трех групп образуют однородные по почерку цепочки, за единичными исключениями не связанные с цепочками других групп. По хронологии каждая из этих групп охватывает весь рассматриваемый период с 782 до начала 791 год включительно. Эти группы явно представляют собой продукцию трех крупных монетных дворов, чеканивших сходные по типу, но значительно различающиеся деталями монеты от имени Сарая ал-Джедиды и области Сарай. Отдельные штемпельные связи между этими группами мы объясняем передачей штемпелей между монетными дворами в рамках управления единой монетной политикой. Одна из этих групп уверенно соотносится с монетным двором самого Сарая, столицы государства. Вторая, помимо «новосарайских», включает значительные вкрапления штемпелей монетного двора «Орда» и определяется нами как продукция кочевого ханского монетного двора.

Третья группа включает в себя как новосарайские монеты характерного почерка, так и все штемпели монетного двора Хаджи-Тархана, датированные 780-и годами. Рассмотрению это группы и посвящена данная публикация.

Методика исследования

Авторами собрана база цифровых изображений монет рассматриваемой группы (более 500 экземпляров), полученных от коллекционеров и различных источников нумизматической направленности в сети интернет. Новые экземпляры монет, отчеканенных штемпельными парами, уже представленными в базе значительным количеством экземпляров и не представляющие интереса для реконструкции штемпелей, в базу не включались.

Произведен поштемпельный анализ собранного материала, на основе сравнения износа штемпелей в разных парах восстановлена хронология использования штемпелей в полученных цепочках. По совокупности экземпляров каждого штемпеля созданы графические реконструкции (прорисовки) каждого штемпеля.

Следует отметить, что авторы, на опыте анализа этой и многих других эмиссий, полностью исключают возможность использования маточной технологии копирования штемпелей в рассматриваемый период. Получаемые в ходе эксплуатации повреждения (следы соударений штемпелей, сколы, царапины, следы зачистки поля и правки) позволяют проследить индивидуальную судьбу каждого штемпеля, при использовании маточной технологии совершенно одинаковые по рисунку штемпели имели бы разные наборы повреждений, чего не наблюдается. Так же авторы исключают

возможность ошибочной идентификации в процессе анализа двух разных, но похожих штемпелей как одного штемпеля – при сверке штемпелей авторы добивались полного совмещения рельефа рассматриваемых штемпелей в графическом редакторе, а так же анализировали сугубо индивидуальные повреждения, полученные штемпелем в процессе эксплуатации – что полностью исключает ошибочное отождествление разных штемпелей.

Описание выявленных штемпельных цепочек по этапам чеканки.

Начало чекана – 782 г.х.

Начало чеканки серебряных монет с выпускными данными «чекан Хаджи-Тархана» – эмиссия Мухаммеда-Туляка (Буляка) 782 г.х. (рис. 1). На некоторых штемпелях цифра единиц в годовом числе вырезана зеркально в виде цифры 6, но последний хан орды Мамай никак не мог чеканить монету в 786 году при Токтамыше, кроме того, штемпели с разным написанием последней цифры входят в общий штемпельный узел, и это подтверждает, что зеркальное написание последней цифры является не чем иным, как обычной ошибкой резчика – дату на всех представленных штемпелях следует читать как 782.

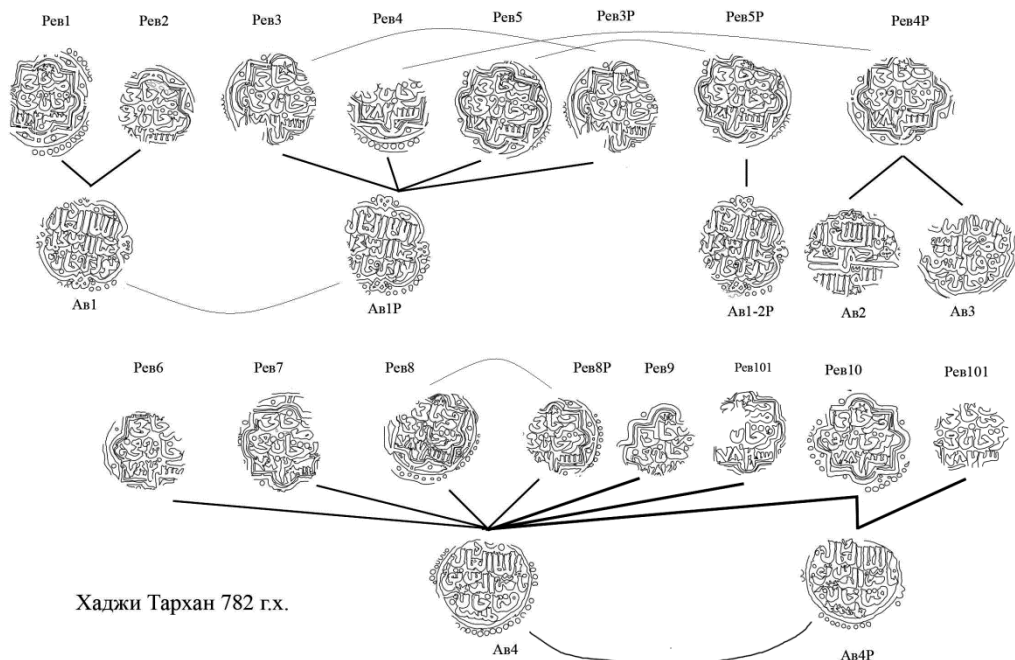

Рис. 1

Предпоследней штемпельной парой цепочки, имеющей связь со штемпелями Мухаммеда-Туляка, является анонимная пара, где вместо имени хана помещен символ веры, а последняя, с этим же реверсом – монета с именем Токтамышша. Этот участок штемпельной цепочки показывает переход власти в Хаджи-Тархане от Мухаммеда-Туляка к Токтамышу, а анонимный штемпель, видимо, отражает переходный период, пока власть Токтамышша не была окончательно утверждена. Далее цепочка разрывается, и в следующей цепочке присутствуют штемпели только с именем Токтамышша (см. рис. 9 на цв. вкл.).

Почерк штемпелей данной цепочки полностью соответствует почерку монет 782 г.х. с указанием монетного двора «Сарай ал-Махруса» – штемпельная сетка этих монет публиковалась авторами ранее [5]. Т.е. один и тот же резчик изготавливал штемпели для обоих монетных дворов. Далее почерк этого резчика прослеживается на обширном ряде типов вплоть до 790 г.х., в основном, относящихся к продукции столичного монетного двора.

Период 783–784 гг.х.

На рубеже 782–783 гг.х. чеканка монет с указанием монетных дворов «Хаджи-Тархан» и «Сарай ал-Махруса» прерывается, и начинается массовый выпуск монет «Сарая Нового» с тем же типом аверса, причем (судя по независимым штемпельным цепочкам) сразу на нескольких дворах. На наш взгляд, это связано с централизацией монетного производства в столичном улусе и унификации монетного типа.

Следующая по хронологии штемпельная цепочка рассматриваемой группы монет показана на рис. 2. Прямоугольными рамками обведены штемпели-образцы, присланные из столицы. В этот период на хаджи-тарханский монетный двор поступают из Сарая оборотный штемпель нового типа (Рев11) и два лицевых штемпеля (Ав5 и Ав401, ранее работавший в Сарая в цепочке Сарая ал-Махруса) [5, с.113, рис. 1. Ав2(401)]. Тип лицевого штемпеля на данном этапе не менялся, почерк тот же, что и у монет предыдущей цепочки. С этого времени, на монетах Хаджи-Тархана надолго остается легенда «Чекан Сарая Нового» с застывшей датой 782, как на монетах столичной чеканки.

Перечисленные штемпели послужили образцами для изготовления местными мастерами своих собственных, лицевой штемпель (Ав401) участвуя в работе, несколько раз правится уже местным мастером. Вначале местные резчики достаточно точно копировали присланные из столицы образцы (см. штемпель Рев12), но в дальнейшем в их продукции все в большей степени проявлялись характерные индивидуальные черты и штемпели становились более грубыми и примитивными. Позже из столицы на Хаджи-Тарханский монетный двор поступает еще один штемпель реверса (Рев15) –

с характерной ошибкой в дате (зеркальное написание двойки). В рассматриваемой здесь цепочке на следующих за Рев15 штемпелях работы местного резчика (Рев16–21) цифра единиц в дате искажена (см. рис. 9, Ав7–Рев20, на цв. вкл.). Мы считаем, что таким образом местный резчик изображал четверку и очередной штемпель-образец был прислан на рубеже 783–784 гг.х. В штемпельной сетке столичного монетного двора очень близкие реверсу Рев15 штемпели с аналогичной ошибкой сконцентрированы на одном участке в конце сетки – по косвенным признакам, этот участок можно отнести к концу 783 г.х. Близость в штемпельной сетке аверса Ав401, уверенно датируемого рубежом 782–783 годов хиджры по цепочке Сарая ал-Махруса, где он раньше работал, так же не позволяет отнести рассматриваемую здесь цепочку к более позднему времени. Таким образом, в отличие от столичной группы новосарайских монет, где на всех эмиссиях до 789 г.х. проставлялась застывшая дата 782, в Хаджи-Тархане резчик эпизодически проставлял истинную дату чеканки.

Период 785–786 гг.х.

В следующей цепочке (рис. 3) мы видим два лицевых штемпеля нового типа местного изготовления (Ав9, Ав10), работающих с двумя местными оборотными штемпелями (Рев22 и Рев23) и одним столичного производства (Рев24). Почерк штемпелей Ав9, Ав10, Рев22, Рев23 – явно тот же, что и штемпелей местного производства из предыдущей цепочки (Ав6–8, Рев12–14, 16–21). Столичный реверс Рев24 до этого уже находился в работе и использовался в одних и тех же узлах со штемпелями, уверенно датированными 785 годом [3. стр. 66. Табл.1, обозначен как Рев7], т.е. он не мог поступить на рассматриваемый в данной статье монетный двор ранее этой даты. Перед поступлением на этот двор он был подправлен [4. стр.149, (Рев103)¹]. В дальнейшем, в таком подправленном виде, этот реверс эпизодически участвовал в работе данной монетной мастерской несколько лет подряд. Первый раз в конце 785 г.х., второй раз в 789 году, затем в 790 и в 791. Складывается ощущение, что данный штемпель сохраняли сознательно, как своего рода «мандат» на право чеканки «новосарайской» монеты, используя много лет в случаях крайней необходимости. Вероятно, все штемпели, присланные на провинциальные дворы из столицы, являлись не только образцами для местных резчиков (для этого могли послужить и сами монеты), но и давали данному монетному двору право легитимной чеканки. А.В. Акопян в статье об иранских фельсах XVI–XIX веков [1, с. 470] писал, что термин *сикке* первоначально означал именно монетный штемпель, а раздача региональным наместникам штемпелей с именем нового хана являлось частью ритуала инвеституры правителя,

¹ В данной публикации этот Рев103 обозначен, как Рев24.

причем сами выданные штемпели служили символами легитимности наместника. Возможно, в Золотой Орде дело обстояло также, подтверждением чему является длительное хранение данного столичного штемпеля на провинциальном монетном дворе.

Местные штемпели Ав9 и Ав10 явно копируют тип столичных монет с решеткой в центре аверса и слитным написанием второго и третьего слога в имени хана (с пропущенной буквой алиф). Судя по штемпельной сетке столичного двора, этот вариант аверса появился на рубеже 784–785 гг.х. [3, с. 67], что является, в совокупности с упомянутой хронологией использования штемпеля Рев24, основанием датировать эту цепочку 785-м годом. Вытянутая вверх буква «ра» в слове «чекан» на штемпеле Рев23 так же является копированием характерной особенности столичных реверсов того периода.

Как уже отмечалось, изменение типа штемпелей на рассматриваемом монетном дворе обуславливалось получением образцовых штемпелей из центра. Это происходило в 783, 784 годах хиджры, как мы увидим в дальнейшем – в 786 г.х. Как правило, штемпели-образцы вписываются в штемпельную сетку либо непосредственно своими связями с местными, либо их правкой в обновленный штемпель, имеющий связи с местным. В рассматриваемый период в самой штемпельной цепочке мы не находим таких лицевых штемпелей, которые могли послужить образцами для изготовления аверсов Ав9 и Ав10. Однако при исследовании работы столичного монетного двора был обнаружен изолированный штемпельный узел, состоящий из лицевого штемпеля Ав280 и пяти оборотных штемпелей. По типу эти штемпели соответствуют эмиссии 785 г.х., почерк – столичного мастера. Этот узел не имеет связей с основной цепочкой аналогичных по типу и варианту монет, возможно, он не участвовал в работе монетного двора в столице и штемпели были изготовлены как образцы для отсылки в провинцию. Возможно, этот узел был отослан в Хаджи-Тархан, где и поступил в работу, а штемпели послужили образцами для местных резчиков. Если принять это предположение, то количество штемпелей, использованных на рассматриваемом монетном дворе в 785 году хиджры становится примерно таким же, как в предыдущие и последующие годы (785 год – период обильного чекана на других монетных дворах, и использование в этом году в рассматриваемой мастерской всего двух нижних и трех верхних штемпелей представляется аномальным).

На данный момент этот штемпельный узел не имеет выявленных связей ни со штемпелями цепочки Хаджи-Тархана, ни Сарая, ни каких либо других центров чеканки. Остается надеяться, что в будущем обнаружится монета, которая привяжет этот узел к другой цепочке и полностью прояснит место ее чеканки.

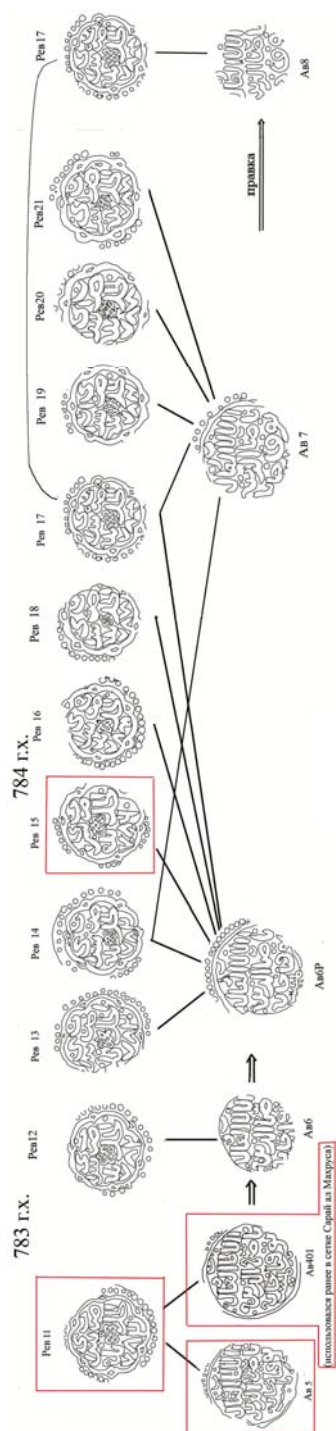

Рис. 2

Конец 785 г.х.

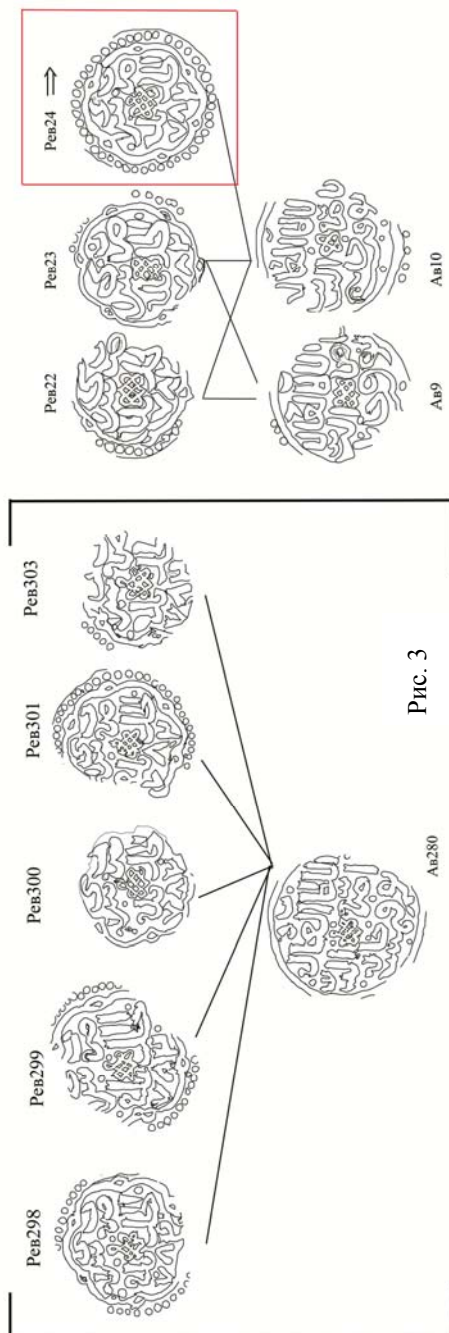

Рис. 3

Рис. 4

Период 786–788 г.х.

На рассматриваемый монетный двор из Сарая поступает группа образцовых штемпелей: лицевые Ав11 и Ав12 и оборотные – Рев25 и Рев27 сарайского производства (рис. 4). Тип оборотных штемпелей не изменился, а тип лицевого штампа принципиально новый, с легендой «Султан справедливый / Токтамыш (уйгурским письмом) / хан да продлится его правление». На рубеже 785–786 гг.х. аналогичный лицевой штамп был передан из столицы на монетный двор Орды, где после эмиссии Орды ал-Джадида 785 года возобновилась чеканка монет от имени Сарая ал-Джадида [3]. Возможно, именно через ханскую орду штампы Ав11, Ав12 и Рев25, 27 – а так же штамп Рев24 из ордынской цепочки – поступили на рассматриваемый монетный двор (штамп Рев24 первоначально использовался совместно со штампами эмиссии Орды ал-Джадида 785 года).

Эти новые штампы аверса стали прототипом для всей дальнейшей серии лицевых штемпелей «новосарайских» монет, отчеканенных в Хаджи-Тархане вплоть до середины 789 г.х.

В связке с тремя столичными штампами Ав11, Ав12, Рев25 работал штамп местного производства Рев26. Согласно особенностям палеографии он резко отличается от столичных и явно относится к тому же почерку, что и прочие штампы местного производства из рассматриваемых цепочек – и это позволяет отнести конкретную небольшую цепочку к работе именно рассматриваемого здесь монетного двора. Дата на нем так же искажена – в разряде сотен мы видим ту же искаженную цифру, что и на монетах 784 года хиджры с рис. 2, вырезанную, видимо, по ошибке вместо семерки. Полностью дату мы читаем как 786 – что действительно соответствует времени появления типа с именем хана, переданного уйгурским письмом, на других монетных дворах.

Следующая по хронологии цепочка содержит один штамп столичного почерка (Рев27), все остальные штампы в цепочке (как аверсы, так и реверсы) – исполнены тем же почерком, что Рев26, а так же прочие штампы местного производства, рассматриваемые в статье. Продолжение цепочки пока не имеет штампельной связи с первыми четырьмя штампами, но явное сходство Рев26 со штампами Рев28–33, а так же то, что начиная с Ав13 среди аверсов рассматриваемых цепочек больше нет аверсов почерка столичного резчика (прототипом для Ав 13 и последующих штемпелей с именем хана на уйгурском могли выступить только штампы Ав11 и Ав12) позволяет отнести эти фрагменты штампельной сетки к одной мастерской.

Цепочка на рис. 4 приведена не полностью, далее следует еще два штампельных узла, связанных с предыдущими, штампы в которых исполнены тем же характерным местным почерком. Чтобы не загромождать

публикацию длинными цепочками однотипных монет – мы не приводим здесь эту часть цепочки.

В 787 г.х. на рассматриваемый монетный двор из пока не ясного нам источника поступает несколько штемпелей нового почерка (рис. 5 – выделено прямоугольной рамкой). Штемпели сохраняют прежний тип, они так же достаточно стилизованы, но существенно отличаются деталями. На аверсе Ав17 буква «нун» в слове «хан» пропущена или перенесена в нижнюю часть штемпеля, на аверсе Ав18 – иначе вырезано слово «султан»; на реверсе Рев36 и его правках – более вытянутый и смещенный вправо «алиф» в слове «Сарай», в слове «чекан» – сильно вытянутое вверх начало буквы «ра» и непонятный S-образный элемент над ней, наличествует еще ряд мелких отличий. В годовом числе последняя цифра изображена как «нун». Возможно, так резчик изобразил цифру 7. Штемпели Рев36, Ав17 и Ав18 – явно выполнены одним почерком. Несмотря на то, что харфы изображены с искажениями, сами линии рельефа очень четкие, плавные – штемпели по своему изящные и выполнены неграмотно, но явно умелой рукой, значительно аккуратней, чем большинство штемпелей местного производства в рассматриваемых цепочках. Штемпели Ав19, Ав20 и Рев37 – выполнены заметно грубее, кто-то менее квалифицированный пытался повторить продукцию первого резчика.

Согласно особенностям палеографии эту группу штемпелей можно было бы выделить как продукцию отдельного, пока не локализованного монетного двора, однако мы все же считаем, что данная группа монет связана именно с рассматриваемым монетным двором. После группы монет нового почерка на рис. 5 вновь идет цепочка привычного местного почерка рассматриваемого монетного двора – и аверсы, и реверсы, в целом, мало отличаются от представленных на правой части рис. 6. Однако появляются и новые элементы – точно соответствующие описанным выше особенностям палеографии штемпелей Ав17–18 и Рев36 (S-образный знак, высокий смещенный вправо «алиф» в слове «Сарай» и вытянутое вверх начало «ра» в «чекан» на реверсах, периодически исчезающий «нун» в слове «хан» и появляющаяся волнистая линия внизу аверсов). На монетах из цепочки 786 года с рис. 4 этих элементов нет, но начиная со штемпельной пары Ав21 – Рев38 они, вместе или разрозненно, становятся постоянными для монет данной группы. Причем на штемпелях нового почерка Ав17–18 и Рев36 – присутствуют **все** эти палеографические особенности одновременно, сама композиция с этими элементами выглядит продуманной и естественной, а на штемпелях основной цепочки – элементы проявляются разрозненно на отдельных штемпелях и смотрятся не так гармонично. Соответственно, происходило копирование местными резчиками рассматриваемого монетного двора сторонних штемпелей новой группы, а не наоборот. Мы предполагаем, что в начале 787 года эта небольшая группа штемпелей поступила

на монетный двор из Орды, а не из Сарая – к этому времени в столице прекратился чекан «новосарайской» монеты и начался чекан эмиссии с выпускными данными «чекан области Сарай 782» (дата «застывшая»), а управляющая функция стала переходить от столичного к кочевому ханскому монетному двору. Более грубые штемпели Ав19–20 и Рев37 – возможно, являются первыми попытками местных резчиков близко к оригиналу копировать новые поступившие образцы, а начиная со штемпельной пары Ав21–Рев38 у них сложился новый стиль, сочетающий новые скопированные элементы с уже традиционными.

Один из новых устойчивых признаков, перенятых у реверса Рев36 – написание слова «чекан» с вертикальной чертой на стыке харфов – дает первую подсказку, позволяющую локализовать рассматриваемый в данной статье монетный двор в Хаджи-Тархане. Именно так это слово написано на недатированных хаджи-тарханских пулах времен Токтамыша с сюжетом «звери у кормушки»². Такое написание встречается ТОЛЬКО на монетах данной группы с 787 по 790 год и указанных пулах. Данное наблюдение не только позволяет привязать рассматриваемые цепочки к продукции Хаджи-Тархана, но и датирует пулы второй половиной 780-х годов (более узко – скорее всего, 787–790 гг.х.).

Мы не приводим здесь всю цепочку 787 года, а так же аналогичную по типу и палеографии следующую цепочку, по динамике чекана и среднему количеству штемпелей в цепочках, относимую нами к 788 году. Всего в период 787–788 гг.х. в рассматриваемой монетной мастерской было использовано 33 реверса и 14 аверсов (включая изображенные на рис. 5) – это самый продуктивный период данного монетного двора. Все штемпели одного типа и выполнены (за исключением указанных выше) одним почерком. Один аверс (Ав22 на рис. 5) вырезан зеркально – ранее многие исследователи относили монеты с этим аверсом к числу «подражаний», однако это продукция одного из крупнейших монетных дворов государства. Довольно грубая, упрощенная манера резчика и большой объем эмиссии монет рассматриваемого монетного двора с именем хана на уйгурском – сделала их прототипом для многих подражаний, в том числе, поокских.

² Сюжет «звери у кормушки» еще раз появляется на недатированных пулах Хаджи-Тархана ал-Джедида в начале XV века. Ранний тип времен Токтамыша (см. рис. 10 на цв. вкл.) отличается выпускными данными (без «ал-Джедида») и позой животных (стоят, а не сидят, как на пуле XV века). На наш взгляд, на этих пулах изображен средневековый арабский астрологический сюжет – т.н. «лунная стоянка» «два осла», расположенная рядом со звездным скоплением «Ясли». Эта тема выходит за тематические рамки данной статьи и требует отдельного рассмотрения.

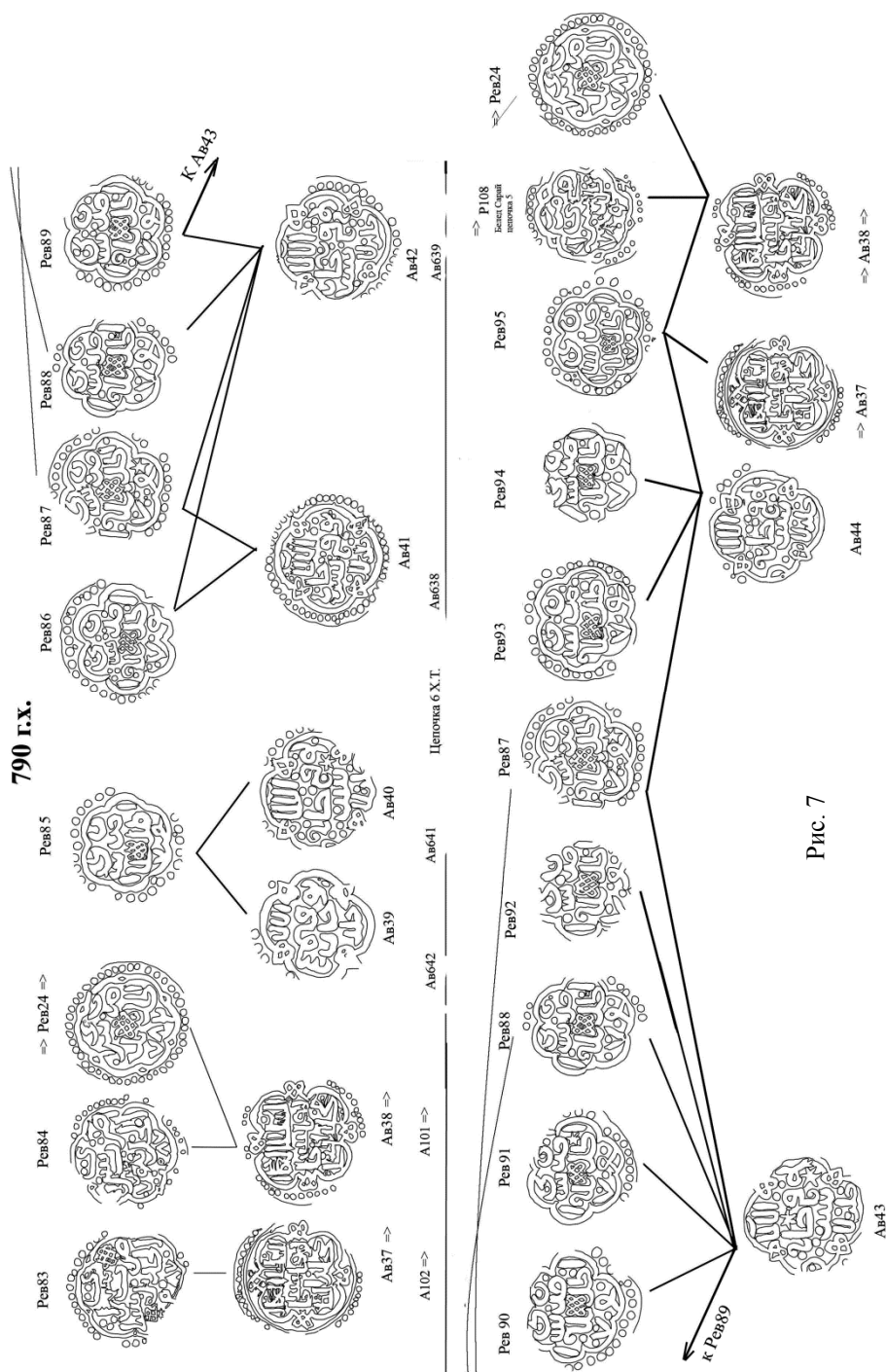

Рис. 7

Период 789 г.х.

Чеканка монетного типа с именем хана уйгурским письмом и теми же особенностями палеографии продолжается на рассматриваемом монетном дворе до 789 г.х. включительно, но с 789 г.х. вместо «застывшей» даты 782 на монетах вновь начинают проставлять истинную дату (см. рис. 6). Дата изображена довольно необычно, «вверх ногами», и читается как 978, но если повернуть реверс на 180 градусов, получается читаемая дата 789. Девятка изображена в довольно распространенной в эпоху Токтамыша стилизованной манере, с треугольной головкой и продолжающей завиток головкой короткой линией (так же девятка писалась, например, на некоторых пулах и дангах Маджара 790-х годов [2, с.106] и см. рис. 10 на цв. вкл.).

Наше прочтение даты в этой цепочке подтверждают штемпели Рев80 и Рев82, где дата 789 указана привычным, однозначно читаемым образом. Два эти штемпеля, а так же реверс Рев74 позволяют так же окончательно убедиться в том, что вся рассматриваемая в данной статье группа монет относится к чекану Хаджи-Тархана – именно этот двор указан на этих штемпелях³ Дата 782 на штемпеле Рев74 – явно «застывшая». Сами три эти штемпеля исполнены рукой столичного резчика и близки по палеографии монетам с легендой «чекан области Сарай 782» (дата застывшая – монеты этого типа чеканились в Сарае с 787 по 789 гг.х.). Любопытно, что хаджи-тарханские штемпели использовались не один за другим, а чередуясь с «новосарайскими».

Связанный с хаджи-тарханскими реверсами аверс Ав35 исполнен иным почерком, характерным для монет Орды ал-Джедида 788 г.х. В отличие от аверсов 786–788 годов, имя хана здесь передано арабским письмом. Видимо, этот штемпель поступил на монетный двор Хаджи-Тархана из Орды, так же, как еще двумя парами штемпелей того же почерка: Ав37–Рев83 и Ав38–Рев84. Легенда реверсов – «чекан Сарая / ал-Джедида год / 789», аверсы – того же типа, что Ав35, но картуш иной. Тем же почерком выполнены штемпели новосарайских пулов 790–791 годов – на наш взгляд, штемпели этих общегосударственных эмиссий медной монете изготавливались в ханской орде и рассылались на провинциальные дворы так же, как в первой половине 780-х штемпели для чеканки серебра рассылались по провинциям из Сарая. Использование штемпельных пар Ав37–Рев83 и Ав38–Рев84 на рассматриваемом монетном дворе подтверждает их штемпельная связь со старым реверсом Рев24 из цепочки 785 года.

³ За время работы над статьей авторами был выявлен еще один хаджи-тарханский штемпель из этой цепочки, не вошедший в публикацию. Штемпель так же выполнен столичным резчиком и несет застывшую дату 782, связан с аверсом Ав35.

Период 790 г.х.

В 790 году тип реверса оставался тем же, изменилось только годовое число. Девятка изображена так же, как на монетах эмиссии 789 года, но дата теперь не перевернута. Ноль в разряде единиц пропущен, что не редко встречается на монетах Джучидов. Тип аверсов меняется. Они исполнены тем же почерком, что и в прошлом году, но имя теперь на арабском. Изменилась и форма картуша – на нем появились декоративные узлы, сходные с узлами на привозных реверсах 789 года Рев83–84. Возвращение от уйгурского к арабскому написанию имени Токтамыша, форма картуша, угловатое исполнение легенды новых аверсов местной работы – свидетельствует о том, что местные резчики копировали, существенно переосмысляя, присланные в 789 году из Орды образцы (пары Ав37–Рев83 и Ав38–Рев84). Видимо, эти образцы опять имели не только практическое значение – как и описанный выше старый новосарайский реверс Рев24, Ав37 и Ав38 повторно вступают в работу в конце 790 года, когда закончились штампы собственного производства. На том же участке сетки вместе с реверсом Рев24 работал реверс Р108 с легендой «Чекан области Сарай 789». Это старый реверс, исполненный рукой столичного резчика и уже использовавшийся в 789 году в столице государства. Причина появления этого штампа в рассматриваемой цепочке проясняется, на наш взгляд, в эмиссии следующего года.

Период 791 г.х.

На рис. 8 мы видим штамповую цепочку монет с легендой реверсов «чекан области Сарай 791» совершенно иного, ни разу не появлявшегося до этой даты почерка. С предыдущей цепочкой их связывает еще одно повторное использование старых привозных штампов-образцов – аверса Ав38 и реверса Рев24. Они замыкают эту небольшую цепочку, как и в эмиссии 790 года. На наш взгляд, в 791 году в Хаджи-Тархане временно прекратился чекан «новосарайской» монеты, а сигналом к этому послужил присланный на рубеже 789–790 годов из столицы – главного города области Сарай – старый штамп Р108. Старый почерк местного резчика, которым вырезаны большинство монет, рассмотренных в данной статье, после 790 года больше не встречается на Джучидских монетах, а появившийся с 791 года новый почерк прослеживается на серебряных и медных монетах Токтамыша вплоть до конца его правления. В частности, им же выполнены штампы недатированных хаджи-тарханских серебряных монет Токтамыша (авторы датируют их 790-ми годами), а так же ряда монетных типов с легендой «чекан области Сарай». На наш взгляд, в 790 году в Хаджи-Тархане так же чеканили преимущественно новосарайскую

монету и монету области Сарай, лишь изредка выпуская собственные городские эмиссии, но это предмет уже другого исследования.

Весовая норма чеканки исследуемых монет соответствует норме поволжских дангов, опубликованной В.Б. Клоковым и В.П. Лебедевым [7, с. 94] и равнявшейся 1,38–1,39 г.

Анализ штемпельной сетки

Рассмотренная нами штемпельная сетка – дискретна, она не образует единую штемпельную цепочку, тянущуюся с 782 по 791 год. Аналогичный анализ штемпельных сеток других дворов показал, что годовые эмиссии редко связаны между собой и, как правило, образуют изолированные штемпельные цепочки. Видимо, передел серебра на монетных дворах проводился не непрерывно, а только какую-то часть года. В новом году чекан начинался новой партией штемпелей (даже при сохранении прежнего монетного типа – обычно, с мелкими реперами, характерными для эмиссии только этого года), а старые прошлогодние вновь использовались редко. Кроме того, спецификой рассматриваемого монетного двора, в большинстве случаев, является редкость монет со штемпелями реверсов, являющихся переходными между штемпельными узлами. В начале исследования практически вся сетка распадалась на отдельные штемпельные узлы, которые очень медленно соединялись между собой по мере накопления материала. Видимо, по какой-то причине, местные мастера предпочитали выводить из производства верхние и нижние штемпели практически одновременно. Мы предполагаем, что по мере накопления материала, многие представленные здесь цепочки соединятся штемпельными связями.

Несмотря на дискретность сетки, она очень однородна по палеографии штемпелей. Помимо указанных небольших привозных групп штемпелей-образцов, все штемпели с 783 по 790 год выполнены одним почерком, легко узнаваемым даже при существенных различиях формуляров легенд разных типов. Из года в год прослеживается генезис композиционных решений, переход новых палеографических реперов из одной цепочки в другую. Характерными для всей группы является написание слова «султан» на аверсе, распадающееся на отдельные вертикальные элементы, начиная с группы 787 года устойчивым признаком становится упомянутая «горбинка» в слове «чекан» на стыке харфов – она присутствует на монетах всех, в т.ч. не связанных цепочек до 790 года включительно, а так же на хаджи-тарханских пулах типа «звери у кормушки». Существенно, что из цепочки в цепочку передаются не отдельные признаки, а весь их набор. В штемпельных сетках других дворов штемпелей такого почерка не встречается ни разу. Различные цепочки легко раскладываются по хронологии,

покрывая весь рассматриваемый период. Всё это говорит о том, что мы имеем дело с продукцией одного монетного двора. Наличие в цепочке 789 года хаджи-тарханских штемпелей и сходство палеографии с хаджи-тарханскими пулами, позволяет локализовать этот монетный двор в одном из крупнейших экономических центров того времени – в Хаджи-Тархане.

Географически Хаджи-Тархан находился в пределах главного ханского домена и не был центром обособленной области – беледа. Слово «белед» появляется на монетах Хаджи-Тархана только в XV веке. Судя по монетам – этот экономический центр административно относился к области Сарая, столицы государства. И на монетах рассматриваемой группы мы наблюдаем три варианта выпускных данных – «чекан Сарая ал-Джадида» (большинство монет), «чекан области Сарай» и «чекан Хаджи-Тархана». На наш взгляд, обозначение «двора» на монетах Джучидов обозначает не буквальное место чеканки (при Токтамыше монеты разных дворов обращались совместно, и информация о месте чеканки не имела практического значения), а эмитента. Монетный двор в средневековых исламских государствах – производственная инфраструктура, подчиняющаяся государству, но готовая исполнять заказы любого эмитента, кому верховная власть делегировала «право сикке» (т.н. «откупной чекан»). Эксплуатировать в свою пользу монетную регалию могло как само государство, так и откупщики, которыми могли становиться местные правители различных уровней иерархии власти. Так как согласно принятым в исламских государствах нормам, на монетах могло указываться только имя верховного правителя, именно «двор», указанный на реверсе, а не имя на аверсе, указывает нам на реального эмитента, получавшего доход от чеканки и гарантировавшего принудительную стоимость монеты. Перечисленные выше «дворы», встречающиеся на монетах рассматриваемой группы – означают чекан различными уровнями местных властей. «Чекан Сарая ал-Джедида» – государственный чекан ханского домена, «чекан области Сарай» – чекан правителя области Сарай, «чекан Хаджи-Тархана» – собственный городской чекан, работа двора в пользу местного правителя. Большинство монет в рассматриваемых цепочках – государственный чекан ханского домена. Краткая чеканка собственно хаджи-тарханских монет в 789 году хиджры – свидетельство того, что местные городские власти временно получили право эксплуатации монетной регалии, причем одновременно на том же дворе производился чекан «новосарайской» монеты с доходом в казну государства. Сходную картину с эпизодическим вкраплением штемпелей с указанием истинного места чеканки в большой массив «новосарайских» монет наблюдается в штемпельных цепочках Маджара [2, с.100, рис. 1].

Соответственно, государственный «новосарайский» чекан управлялся сначала из столицы государства – и именно из Сарая ежегодно на рассматриваемый монетный двор поступали штемпели-образцы в 783–786

годах, а с 787 года – управление перешло к кочевой ханской орде (анализ штемпельной сетки столичного монетного двора показал, что с 787 года монетный двор Сарая перестал чеканить «новосарайскую» монету и перешел на выпуск монет с легендой «чекан области Сарай»). Этим объясняется появление в рассматриваемых цепочках «новосарайских» штемпелей-образцов, по почерку соответствующих монетам эмиссии Орда ал-Джадида 788 года. Областной и городской чекан управлялся администрацией области – соответственно, хаджи-тарханские штемпели исполнены рукой сарайского резчика, а началу чеканки в Хаджи-Тархане монет с легендой «чекан области Сарай» – предшествует старый штемпель с такой легендой, изготовленный тем же столичным резчиком.

Такая трактовка выходных данных Джучидских монет не противоречит встречающимся в нарративных источниках описаниям работы монетных дворов других государств [8]. Конечно, она нуждается в дополнительных исследованиях и уточнениях, но на сегодняшний день, эта трактовка достаточно просто и наглядно объясняет не только чередование «дворов» в рассматриваемой сетке, но и общую картину чеканки в Золотой Орде, как минимум, с 710 г.х. со всем разнообразием «сарайских» и «новосарайских» монетных типов.

Выводы

Вопреки сложившемуся стереотипу, чеканка серебряной монеты в Хаджи-Тархане интенсивно велась весь рассматриваемый период (с 782 по 791 гг.х.), однако большую часть времени этот монетный двор чеканил государственную монету ханского домена с легендой «чекан Сарая ал-Джадида», выпуская собственные городские эмиссии лишь эпизодически (в 782 и 789 годах). С 791 года Хаджи-Тархан начал чеканить монету области Сарай – того же типа, что и столичный монетный двор. Управление монетной политикой хаджи-тарханского монетного двора осуществлялось в период 783–786 гг.х. из Сарая, а с 787 года – из Орды. Наиболее интенсивный чекан в этом эмиссионном центре производился в 786–788 гг.х. По объему эмиссий в 780-е годы этот монетный двор занимает одно из ведущих мест, уступая столице государства и ханской орде⁴.

⁴ За время, пока статья находилась в печати, авторами была выявлена связь штемполя Рев101 (см. рис. 1) со штемпельной сеткой монет Токтамыша с указанием монетного двора Сарай ал-Махруса 782 г.х. Ранее выявленные нами два узла этой сетки [5] так же объединились в единую цепочку. Учитывая, что штемпель Ав401 так же связан с сеткой Сарая ал-Махруса – сетки, приведенные на рис. 1 и рис. 2 на данный момент представляют собой единую штемпельную сетку, а монеты с выходными данными Сарай ал-Махруса чеканились не на столичном монетном дворе, как мы предполагали ранее, а в Хаджи-Тархане, о чем говорит

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопян А.В. Иранские медные монеты XVI–XIX вв.: особенности выпуска и обращения // Проблемы истории, филологии, культуры №3 (57). М.-Магнитогорск-Новосибирск, 2017. С. 468–481.
2. Добромыслов Л.Б., Ермолов Ф.В. Монетная чеканка Маджара рубежа 780–790 гг.х. // Русь. Литва. Орда. Вып. 6. М.: Внешторгиздат, 2019. С. 99–107.
3. Ермолов Ф.В., Добромыслов Л.Б. Практика экспорта штемпелей монетного двора Сарай Ал-Джадида при хане Токтамыше. Часть вторая. Монетная мастерская Орда Ал Джадида // Русь. Литва. Орда. Вып. 2. М.: Патриот, 2016. С. 61–68.
4. Ермолов Ф.В., Добромыслов Л.Б. Практика экспорта штемпелей монетного двора Сарай Ал-Джадида при хане Токтамыше. Часть третья // Русь. Литва. Орда. Вып. 4. М.: Внешторгиздат, 2017. С. 140–161.
5. Ермолов Ф.В., Добромыслов Л.Б. Монеты хана Токтамыша монетного двора Сарай ал Махруса // Нумизматические чтения ГИМ 2017 года. Материалы докладов и сообщений. М.: Внешторгиздат, 2017. С. 112–117.
6. Ермолов Ф.В., Добромыслов Л.Б. О чеканке серебряных монет в Хаджи-Тархане в 782–784 гг.х. // XX Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2019. С. 64–68.
7. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Выпуск IV. Т. 3. М.: Информэлектро, 2002. С. 73–165.
8. Раджабли А.М. К вопросу об организации монетного дела в Сефевидском государстве // Материалы по истории Азербайджана. Труды музея истории Азербайджана. Т. III. Баку, 1980. С. 46–60.

Сведения об авторах:

Леонид Борисович Добромыслов – научный сотрудник отдела нумизматики общественной организации «Тамбовское общество любителей краеведения» (Тамбов, Российская Федерация). E-mail: adobromislova@mail.ru

Федор Валентинович Ермолов – заместитель председателя Волгоградской региональной общественной организации «Общественный совет по культурному наследию» (Волгоград, Российская Федерация). E-mail: qutlug_bulsun@mail.ru

и их палеография, полностью соответствующая хаджи-тарханским монетам с рис. 1. С другой стороны, предположение о принадлежности узла штемпеля Ав280 к Хаджи-Тарханскому чекану (см. рис. 3 и текст на стр. 301) не оправдалось – эти монеты чеканились на столичном монетном дворе.

Локализация золотоордынского мусульманского некрополя в с. Отуз

В статье представлена попытка локализации первоначального местонахождения мусульманских надгробий XIV в. обнаруженных О.-Н. Акчокраклы в 1926 г. в селении Отуз. Дана краткая характеристика эпиграфических памятников золотоордынского периода, зафиксированных на этом кладбище, история их повторного обнаружения и современное состояние.

Ключевые слова: Золотая Орда, Старый Крым, Отуз, эпиграфика, мусульманские надмогильные памятники

Средневековое селение Отуз (Отузы), ныне пгт. Щебетовка Феодосийского горсовета, находится на границе степного и горного Крыма, примерно на полпути между современной Феодосией и Судакком. Селение расположено в верхней части живописной долины, в 5 км от берега моря и в 12 км от г. Старый Крым.

В XIV веке, в период расцвета города Солхат/Кырым, селение Отуз было тесно с ним связано. Через поселение Отуз проходила дорога из Солхата к небольшому торговому порту, который располагался в нижней, прибрежной части Отузской долины [4, с. 42], также удобные дороги шли в направлении Судака и Каффы. С Отузами связаны легенды и предания, возможно указывающие на существование здесь в золотоордынский период дворца и летних резиденций богатых жителей Солхата [3, с. 25–26].

Впервые эпиграфические памятники золотоордынского периода были обнаружены здесь Османом Нури Акчокраклы в 1926 г.: *«При посещении мною в мае 1926 г. с экскурсией учащихся Крымско-татарской опытно-показательной 9-летней школы дер. Отузы (в 15 верстах южнее Старого Крыма), мною обнаружены были до сих пор хорошо сохранившиеся памятники татарской старины, относящиеся к XIV веку). В Отузах на древнем кладбище на самой живописной верхушке холма в ограде покоятся 3–4 могилы, известные у местных татар как азиы-святые. На трех вертикально стоящих массивных плоских надгробных камнях высечены рельефно надписи на арабском языке изящным почерком «сулюс». [2, с. 8].*

В августе 1926 г. при посещении деревни членами археологической экспедиции, в состав которой входили проф. И.Н. Бороздин, А.С. Башкиров, У. Боданинский, О.-Н. Акчокраклы, в окрестностях селения были исследованы и сфотографированы надмогильные памятники, огороженные

каменной оградой, а также массивная закладная плита с арабской надписью и датой 760 г.х., встроенная в стену мечети в квартале *Кучук-маале*, в местности с названием – *Кавунлык*.

В фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника сохранились зарисовки этих памятников, сделанные Усеином Боданинским, датированные 22 августа 1926 г. [8, 9]. В фондах Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) хранятся фотографии, сделанные на месте обнаружения памятников и опубликованные в 2016 г. в трехтомнике «Мирас-Наследие» [5, 6]. Но, к сожалению, ни в материалах членов экспедиции, ни в работах более поздних исследователей нет точной информации о местонахождении некрополя с памятниками золотоордынского периода.

После депортации крымских татар в 1944 г. о памятниках многие годы ничего не известно. Впервые после долгого забвения на фрагменты памятников обратил внимание Нариман Абдульваапов. В ходе совместной крымско-турецкой экспедиции в 2012 году на территории нового мусульманского кладбища, в перенесенных сюда фрагментах старых надгробий Н. Абдувааповым был идентифицирован фрагмент надгробия *шейха Якуба Конийского* (729 г.х.) [1, с. 7].

В ходе поездки в с. Отуз в мае 2017 г. сотрудниками Крымского научного центра, там же, на территории современного мусульманского кладбища, расположенного в районе пересечения ул. Ленина и ул. Македонского, в груде фрагментов надгробий XVIII–XIX веков, снесенных сюда местными жителями, были идентифицированы еще два фрагмента памятников. Это описанные в статье О.-Н. Акчокраклы надгробия *Идриса, сына Хаджи Яхьи* (763 г.х.) и *шейха Хаджи Яхьи* (782 г.х.). Ключом к идентификации памятников послужили рисунки У. Боданинского. Там же были обнаружены фрагменты еще одного надгробия с оформлением, характерным для памятников золотоордынского периода [7, с. 199].

По информации местных жителей фрагменты надгробий были найдены при разборе старого забора, возле здания конторы на ул. Ленина в 90-х гг. XX в. и перенесены на территорию современного мусульманского кладбища. Скорее всего, в послевоенный период памятники были раздроблены, и вместе с другими фрагментами надгробий использованы в качестве строительного материала.

На сегодняшний день в Отузах сохранились фрагменты пяти памятников, которые можно отнести к XIV в., это небольшие фрагменты четырех надгробий и массивная закладная плита, сохранившаяся целиком, но с утратами в тексте.

1. Надмогильный памятник шейха Якуба Конийского 729 г.х. (1328/29 гг.)

Изначально памятник представлял собой надгробие в виде плоской вертикальной стелы со стрельчатым верхом (рис. 1). Рельефная надпись на арабском языке располагалась в нише-углублении. Обратная сторона памятника не зафиксирована.

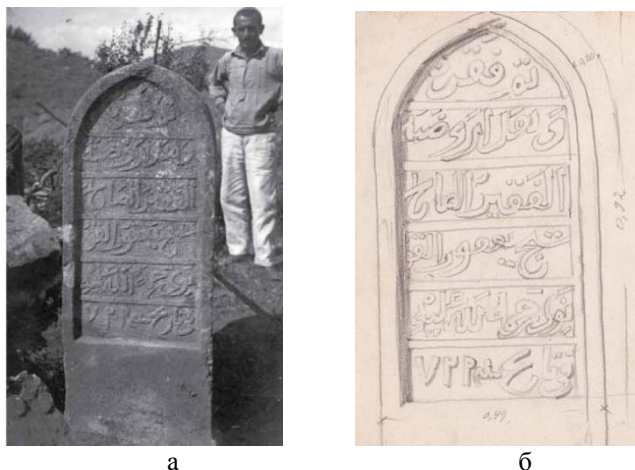

Рис. 1. Надмогильный памятник шейха Якуба Конийского (729 г.х.).
а) Фото 1926 г. [11]; б) Рисунок У. Боданинского. 1926 г. [8]

Надпись на надгробии выполнена на арабском языке в шесть строк:

تم فقره
و هذا روضة
الفقير الصالحي
الشيخ يعقوب القو
نوى رحمة الله عايه
فى تاريخ سنة ٧٢٩

Перевод: *Окончил проходящую в нужде свою жизнь. Могила бедного, праведного шейха Якуба Конийского. Да будет над ним мир Божий. 729 г.х. (1328/29) (Прочтение О.-Н. Акчокраклы) [2, с. 17].*

Примечательна дата приведенная цифрами, что является редкостью для надгробий золотоордынского периода в Крыму.

На сегодняшний день сохранились два фрагмента этого памятника. Первый фрагмент с четвертой и пятой строкой, обнаруженный Н. Абдульвааповым в 2012 г., находится на новом мусульманском кладбище (рис. 2а). Второй фрагмент в виде основания надгробия с сохранившимися

несколькими буквами «*фи [тари]х*», был зафиксирован нами на горе Мал-Кая в мае 2017 г., практически рядом с тем местом, где памятники находились изначально в первой половине XX века (рис. 2б). Сравнение с известными обмерами У. Боданинского, фотографиями памятника и анализ расположения сохранившихся букв, дает основание утверждать, что это фрагмент надгробия 729 г.х.

а

б

Рис. 2. Современное состояние фрагментов памятника шейха Якуба Конийского (729 г.х.). Фото 2017 г.

2. Надмогильный памятник Идриса, сына Хаджи Яхьи Отузского 763 г.х. (1361/62 г.)

Памятник представлял собой массивное, плоское вертикальное надгробие из известняка, с килевидным верхом, рельефная надпись в нише на арабском языке (рис. 3).

а

б

Рис. 3. Надмогильный памятник Идриса, сына Хаджи Яхьи Отузского (763 г.х.). а) Фото 1926 г. [6, с. 489]; б) Рисунок У. Боданинского. 1926 г. [9]

Надпись на памятнике:

الله

هزار وضة المرحوم

الشهيد ادریس بن

خاجي یحیی اوتوزی

فی تاریخ صفر سنة ثلثة و ستین و سبعما به

Перевод: Аллах. Это могила покойного мученика Идриса, сына Хаджи Яхья Отузского. Месяца Сафар, 763 г.х. (декабрь-январь 1361/62) (Прочтение О.-Н. Акчокраклы) [2, с. 17].

От этого надгробия сохранился небольшой фрагмент с частью третьей и четвертой строки (рис. 4). Несомненной ценностью данного надгробия является то, что в *нисбе* погребенного – اوتوزی «Отузи», датированного 1361–1362 г. впервые упоминается название села – Отуз.

Рис. 4. Современное состояние фрагмента надгробия Идриса, сына Хаджи Яхья Отузского (763 г.х.). Фото 2017 г.

3. Надмогильный памятник шейха Хаджи Яхья, сына Мухаммеда Иракского (?) 782 г.х. (1380/81 г.)

Памятник представлял собой массивное, плоское вертикальное надгробие из известняка, со стрельчатым верхом (рис. 5). Верхний край памятника фестончатый. На лицевой стороне рельефная надпись на арабском языке.

а

б

Рис. 5. Надмогильный памятник шейха Хаджи Яхья, сына Мухаммеда Иракского (?) (782 г.х.).

а) Фото 1926 г. [6, с. 492]; б) Рисунок У. Боданинского. 1926 г. [9]

Надпись на памятнике:

تم فقره

و هذا روضة

الفقير الصالح

الزاهد شيخ حاجي

يحيى بن محمد العراقي (?)

رحمة الله عليه

في تاريخ ٧٨٢

Перевод: Окончил проходящую в нужде свою жизнь. Могила бедного праведного подвижника шейха Хаджи Яхья, сына Мухаммеда Иракского (?) Да будет над ним мир Божий. 782 г.х. (1380/81) (Прочтение О.-Н. Акчокраклы) [2, с. 17].

Подтвердить прочтение на памятнике Османом Акчокраклы нисбы *العراقي* («Ал-Ираки») не представляется возможным. Рисунок в этом месте явно не соответствует тексту Акчокраклы, и отличается от изображения на фотографии, которая недостаточно подробна. Сохранившийся фрагмент сильно обветрился и имеет следы бетонного раствора, что затрудняет разбор текста в этом месте на камне.

На сегодняшний день сохранился фрагмент памятника с частью четвертой и пятой строки. Надписи плохой сохранности (рис. 6).

Рис. 6. Современное состояние фрагмента надгробия шейха Хаджи Яхъя, сына Мухаммеда Иракского (?) (782 г.х.). Фото 2017 г.

О.-Н. Акчокраклы обратил внимание на титул «*шейх*» на двух обнаруженных надгробиях. Слово «*шейх*», широко распространено в мусульманской среде и используется при обращении к пожилым или ученым людям. На надгробиях часто используется как обозначение титула руководителя, либо наставника суфийской обители, либо мусульманского ученого. Это позволило О.-Н. Акчокраклы предположить наличие в окрестностях селения текие дервишей, связанное с суфиями Анатолии.

Обращает на себя внимание, что, несмотря на близкое расположение поселения к городу, памятники несколько отличаются от аналогичных надгробий Старого Крыма. Все три памятника, пока единственные зафиксированные в Крыму плоские стелы с мужскими именами. На других памятниках такого типа, а это более 65 экземпляров, известны только женские имена. Эти три надгробия также отличаются от аналогичных старокрымских, большей толщиной плиты, и соответственно, большей массивностью памятника. На двух памятниках – шейха Якуба Конийского (729 г.х.) и шейха Хаджи Яхъя (782 г.х.), в надписях проставлены огласовки, а даты прописаны цифрами, что также не характерно для старокрымских надгробий золотоордынского периода, даты на которых практически всегда обозначались прописью.

4. Двурогий саркофаг

Еще одно надгробие, зафиксированное на фотографиях 1926 г. представляет собой небольшой горизонтальный саркофаг с полукруглым верхом, и с полукруглыми выступами на обоих торцах (т.н. «рогами») (рис. 7). Одно из крымскотатарских названий подобных памятников – *чатап*. Боковые стороны надгробия украшены орнаментом – «плетенкой». На торцах – растительный орнамент и изображение лампы, характерные для надгробий XIV–XV вв. Данный памятник в статье Акчокраклы не упоминался

(возможно из-за того, что не имел надписи), но присутствует на фотографиях 1926 г. сохранившихся в архивах [5, с. 487]. Обнаружен в мае 2017 г., среди фрагментов надгробий XVIII–XIX в. на новом мусульманском кладбище. Памятник расколот на две части, выступы – «рога» утрачены.

а

б

Рис. 7. Надгробие с вертикальными выступами (чатал).

а) Фото 1926 г. [6, с. 487]; б) Современное состояние памятника. Фото 2017 г.

Еще один памятник золотоордынского периода – закладная плита, обнаруженная О.-Н. Акчокраклы, возле мечети в квартале *Кучук-маале* с почитательной надписью и датой 760 г.х. (1358/59) к мусульманскому некрополю не относится и поэтому в данной работе не рассматривается.

Сохранившиеся фотографии, выполненные с разных ракурсов, позволяют довольно точно локализовать местонахождение золотоордынского мусульманского кладбища. Это вершина небольшого холма к северу от горы *Мал-кая* (рис. 8). Локализацию некрополя облегчило присутствие на фотографиях 1926 г. изображения горы *Арды-кая* и склона холма *Чегерлик* на заднем плане фотографий (рис. 9). Косвенным подтверждением правильности выводов о местонахождении некрополя является памятная стена, установленная местными жителями на месте предполагаемого некро-

поля, видимо по воспоминаниям старожилов. На месте предполагаемого некрополя на поверхности земли видны обломки камней и фрагмент надгробия (рис. 26).

Рис. 8. Вид с горы Мал-кая на село Отуз, в левом нижнем углу каменная ограда с надгробиями, описанная в статье О.-Н. Акчокраклы. Фонды ОПИ ГИМ. № 114056/5925 [10]

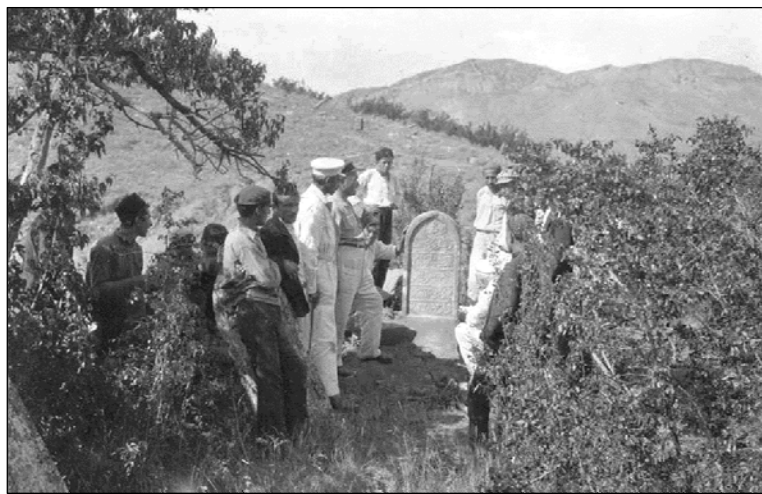

Рис. 9. Посещение археологической экспедицией золотоордынского кладбища в с. Отуз. Фото 1926 г. [6, с. 496]. На заднем плане гора Арды-кая и склон холма в местности Чегерлик

Рис. 10. Карта окрестностей горы Мал-кая.

1) Трасса Судак-Феодосия; 2) Гора Мал-кая; 3) Предполагаемое место мусульманского кладбища XIV в.; 4) Склоны горы, на которых фиксируются остатки более позднего мусульманского кладбища XIX–XX вв.

По сведениям старожилов села, юго-восточный склон горы *Мал-Кая*, а также отрог с северной стороны горы, занимало мусульманское кладбище, на котором хоронили еще в первой половине XX века. На это указывают как сохранившееся на склоне горы надгробие, относящееся, судя по врезному стилю арабской надписи, к нач. XX в., так и большое количество каменных обкладок старых могил видимых на земле на достаточно большой площади и в значительном удалении от вершины холма.

Наличие в фондах ОПИ ГИМ еще нескольких фотографий с надгробиями характерными для золотоордынского периода и с подписью «Отузы», дает возможность предположить, что кладбище золотоордынского периода, возможно, не ограничивалось каменной оградой зафиксированной на фотографиях 1926 г. Но установить точные размеры могильника относящегося к золотоордынскому периоду пока не представляется возможным.

У. Боданинским зафиксировано название места, на котором были обнаружены надгробия – «*Бешик-Азиз*» [8]. Вся данная местность известна у местных жителей под названием «*Чегерлик*» (крымскотат., заросли кустарника), а гора рядом с погребениями – «*Мал-кая*» (крымскотат., имущество, скот (возможно гора, на которой пасли скот (?))).

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на разрушение памятников XIV в. и многие годы забвения, часть фрагментов надгробий все же сохранилась. Мусульманский некрополь золотоордынского периода достаточно точно локализуется на небольшом холме, на северном отроге горы

Мал-кая. Содержание надписей указывает на миграционный приток с территории Малой Азии, который был связан не только с торговлей, но, и, по-видимому, с религиозной деятельностью. Значительное количество эпиграфического материала может указывать на наличие здесь мусульманского населения во второй половине XIV века, и возможно, на наличие религиозного центра, способствовавшего распространению ислама в Отузской и соседних долинах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдульвапов Н. О некоторых крымских эпиграфических находках последнего времени, касающихся периодов Золотой Орды и Крымского ханства // V научные чтения памяти У. Боданинского. Тезисы докладов и сообщений (Бахчисарай. 23–27 октября 2013 г). Симферополь: Антиква, 2013. С. 7–8.
2. Акчокраклы О.[Н.А.] Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1(58). С. 5–17.
3. Бороздин И.Н. Из Отузской старины: (Надгробие шейха Якуба из Конии 729 г. хиджры) // Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии. 1927. Т. 1. С. 24–26.
4. Крамаровский М.Г. Оборонительный комплекс Солхата 1375–1380 гг. Опыт интерпретации // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія: історичні науки. Випуск 20. 2014. С. 38–49.
5. МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань; ООО «Астер Плюс», 2016. 580 с.
6. МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 2. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань; ООО «Астер Плюс», 2016. 572 с.
7. Усеинов М., Сейтумеров Ш. Поездка в с. Отуз // Крымское историческое обозрение. 2017. № 2. С. 199–200.
8. Фонды Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (БИКАМЗ). № КП-10182/ 1310. Рис. надгробий.
9. Фонды БИКАМЗ. № КП-10182/ 1330. Рис. надгробия.
10. Фонды Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). № 114056/5925 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=13548134>.
11. Фонды ОПИ ГИМ. № 114056/5784 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=14796600>.

Сведения об авторе:

Мемедулла Адилович Усеинов – лаборант-исследователь Крымского научно-го центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Симферополь, Российская Федерация). E-mail: memedulla@list.ru

Место и значение «Ас-Саб‘ас-сайар фи ахбар мулук ат-татар» в истории Дешт-и Кыпчака

В статье проанализированы этапы изучения сочинения Сейида Мухаммед Риза «Ас-Саб‘ас-сайар фи ахбар мулук ат-татар», чтобы определить его роль в истории Дешт-и Кыпчака. Представлены ранее не встречавшиеся сведения об исторической географии, политической истории, экономическом укладе и экономических институтах Крымского ханства. Кроме этого, в сочинении Сейида Мухаммед Риза содержится обширный материал о государстве Золотая Орда и о ее наследственных тюрко-татарских ханствах. Этот материал уже с XIX века привлекает внимание российских востоковедов. Более того, в турецких и европейских академических кругах также подчеркивалась важность произведения, однако в историографии оно широко не использовалось. Несмотря на наличие уважительных причин, этот важный источник по истории Дешт-и Кыпчака заслуживает большего внимания.

Ключевые слова: Золотая Орда, Дешт-и Кыпчак, Крым, Москва, Османское государство, татары

Среди исторических источников Крымского ханства важную роль без сомнения занимает труд, компилированный в середине XVIII века Сейидом Мухаммед-Ризой – «Ас-Саб‘ас-сайар фи ахбар мулук ат-татар». Оригинальный экземпляр вышеупомянутого произведения, к сожалению, не дошел до наших дней. Если сравнивать с другими крымскими источниками, написанными на османском языке, упомянутое произведение занимает лидирующее положение по объему, содержанию, языку и стилю. Несмотря на то, что здесь повествуется не только история Крымского ханства и Османского государства, но также и России, Украины, Восточной Европы и Кавказа, все же это сочинение остается малоизученным. Конечно, у этого есть много причин, однако ключевой является сложность усвоения текста из-за чрезвычайно замысловатого стиля изложения. Место рождения Сейида Мухаммед-Ризы оспаривается, дата его рождения также неизвестна. По мнению Мехмеда Тахир-Бея из Бурсы, он родился в Амасье. В «Даухат ан-Нукаба» Ахмета Рифата указано, что он являлся уроженцем Крыма. В 1832 году Мирза Александр Касимович Казембек, напечатавший одну из копий данного произведения, опубликованной на основе старого алфавита в городе Казани, и написавший вступление на русском языке, высказал мнение о том, что автор является турком, получившим образование в Османском государстве. В последней четверти XIX века русский

историк Василий Дмитриевич Смирнов, тщательно изучавший крымскую историю, отмечал, что автор является выходцем из Крыма. Другой русский тюрколог Аркадий Павлович Григорьев также указывал на связь автора с Крымом. Барбара Келлнер-Хейнкеле отмечала, что Сейид Мухаммед-Риза был османским ученым¹.

Взгляды Казембека, который первым серьезно начал исследовать вышеупомянутое произведение в первой половине XIX века, следующие: «Судя по красноречивому изложению и достоверности, мы смело можем предполагать, что он был турком или проживал в Турции. Структура мыслей и беспристрастное изложение событий выступают доказательством» [1, с. 3]. По мнению В.Д. Смирнова: «Современники Сейида Мухаммед-Ризы и правильный анализ фактов крымскотатарской истории указывают на то, что он родился и получил образование в Крыму. Если говорить о его происхождении, его образованность и связи обеспечили ему высокое положение в Османском государстве, также известно, что были и другие ученые из Крыма, которых приглашали на высокие позиции в Османское государство. Очевидно, нахождение в обществе стамбульских ученых поспособствовало развитию современного турецкого литературного вкуса» [6, с. 33; 10, с. 626–627].

Нариман Сейтягъев, привлечший внимание к достоверности исследований востоковедов Казембека и Смирнова, также указывал на то, что Сейид Мухаммед-Риза был уроженцем Крыма, и то, что его династия относится к известному в Крыму роду Афифи, представители которого были выходцами из Бухары. Его произведение – литературный сборник об истории Крымского ханства – было написано в рамках османского вкуса, языка и стиля. По мнению Сейтягъева это произведение было заказано Менгли Гирей ханом II, и сам хан также был соавтором [10, с. 632–633].

С другой стороны, Сейтягъев указывал на то, что исторические произведения об истории Крымского ханства, написанные в XV–XVIII веках, соответствовали вкусам крымских ханов и их подчиненных и удовлетворяли их эстетические и практические потребности, также сделал некоторые выводы. По его мнению: «Независимо от того, кто является автором подобных произведений, их необходимо относить к диванной литературе Крыма» [9, с. 1869]. Известно, что этот упомянутый нами авторитетный исследователь написал монографию «Становление и развитие крымскотатарской исторической прозы XV–XVIII веков» и сделал некоторые важные выводы. Однако, очевидно, что по языковым и стилевым особенностям произведение не похоже на другие исторические произведения про Крым. Соответственно, неправильно сравнивать этот труд с другими ис-

¹ Для получения большей информации о спорах места рождения автора см. [12, с. 383–386; 2, с. 97]

торическими произведениями о Крыме. Таким образом, субъективное мнение автора не должно рассматриваться как всеобщее.

Как мы указывали и выше, не дошедшая до наших дней работа – «Ас-Саб' ас-сайар фи ахбар мулук ат-татар» – была написана между 1737 и 1747 гг.². Если раньше не разъяснялось из-за чего произведению было дано такое название, переведенного на турецкий язык как «Известия о семи звездах татарского царства» («Tatar Mülkünün Yedi Yıldızından Haberler»), то сейчас этому есть объяснение. В статье, написанной нами в 2013 году, мы выступили со следующим предложением: «Произведение было основано на правлении шести крымских ханов и деятельности одного наследника престола, поэтому было названо «Ас-Саб' ас-сайар фи ахбар мулук ат-татар» («Семь светил об известиях царей татарских»). К тому же в этот период авторы их просвещенной части османского общества проявляют интерес к астрологии и изучение небесных тел считалось интеллектуальным занятием. В названии этого произведения «Ас-Саб' ас-сайар фи ахбар мулук ат-татар» (Семь звезд) подразумеваются Плеяды (на арабском – Sıgeyya, на персидском – Pervin, на латинском – Pleiades, на китайском – Mao, на турецком – Ülker Yıldızı). Это созвездие из-за близости к Земле и своего великолепного вида занимало место в мифологиях многих народов и часто использовалось как мотив в восточной и в западной литературе. Например, в XVI веке во Франции существовало сообщество из семи поэтов, которые называли себя «La Pleiade». В Плеяде, состоящей из семи звезд невооруженным глазом видно только шесть из них, посмотрев через телескоп можно увидеть и седьмую звезду.

По нашему мнению, здесь проводится параллель между шестью звездами и шестью крымскими ханами, а седьмая звезда сравнивается с наследником престола, который еще никогда не правил. Во времена, когда еще верили в то, что новости снисходили с небес, Сейид Мухаммед-Риза, обладающий обширными знаниями в области астрологии, адресовал такое аллегоричное название к тонким ценителям словесности, что должно быть, считалось вершиной символизма [8, с. 217–218].

В действительности, если тщательно рассмотреть произведение, видно, что автор уделяет особое внимание шести крымским ханам и наследнику престола Мубарек Гирею, которые описываются как «семь почтенных ханов». Этими крымскими ханами, имена которых в доступных копиях в большинстве случаев написаны красными чернилами, были: Менгли Гирей I, Сахиб Гирей I, Девлет Гирей I, Бахадыр Гирей I, Селим Гирей I и Менгли Гирей II [12, с. 388–389]. То, что в произведении указано происхождение только этих шести ханов, также является доказательством наше-

² Василий Дмитриевич Смирнов указывал на дату 1737, Нариман Сейтягъев на 1744, Явуз Сойлемез на промежуток 1744–1747 гг.

го предположения. Наряду с этим, кроме этих шести ханов нет иных предположений по поводу того, кем являлся седьмой хан³.

Известный исследователь крымской историографии Илья Зайцев отметил, что до наших дней дошло семь копий «Ас-Саб' ас-сайар фи ахбар мулук ат-татар», четыре из них находятся в Стамбуле, две – в Санкт-Петербурге, и одна – в Каире [2, с. 107–113]. Как мы выяснили, в Санкт-Петербурге находятся не две, а три копии. Две из них находятся в библиотеке Института восточных рукописей РАН под номерами D 216 и B 756. Третья же находится в библиотеке Восточного факультета СПбГУ в отделе произведений об истории Крымского ханства, – зарегистрирована под номером доступа 76⁴.

Сейид Мухаммед-Риза при написании данного труда обращался к турецким, персидским и арабским источникам. Несмотря на то, что он не приводит полный список использованных источников, в тексте произведения он дает ссылки на некоторых авторов и произведения. Есть явные подтверждения того, что были использованы произведения, написанные на османско-турецком языке – «Тарих-и Нишанджы», «Наима Тарихи» и «Селим-

³ Фактически в доступных экземплярах количество ханов, имена которых написаны красными чернилами, разнится. В некоторых выделено четыре, в некоторых пять имен ханов. Исследованные нами:

1 – Копия Хамидие: Сахиб Гирей I, Девлет Гирей I, Бахадыр Гирей I, Селим Гирей I.

2 – Копия Рагып Паши: Сахиб Гирей I, Девлет Гирей I, Бахадыр Гирей I, Селим Гирей I, Менгли Гирей II.

3 – Копия Решид Эфенди: Сахиб Гирей I, Девлет Гирей I, Бахадыр Гирей I, Селим Гирей I, Менгли Гирей II.

4 – Копия в Топкапы: Сахиб Гирей I, Девлет Гирей I, Бахадыр Гирей I, Селим Гирей I.

5 – Копия в СПбГУ факультет востоковедения: Сахиб Гирей I, Девлет Гирей I, Бахадыр Гирей I, Селим Гирей I.

6 – Копия №1 в Институте восточных рукописей г. СПб.

7 – Копия №2 в Институте восточных рукописей г. СПб.

8 – Каирская копия: Так как у нас был только черно-белый вариант источника, мы не смогли определить какие имена были написаны красным цветом.

Таким образом, во всех копиях, которые мы смогли исследовать даны родовые шесть ханов и Мубарек Гирей, являющийся отцом Девлет Гирей I, который никогда не вступал на престол, также включен в родословную. В книге И.В. Зайцева [2, с. 105], наряду с вышеперечисленными шестью ханами дополнительно упоминается Гази Гирей II, как седьмой хан, однако во всех изученных нами копиях его имя не выделено красным цветом и не приводится его родословная. Следовательно, по нашему мнению, нельзя его включать в состав «семи почетных ханов».

⁴ Для получения подробной информации о доступных копиях см. [12, с. 395–397].

наме». При изложении раннетюркского периода и говоря о происхождении тюрков, он обращался к персидским источникам «Джами‘ ат-таварих», «Раудат ас-сафа» и «Тарих-и Вассаф», а информация об организации похода османских султанов и крымских ханов против Ирана взята из «Тарих-и Алам-ара йи ‘Аббаси». Кроме них, упомянуто арабское произведение «Таквим-и Булдан» и такие крымские авторы как Хайрзаде, Каракуртлу ‘Абдул-вели Эфенди и Мес‘уд Эфенди [2, с. 113–127; 12, с. 390–393].

Автор при построении своего произведения воспользовался не только этими источниками, но также и трудами других малоизвестных османских и крымских историков. В произведении он дает отсылки к ним при помощи выражения «некоторые историки». В.Д. Смирнов утверждал, что Сейиду Мухаммеду-Ризе было неизвестно произведение Мухамеда Нидаи Кайсуни (его другое имя Реммаль Ходжа) «Тарих-и Сахиб Гирей-хан». Однако эта информация недостоверна. С другой стороны, известно, что произведения, написанные восточными тюрками, хранились в османских библиотеках, и стамбульские авторы могли воспользоваться ими. Одним из таких произведений является «Шу‘аб-и панджгана» («Родословная пяти народов»), написанная Рашид ад-дином Фазлуллахом, и скорее всего Сейид Мухаммед-Риза был знаком с этим произведением⁵.

Выдвигались разные идеи о содержании и важности «Ас-Саб‘ ас-сайар фи ахбар мулук ат-татар». Например, Казембек, первый опубликовавший данное произведение, изначально восхвалял его литературные достоинства, однако отмечал, что произведение не имеет ценности в плане содержания, и обвинял Сейида Мухаммеда-Ризу в том, что он уделил много внимания неважным событиям в Крыму [6, с. 25].

В 1876 году Феоктист Авраамович Хартахай в своей статье под названием «Историческая судьба крымских татар» под влиянием Казембека пи-

⁵ По мнению Заки Велиди Тогана, «Шуаб-и панджгана» является произведением, раскрывающим происхождение правящих династий арабов, турок, евреев (Beni Israil), франков (Frenk) и китайцев; членов семей, сановников и наличие армии у тюркских и монгольских ханов (Türk ve Moğol hanları). Рукопись, ставшая основой для «Муизз ал-ансаб», написанного в тимуридский период, и, в основном, написанная на монгольском языке, в единственном списке хранится во дворце Топкапы, в библиотеке Ахмеда III под номером 2937. Копия этого произведения, содержащая информацию, которой нет даже в «Джами ат-таварих» пришла к нам из Золотой Орды. Одна часть «Шуаб-и панджгана» находится в рукописи «Фаваид-и Султанийе» в библиотеке Нуруосманийе (номер 3415). См. [8, с. 710; 9, с. 536–537]. В 2019 году она была переведена на русский язык и издана в Казани: Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана (Пять родословий) / Перевод с персидского языка Ч.И. Хамидовой; науч. и отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 228 с. [4].

сал следующее: «Как и у всех восточных авторов, его повествование однообразно, монотонно и наводит тоску» [7, с. 159].

Смирнов, написавший свой труд после Казембека и Хартахая, справедливо раскритиковал обоих авторов и отметил, что «Ас-Саб' ас-сайар фи ахбар мулук ат-татар» и по своему содержанию, и по разнообразию затронутых в ней тем превосходит все остальные сочинения по истории Крыма. Смирнов отмечает, что Хартахай не проникся этим письменным трудом, так как Сейид Мухаммед Риза уделяет внимание легендам и народным преданиям; также он доказал, что автор не проигнорировал Хаджи Гирей-хана. Смирнов подметил, что данные критические замечания лишены оригинальности, и утверждал, что эти несостоявшиеся критики «лично не ознакомились с данным произведением» [6, с. 25–26].

Если говорить о важности и содержании исследуемого произведения с точки зрения истории Дешт-и Кыпчака, это произведение, скромно названное автором «сборником жалких рассказов», начинается с повествования о Ноевом потопе, Яфете (Йафис) и Огуз хане. Во вступительной части под заголовком – «Владения тюрок и татар» – перечислены названия многочисленных тюркских и татарских племен, обитавших в степях Евразии. Сопоставление этих неизвестных и малоизвестных этнонимов с названиями племени народов в других источниках еще не закончено и является важной задачей.

Если учитывать тот факт, что исторические и литературные произведения, написанные в Османском государстве, были ограничены в ссылках на Дешт-и Кыпчак и территорию Туркестана в доисламский период, то большое внимание привлекает тот факт, что Сейид Мухаммед-Риза дает информацию об уйгурах, огузах, кыпчаках, карлуках, огурах, халаджах и агачери (а также о 10 других), начиная с Эргенекона. Затем упоминает о детях Чингиз-хана, четырех улусах, о противоборстве Тимура и Токтамыша, и особенно о борьбе Ак Обалы (Белой Орды) и Гёк Обалы (Синей Орды), что является показателем того, что автор обладал хорошими знаниями по истории степи.

В произведении после информации об истории ранних тюрок и моголов, начиная с 35 страницы, повествуется о происхождении Хаджи Гирей хана, о его деятельности, о распаде государства Золотая Орда, становлении Крымского ханства и о противоборстве Менгли Гирея и Нур-Девлета. Захват османами Каффы преподносится как благой поступок, и даже великолепная милость султана. То, что Сейид Мухаммед-Риза в оценке османско-крымских отношениях был откровенно на стороне Стамбула, конечно же, обусловлено тем, что он был османским чиновником.

Аристократия крымского клана (4 карачи) и их отношения с ханом, торговцами из Европы и Ирана, историческая география Крыма, речная сеть на территории, походы султана Баязида на Килию и Аккерман, поход сул-

тана Явуз Селима в Крым и его проблемы с ханом Мехмед Гиреем – все это изложено предвзято. Однако о других наследниках Золотой Орды, как Казанское и Астраханское ханства, в произведении дано мало информации.

В сочинении упомянут проект возведения Волго-Донского канала, который хотели реализовать при Девлет Гирей хане, крымском походе 1571 года, о налоге «тиш/тийиш», которым обложили москвичей, и о кавказском походе Оздемироглу Осман паши; также приводится информация о черкесах, кумыках, ногайцах, абазинах, кабардинцах, польско-литовских татарах и буджакских татарах. При повествовании истории через определенное сплетение событий использованы впечатляющие турецкие, арабские, персидские газели и афоризмы, которые придают произведению особую атмосферу. Наряду со ссылками на персидскую литературу и «Шахнаме» Фирдоуси, также часто встречаются сравнения и отсылки.

Кроме того, в «Ас-Саб' ас-сайар фи ахбар мулук ат-татар» содержится информация о крымских ханах, отправленных на ссылку в тюрьму, о проживающих в Крыму шейхах, муршидах, представителях тарикатов и текке, наряду с этим приводится ценная информация о механизме власти в Крымском ханстве, его организации, традициях и обычаях народа и их верованиях.

Сейид Мухаммед-Риза порицал политику времен правления Мурад Гирея (1678–1683), который считался приверженцем старых крымских традиций, во время ослабления османского господства. Таким образом, он обвинил крымского хана в том, что он «нанес ущерб крымскому строю», даже обвинил его в неверии: «Несмотря на то, что покойный хан Мурад Гирей временами был то пьян, то трезв, он уделял внимание выполнению пятикратной молитвы. Однако не воспользовался умом и изобретательностью, будучи склонным к еде, питью, развлечениям и к бесцеремонному поведению, по поводу хвастовства из-за недобросовестного обложения налогами. “О, душа, ты не постигнешь тайну этой загадки умом ученых и знающих. Довольствуйся имеющимся здесь вином, напоминающим райский напиток, так как неизвестно попадешь ты в рай или нет”, он руководствовался этим нелепым высказыванием и ересью» (v. 94a).

Таким образом, труд «Ас-Саб' ас-сайар фи ахбар мулук ат-татар», вошедший в себя ценную информацию на разные темы, начиная с истории Крымского ханства, Османского государства и России, также истории Украины, казахов, Туркестане и Средиземном море, является важным источником. Сегодня в Турции готовится к изданию транскрипция этого произведения. В 2019 году в Казани ЦИЗОТХ была издана транскрипция этого сочинения [5] и готовится перевод на русский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассеб-о-Ссейяр или семь планет, содержащей историю крымских ханов от Менгли Гирей хана I до Менгли Гирей хана II т.е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Соч. Сейида Мухаммеда Ризы. Казань: Казан. ун-т, 1832. XXX. 362 с.
2. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2009, 304 с.
3. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 532 с.
4. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана (Пять родословий) / Перевод с персидского языка Ч.И. Хамидовой; науч. и отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 228 с.
5. Сейид-Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 1: Транслитерация / авт. предисл., транслитерация, подготовка к изданию Р.Р. Абдужемилев; под общ. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 364 с.
6. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века, Т. I. М.: Изд. дом «Рубежи XXI», 2005. 541 с. (Перевод на турецкий: Osmanlı Donemi Kırım Hanlığı, Cev. Ahsen Batur, Selenge Yayınları, İstanbul 2016, 681 s.).
7. Хартахай Ф.А. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. Т. II. СПб., 1867. С. 140–174.
8. Acar S. Zaytsev I.V. Kırmiskaya İstoriografiçeskaya Traditsiya XV–XIX vekov. Karadeniz Araştırmaları Dergisi, S. 37, İlkbahar 2013, s. 215–218.
9. Seyityahya N. XIII–XVIII Yüzyıllarda Kırım Tatar Tarih Nesri. I. Uluslararası Türk Dünyası Kültür Kurultayı Bildiri Kitabı IV, Edt. Fikret Turkmen-Gurer Gulsevin, TİKA, Ankara 2007, s. 1869–1873.
10. Seyityahya N. Seyyid Muhammed Rıza'nın Kökeni (XVIII. Yüzyıl Mensur Kırım Tarihleri Arasında “Es-Sebu's Seyyar”ın Yeri Hakkında), Cev. Serkan Acar, Tarih İncelemeleri Dergisi, C. XXV/2, İzmir 2010, s. 625–636.
11. Söylemez Y. Es-Sebu's-Seyyar Fi Ahbar-ı Muluki't-Tatar (Tenkitli Metin Nesri, İnceleme), Basılmamış Doktora Tezi, Ege Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, İzmir 2016. 526 s.
12. Söylemez Y. Kırım Hanlığı Tarihine Muteallik Mühim Bir Kaynak: Es-Sebu's-Seyyar Fi Ahbar-ı Muluki't-Tatar”, Doğu Avrupa Türk Mirasının Son Kalesi Kırım, Edt. Yücel Ozturk, Çamlıca Yayınları, İstanbul 2015. S. 381–399.
13. Togan Z.V. Reşidüddin Tabib, IA, C. IX, s. 710.
14. Togan Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş, İş Bankası Yayınları, İstanbul, 2019. 1011 s.

Сведения об авторе:

Серкан Аджар – доктор исторических наук, доцент Эгейского университета (Измир, Турция). E-mail: serkan.acar@ege.edu.tr

**«Некоторые из вас странствуют по земле
в поисках милостей Аллаха»*.
О караван-сараях Крыма**

В данной публикации приводятся сведения о Караван-сараях (хан) и базарах крымских городов на основе материалов кадиаскерских сиджилей¹ и архивных данных. Отмечается, что Крымский полуостров во времена Золотой Орды и Крымского ханства являлся одним из центров пересечения торговых путей и конечным пунктом караванного пути. Особую роль в средневековых торговых сделках выполняли караван-сарай. Распространение ислама на полуострове оказало свое влияние на торговые взаимоотношения.

Ключевые слова: Солхат, Карасубазар, Крымское ханство, караван-сарай, хан, караванная торговля

Нет такого периода в истории человечества, когда торговля не оказала бы в большей или меньшей степени влияние на общественную жизнь. Под торговлей подразумевается промысловая деятельность, имеющая целью преодолевать препятствия, разделяющие производителей и потребителей во времени и пространстве [13].

После того, как взаимодействие купли-продажи перешло из обмена меновой торговли к обмену посредством денег, увеличилась торговая активность между индивидуумами и разделение деятельности среди граждан одной страны, а также и среди народов в разных странах. Так закончилась эпоха, когда человек жил сам по себе, и поколения, в которых нации и народы жили вдали друг от друга и в одиночестве. Таким образом, как внутренняя, так и внешняя торговля стали жизненно необходимы в мире.

С распространением мусульманского вероучения на полуострове, ислам как всеобъемлющая религия, подчиняющая жизнь во всех ее проявлениях, начала охватывать и определять духовную, культурную и общественную жизнь крымских татар. Не исключением стала и сфера торговли, которая также испытала на себе позитивное влияние ислама [10, с. 44].

* Фрагмент аята Корана (73:20), в котором упомянуты те, кто странствуют с целью торговли, согласно разъяснению Абу Джафар Мухаммеда ибн Джарир ат-Табари (839–923).

¹ Сборник документов, содержащий различные судебские решения и постановления, фиксирующие торговые сделки, копии ханских ярлыков и т.п.

Для решения жизненных проблем и вопросов обращались к наиболее употребительным в Крыму трудам мусульманских ученых: Мультека («Мультека-л-абхар»)² и Гидаьет («Хидоя фи фуру ал-фикх»)³. Указанные труды длительное время «широко использовались в правовой практике среди мусульман многих стран: Центральной Азии, Северного Кавказа и Поволжья, Турции, Индии, арабского Востока, где господствующее положение занимало юридическое учение школы ханафитов суннитского направления ислама» [3].

Автор работы «Исторический очерк крымско-татарского землевладения» Ф.Ф. Лашков, говоря о силе ислама, который ко второй половине XV в. утвердился среди населения Крымского полуострова, подчеркнул, ислам, «определял уже собою жизнь татар и устанавливал в Крыму свой порядок вещей» [10, с. 44].

Торговля в исламе дозволена согласно Корану и Сунне. Всевышний Аллах говорит:

وَأَحَلَّ اللَّهُ الْبَيْعَ

«Но Аллах дозволил торговлю...» (2:275) [8, с. 53]. В тексте дозволенность торговли приводится в общем виде, она охватывает, как внутреннюю, так и внешнюю торговлю. «Термином «байя», купля-продажа, на языке закона обозначается как обмен собственности на собственность с обоюдного согласия обменивающихся сторон» – сказано в фундаментальном произведении Б.Маргинани [3].

Разница между внутренней торговлей и внешней заключается в том, что внутренняя торговля – это операции купли-продажи между индивидуумами одного народа. Внешняя торговля перемещалась в средние века между государствами посредством индивидуумов из числа купцов-торговцев, в том числе посредством снаряжения караванов значимыми товарами первой необходимости. Так, человек отправлялся в другие страны, чтобы заниматься торговлей путём покупки товара и перевозки его в свою страну, или путём продажи своего товара и перевозки в свою страну денег или чего-нибудь взамен. Во всех случаях государство занималось упорядочением этой торговли и непосредственно контролировало её.

Через Крымский полуостров, расположенный на пересечении торговых путей, «в татарскую эпоху проходили караванные пути в Золотую Орду и в Среднюю Азию» [7, с. 158], он был известен «как конечный пункт караванного пути из Хорезма, откуда, восточные товары поступали на

² Мультека-л-абхар – работа Ибрахима бен Мухаммеда ал-Халеби (1456–?). Родился в г. Алеппо.

³ Хидоя фи фуру ал-фикх – Комментарии мусульманского права, автор труда – знаменитый мусульманский факих-правовед Бурхануддин Маргинани, уроженец Мавераннахра (1118–1189).

рынки всего побережья Черного и Средиземного морей» благодаря посредничеству Кафы (Кефе) [6, с. 27].

Караванная торговля была прибыльной и выгодной, а также безопасной и велась по своим правилам. «Караваны из Ховарезмы и Хивы ходили в Крым (г. Солхат) без малейшей опасности, употребляя три месяца на совершение этого пути», – пишет исследователь крымских древностей [7, с. 158].

Солхат или Эски-Кырым XIII–XIV вв., выросший на торговом пути из Судака в Кефе являлся в золотоордынское время пунктом важнейших торговых сделок, о чем свидетельствуют остатки постоянного двора, сохранившиеся в юго-восточной части современного Старого Крыма. «Лишь только появились в Крыму генуэзцы, немедленно начались с ними оживленные торговые сношения, благодаря которым Солхат, центр татарского поселения, стал богаче и вскоре сделался одним из многолюдных городов Востока» [10, с. 40].

Во время археологического исследования Старого Крыма 20-х гг. XX в., был исследован караван-сарай, в форме пятиугольного здания с похожими на башни пристройками, занимавший площадь в 2500 кв.м. «Опоясанные почти глухой наружной стеной с узкими окнами-бойницами постройки образовывали просторный, вымощенный плитами двор, на который открывались двухэтажные деревянные галереи, окна и двери многочисленных комнат-гостиничных номеров. Сюда свозились заморские дорогие товары, перед их продажей на местных базарах. Постоялые дворы устраивались так, чтобы можно было в случае нападения грабителей противостать их вооруженной силе. На то, что где-то рядом был рынок, указывает местоположение караван-сарая» [6, с. 36–37].

С конца XV в., с прекращением прямого торгового сообщения с портами Средиземноморья, значение Солхата (Эски-Крыма), как центра международной торговли постепенно угасает.

В XVII и XVIII вв. одним из промежуточных центров и важнейшим большим торговым пунктом караванной торговли являлся Карасубазар. Вот как описал его посетивший в конце 1784 г. английский путешественник Барон де Бара: Карасубазар – «главный торговый город во внутренних районах Крыма. Дважды в неделю здесь бывала ярмарка, есть также множество лавок и базаров, которые, как повсюду на Востоке и в России, собраны в разных местах, а также ханы (hans), крупные постройки из камня, с очень высокими стенами, окружающими двор, где живут чужестранцы» [12, с. 407].

Важность Карасубазара заключалась в том, что он располагался в центральной части Крыма, являлся точкой пересечения караванных путей, был известен своими ханами и караван-сараями, которые выполняли роль хранилища товаров торговцев и местом отдыха, и качественным товаром, изготовленным местным населением, который выставлялся в городских торговых рядах и базарах. Взамен поступавшей в Крым из Средиземноморья

продукции, как оливковое масло, мыло, сухофрукты, с берегов Черного моря экспортировались зерновые, рыба, животные, разная животная продукция. Между степью, откуда поставлялась в Кафу зерновая продукция и животные, и берегом моря, располагался Карасубазар со своими караван-сараями и базарами [16, с. 3]. В кадиаскерских сиджилах за XVII в. упоминается 4 хана и 2 караван-сарая Карасубазара: Сулу-хан, хан ал-хаджи Османа, хан Таймаз ага мирзы, хан Чакмак Аталыка, караван-сарай Хангах⁴, располагавшийся в квартале Шор-джами и Сефер Гази-аги [16, с. 142].

Товары, сконцентрированные в крупных центрах торговли того времени, какими являлись Кафа и Азак, отправлялись на Восток и Запад по дороге, которая проходила через Карасубазар. Благодаря своему географическому положению Карасубазар являлся оживлённым торговым центром. Средневековый Карасубазар был первым пунктом, куда попадали товары из Ирана и Востока по дороге в Кафу. В связи с этим, весомая доля экономики средневекового города приходилась на торговлю.

По сообщению Э.Челеби одним из лучших ханов для купцов в Карасубазаре был караван-сарай⁵, построенный в 1654–55 гг. ханским визирем Сефер Гази ага⁶, в котором было 120 комнат. Он располагался в центре торговых рядов города. Во дворе хана была мечеть без минарета. Над входом в караван-сарай Сефер Гази-ага размещалась мраморная плита с текстом, которая сообщала:

«Мудрый, как Асаф, Сефер Гази-ага

Построил этот хан по законам геометрии.

Увидев завершение постройки этого хана,

Сказал Фетхи: пусть будет тарихом «Построил ага.

Год 1065» [9, с. 73].

В Крымском ханстве, также как и в Османском государстве, частью которого он являлся с конца XV в., торговля между городами и селениями, а также и между государствами считалась оптовой. Товары, произведенные внутри государства, или же привезенные из-за границы, развозились в места поселений оптовыми торговцами, которые доставляли товар на базар (базарные площади) или в ханы⁷ (караван-сарай), где продавали его

⁴ Караван-сарай дервишей.

⁵ Также известен под названием Верхний или Большой Таш-хан.

⁶ Сефер Гази ага-визирь крымских ханов Ислам Гирея (1644–54 гг.) и Мухаммед Гирея (1654–66 гг.) Известен также как благотворитель, на средства которого были построены в различных частях ханства вакуфные сооружения. Им были построены мост в Гезлеве, дворец и сад в Акмесджиде, дворец в Бахчисарае.

⁷ Караван-сарай (хан) – постоянный двор в мусульманских странах или место остановки каравана с помещениями для торговцев и путников, складом для сохранения товаров, иногда оборонительного характера. Строились в старину вдоль коммуникационных путей. Эти большие общественные строения в городах, на доро-

розничным торговцам. Некоторая часть хан и базаров, в особенности в крупных городах, как правило, были более известны по виду товара, который привозился и продавался на них. Так, например, в Бахчисарае существовали базары Туз, Соган, Ашлык базары, Одун-базар⁸ в Кезлеве, Шор-базар, Мирза-базар, Ат-базары в Карасубазаре. Среди постоянных дворов Бахчисарая известны ханы, владельцы которых были из числа не мусульманского населения, например: хан армянина Капрела, караима Каракаш, хан Кефели Юфуды, один постоянный двор назывался Аджемлер хан, т.е. для чужеземцев. Хань не только являлись местом продажи товара, здесь также формировались караваны, так как снаряжать караван для отдельного купца было вероятнее всего дорого и невыгодно. Кроме того, очень многие ханы, построенные в виде крупных, обрамленных высокими стенами сооружений, относились к числу вакуфных⁹, к их числу относились вакуфный караван-сарай Ислам Гирея в Кезлеве, караван-сарай медресе, располагавшегося в с. Улаклы, караван-сарай Неслихан-бике в Бахчисарае и др. Обычно ханы и караван-сарай строились рядом с базарами, здесь же воздвигались мусульманские культовые здания Джума-джами¹⁰, чтобы торговцы и покупатели имели возможность вести свои торговые дела и вовремя совершать обязательную ежедневную пятиразовую и пятничные намазы (молитвы) [15, с. 567–568].

В окружности ханов обычно располагались лавки, склады и хранилища, погреба с товарами, предназначенными для продажи. Чаще всего в караван-сараях городов Крымского ханства останавливались и вели торговлю персидские купцы, которые кроме товаров (одежда и ткани) из Персии, привозили продукцию из Анатолии и Токата. Кроме персов, торговлю вели также иранские армяне. При этом персидским армянам-зиммиям¹¹

гах и в ненаселенных местах, обслуживали великие исторические торговые пути, соединявшие в свое время Индию, Среднюю Азию, Дальний Восток с культурными центрами Европы. В средние века караванная торговля сыграла большую роль для распространения культуры и ознакомления с отдаленными народами. В кадиаскерских сиджиях караван-сарай и хан имеют одно значение.

⁸ Соляной, овощной, продовольственный и дровяной базары.

⁹ Слово «вакф» в первоначальном смысле значит «задержание». Этим термином обозначается посвящение какого-либо предмета какой-либо цели (Хидоя).

¹⁰ Культовое здание, где, кроме обычных пятиразовых, совершались обязательные пятничные намазы.

¹¹ Христиане и иудеи – подданные мусульманского государства. «Зиммии при покупке и продаже находятся в таком же положении, как и мусульмане. Пророк сказал: “Будьте внимательны к зиммиям: они обладают теми же правами и подчиняются тем же правилам, как и мусульмане”. Имея те же потребности в своих делах, как мусульмане, они нуждаются в тех же способах к удовлетворению их. Посему между ними не делается разницы в отношении купли и продажи...” (Хидоя).

запрещалось торговать за пределами ода¹² караван-сарая. Оплатив находившемуся в караван-сараяе таможеннику-эмину таможенный налог, весь привезенный товар они обязаны были продавать оптом местным торговцам в месте хранения привезенного товара, без права продажи на городских базарах [17, с. 129]. Это положение распространялось также и на другие города Крыма: Кафу, Гезлев, Балаклава и другие.

С целью создания выгодных условий для местных торговцев, крымские ханы издавали фирманы для оптимизации деятельности купцов. Это делалось для того, чтобы предотвратить засилье иностранных торговцев, т.е. внешняя торговля иноземным купцам была гарантирована, пока они не создавали проблем местным продавцам.

Подробное описание самого известного средневекового караван-сарая Карасубазара – Сефер Гази-аги, находим у известного исследователя крымской архитектурной старины Засыпкина Б.Н., опубликованной в статье «Памятники архитектуры крымских татар»: «Один из них, именуемый Верхний Таш-Хан, построен в 1654 г., как гласит о том надпись над входными воротами. В настоящее время от здания сохранилась его западная часть, по которой караван-сарай реконструируется в следующем виде. План его представлял прямоугольник, окруженный со всех сторон улицами; вообще же караван-сарай ставились на площадях городов или в открытых местностях. По-видимому, с одной стороны, с западной, был въезд, представляющий массивную арку, обработанную большими блоками. Над аркой, на высоте второго этажа, прямоугольное окно с железной решеткой. Два боковых камня и перемычечный украшены розетками с лепестковым орнаментом. Над входом следы поздней штукатурки с живописью, которая в настоящее время почти смыта и по следам которой можно еще разобрать рисунок борьбы льва с собаками, служивший, очевидно, эмблемой борьбы татар с врагами. В остальном внешний вид представлял гладкую стену хорошей кладки из неправильных камней, высотой в два этажа. Нижняя часть стены была глухая, верхняя имела бойницы, обработанные тесаным камнем. Толщина стены во втором этаже достигает 1,50 м. Внутри караван-сарай имел обширный двор, кругом которого располагались в два этажа сводчатые помещения; нижние из них предназначались для животных, верхние – для жилья. Стены и своды выложены из массивного камня, с деревянными связями. Общий вид сооружения представлялся монументальным, а наружный вид гладкого массива с небольшими бойницами и единственными воротами производил впечатление крепости. В настоящее время уцелело очень мало, но по аналогии с другим караван-сараяем в Карасубазаре, по углам, вероятно, имелись сторожевые башни, так как везде и всегда караван-

¹² Комната, помещение.

сарай были убежищем, где искали защиты мирные торговые караваны от нападения разбойников и врагов» [7, с. 158–160].

Развалины караван-сарая в Старом Крыму – единственное сохранившееся до наших дней строение подобного типа, исключительно важный памятник гражданской архитектуры золотоордынского времени. От многочисленных же караван-сараяев и ханов эпохи Крымского ханства до наших дней сохранились, к сожалению, только жалкие руины (часть передней стены) сооружения Сефер Гази-ага в Карасубазаре. Располагавшийся по соседству с ним, в ряду сапожников, хан Ширин-бея, построенный предположительно в XVII в., известный также как Нижний или Малый Таш-хан, согласно акту обследования памятника архитектуры от 7 июля 1945 года «разрушился от времени».

Строения постоянных дворов-ханов позднего времени, конца XIX – начала XX вв. еще можно встретить в отдельных населенных пунктах современного Крыма.

Список архитектурно-археологических памятников Крым. АССР, состоящих на учете Музейного Отдела Главнауки НКПроса. 1930 г.

Старый Крым

I. Памятники, безусловно подлежащие охране.

Развалины Хан Сарая (Караван-Сарая).

Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф.Р-663, оп.2, д.619, л.12.

Список памятников архитектуры Крыма, обследованных в 1944–45 гг.

Старо-крымский район.

Старый Крым.

Ст. охр. №5523 Колхозная улица. Развалины хан-сарая (караван-сарая) XVI в. Руины стен, ограждающих большую площадь заезжего двора. Небольшие повреждения в стенах.

ГАРК. Ф.Р-3385, оп.2, д.1, л.81–83.

Список памятников архитектуры Крыма, состоящих на Особой Госохране по Постановлению Президиума ВЦИК. 24/III–1945 г.

Старый Крым.

Древний караван-сарай (Хан-сарай), XIV в., неизвестно.

ГАРК. Ф.Р-3385, оп.2, д.1, л.107.

**Примечания к акту обследования памятников архитектуры
7 июля 1945 года.**

Список уничтоженных памятников архитектуры в городе Белогорске.

1. Караван-сарай Нижний Таш-хан – разрушился от времени.

Обследователь-архитектор

Член горисполкома

ГАРК. Ф.Р-3385, оп.2, д.1, л.101.

**Список архитектурно-археологических памятников Крым. АССР,
состоящих на учете Музейного Отдела Главнауки НКПроса. 1930 г.**

Карасубазар

1. Памятники, безусловно подлежащие охране.

Караван-сарай Таш-хан XVII век.

Караван-сарай Нижний Таш-хан XVII век.

ГАРК. Ф.Р-663, оп.2, д.619, л.8.

Акты экспедиции отдела охраны памятников Управления по делам архитектуры Крым. АССР обследования состояния памятников архитектуры в Крым. АССР. 5 июня 1944 года – 15 декабря 1945 года.

Акт

Белогорск

7 июля 1945 года мы, ниже подписавшиеся архитектор-инспектор отдела охраны памятников управления п/д архитектуры при СНК Кр. АССР Базилева О.И., председатель горсовета г. Белогорска Гришин П.М., член горисполкома Политова В.Д. и представитель общественности Сиротенко С.Е. провели осмотр сохранившихся памятников архитектуры города Белогорска и постановили следующее:

1. Развалины Караван-сарая Ташхан состоящих из 2 зданий (крепости и постоянного двора) сохранились в довольно хорошем виде. Остатки мечети исчезли. В одном из сводчатых помещений крепости устроена кладовая для базарных весов.

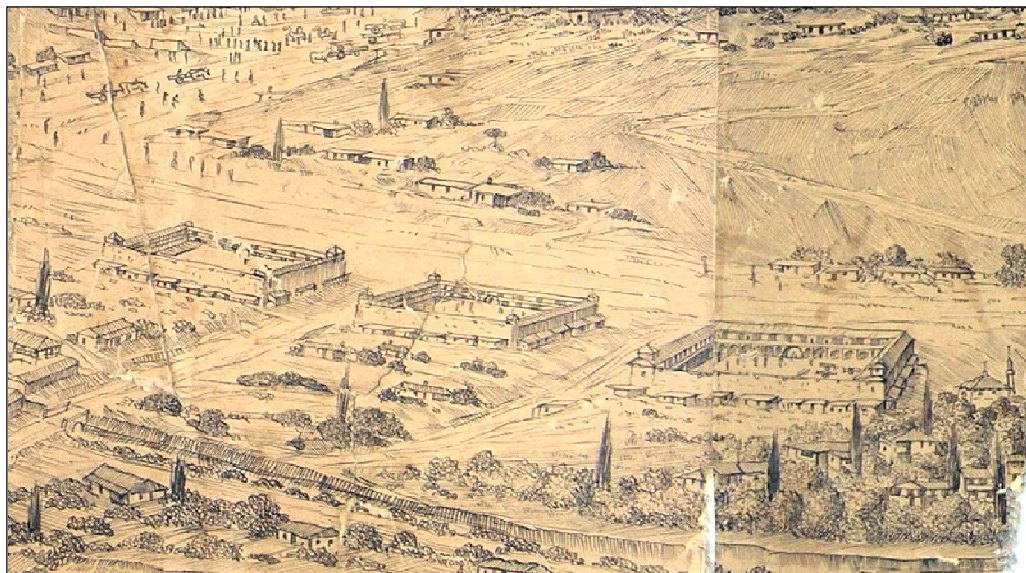
ГАРК. Ф.Р-3385, оп.1, д.6, л.61, 62об.

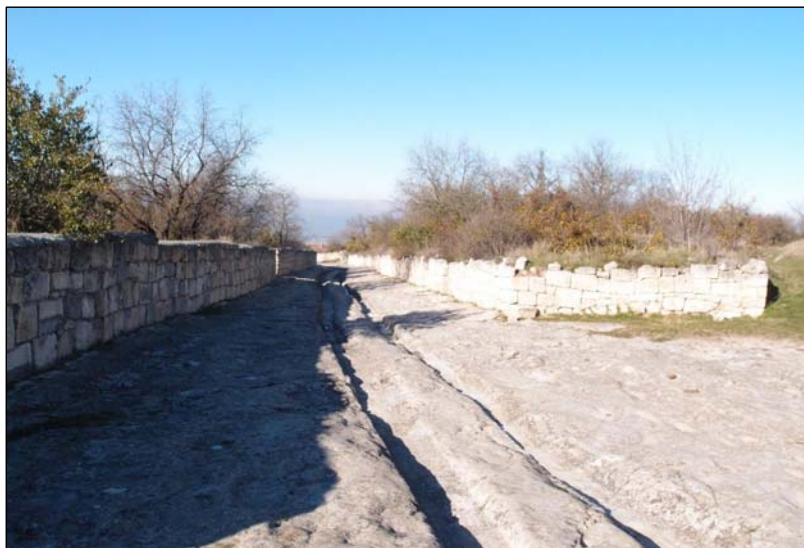
Карасубазар. Караван-сарай Сефер Гази ага, вид внутренней части [19, с. 96]

Карасубазар. Западная стена караван-сарая [19, с. 101]

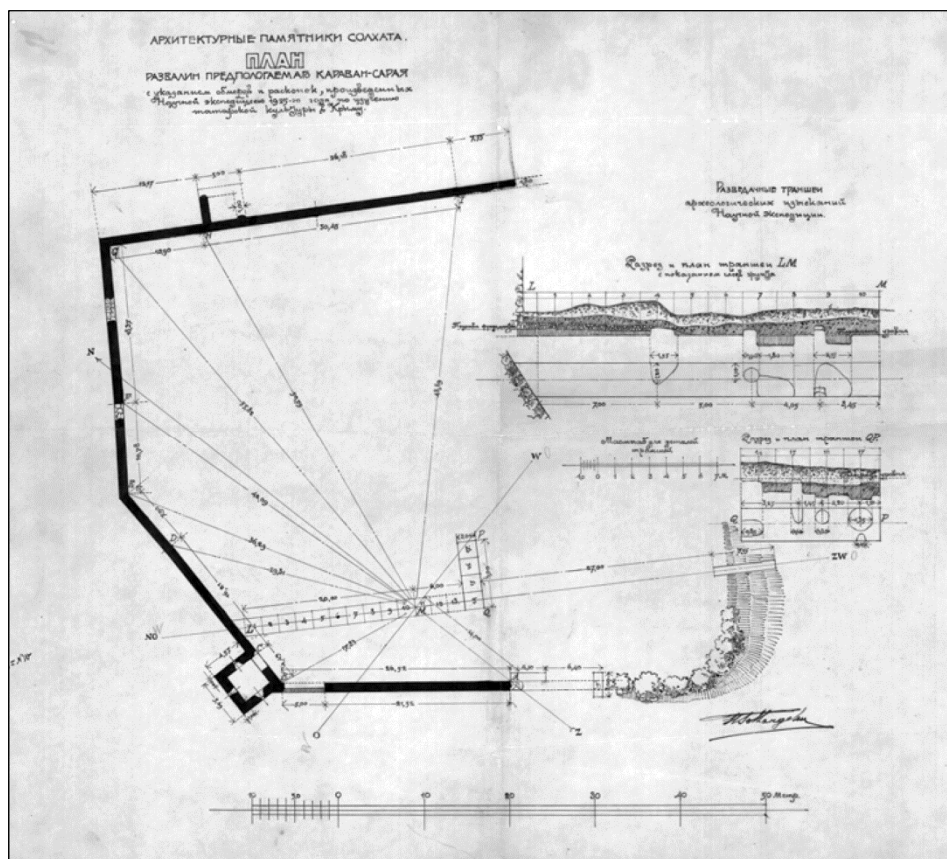
Караван-сарай Бахчисарая XVII века. Фрагмент реконструкции.
Автор П.М.Туманский

Кырк-ер, древняя дорога со следами колес

Кырк-ер. Дорога от караимского кладбища к восточным воротам крепости со следами колен

Старый Крым. План развалин караван-сарая. Чертеж П.И.Голландского [18, с. 287]

Старый Крым. Вид на караван-сарай с северо-востока [18, с. 272]

Старый Крым. Современное состояние остатков стен караван-сарая
золотоордынского времени

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой турецко-русский и русско-турецкий словарь. 450 000 слов и словосочетаний. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2011. 960 с.
2. Бурхануддин Маргинани. Хидоя. Комментарии мусульманского права. В двух частях, четырех томах. Ч. 1 Тома I–II. URL: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=1343>
3. Бурхануддин Маргинани. Хидоя. Комментарии мусульманского права. Т. II. Книги VII–XXII. URL: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=1347>
4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф.Р-3385, оп.2, д.1, л.81–83.
5. ГАРК. Ф.Р-663, оп.2, д.619, л.12.
6. Домбровский О.И., Сидоренко В.А. Солхат и Сурб-хач / [Под общей ред. члена-корр. Академии наук УССР С.Н. Бибикова]. Симферополь: Таврия, 1978. 128 с., ил. (Археологические памятники Крыма)
7. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2(4). С. 113–168.
8. Коран. Перевод смыслов и комментарии / Пер. с араб., комм. Э. Кулиев. 5-е изд., стереотип. М.: Умма, 2008. 816 с.
9. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.). Перевод и комментарий Е.В.Бахревского. Симферополь: ДАР, 1999. 144 с.
10. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. №22. Симферополь, 1895. 133 с.
11. Хоєцький Е. Спогади з подорожі по Криму. Сімферополь: ВАТ «Сімферопольська міська друкарня» (СГТ), 2008. 384 с.
12. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Крым в 1784г. по свидетельству французского путешественника Барона де Бара // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XX. Симферополь, 2015.
13. Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (В 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами) <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html>
14. Ebü Cafer Muhammed b. Cerir et-Taberi. Taberi tefsiri. Cilt 8 Tercüme Hasan Karakaya Ezher Üniversitesi ve İst.Ü.Hukuk Fakültesi mezunu Kerim Aytekin İst.Yüksek İslam Enstitüsü ve İst.Ü.Hukuk Fakültesi mezunu Hisar Yayınevi Beyazsaray 15 – Beyazıt – İst.
15. Osmanlı devleti tarihi 2.Cilt Editör: E. İhsanoğlu. İstanbul, 1999.
16. Osmanlı yönetiminde Kırım (1600–1774) Doktora tezi Omer Bıyık Tezi hazırlayan Danişman: M.Akif Erdoğan. İzmir, 2007.
17. Zeynep Özdem. Karşıda bir yer: Kırım Karasubazarda sosyo-ekonomik hayat (17.yüzyıl sonlarından 18. Yüzyıl ortalarına kadar. Ankara: Türk tarih kurumu, 2010. 197 s.

18. МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 2. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань; ООО «Астер Плюс», 2016. 572 с.

19. МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 3. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань; ООО «Астер Плюс», 2017. 720 с.

Сведения об авторе:

Шукри Сейтмететович Сейтумеров – старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Симферополь, Российская Федерация). E-mail: arhivaga2015@gmail.com

Некоторые замечания об институте аталычества в Казахском ханстве

В статье проанализированы сведения исторических источников об институте аталычества в Казахском ханстве. Материалами исследования стали сведения средневековых сочинений мусульманских историков, в том числе еще не введенные в научный оборот, опубликованные официальные материалы XVI–XVIII вв. Посольского приказа Русского государства, журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева, данные китайских источников и др.

В ходе исследования сделаны следующие предварительные выводы об институте аталычества в Казахском ханстве.

Ключевые слова: аталык, атабек, Казахское ханство, исторические источники, архивные документы, фольклорные материалы, хан, султаны

Институт аталычества, существовавший во многих постмонгольских государствах позднего средневековья, вызывает в последнее время определенный интерес ученых. В частности, в 2017 г. была опубликована работа А.В. Белякова, А.В. Виноградова, М.В. Моисеева, в которой рассматривался вопрос функционирования института аталычества в Крымском, Сибирском и Казанском ханствах и в Ногайской Орде [8, с. 412–436]. По мнению этих исследователей, аталычество является обычаем, «по которому знатные родители отдавали своих детей (как правило, сразу же по их рождении) на воспитание» [8, с. 429].

Как известно, аталычество производное от тюркского термина «ата-лык», которое в свою очередь является синонимом известного термина «Атабек» или «Атабей». Например, в труде XVIII в. «Умдет-ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми указывается: «Атабей, то есть аталык» [1, с. 32]. Историк начала XX в. Курбангали Халид также указывает, что «аталык» и «атабек» слова синонимы [17, с. 135–137].

Термин «атабек», зафиксированный в документах XI в. и широко употреблявшееся у селджукидов, означал «лицо тюркского происхождения, ответственное за воспитание наследника» [9, с. 184].

Слово «аталык» также означало «заступающий место отца», названный отец, воспитатель. По мнению Курбангали Халида, персидский эквивалент аталыка – «پدر بزرگ» (падар-и бузург) [17, с. 136]. В русских источниках «аталык» именуется «дядька» или «мамич» [8, с. 429].

Относительно функции аталыка в постджучидском пространстве Анке фон Кюгельн пишет: «Аталик (тюркоязычн. досл. отцовство») в Золотой Орде и при ее прямых преемниках занимал место воспитателя принца и отвечал также за домашнее хозяйство своего подопечного; кроме того, аталик мог служить также хану в качестве советника и доверенного лица. В узбекских ханствах Средней Азии сфера задач аталика претерпела постепенное преобразование, однако отдельные стадии этого процесса до сих пор не изучены. В любом случае, аталик выполнял функцию главного советника и уполномоченного лица в военных и административных вопросах как при шайбанидах, так и при аштарханидах» [4, с. 94–95]. Другой западный исследователь Мак Чесней считает, что функция аталыка состояла в том, чтобы консультировать султана по военным вопросам, обеспечивать последнему безопасность его «мамлаката» и, самое главное, пытаться обеспечить, чтобы политика султана не противоречила политике хана» [28, р. 61]. По мнению Ю. Брегеля, «аталик был ... опекуном и воспитателем молодого принца и, в этом качестве, фактическим правителем его отряда. У самого государя... также был аталик, который был его близким советником и доверенным лицом, часто исполняющим роль первого министра» [27, р. 43].

О.Ф. Акимушкин пишет: «Аталык при малолетних, либо неопытных наместниках – наследнике престола или отдельных представителях династии, исполнял попечительскую роль, которая несколько напоминала роль регента в средневековых западноевропейских странах. При совершеннолетнем наследнике аталык становился ближайшим советником и доверенным лицом хана. Аталык, являясь одним из важнейших лиц в государственной иерархии, концентрировал в руках значительную власть. В период военных действий он являлся также военачальником [24, с. 207].

Институт аталычества был широко распространен в постмонгольском мире. Он функционировал, по мнению Ю. Брегеля, в улусе Джучи (Золотая Орда) и его непосредственных преемниках, как, например, в Казанском и Крымском ханствах и в улусе Шибана (Ак-Орда), а также в государстве Чагатаидов в Моголистане [27, р. 43]. Французский исследователь Робер Монтран указывает, что термин «аталык» использовался «не только у турок, но и на Кавказе, Туркистане, Тимуридов и тюркской династии в Индии (Бабуридов – *авт.*). Его использовали еще в XIX в. эмиры Бухары и Хивы, эмир Кашгара Якуб-бей, носил титул аталык-газы» [29]. Вышеназванные российские исследователи считают, что аталычество существовало «среди многих народов на Кавказе, у древних кельтов, арабов, в Крыму, Ногайской Орде, среди славян, в Казани, Астрахани, Сибири» [8, с. 429].

Однако за пределами интересов зарубежных специалистов остается существование института аталычества в Казахском ханстве, которое также являлось наследником джучидской государственности. В указанной рабо-

те российских историков отмечается только, что у казахского султана Ораз-Мухаммад б. Ондана аталыком был Кадыргали-бек Косумулы из рода жалаир [8, с. 429].

В последние годы в Казахстане опубликованы несколько работ, в которых рассмотрены отдельные аспекты функционирования института аталычества в Казахском ханстве [11; 12]. К сожалению, научную значимость некоторых этих работ сильно снижают искажения, передергивания фактами и необоснованные заключения.

В целом, изучение института аталычества в Казахском ханстве требует дальнейших разработок. В настоящей работе мы попытаемся высказать некоторые наши замечания по данной проблематике.

Казахские исследователи также видят основную служебную функцию аталыка в воспитании ханских сыновей. «Аталыками в Степи называли воспитателей, наставников (в том числе и политических) юных сыновей казахской знати в возрасте до 15 лет», – пишет И.В. Ерофеева [15, с. 389, прим. 2]. А. Мухтар особо выделяет роль аталыка в обучении воспитанника военному делу [6].

Наиболее ранние сведения об аталыках при дворах казахских правителей содержатся в трудах сефевидских историков XVI-XVII вв. «Алам-ара-йи Сефеви», «Тарих-и джахан-ара», «Тарих-и шах Исмаил», «Тарих-и шах Исмаил Сефеви» [2; 3, 19; 21; 22]. В этих исторических сочинениях упоминаются имена Байрам-аталыка (بیروم اتالیق – Бирум-аталык, Мейрам-аталык) и Алыб-аталыка (الب اتالیق – Алып-аталык). Первый был аталыком Абу-л-Хайр-хана, одного из сыновей верховного правителя Казахского ханства Касым-хана.

Байрам-аталык (на казахском его имя, скорее всего, звучало как Мейрам) являлся очень влиятельным человеком при дворе Касым-хана. Согласно источнику, он также был советником хана и на совещаниях и официальных приемах занимал место по левую руку от хана [3, с. 483]. Левая сторона, согласно Махмуду ибн Вали, считалась выше правой стороны и великий аталык (اتالیق بزرگ) в частности в Аштарханидском ханстве сидел выше огланов, т.е. чингизидов-царевичей [7, с. 393–394].

Байрам-аталык сопровождал своего воспитанника при его военных походах и помогал ему советами. Согласно «Алам-ара-йи Шах Исмаил», решение о направлении посла («илчи») к шаху Исмаилу Абу-л-Хайр-хан принял после совета с ним и главами Шибанидов [3, с. 489]. В сочинении сообщается, что Байрам-аталык руководил левым флангом войска Абу-л-Хайр-хана. Другим флангом казахского войска руководил еще один аталык – в одной рукописи он назван Алыб-аталык (Алып-аталык) [3, с. 492], в другой рукописи Сары Адиль [25, с. 116–122]. По-видимому, во время сражения аталыки возглавляли правые и левые крылья казахского войска.

Возможно, что в должностные функции аталыка входила также организация приема наиболее влиятельных иностранных особ. По «Алам-арайи Шах Исмаил», именно Байрам-аталык по приказу Касым-хана встречал влиятельного Шибанида Жанибек-султана, дядю верховного правителя узбеков Убайдуллах-хана [3, с. 484].

Сведения об аталыках в Казахском ханстве содержатся в дошедших до нашего времени документах казахско-русских дипломатических отношений. В них упоминаются имена нескольких аталыков, которые были доверенными лицами верховных правителей Казахского ханства второй половины XVII – начала XVIII в. Тауке-хана и Каип-хана.

Например, в письме Тауке-хана к Петру I от 1691 г. упоминается посланец казахского хана «Бака Аталыков» – Кабай (Казбакай) Аталыков [26, с. 84, 398]. Вероятно, здесь русские переводчики превратили придворную должность Кабая – «аталык» – в его фамилию. Так в письме Тауке-хана к Петру I от 1693 г. упоминается «Тайкумур Колтубай Аталыков» [14, с. 400–401; 18, с. 14–15], имя которого, согласно другому документу, было «Тай-Қаранұр-бахадур ибн Култаба-аталык» [26, с. 87], хотя его можно прочесть и как «Тай-Қаранкур-бахадур ибн Култаба-аталык». Как видим, имя Култуба-аталыка (قل تبا اتاليق) [26, с. 436] в русском переводе превратилось в фамилию.

В письме к Петру I от декабря 1718 г. Каип-хан упоминается имя аталыка Араслан-батыра (Арыстан-батыр), сын которого Тантай-батыр был направлен послом в русское государство [18, с. 29]. По мнению Ж. Омари, Арыстан-аталык происходил из подрода Алтай рода аргын Среднего жуза и был родоначальником целой династии аталыков. Исследователь считает, что годы жизни Арыстан-аталыка 1560–1650 гг. Арыстан-аталык, по его мнению, начал свою карьеру аталыка еще во времена Хакк-Назар-хана и закончил его при дворе хана Есима [11, с. 143–170, 401]. С этим мнением мы не можем согласиться. Прежде всего, нет ни одного исторического документа, указывающего на службу Арыстан-аталыка у казахских правителей второй половины XVI в. – XVII в. Также не совсем точны, на наш взгляд, расчеты исследователя. Если даже его сыну Тайтай-батыру в 1718 г. было 60–70 лет (хотя сомнительно, что человека такого преклонного возраста могли направить послом в далекое русское государство), то он должен был родиться как минимум около 1650 г. Тогда его отец Арыстан-аталык должен был родиться до 1600 г. Поэтому он не мог быть аталыком при дворах Хакк-Назар-хана и Тауекель-хана, правивших ранее этого времени. Сомнительно, что он служил аталыком и при Есим-хане, т.к. обычно аталыками становились в почтенном возрасте и вряд ли Есим-хан, который умер в 1627 г., мог назначить аталыком 27 летнего Арыстан-батыра. На наш взгляд, Арыстан был аталыком лишь при дворе Хусроу-султана, отца Каип-хана.

В расспросных речах в 1696 г. тобольский казак В. Кобяков упоминает аталыка Барху-батыра (Баркы-батыр), которого называет «Тевки ханов лутчей человек» [14, с. 426]. Ж. Омари датирует годы жизни Баркы-аталыка (Барху-батыр) 1620–1715 гг. По его мнению, Баркы был сыном Арыстан-аталыка и рос вместе с Тауке-султаном при дворе его отца Жангир-хана. Исследователь пишет, что во время нахождения Жангир-хана в джунгарском плену Баркы-аталык осуществлял управление ханством. Позже Баркы-аталык ездил послом в Могульское ханство и был одним из очень близких к Тауке-хану лиц [11, с. 174, 176, 179, 188–189, 201–202, 401]. Также З. Жандарбек считает, что Баркы-аталык исполнял при дворе Тауке-хана функции главного везира [13]. Очевидно, что Баркы-аталык имел значительный вес при дворе, если мог делать замечания батырам, но, к сожалению, нет документальных свидетельств подтверждающих, что он был везиром, временно управлял государством и ездил послом к могулам. Баркы-аталык непосредственно контактировал с русскими послами, поэтому логично предположить, что он исполнял при дворе Тауке-хана дипломатические функции.

Из русских архивных материалов середины XVIII в. известно, что у Айчувак-султана, сына правителя Младшего жуза Абу-л-Хайр-хана, был аталыком некий Байбек. Он выполнял у Абу-л-Хайр-хана функции посла. В частности в 1736 г. именно Байбек-аталык доставил его письмо к оренбургскому губернатору И. Кириллову. И. Кириллов называет его «ханский служитель», «дворовой служитель» [18, с. 124]. Байбек-аталык сопровождал английского путешественника Джона Кэстля в его поездке к Абу-л-Хайр-хану. В дневнике Джона Кэстля он назван «Бейбек Ауглук» [10, с. 15], что, вероятно, является искаженным от «Байбек-аталык». В донесении от 1748 г. оренбургского губернатора И. Неплюева о нем имеется следующее сведение: «По уму лутше из всех из них упомянутой Байбек и, как чаятельно, нарочно для того отправлен, что он к ханской фамилии весьма радетен, чего для и в дятки к обретающемуся здесь Айчувак-салтану от отца ево, Абулхаир-хана, придан был, да и то можно про него сказать, яко он во всем, что ему от меня при нынешних случаях приказано ни было, порядочно и доброжелательно поступал, за что от меня при отпуске ево отсель дано ему в награждение от протчих секретно рублей на пятьдесят, ибо он и впредь, яко не глупой и добросостоятельной человек, к нужным делам годится» [18, с. 421].

По русским архивным документам этого периода известен также Мамет-аталык из рода каракесек клана (племени) Алимұлы, который был одним из четырех биев, рассматривавших дело об убийстве Барак-султаном знаменитого Абу-л-Хайр-хана [16, с. 409]. Среди биев и батыров Малого и Среднего жузов, обратившихся в 1748 г. к императрице Елизавете с просьбой об утверждении султана Нурали ханом, упоминается «Чюмекей-

ского рода ... Мамет-аталык» [18, с. 410]. В другом русском документе упоминается «алчин-чюмекейского роду старшина Мамет» [16, с. 362]. Возможно, что «Мамет-аталык» и известный из казахского фольклора Мамбет-аталык из рода шомекей племени Алимұлы являются одним и тем же лицом [21].

В обращении биев и батыров Малого и Среднего жуза к русской императрице указан также «Байтиряк-аталык» из «Алача-Баюлынского роду» [18, с. 410]. Он же в другом документе упомянут как «Байулы-Алчинского» рода «Байтеряк» [18, с. 426]¹.

Абулмамбет-хан в своем письме к И.И. Неплюеву от 1743 г. упоминает «Девлетбай-аталыка», которого он отправляет к нему послом [26, с. 255].

В материалах казахско-китайских отношений упоминается казах Кутыбай-аталык, который сопровождал в 1759 г. китайского посла Навана в его поездке к султану Абылаю и другим правителям Среднего жуза [19, с. 70].

Следует отметить, что в исторической литературе встречаются разные оценки социального статуса аталыка в казахском обществе. Так, например, Курбангали Халид писал, что аталык был равнозначен по своему статусу главному везиру. По его утверждению, только везир, который был старшего хана по возрасту, мог стать аталыком, и в указах его печать ставилась наравне с печатью хана [17, с. 135]. Отметим, что по русским документам фиксируется наличие собственной печати у Мамбет-аталыка из рода шомекей [18, с. 410]. Ж. Омари и С.И. Жаркешов также видят в аталыке крупного государственного сановника хана, осуществлявшего политику центральной власти и являющегося посредником между ханом и главами казахских родов и племен [11, с. 11, 12, 134; 12, с. 98]. Существует и другая точка зрения. «В социальной иерархии казахского кочевого общества аталыки имели более низкий статус, чем старшины родов, и в этом отношении их положение существенно отличалось от социального статуса аталыков в Бухарском ханстве», – пишет, например, И.В. Ерофеева [15, с. 389, прим. 2].

Как ни парадоксально, обе точки зрения справедливы. Если в ранний период истории Казахского ханства аталыки имели высокий статус и играли важную роль в системе государственного управления, то с начала XVIII в. они уже потеряли этот статус. Ни в материалах казахского фольклора, ни в официальных документах XVIII–XIX вв. нет данных, показывающих значимую роль аталыков в жизни народа.

Вероятно, потеря статуса аталыками было результатом законодательной реформы «Жеті жарғы» Тауке-хана, утвердившим де-факто закат

¹ Вероятно, что в тексте ошибка и слово «аталык» относится не к Кубек-мырзе, а к Байтереку.

джучидской государственности на территории Казахстана и рост роли родоплеменной знати в управлении ханством.

Из вышепредставленных материалов также можно предварительно обозначить круг племен, представители которого становились аталыками в Казахском ханстве.

Прежде всего, это представители рода Алтай племени Аргын. Согласно Ж. Омари, Арыстан-аталык, упоминаемый в русском архивном документе, принадлежал к этому роду [11, с. 45, 134]. Это племя входит в состав Среднего жуза (Орта жүз) казахского народа.

Еще одно племя, из которого выходили аталыки (Кадыргали Косумулы, аталык Ораз-Мухаммеда) – племя жалаир. Это племя входит в состав Старшего жуза (Ұлы жүз) казахского народа.

Еще одно племя, из которого входили аталыки (Мамбет, Байтерек) – Алшыны. Это племя входит в состав Младшего жуза (Кіші жүз) казахского народа.

Интересно, что все эти племена обладали в казахском обществе особым статусом и были объединены понятием «Ноқта ағасы». По казахским фольклорным данным, в каждом казахском жузе были племена, старейшины которых пользовались особым почетом после торе-чингизидов. Согласно Ж. Омари, опирающегося на материалы М.Ж. Купеева и К. Халиди, в Старшем жузе (Ұлы жүз) это было племя уйсу и жалаир, в Среднем жузе (Орта жүз) – аргын и найман, в Младшем жузе (Кіші жүз) – алшын и жапас [5, с. 201–202]. Имеется еще одно любопытное сходство: тамги – родовые знаки жалаириров, таракты, одного из ветвей племени аргын, напоминают формой гребень. Как известно, тарак – гребень является также тамгой казахских торе-чингизидов. Данный вопрос требует дополнительных исследований.

Таким образом, на данный момент мы можем сделать следующие предварительные выводы об институте аталычества в Казахском ханстве:

В Казахском ханстве также как в некоторых других постмонгольских государствах существовал институт аталычества.

Институт аталычества был одним из важных государствообразующих элементов в Казахском ханстве XV–XVII вв.

Главная функция деятельности аталыка в Казахском ханстве, также как и в других постмонгольских государствах, заключалась в воспитании наследников престола.

Аталыки, как наиболее верные и приближенные к хану люди, выполняли наиболее важные дипломатические функции.

Роль аталыков претерпел в Казахском ханстве трансформацию. Если в ранний период статус аталыка при дворе был высоким, то в XVIII в., в связи с законодательными реформами Тауке-хана, его статус значительно

снизились и аталык стал занимать в социальной иерархии статус ниже родовых старшин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
2. Алам-ара-йи Сефеви / Библиотека Парламента Ирана, №9421.
3. Алам-ара-йи шах Исмаил. Предисловие, комментарий и приложения: Асгар Мунтазар Сахиб. Шираз, 1349/1971. 2-е изд. Тегеран, 1384/2005. 803 с.
4. Анке фон Кюгельген. Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2004. 516 с.
5. Артыкбаев Ж.О. Қазақ халқының билік құрамындағы Нокта аға институты / Қазақ хандығындағы мемлекеттік басқару институттары. Ғыл. мақалалар жинағы – Государственные институты управления казахского ханства / Ж.О. Артыкбаев, Е.С. Жаркешов жалпы ред. – Астана: Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, 2015. 304 б. қазақша, орысша.
6. Ә. Мұқтар. Қазақ хандығы: ақиқат пен аңыз. Режим доступа: <https://abai.kz/post/41736> (дата обращения: 29.03. 2020).
7. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.: Наука, 1963. 1024 с.
8. Беляков А.В., Виноградов А.В., Моисеев М.В. Институт аталычества в постзолотоордынском мире // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 412–436. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.412-436
9. Гусейнов Р.А. Институт атабеков // Палестинский сборник. 15-й (78-й) выпуск. История и филология стран Ближнего Востока. 1966. С. 181–196.
10. Джон Кэстль. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абул-хаиру, хану киргиз-кайсацкой орды: перевод с немецкого Вольфганга Штаркенберга. Алматы: Жибек жолы, 1998. 152 с.
11. Ж. Омари. Аталықтар әулеті: Арыстан, Барқы, Нияз. Астана: «Алтын кітап», 2011. 414 б.
12. Жаркешов С.И. Қазақ хандарының аталықтары хан ордасының қызметін ұйымдаструшылар / Қазақ хандығындағы мемлекеттік басқару институттары. Ғыл. мақалалар жинағы – Государственные институты управления казахского ханства / Ж.О. Артыкбаев, Е.С. Жаркешов жалпы ред. Астана: Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, 2015. 304 б. қазақша, орысша.
13. Жандарбек. Абылай ханның орындалмаған арманы (Мәселенің қойылуы). Режим доступа: <https://qazaquni.kz/2013/08/06/17704.html> (дата обращения: 29.03. 2020).
14. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. I. Посольские материалы Русского государства (XVI–XVII вв.). Составление, транскрипция скорописи, специальное редактирование текстов, вступительная статья, коммен-

тарии, составление словников указателей А. Исина. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 705 с. + 16 с.

15. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI первой трети XVIII в. о народах Казахстана / Сост., транскрипция, комментарии, вступительная статья И.В. Ерофеевой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 448 с. + 8 с. вкл.

16. История Казахстана в русских источниках в XVI–XX вв. Том 3. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.). Сост. И. В. Ерофеева. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 484 с.

17. К. Халиди. Тауарих-и хамса-и шарки – Шығыстың бес тарихы: бірінші кітап. Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 2017. 328 б.

18. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1961. 741 с.

19. Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. III том. Цин патшалық дәуірінің мұрағат құжаттары. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 154 б. + факсимиле 140 б.

20. Мулла Абу Бакр Тихрани (?). Тарих-и джахан-ара / Библиотека Парламента Ирана, №78425.

21. Т. Дайрабай. Атағы аспандаған Мәмбет аталық. Режим доступа: <https://turkystan.kz/article/83453-ata-y-aspanda-an-m-mbet-ataly> (дата обращения: 29.03. 2020)

22. Тарих-и шах Исмаил / Библиотека медресе «Сепасалар», №1514.

23. Тарих-и шах Исмаил Сефеви / Библиотека Парламента Ирана, №1599.

24. Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника / Критический текст, перевод, комментарий, исследование и указатели О.Ф. Акимовской. М., 1976. 362 с.

25. Экаев О. Туркменистан и туркмены в конце XV – первой половине XVI в. (По данным «Алам ара-йи Сефеви»). Ашхабад: Ылым, 1981. 144 с.

26. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сборник исторических документов в 2-х томах. Т. 1. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. / Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев, составитель и ответственный редактор И.В. Ерофеева. Алматы: «АБДИ-Компании», 2014. 696 с. + вкл. 44 с.

27. Bregel, Y. Atalik / The Encyclopedia of Islam. Supplement, Fas. 1–2, pp. 96–98.

28. McChesney, R.D. The Amirs of Muslim Central Asia in the 17th century // Journal of Oriental and African Studies, 21/1. (1983), pp. 33–70.

29. Mantran, R. Encyclopaedia of Islam, Second Edition. Режим доступа: <https://referenceworks.brillonline.com/browse/encyclopaedia-of-islam-2/alphaRange/Ao%20-%20Au/A?s.rows=50&s.start=260> (дата обращения: 21.01. 2020)

Сведения об авторе:

Нурлан Адилбекович Атыгаев – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Казахского национального аграрного университета (Алматы, Казахстан); Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшык» (Атырау, Казахстан). E-mail: nuratygaev@mail.ru

Планировочные решения суфийских обителей в Азербайджане

В статье рассматриваются особенности планировки ханака – суфийских комплексов на территории Азербайджана. Наиболее значительные – ханака братства Галандарийа и гробница Пир-Хусейна (XI в.) на реке Пирсагат, Сабаил в бакинской бухте XII в., ханака и восьмигранный мавзолей Шейха Баби Иа'куба и др. Ханака как просветительские и культурные центры возникли вдоль важных торгово-караванных путей. В период зарождения суфизма имело место аскетическое обособление мистиков (последователи шейха Дири-Баба). С X–XII вв. вокруг захоронений мистиков и шейхов появлялись стихийные кладбища «шейхляр, также начинали именоваться расположенные рядом населенные пункты (пос. Шихово; Абшерон и др.). В дальнейшем, странствующие мистики объединялись в общины. В этот период получают распространение суфийские обители – ханака. Можно говорить о том, что для раннего этапа характерно формирование суфийских комплексов ханака на основе рибатов – укрепленных крепостей (ханака Шейха Баби Иа'куба). Ханака, начиная с X века стали представлять собой комплексы с мавзолеем, мечетью, залой для молебна учебными и хозяйственными помещениями, кельями учеников, иногда с помещениями для медитации.

Ключевые слова: ханака, суфийская обитель, рибат, суфии, Азербайджан, шейх, шейхляр

Суфийские идеи распространились в Азербайджане с X века. Имеется целый ряд доказательств, указывающих на существование суфизма в Азербайджане с самого раннего периода. Распространителями идей были суфийские пиры и их ученики. Нам известны имена мусульманских мистиков, действовавших в Северном и Южном Азербайджане: Абу Хусайн Дундари Ширази (ум. в 964 г.), Хусайн б. Йаздинйар, Абу Хасан, Абу Зурр (в 1024 г.), Абу Аббас, Ахи Фарадж Занджани (в 1065г.), Хвадж Мухаммад Хошнама (XI в.). С XI века в Азербайджане распространился и до сих пор существует интеллектуально-мистический гностицизм – шиитский суфизм. В его развитии участвовали суфийские братства, зародившиеся в Азербайджане – Сухравардийа, Халватийа, Сафавийа, представители шиитско-суфийской общины Хуруфийа.

Начиная с XII в. в культуре Азербайджана ханака стали занимать важное место. Это связано с тем, что в этот период начали формироваться тарибаты – суфийские ордена. Значительное место в истории суфизма полу-

чили ордена, созданные на территории Азербайджана. В Азербайджане были распространены суфийские братства Сухравардийя, Халватийя (XIV в.), Сафавийя (XV в.), Захидийя, Галандарийя, Гадирийя, Йасавийя (XIII в.), Накшбандийя (XIV в.), Хуруфийя, также Ровшанийя и Гюльшанийя – ветви Халватийя и анатолийская ветвь суфийского движения Ахи. Суфийские центры Накшибандийя и его ответвления Алавийя действовали в северо-западной зоне Азербайджана – в Шеки, Гахе, Балакене, Загатале [13, с. 10]. В Ленкоранском районе в сел. Шыхакяран действовали суфийские центры шейха Захида (XIII век), Пенсар (Бутасар) Сейида Джама-леддина (XII–XIII вв.); в сел. Шыхлар (Джебраильский р-н) – суфийское общество Кадирийя; в сел. Шыхлар (Хачмазский р-н) – Мовлана шейха Юсифа (XIV в.); в сел. Хазра (Габалинский р-н) – шейха Мансура (XIV–XV вв.); в сел. Пирвахид Губинского района – ханака суфийского шейха Халватийя и т.д. [13, с. 10].

Ханака – просветительские и культурные центры возникали вдоль важных торгово-караванных путей. Долгие годы они играли значительную роль в политической жизни. Из комплексов, расположенных на торговых путях, следует назвать ханака Баба-Самита на торговом пути Баку-Джавад; Мовлана Юсифа на пути Баку-Шабран-Куба, Таира Тадж ал-Худа б. Али Мадакани на пути Баку-Шемаха-Джавад-Ардабиль, ханака Шейха Джамал ад-Дина, Шейха Захида, расположенных вдоль торгового пути Ленкорань-Астара, ханака Шейха Тахира ал-Худа Мадакани, расположенного на дороге Шамаха-Джавад-Ардебиль и др. [12, с. 34].

В Азербайджане сохранилось большое количество памятников, связанных с суфийскими шейхами. Очень много в Азербайджане сел, именуемых одинаково – Шихлар (Масаллинский, Сабирабадский, Джагилабадский, Хачмазский районы), что говорит о том, что там действовали ханака. Шейхов и их мюридов после их смерти хоронили недалеко от ханаки и так появлялся «мазарлыг» – «кладбище шейхов», и, как показывает анализ, уже позднее, вся территория получала название «шихлар» («шейхи» – пос. Шихово; Абшерон). В Джебраильском районе в сел. Шихлар – действовало суфийское общество Гадирийя; в Хачмазском районе в сел. Шихлар – Мовлана шейха Юсифа (XIV в.). В селении Шихакяран (Ленкоранский р-н) в XIII веке действовали суфийские центры шейха Захида (дед основателя Сефевидской династии).

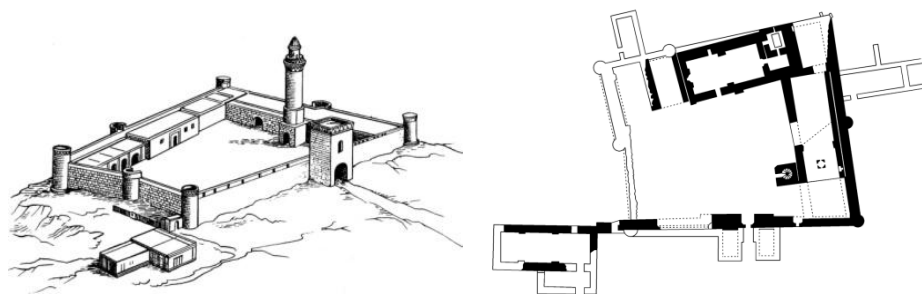
В селе Шихлар Джебраильского р-на действовало ханака братства Гадирийя (XIII–XIV вв.) – сохранился восьмигранный каменный мавзолей Ших Баба, остатки подсобных помещений, отстатки стен, окружавших комплекс, кладбище [12, с. 20]. «Вокруг гробницы сохранились могилы его мюридов-последователей Абд-ар-Рахмана б. Шейх Хусейна, Шейха Абд ас-Салама ибн Шейха Гийас ад-Дина (ум. 27.7.1358 г.), Шейха Махий ад-Дина» [12, с. 29].

Рассматривая суфийские обители Азербайджана, нужно упомянуть – ханака братства Галандарийа. Ханаке шейха ал-Хусейна ибн ‘Али, известного под именем Пир-Хусейн Раванан, принадлежало крупное вакуфное движимое и недвижимое имущество, драгоценности, она была известна далеко за пределами Ширвана [6, с. 81]. Анализируя археологические материалы и сохранившиеся надписи – можно сделать вывод о том, что в Ханака на р. Пирсаатчай строительство велось в период 1243–1303 гг. Как отмечает С.Б. Ашурбейли: «...ширваншахи уделяли большое внимание строительству и украшению ряда ханака в Ширване: особенно ханака близ селения Наваги на реке Пирсагат, святыне Бибиэйбат близ Баку, Пир Мардакян в сел. Гейляр близ Шемахи и др.» [3, с. 164]. Основные сооружения комплекса относятся к XII–XIV вв. В комплекс входили – мечеть с минаретом (представляющий собой в плане квадрат сечением 3х3 м выс. 17 м) и восьмиугольная в плане усыпальница, конюшня с помещением для конюхов, расположенная вне стен укрепления к юго-востоку; два обширных зала; шесть худжр; два вестибюля; ряд помещений в юго-западной и северной частях [10, с. 32].

Изразцы большого фриза мавзолея Пир-Хусейна

Комплекс представлял собой одноэтажные сооружения, сгруппированные вокруг открытого двора, опоясанного крепостными стенами неправильной четырехугольной формы с единственными укрепленными воротами, с круглыми башнями в плане. Бойницы в крепостных стенах, внутренняя периметральная застройка, а также высокие угловые башни и единственные укрепленные ворота свидетельствуют об оборонительном характере всего комплекса сооружений [10, с. 32]. Эти и другие характерные признаки роднят Ханака и гробницу Пир-Хусейна с крепостями Рибат и Касба в Суссе (Тунис). Крепость Рибат (построена 787–821 гг.) – также была квадратной формы с полукруглыми башнями по четырем углам, по периметру внутреннего двора, располагались кельи и молитвенный зал. Таким образом, комплекс принадлежит к ранним типам ханака, перестроенным из рибатов.

Ханака Пир-Хусейна (XI в.) на реке Пирсагат

Ханака Пир-Хусейна (XI в.) на реке Пирсагат

К этому же типу ханаки – перестроенному из рибата можно отнести укрепление Сабаил в бакинской бухте XII в. – в виде неправильного четырехугольника (180х40м) с пятнадцатью башнями. По периметру внутреннего двора были построены небольшие двухкомнатные худжры [4, с. 67]. Затопление сооружения произошло, по-видимому, в начале XIV в. (1306 г.) в результате землетрясения, приведшего к повышению уровня Каспийского моря [2, с. 75]. В ходе археологических исследований выявлено, что «в годы правления ширваншаха Фарибурза III в Баку строили или возобновляли строения крепостного типа, находящиеся в Бакинской бухте», сохранилась надпись, носящая дату 632 г.х. (1234/5 гг.), обнаруженная на его стенах, указывает на время окончания его постройки и совпадает со временем завоевания страны монголами» [2, с. 76]. Сохранилось сообщение Абд ар-Рашида ал-Бакуви, который отмечал прочную крепость из камня, стоящую у моря, волны которого бьют в ее стены – датируемое 1403 годом [2, с. 75]. Сара Ашурбейли, считает, что Сабаил – морская крепость [2, с. 76]. В пользу этой версии говорит толщина крепостных стен, которая колеблется от 1,5 до 2 м. Л.С. Бретаницкий анализируя этот памятник – остановился на том, что это ханака. Некоторые исследователи предполагают, что это караван-сарай. Стоит отметить, что против этой версии – выступает размер ворот крепости: вход шириной 1,25 м не мог

быть устроен в караван-сарай. Таким образом, перед нами укрепление, перестроенное и функционировавшее как ханака до затопления в XIV в.

Баку, XII в. Рисунок Н. Шеблыкина (слева) и его фрагмент (справа)

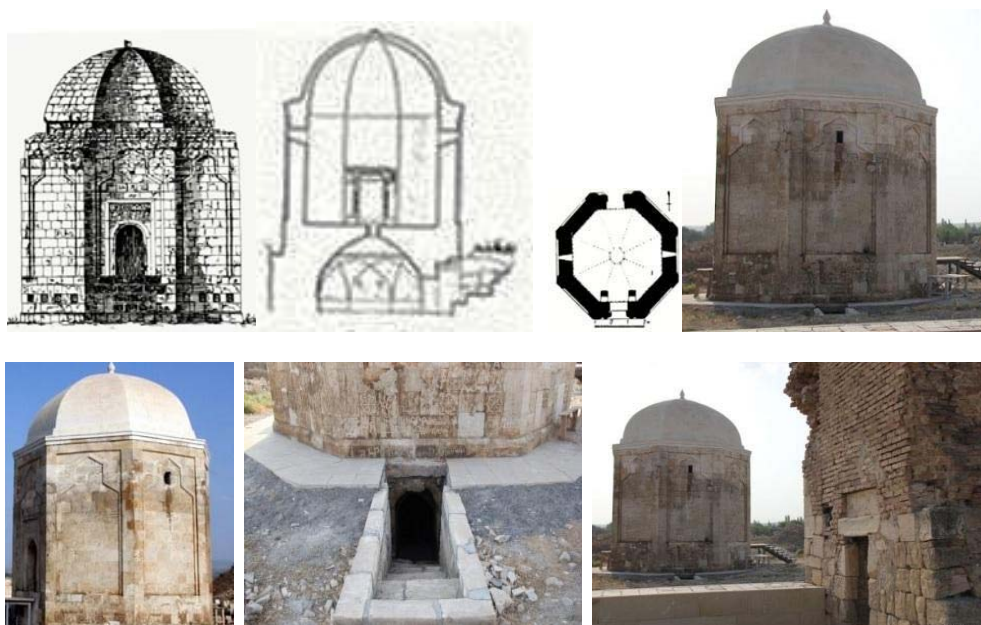

Ханака Шейха Баба Иа'куба

Среди перестроенных из рибатов можно назвать Ханака шейха Баба Иа'куба (XIII в.; сел. Баба, Физулинский р-н) – в комплекс входили входной портал, два больших зала, мечеть с минаретами цилиндрической формы,

перестроенная из караван-сарая, два мавзолея, хозяйственные строения, подземный склеп, кладбище и многие другие сооружения [9, с. 109]. В ходе раскопок также обнаружены остатки оборонительных стен. Во время археологических исследований обнаружены 6 воинских захоронений [11], что позволяет предположить, что комплекс был построен на основе рибата.

Местные называют ханака Шихбаба, отмечая, что его основатель суфийский шейх Иа'куб ибн Исма'ил. Из комплекса сохранились мавзолей и стоящий неподалеку полуразрушенный минарет. Мечеть пострадала во время русско-персидских войн в XIX в.

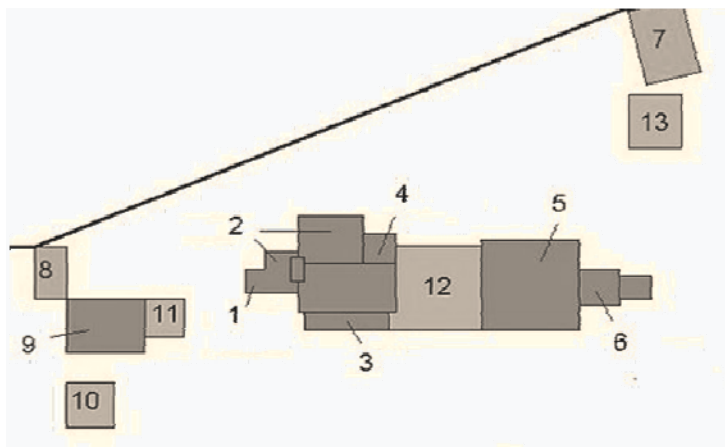

Ханака Шейха Баба Иа'куба (Физулинский р-н)

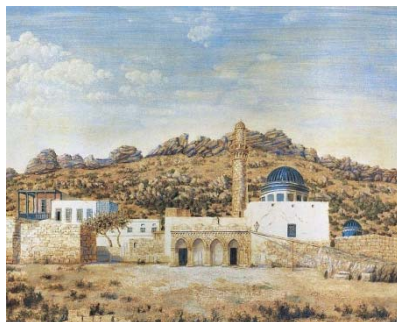
Восьмигранный купольный мавзолей построен из белого камня, относится к типу мавзолеев «без выраженной башенности», перекрывается сферическим куполом. Среди характерных особенностей мавзолеев этого типа также легкая доступность входа в верхнюю камеру. Мавзолей относится к памятникам нахичеванской архитектурной школы. Имеет два помещения – подземный склеп и верхнюю надземную камеру. Высота мавзолея до 18 м, грани имеют ширину 3 м. Мавзолей стоит на цоколе (1,5 м). Вход в склеп расположен с восточной стороны и перекрыт куполом с опиранием пристенные пересекающие стрельчатые арки.

Вход в надземное помещение был устроен напротив михраба, окно было предусмотрено на южной грани. Надземное помещение перекрывалось куполом сферической формы. Согласно М. Неймат в надписи на арабском языке над входом содержится информация о возведении мавзолея шейха Иа'куба ибн Исма'ила Кур-Хара в 672 г.х. (1273–1274 гг.) согласно сохранившимся преданиям в мавзолее был захоронен Шейх Баба Иа'куб [12, с. 19].

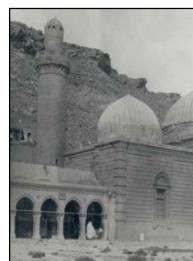
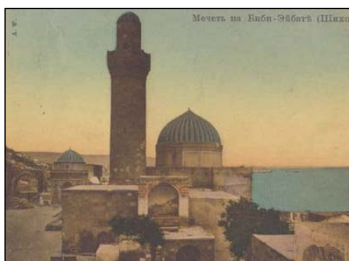
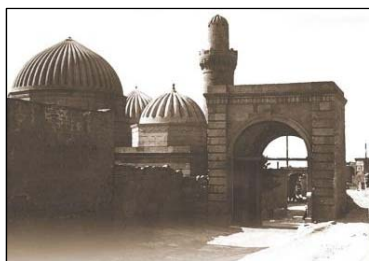
Суфийский комплекс Биби-Эйбат возник недалеко от древнего пира и представлял собой четырехугольный замкнутый двор. Рядом с мечетью Биби-Эйбат (время строительства – конец VIII в.) была устроена усыпальница. В усыпальнице захоронена дочь седьмого имама Муса ибн Джафара Ас-Садик (Казыма). В комплекс входили мечеть с минаретом, южные и северные ворота, мавзолеи-усыпальницы, бассейны и ряд помещений [19, с. 30]. С южной стороны мечети была устроена открытая галерея, а с запада к мечети и усыпальнице примыкал минарет высотой около 20 м [19, с. 30]. Мечети и усыпальницы имели кубическую форму, верхняя часть минарета была украшена резьбой и сталактитами [19, с. 30]. Известно, что в XIII веке Ширваншах Фаррухзад провел реконструкцию мечети и достроил комплекс (что известно из надписи на стене старой мечети Биби-Эйбат, датируемой 680 г.х./1281–1282 г., где упоминалось имя Фаррухзада II ибн Ахситан II ибн Фарибурз III [3, с. 129]).

Комплекс Биби-Эйбат: 1 – мечеть; 2 – Sərdaba; 3 – аркада; 4 – минарет; 5 – новая мечеть; 6 – входной портал; 7 – северные ворота; 8 – южные ворота; 9 – служебное помещение; 10–13 – захоронения

Слева: Биби-Эйбат, 1911 г. Автор – Вигго Петер Олаф Лангер.
Справа: Биби-Эйбат, 1907 г. Автор – Алибек Гусейнзаде (1864–1940)

Биби-Эйбат

В последнее время получила распространение идея о комплексе Дворца Ширваншахов как общины халватийа [18]. Можно говорить о том, что действительно, первоначально комплекс создавался как ханака. В комплексе сохранился мавзолей сеида Яхья Бакуви – мюрида Шейха Садрадина, который переехал в Баку в 1420 г. (ум. в 1465 г.).

К ханаке следует отнести и комплекс у Девичьей башни – комплекс памятников гробницы шейха Тахира. Из сооружений сохранились остатки колоннады со стрельчатыми арками, мечеть-мектеб – мечеть Моллы Мирзы (1056 г.х./1645 г.), с круглым куполом, длиной 14 и шириной 9 м, относится к периоду правления шаха Аббаса II, кладбище. На территории обнаружены древние захоронения. Во время археологических работ был выявлен восьмигранный, большой каменный столп (выс. 1 м 31 см, диам. 45 см) со следами огня, установленный на трехступенчатое основание [20, с. 343–355]. Мечеть датируется IX в. На алтаре мечети имеется арабская надпись почерка куфи, прочитанная эпиграфистом М. Неймат, которая гласит: «Власть принадлежит Аллаху» [14, с. 63, 86–87]. Согласно надписи на куполе мечети-мектеба, отмечается: дата постройки мечети при шахе Аббасе II (1646 г.), также обращения в вакф арендной платы за склад шей-

ха Тахира. Также из надписи известно, что комплекс шейха Тахира был огражден и существовал водопровод, что при комплексе было нефтехранилище [14, с. 63, 86–87].

В XIV веке на месте существующей ныне мечети Тезе пир существовала ханака Абу Саида ‘Абдала Бакуви (потомок из рода Абу Саида Абу-л Хайра). Об этом упоминает А.Бакиханов: «впоследствии по разным смутным обстоятельствам в Ширване, мечеть и приемные комнаты были разрушены, а могила и келья засыпаны землей и ныне называется «Халифа Дамлары в 1232/1817 г.: Гаджи Касим бек, сын Мансур хана Бакинского, открыл его могилу и келью и восстановил мечеть» [4, с. 201].

В Ширване также были распространены общины братства Бекташийя и, в частности, его ответвления – дервишей «Баба Самита». Ханака Баба Самит действовала в сел. Шихлар Сабирабадского района. Баба Самит – основатель общины, его родословная вела от седьмого шиитского имама Мусы ал-Казима. Кроме того, следы последователей Баба Самита сохранились на Апшероне – на надгробиях в селениях Бузовны и Раманы. Их отличительной чертой является то, что на них высечены слова основного зикра «Дервишей Баба Самит» – «Нади Алиййан», прославлявшего имама Али (ум. в 661 г.) и вызывающего к нему [1].

К этому же братству (бекташийя) принадлежал и Дедегюнеш – Кафиаддин ‘Омар бен ‘Усман, учёный, физик, философ, управлявший Ширванской академией Дар ул-‘улум в период правления Ширваншаха Фарибурза I (1063–1096гг.). Кафиаддин ‘Омар бен ‘Усман – дядя поэта и мыслителя Афзаладдина Хагани (XII в.). Место его захоронения ныне почитается как святыня и носит название Дедегюнеш пири (Шемахинский р-н). На территории селения действовал крупный медицинский центр.

Дедегюнеш пири (Шемахинский р-н)

Дедегюнеш пири (Шемахинский р-н)

Ханака последователей братства Халватийа существовала на территории села Пир Вахид (Кубинский р-н) на торгово-караванном пути. Местные жители кладбище суфиев называют «66 овлия». Отличительная черта надгробий состоит в форме их завершающей части – в виде «гладкой папахи» [13]. Были уничтожены все сооружения комплекса.

Гробница шейха Мовлана Юсиф Баба (XIII в.) (с. Шихлар, Хачмазский р-н)

Ханака братства Халватийа действовало и на территории селения Шихлар (Хачмазский р-н). Основоположник общины – Мовлана Юсиф Баба (VIII в.), философ и ученый. Ага Бакиханов отмечает, что шейх Молла Юсиф Мушкюрлю начальное образование получил в Мушкюре, затем, получил благословение у шейха Сейид Яхйа Бакуви на учительское звание [4, с. 202]. Из сооружений сохранилась гробница шейха (XIII в.) и мечеть XVI в.

Комплекс сооружений XVII в. в поселке Мараза близ Шемахи можно отнести к числу ханака, возникших у пещерных поселений отшельников, и перестроенных из рибатов. Внимание привлекает мавзолей шейха Дири-Баба (XIV в., сел. Мараза) высеченный в отвесной скале. Напротив с годами появилось кладбище.

Среди местных жителей сохранилось предание о погребении святого Дири-Баба, который остался нетленным. Местом захоронения святого стала пещера, где уединился Дири-Баба. В окрестности можно увидеть большое количество таких же пещер, где согласно преданиям, жили отшельники. Вполне возможно, что «Дири-Баба» или как его называют местные жители – «маразинский шейх», являлся муэдзином при дворце ширваншаха Ибрагима I (1382–1417 гг.), правителя Ширвана.

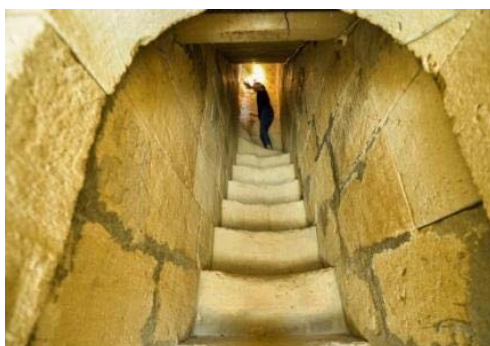

Мавзолей шейха Дири-Баба

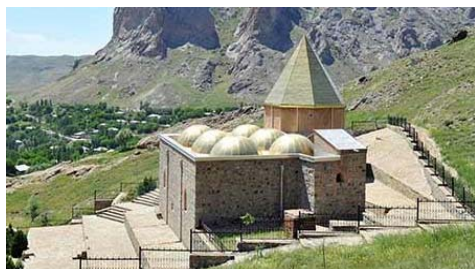
Мавзолей шейха Дири-Баба

Двухэтажный мавзолей высечен в скале и датируется 805 г.х. (1402–1403 гг.). На первом ярусе расположен зал, перекрытый стрельчатым сводом, в который есть проход из небольшого вестибюля с восьмигранным куполом на высеченную в скале лестницу. На стене высечена надпись, где упоминается имя ширваншаха Ибрагима I. Зал второго этажа (ок. 15 м²), перекрыт сферическим куполом. Тромпы украшены растительным орнаментом.

Мавзолей шейха Дири-Баба

Сохранился фрагмент надписи, с датой – 1402 год, где указано имя зодчего – «...сын устада Гаджи». А. Олеарий оставил сведения о погребении святого Сеида Ибрагима, которое было «окружено каменными стенами и двумя дворами и построено и украшено вроде замка». Известно, что во время нападения Тамерлан из-за святости его не разрушил. Таким образом, комплекс Сеид-Ибрагима можно датировать началом XIV в. А мавзолей Дири-Баба еще раньше. Сохранились зарисовки голландского художника Корнелиус де Брейна (1703 г.); [15, с. 75].

Ханака на реке Алинджачай XIII–XV вв.

Ханака на реке Алинджачай XIII–XV вв.

Также следует отметить ханака на реке Алинджачай XIII–XV вв. (сел. Ханегя Джульфинского р-на), недалеко от Нахичевани, местные называют ее Шейх Хорасан (по месту рождения шейха Мухаммеда Наими). Ханака была построена на торгово-караванном (шелковом) пути.

Ханака на реке Алинджачай XIII–XV вв.

По мнению М.Неймат основателем был Абу ‘Омар Нахчивани [12, с. 23]. Как сообщает Смирнов: «...развалины одного дома называются шейх-тахты, т.е. трон шейха»; «...местность на юг от селения называется Хараб-баг (разрушенный сад), а на север Даш-Ареси или Мур-дереси» – что напоминает об аде, по его мнению, эти названия относятся к «терминам доктрины исмаилитов» [16, с. 34]. Из сооружений комплекса сохранились два мавзолея, мечеть, пир с кладбищем, развалины нескольких строений. Первый мавзолей датируется 1495/1496 гг., построен из обожженного кирпича светло-охристого цвета. В плане представляет собой правильный квадрат со сторонами 5,5 м. Нижняя часть мавзолея имеет форму куба, верхняя – восьмигранника. В мавзолее был захоронен в 1394 г. шейх Мелик Хоросани [16, с. 34] – Фазлуллах (Фазл) ибн Мухаммед Наими Тебризи Астрабади (1339–1394 гг.), поэт, мыслитель и основоположник хуруфизма, учитель Насими. Другой мавзолей в честь шейха Хаджи Ляля Ме-

лика был построен в XV в. его супругой Хонд Бикой-хатун. Суфийская обитель действовала до XVIII в.

В Нахичевани сохранилась завия-медресе (XVII–XVIII вв.) – центр суфийского ордена. Здание построено из жженого кирпича и гяжевого раствора (толщина стен – 0,9–1,5 м) в прямоугольной форме, на фундаменте высотой 2 м. Комплекс состоит из зала с михрабом 1,7х5,15х5,5 м (выс. 5,5 м и площ. 88 м²), вестибюля, с примыкающими двухэтажным вспомогательным зданием и минаретом. Основной вход с запада, но также есть еще два входа. На главном фасаде устроен портал с крыльцом, также три окна шебеке. Оконные проемы (0,9х3,2 м) северного и западного фасада украшены шебеке.

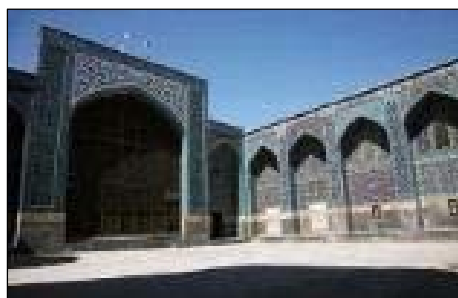
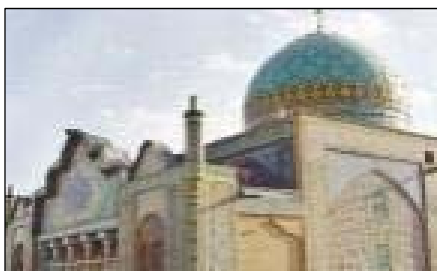

Нахичевань. Завия-медресе (XVII–XVIII вв.)

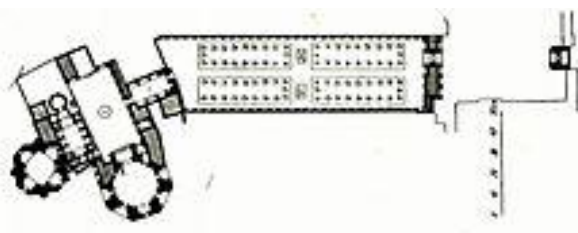
Интересен комплекс сооружений XII–XIII вв. ханака Пири-Мадакани (сел. Гейляр, Шемахинский р-н), принадлежавшая братству Галандарийа – сохранилось здание мавзолея и кладбище, согласно археологическим исследованиям в комплекс входили: кельи, мечети, караван-сарай и других строения [13, с. 10]. Комплекс представлял собой внутренний двор с верандой, огороженный крепостными стенами, от входа по двум сторонам располагались – худжры, с левой стороны – зал молитвенных собраний, минарет, мавзолей башенного типа, ставший архитектурной доминантой ансамбля и примыкающее к нему с северо-западной стороны вспомогательное помещение, конюшни и хозяйственные помещения с северо-восточной стороны [10, с. 33].

Ханака в селении Оседара (XIV в., Лерикский р-н) находится в горной местности. Его возглавлял Шейх Ходжа Саид. Сохранился четырехугольный мавзолей с размерами 11,5 x 7,5 м, высотой 11,5 м из кирпича. Стены мавзолея орнаментированы.

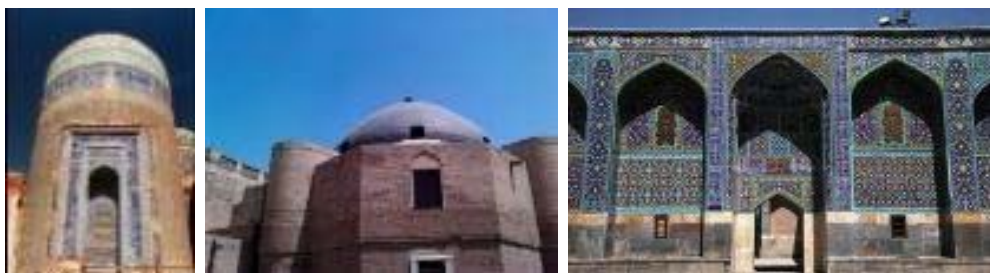
Из сообщения А. Гельпинарлы известно, что в XII веке в селении Завийе в Хое (Иранский Азерб.) действовала обитель Пира Салтука из рода Хаджи Бекташа Вели. Он же отмечает, что «Сары Салтук отождествлялся в Румынии и Болгарии со святителем Николаем, иногда со святым Георгием и святым Спиридоном (в Греции)» [21, с. 41].

Ханака и святилище шейха Сефи ад-Дина в Ардабиле

Ханака и святилище шейха Сефи ад-Дина в Ардабиле

Ханака и святилище шейха Сефи ад-Дина в Ардабиле

Рассматривая сохранившиеся комплексы можно выделить следующие исторические этапы и основные композиционные черты.

1. Характерными чертами практики ранних суфиев (до X в., называвшихся «захидами» – аскетами) было строгое следование кораническим предписаниям и Сунне, в том числе, отречение от мирского, размышление над смыслом Корана, многократные посты и культ бедности, благочестие в повседневной жизни, удовлетворенность своей земной долей (рида), стойкое перенесение лишений мирской жизни (сабр) и т.д. Первоначально, в период зарождения суфизма имело место аскетическое обособление мистиков. Это могли быть пещерные кельи, иногда подземные – мавзолей шейха Дири-Баба (XIV в., сел. Мараза).

2. Второй период, охватывающий X–XII вв. отличается тем, что в учении суфиев формулируются основные понятия и принципы, такие как щедрость (ас-саха), полное упование на Аллаха (ат-таваккул), добровольная бедность (ал-факр), опьянение божественной любовью (ас-сукр), саморастворение и исчезновение в сущности Аллаха (ал-фана) и т.д. Мы видим, как с течением времени, вокруг захоронений мистиков и шейхов появлялись стихийные кладбища их последователей – получившие название «шейхляр» («шейхляр» позднее трансформировалось в «шихляр») и, часто, также начинали именоваться расположенные рядом населенные пункты («шейхляр» – пос. Шихово; Абшерон и др.). Тоже самое можно увидеть и на территории Средней Азии – Шейхляр в Оше мехелля (Киргизия), пос. Шейхляр в Самаркандской обл. (Узбекистан). Также и на территории России – деревня Шихово была в Вятской и Кировской губерниях, в Таврической губернии в Евпаторийском уезде – Шейхляр.

3. В дальнейшем, странствующие мистики объединялись в общины, создавали обители. Обители часто получали поддержку со стороны правителей. Именно в этот период получают распространение суфийские обители – ханака. Можно говорить о том, что для раннего этапа характерно формирование суфийских комплексов ханака на основе рибатов – укрепленных крепостей, к X в. многие из которых оказались заброшенными. Рибаты –

крепости вдоль караванных путей, окруженные крепостными стенами с башнями, обходными галереями, площадками для боя, с единственным входом на центральной оси. В рибатах предусматривались мечеть, овдан, караван-сарай для путников. Среди перестроенных из рибатов можно выделить Ханака Шейха Баби Иа'куба (XIII в.; сел. Баба, Физулинский р-н). Комплекс в поселке Мараза близ Шемахи можно отнести к числу ханака, возникших у пещерных поселений отшельников и перестроенных из рибатов.

Часто ханака формировалась в течение длительного периода вокруг святых мест – пира (захоронения суфия или мученика), что говорит о культе «мусульманских святых». В настоящее время, многие существующие святые места – «пир» (иногда «языческого» происхождения – святилище Ийдяли (сел. Шахтахты Кенгерлинский р-н, II–I тыс. до н.э.); в том числе суфийские захоронения, сохранили свое значение и пользуются почитанием у народа.

4. Мы можем говорить о том, что в Азербайджане, ханаки, начиная с X века, превращаются в крупные религиозные центры. Суфийские общины – представляли собой центр, где обосновывался шейх, часто возникали – как уже отмечали, вокруг святых мест или захоронений святых. Подобные центры носили название «ханака» – «ханака», «завия» (арабский термин, распространенный преимущественно в Сев. Африке), в Турции – даргах. Ханака стали представлять собой комплексы с мавзолеем, мечетью, залом для молебна учебными и хозяйственными помещениями, кельями учеников, иногда с помещениями для медитации.

Строительство крупных ханака, как правило, зависело от положения и роли шейхов общины и ордена в политической жизни государства [7]. Шихаб ад-Дин ал-Хамадани (XIV в.) в главе «О слушании» «Трактата о правилах шейхов» пишет: «В слушании соблюдай три вещи: место, время и братство. Что касается места, (то) нужно, чтобы (оно было) просторным и открытым от посторонних взглядов. Что касается времени, то должно, чтобы (суфий) знал время слушания, и с наступлением ночи (оно) наиболее благоприятно, для того, чтобы простонародье (авамм) не получило об этом известия» [7]. Ханака строились по принципу центрального двора, окруженного помещениями (влияние рибата) – ханака на р. Пирсагат (Азербайджан); Ханака Кусам ибн Аббас (Самарканд) и Сайфуддин Бухари (Бухара).

Появление больших купольных зал, объясняется, суфийской традицией, распространившейся в X–XI вв. предусматривавшей пение и музицирование с использованием инструментов камерного звучания, рассчитанных на помещения закрытого типа во время ритуалов суфистов [7]. Можно проследить как с усложнением ритуала развивается композиция ханака – центр композиции комплекса перемещается в купольные залы, служащие для общего проведения ритуалов и моления.

5. Третий период (XII–XV вв.) – характеризуется обособлением братств. В комплексах появляются многозальные мечети, связано с тем, что происходит совмещение функций мечети и залы для совершения ритуальных действий. Ханака в этот период представляют собой крупные портално-купольные сооружения часто в комплексе с медресе и монументальными гробницами. Как считают исследователи, в позднее средневековье характерно слияние мечети и ханака, что «символизировало слияние официальной религии и суфизма», это также отмечает О.А.Сухарева на материале Бухары этого времени [17, с. 69–86], а также и другие исследователи [8, с. 138, 150]. К XVI веку наблюдается снижение роли суфийских течений в Азербайджане.

Рассматривая архитектурно-планировочную организацию комплексов ханака можно выделить следующие особенности. Первоначально ханака были четырехугольной формы с полукруглыми башнями по четырем углам, по периметру внутреннего двора располагались кельи и молитвенный зал – ханака на р. Пирсагат (Азербайджан); укрепление Сабаил в бакинской бухте XII в.; Рибат и Касба в Суссе (Тунис).

Композиционно все помещения компоновались вокруг центра. Но, при этом, в зависимости от состава помещений можно отметить следующие приемы.

1) Центральный квадратный купольный зал, окруженный 4-х сторонней галереей. Мечеть примыкает к гробнице шейха – этот прием повторяется во многих ханака – ханака на р. Пирсагат (Азербайджан); деревянные галереи в Ханака Ходжа Заинуддин и Хазрати Иман (Бухара).

2) Центральный квадратный купольный зал, окруженный галереей. Крупные портално-купольные сооружения часто в комплексе с медресе и монументальными гробницами – комплекс памятников гробницы шейха Тахира у Девичьей башни; завия-медресе (XVII–XVIII вв.) в Нахичевани; ханака Мухаммад Султана в комплексе Гур-эмир; Ходжа Ахмеда Ясеви (Туркестан); Ханака Бахоуддина (Бухара).

3) Ханака с внутренним двором без четкой структуры плана, наличие гробницы святого и отдельно стоящей мечети – комплекс Биби-Эйбат, ханака Яхъя Бакуви (Дв. Ширваншахов); ханака Пири-Мадакани (XII–XIII вв. сел. Гейляр, Шемахинский р-н).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алескерова Н. Суфизм в Азербайджане. Кавказ и глобализация. 2007. Т 1(5).
2. Ашурбейли С.Б. История города Баку. Баку, 1992.
3. Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку, 1983.
4. Бакиханов А. Гюлистан Ирам. Баку, 1991.

5. Бретаницкий Л., Веймарн Б. Искусство Азербайджана IV–XVIII вв. М., 1976.
6. Буниятов З.М. Государство атабеков Азербайджана. Баку, 1978.
7. Джумаев А. Среднеазиатская ханака, суфийские предписания о слушании (сама`) и традиция духовных песнопений (хонакои) // Transoxiana. Тарих ва маданият – История и культура. М., 2004.
8. Захидов П.Ш. О школах зодчества Узбекистана (XIX – нач. XX вв.) // Искусство зодчих Узбекистана. Вып. IV. Ташкент, 1969. С. 138, 150, 153.
9. Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1988, с. 109.
10. Мамед-заде К.М. Строительное искусство Азербайджана (с древнейших времен до XIX в.). М., 1983. С. 32.
11. Мамедов В. На территории Физулинского района Азербайджана начались археологические раскопки гробницы XIV века. URL: http://wp.wiki-wiki.ru/wp/index.php/Мавзолей_Шейх_Баби_Иа%27куба
12. Неймат М. Корпус эпитафических памятников Азербайджана. Т. III. Арабо-персо-тюркоязычные надписи Нахчыванской АР (XII – нач. XX вв.). Баку, 2001.
13. Неймат М. Тайны эпитафики: О памятниках материальной культуры. «Каспий» от 16 июля. Баку, 2011.
14. Неймат М. Корпус эпитафических памятников Азербайджана. Т. I. Баку. 1991.
15. Равдоникас Т.Д., Месхидзе Д.И. «Путешествия на Кавказ»: каталог иллюстраций по опубликованным материалам XVII–XIX вв. Т. LII. СПб., 2006.
16. Смирнов К.Н. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Баку, 1999.
17. Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976.
18. Тагиев И. Дворец Ширваншахов или Ханака С.Я. Бакуви? Баку, 2003.
19. Садики Г. Деревня Шихово (Биби-Эйбат). Изв. Азербайджанского археологического комитета. Вып. I. Баку, 1925. С. 30.
20. Исми-заде О., Джидди Г. О памятнике, обнаруженном недалеко от Девицкой башни. МКА. Т. VII. Баку, 1973.
21. Gölpınarlı A. Yunus Emre ve tasavvuf. Abdülbâki Gölpınarlı. Edition, 2. Publisher, İnkılâp Kitabevi, 1992.

Сведения об авторе:

Азим Айдын оглы Мехтиев – преподаватель Архитектурного факультета Азербайджанского архитектурно-строительного университета (Баку, Азербайджан). E-mail: azimmehdiyev7@gmail.com

Серия «*Духовный Шелковый путь*»

**ОАЗИСЫ ШЕЛКОВОГО ПУТИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИСТОКИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРАЗИИ**

Материалы VI Международного Золотоордынского Форума
«Рах Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды»,
круглого стола «*Via Tatarica*»: Золотая Орда на Великом Шелковом пути»
(Казань, 26–28 июня 2019 г.)

Научное издание

Оригинал-макет – Л.М. Зигангареева, Л.С. Гиниятуллина

Подписано в печать 22.10.2020 г. Формат 70×100 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 23,5 Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

К статье: Руденко К.А. Великий Шелковый
 путь и Булгарский улус Золотой Орды:
 пути культуры

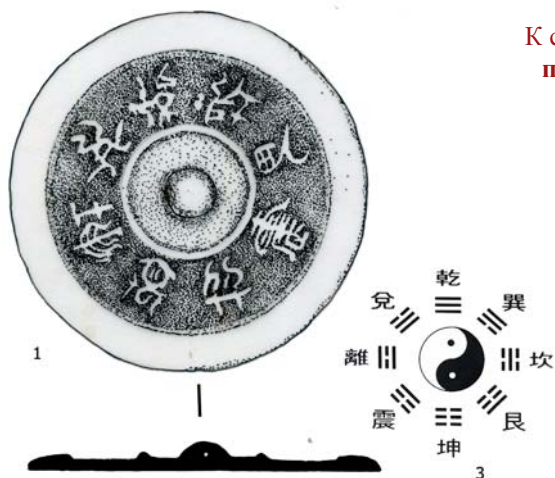

Рис. 1. Зеркало с иероглифами «ба гуа»,
 XIV в. 1 – НМ РТ, инв. № 6315, АА 6-16;
 2 – китайское зеркало;
 3 – триграммы и иероглифы «ба гуа»,
 по: [7, с. 42, рис. 1.2.15]

Рис. 2. Зеркало с триграммами
 «ба гуа» и надписями, XIV в.
 1 – ВОКМ, по: [11, кат. № 56];
 2 – китайское зеркало; 3 – Музей
 археологии Института междуна-
 родных отношений К(П)ФУ,
 инв. № АКУ 2/103-2;
 4 – НМ РТ, инв. № 5363-46/480;
 5 – НМ РТ, инв. № 5365-7
 (прорисовка К.А. Руденко)

Рис. 3. Зеркало с четырьмя «танцующими» журавлями. XIV в. 1 – НМ РТ, инв. № 5378-10; 2 – ВОКМ, по: [11, кат. № 53]; 3 – собрание бывшего Национального культурного центра (г. Казань); 4 – НМ РТ, инв. № 5363-46/473; 5 – НМ РТ, инв. № 5363-46/413; 6 – Государственный Эрмитаж, инв. № ЛМ-472, по: [24, с. 442, кат. 252]; 7 – фрагмент зеркала из собрания ОАИЭ, по: [27, с. 333, XXVIII: 10]

Рис. 4. Зеркало с изображением четырех иероглифов и восьми птиц. XIV в. 1 – китайское зеркало, по: [16, рис. 102]; 2 – НМ РТ, инв. №5363-46, АА 8-9

К статье: *Гамаль Абдель Рехем И.Х.* Музейные коллекции Каира,
отражающие связи мамлюкского Египта с Золотой Ордой

Рис. 1

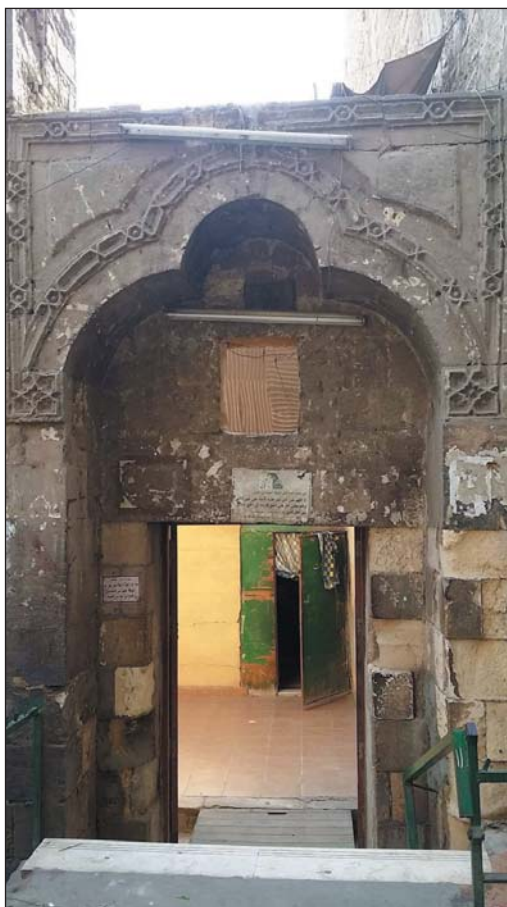

Рис. 2

Рис. 3

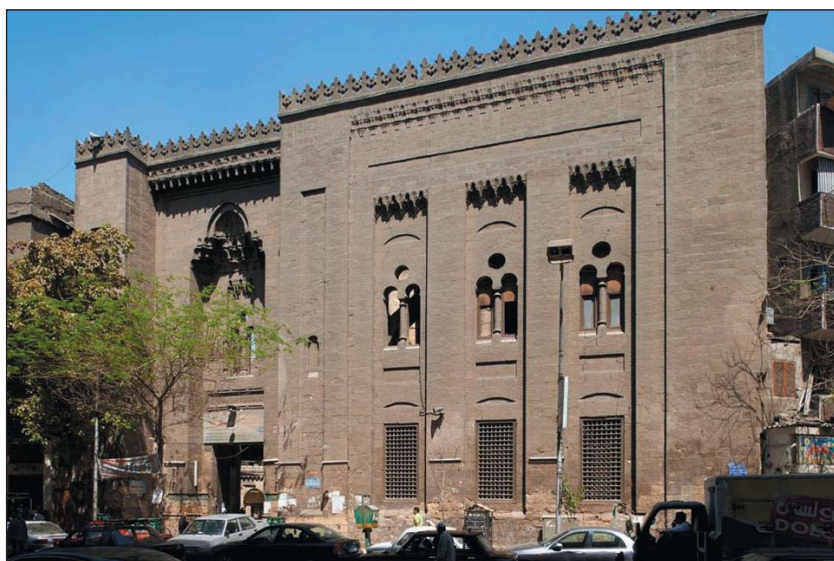

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

К статье: *Амирханова Л.Р. Архитектурные памятники мамлюкского периода в Каире (династия Бахри)*

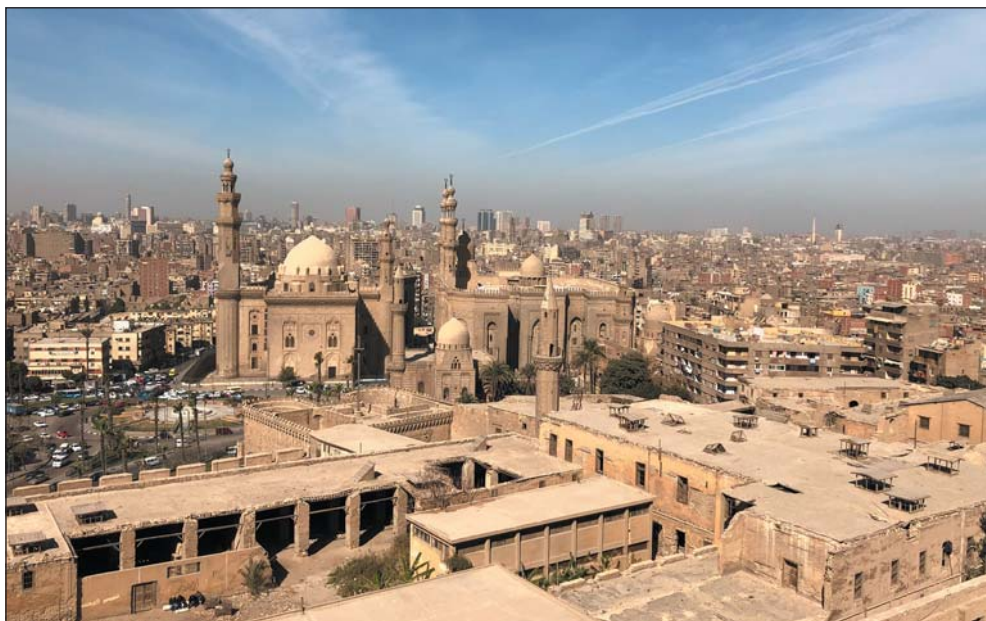
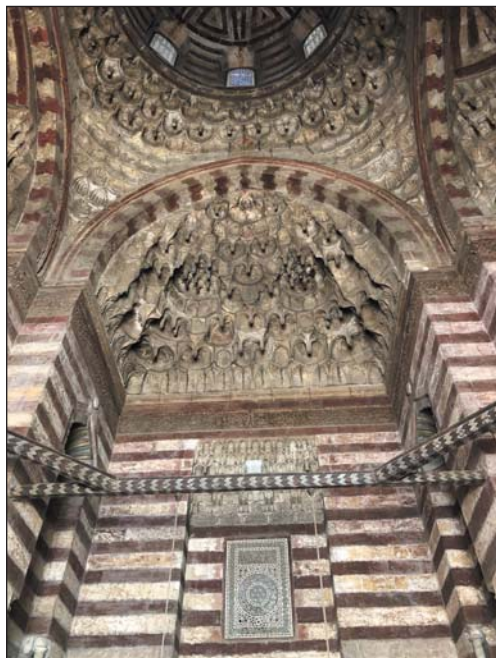

Рис. 1. Вид на мечети султана Хасана и ар-Рифаи со стен цитадели

Рис. 2. Общий вид мечети
Хасана со стороны цитадели

а

в

б

Рис. 3. Детали центрального
входа (а, б) и вестибюля (в)
мечети Хасана

а

б

в

Рис. 4. Внутренний двор (а),
главный айван со входом в
мавзолей (б) и детали напольной
мозаики (в) мечети Хасана

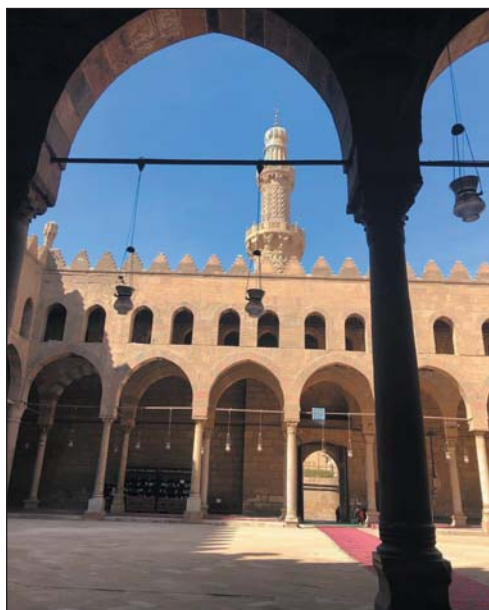
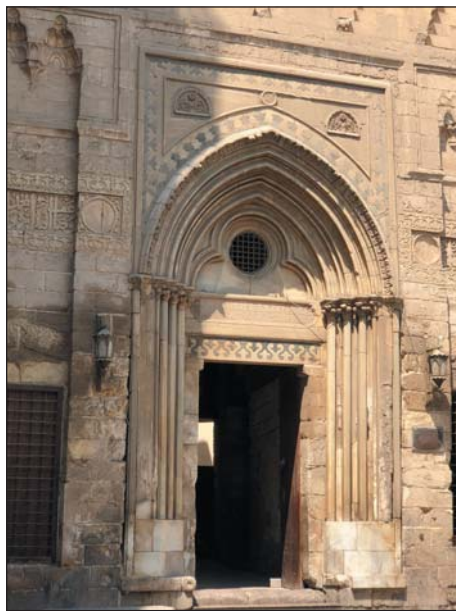

Рис. 5. Минареты и колонны мечети ан-Насира

а

б

Рис. 6. Минарет (а), портал (б)
и стукковый михраб (в)
медресе ан-Насира

в

Рис. 7. Общий вид на комплекс
султана Калауна (слева)
и медресе Бейбарса (справа)

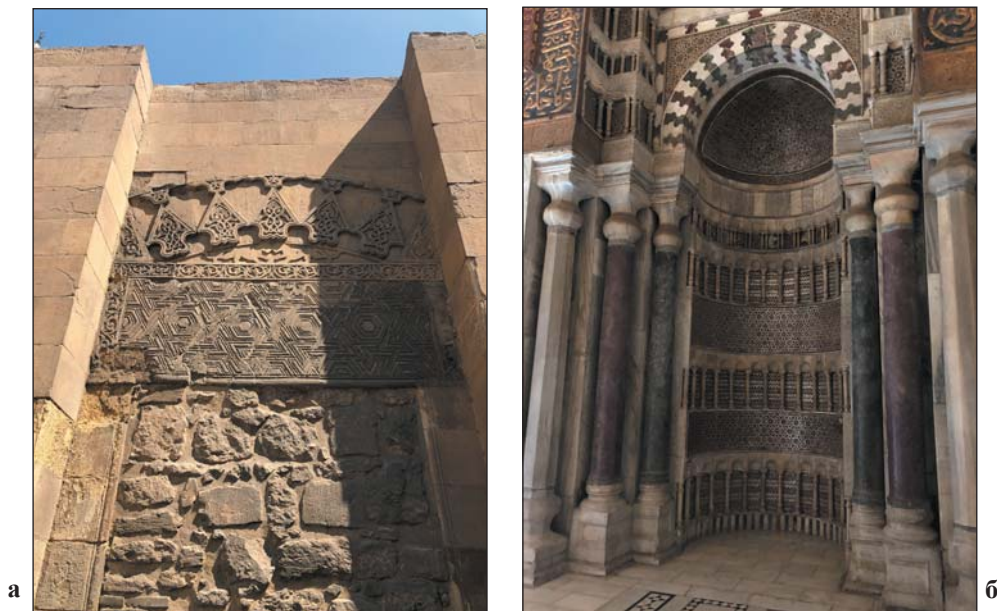

Рис. 8. Фрагмент стены (а) медресе Бейбарса и михраб (б) в мавзолее Калауна

К статье: Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Китайские селадоны из раскопок Солхатского городища и округи

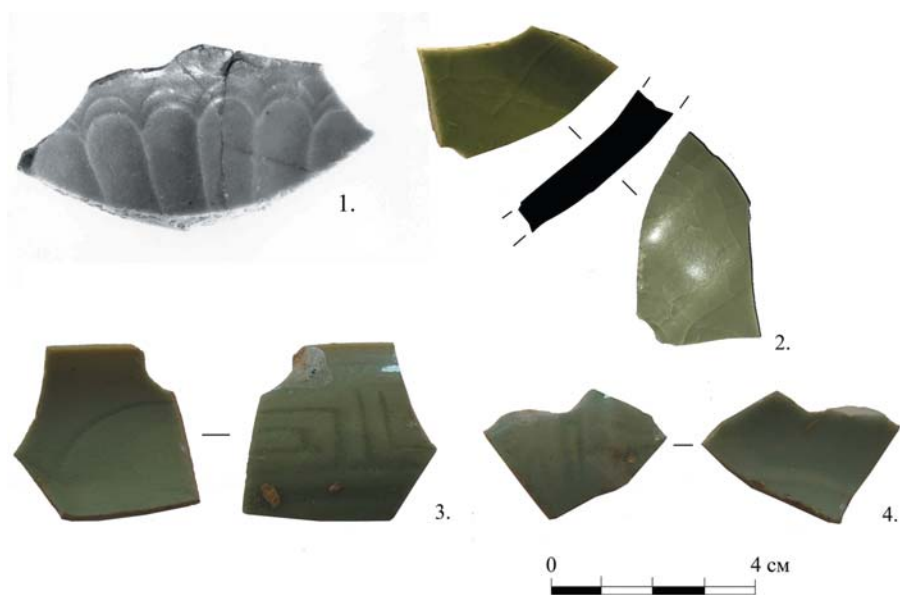

Рис. 1. Фрагменты селадоновой посуды из раскопок Солхатского городища.
 1 – Старокрымская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа (СКАЭГЭ), 1978 г. Случайная находка в районе мечети хана Узбека;
 2 – СКАЭГЭ, 1997 г. Школьный сад. Шурф 3;
 3-4 – СКАЭГЭ, 2016 г. Раскоп 44. Квадрат В1. Яма 10

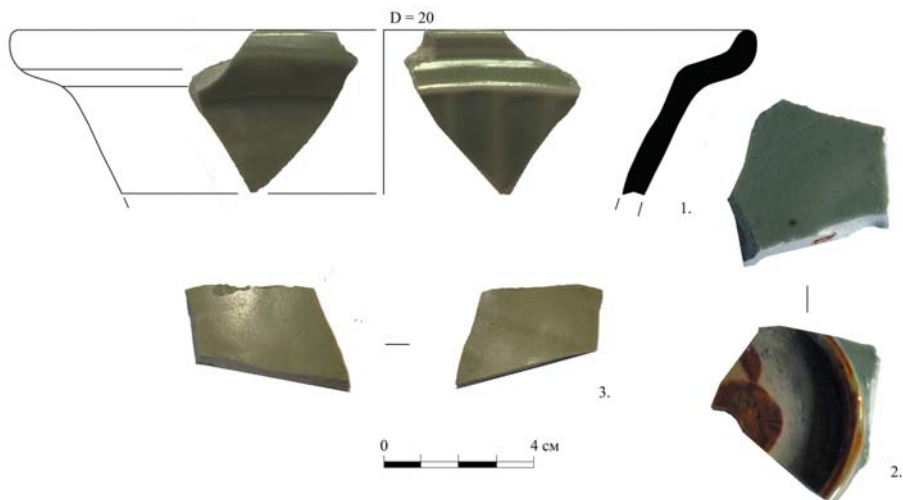

Рис. 2. Фрагменты селадоновой посуды из раскопок Солхатского городища.
 1 – СКАЭГЭ, 2003 г. Бокаташ-II. Раскоп XXI. Участок А2. Хозяйственная яма № 10;
 2 – СКАЭГЭ, 2016 г. Раскоп 44. Квадрат Б2, штык 2. К.О. 60;
 3 – СКАЭГЭ, 2018 г. Округа средневековой бани. Шурф 12, штык 3.
 Заполнение строения. К.О. 97

К статье: Ермолов Ф.В., Добромыслов Л.Б. О чеканке новосарайских серебряных монет в Хаджи-Тархане во времена Токтамыша (782–791 гг.х.)

Рис. 9

Пулы «Звери у кормушки» времен Токтамыша

Маджарский пул 797 г.х.

1,40 г

Маджарский данг 797 г.х.

Встреча духовных лидеров России и Узбекистана Муфтия шейха Равиля Гайнутдина и Муфтия хазрата Усманхона Алимова на полях III Международной конференции «Духовный Шелковый путь. Великие гуманистические традиции и вызовы современности». Бишкек, 2018 г.

Презентация Рушаном хазратом Аббасовым, заместителем председателя Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман Российской Федерации, научного издания «Оазисы Шелкового пути», посвященного этнографии, культуре и религиозным традициям народов Евразии, киргизской общественности, представителям экспертного сообщества, религиозных кругов. Бишкек, 2018 г.

Встреча Духовного лидера мусульман России Муфтия шейха Равиля Гайнутдина с Главой китайских мусульман шейхом Хасаном Ян Фаминам. Бишкек, 2018 г.

Заместитель председателя Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман РФ Рушан хазрат Аббясов в Болгарской Исламской академии презентует руководству Республики Татарстан богословские труды, изданные в рамках серии «Духовный Шелковый путь». Болгары, 2018 г.

Муфтий шейх Равиль Гайнутдин, председатель Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман РФ, на открытии IV Международной научно-богословской конференции «Духовный Шелковый путь. Ислам и молодежь: вызовы современности». Нур-Султан, 2019 г.

Рушан хазрат Аббасов принимает участие в открытии нового комплекса Духовного управления мусульман Казахстана в рамках IV Международной научно-богословской конференции «Духовный Шелковый путь. Ислам и молодежь: вызовы современности». Нур-Султан, 2019 г.

Встреча заместителя Председателя Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман РФ Рушана хазрата Аббясова с Чрезвычайным и Полномочным Послом Узбекистана в РФ Ботиржоном Асадовым. Москва, 2019 г.

Заместитель Председателя Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман Российской Федерации Рушан хазрат Аббясов на полях V ежегодного заседания Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир» награжден специальной премией Президента Республики Татарстан Р.Н Минниханова за существенный вклад в восстановление духовного наследия российских мусульман. Уфа, 2019 г.

Участники расширенного заседания редколлегии научного журнала
«Золотоордынское обозрение = Golden Horde Review», прошедшего в рамках
VI Международного Золотоордынского Форума. Казань, 28 июня 2019 г.

Участники VI Международного Золотоордынского Форума
«Рах Татарика: генезис и наследие государственности Золотой Орды».
Казань, 26–28 июня 2019 г.